Пролетарии всех стран сое[диняйтесь]

Ф. С. Григорьев и Я. Е. Шапирштейн-Ле[…]

К ИСТОРИИ

рабочего и революционного движения в дайбинском золотопромышленном районе.

Ленское „9 января“ — 4 апреля 1912 год[а]

Издание Бодайбинского Районного Комитет[а] Р. К. П. (б.)

БОДАЙБО.
1924.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Ф. С. Григорьев и Я. Е. Шапирштейн-Лерс.

К ИСТОРИИ

рабочего и революционного движения в Бодайбинском золотопромышленном районе.

Ленское „9 января“ — 4 апреля 1912 года.

Издание Бодайбинского Районного Комитета
Р. К. П. (б.)

БОДАЙБО.
1924.

Бодайбо, Типография Ленз●ото—1000 экз. Р.П.К. № 2.

К читателям.

Нижеподписавшиеся считают необходимым предупредить читателей о следующем:

Материалы для этой книги собраны и проредактированы, текст написан, книга набрана и напечатана в течении, примерно, 7 месяцев. Если принять во внимание, что авторы этой работы были при этом перегружены партийной и советской работой, так как только могут быть перегружены работники в условиях оторваннейшего рабочего района, расположенного в 1800 верстах от железной дороги, что им самим приходилось корректировать, наблюдать за версткой и печатью в примитивнейшей типографии, то станет ясным, что в этой книге неизбежны очень крупные промахи и небрежности, опечатки и другие недостатки.

Самая же спешка, при других условиях совершенно недопустимая, обуславливалась тем, что опубликование этой книги, представляло в условиях данного района, значение не только историческое, но и актуально-политическое.

К. Н. Тульчинский, Окружной Инженер в 1912 году, в 1924 являлся Нач. Горного Надзора здесь-же в Бодайбо. Нахождение его 4/17 апреля под пулями сняло с него в глазах рабочей массы всякие ранее возникшие подозрения и окружило этого „Ленского Гапона" особым ореолом „справедливости", как сторонника „рабочего дела".

Этот ореол был разрушен без остатка опубликованием добытых данных, опубликованием приуроченным к 4/17 апреля 1924 года, давшим вместе с тем впервые возможность классово уточнить смысл событий, современников которых еще много в районе.

Политическое значение этого, в условиях отсталого золотопромышленного района—очевидно.

Ф. С. Григорьев.

Я. Е. Шапирштейн-Лерс.

Бодайбо, март 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

История революционного движения в России—область социологической науки, заваленная богатейшим и разнообразнейшим материалом и вместе с тем еще почти не изученная.

И это так естественно.

Немногим более 6 ти лет прошло с того времени, когда история революционного движения представляла собой такой-же злободневный и острый материал для различных общественных группировок, как то или иное событие текущей, актуальной общественной жизни.

История революционного движения, после 1905 года сразу начавшая выбрасывать пачками на читательский рынок ценнейший материал, развивалась по двум линиям, ставя себе две диаметрально противоположные друг другу цели:

1) Благоговейно возвеличить.

2) Скомпрометировать.

Отсюда два различных выражения одной и той-же трескуче-идеалистической идеологии:

Ложа русской истории, в лице Брешко-Брешковской, Плеханова и Крапоткина, на Московском Государственном Совещании, с'организованная политическим антрепренером, мнящим себя режиссером, Керенским.

Провокатоpомания Бурцева, несомненно особый вид идиотизма.

Ясно, что тут анализу, допускающему дерзновенно-святотатственную мысль, что 2/3 вышеуказанной ложи могут в определенный политический момент послужить экспонатом на выставке русской контр-революции, такому анализу тут места нет.

С другой стороны, русский революционный марксизм, непосредственно, творя до 17-го года—историю рабочего движения, а после—историю Великой Революции, созда-

вал по большей части, за недостатком времени, лишь схему, неизбежно нужную для пропагандистской работы.

В сущности только за последние два года, началась широкая аналитическая работа над собранным материалом, которая на восхищающую нас строгостью и четкостью линий социологическую марксистскую схему наложит яркие краски исторической действительности, дав историю подлинного массового рабочего движения, а не историю идеологических верхушек.

Но если реконструкция исторической действительности наиболее значительных событий революционного движения начала XX века, значительно облегчается обилием наличных участников и свидетелей, при том участников и свидетелей разных лагерей и разных идеологий, печатного и рукописного, мемуарного и эпистолярного материала, то существуют, наоборот, события подлежащие изучению и поставленные в особо неблагоприятные условия.

К последним принадлежат, несомненно, и ленские события 1912 года, и тому много причин.

Прежде всего самая внешняя обстановска действовала гипнотизирующе.

Кровь, пролитая на улицах Москвы, на площадях Петербурга действовала революционно-отрезвляюще, расстрел в золотой сибирской тайге, навеял на дальнейшее его изучение—дымку революционного романтизма.

Если присутствие во главе толпы шедшей 9 января к Зимнему Дворцу священника Гапона, способствовало детальному, спокойному изучению всего движения, если ясно, что в тысячу раз исторически-интереснее это своеобразное девято-январьское „гапоновское“ настроение рабочих и его причины, чем личность, решения и действия придворно-военной камарильи, командовавшей 9 января или политики путиловских акционеров, косвенно способствовавших возникновению движения, то до настоящего времени, главными героями изучавшимися при рассмотрении ленских событий были: Ленское Золотопромышленное Т-во и три третьесортных царских чиновника: жандарм, прокурор и судья плюс телеграфное воздействие разных более высокопоставленных лиц.

В результате, благодаря еще, уже не по местному, а всероссийскому рикошетному отзвуку ленских событий,

получалось общее освещение, уместное разве лишь в том случае, если-б дело шло о расстреле негров-людоедов в Центральной Африке каким-нибудь колониальным отрядом.

Спросите любого средне-образованного человека, кто командовал расстрелом 9 января?

И вы наверное или не получите вовсе ответа или он будет весьма неопределенно колебаться между царем, Треповым, в. к. Владимиром и Васильчиковым.

Спросите тоже о событиях 4 апреля, и Вы обязательно услышите фамилию ротмистра Трещенкова, это говорят люди не знающие даже о существовании местности Бодайбо, и которые будут весьма удивлены узнав, что „Ленский" расстрел произошел вовсе не вблизи реки Лены, а реки Витима.

Это есть одно из следствий психологического гипноза, внушенного традиционно-неправильным изучением события.

Конечно, никакому историку, изучавшему 9 января, не пришло бы в голову сравнение его с Невой или чем нибудь подобным, меж тем В. Плетнев, историк, правда, сказать телеграмно театральный, т. е. предпославший своей пьесе „Лена" патетически связанную цепь телеграмм оффициальных лиц того времени, допускает „красивистое" сравнение настроения приисковых рабочих с „гордым красавцем Витимом".

Наконец, трогательное и нигде невиданное единодушие.

„Вождь" ленской забастовки, архи-соглашатель и архи-экономист Думпе, расследовавший адвокат Тюшевский, апологет Лензото Невский[1]), Ленский Гапон—Тульчинский, пролеткультовец Плетнев, царский сенатор Манухин, наконец историк марксист В. Невский, имеющий за собой громадную заслугу новой постановки вопроса о сходстве 4 апреля и 9 января, все они дружно, называют стачку „чисто-экономической", не задумываясь далее над этим словом, нужным лишь для определения какого то особого смирения рабочих, изрешетенных царскими пулями.

---

[1]) Как здесь так и в дальнейшем, не следует смешивать автора книги «Ленские события и их причины» А. Невского с В. Невским.

Ни у кого из них не возникает такого, казалось бы, вполне естественного вопроса: „Ну, а если бы 9 января питерские рабочие вышли без требований Учредительного Собрания, сохранив лишь требования экономические, можно бы было тогда 9 января назвать забастовкой „чисто-экономической“ и вообще, как следует расценивать в условиях царского строя и в частности приискового колониального капитализма понятие „чисто-экономическая забастовка“.?

В то время, как при изучении других событий производится тщательное изучение источников, опять таки В. Невский называет книгу, изданную П. Н. Баташевым, „подробным и всесторонним освещением“ событий, не задаваясь, казалось-бы, естественным вопросом, „ну, а кто ее написал?“

Никто далее не счел нужным интересоваться тем, как именно неизвестный автор т. н. „Правды о ленских событиях“ обработал в тексте им же опубликованный в приложениях материал.

Наконец, никто не произвел, сколько нибудь детального рассмотрения забастовок, имевших место до 4-го апреля 1912 года, причем не был привлечен даже такой всем известный, вполне доступный и давно напечатанный труд, как книга Семевского о рабочих на сибирских золотых промыслах, зато все предшествующие забастовки огульно именовались „пьяными бунтами“, а в лучшем случае „чисто-экономическими“ стачками.

Авторы настоящей работы отнюдь не ставят себе целью дать исчерпывающую историю ленской забастовки, требующую наличие всех материалов.

Между тем в их распоряжении не было ни манухинского отчета, ни „Правды“ за 12-й год, ни еще ни кем не опубликованных дел иркутского жандармского управления за тот же год.

Авторы настоящей работы будут считать свою задачу выполненной, если они опубликованием документов, еще не видавших печати, а также анализом и сверкой материалов, уже опубликованных и их истолкования, дадут контуры нового подхода к ленским событиям, интуитивно намеченного В. Невским, если станет ясным, что 4 апреля 1912 года, это—ленское „9 января“. Вместе с тем эта приисковая забастовка изумительный

пример того, до чего может довести „экономизм“— „хвостизм“, по выражению Ленина. На истории этой забастовки мы наглядно обучаемся тому (пользуясь терминами Ленина), как третьесортные меньшевики-экономисты, не только что не вносили социал-демократическую политику в тред-юнионистское движение, а даже стремились сорвать стихийно-катящуюся волну и в этих целях, именно благодаря своей политической безграмотности и третьесортности, доходили до прямого союза с Тульчинским, в условиях уменьшенного политического масштаба заменявшего одновременно и Зубатова и Гапона.

Можно не преувеличивая сказать, что трудно найти лучшую историческую иллюстрацию для борьбы Ленина с экономизмом, именно потому, что благодаря малому и сравнительно несложному масштабу, факты выступают с исключительной упрощенностью, ясностью и даже схематичностью, опаздывая по сравнению с обще-российской политической обстановкой на целое десятилетие.

В нашем распоряжении, при составлении настоящей книги, имелись следующие неизданные материалы.

Для периода до 1912 года—дела горно-полицейского исправника, извлеченные из архива, который находясь в одном из милицейских амбаров, подвергался ранее многочисленным выемкам, а частично пошел на разного рода оберточные, канцелярские и т. п. надобности, а также летопись приисковой Благовещенской церкви, в части касающейся 1912 года уже опубликованная в „Правде о ленских событиях“, изд. Баташева. Для 1912 г. основным материалом служило дело Окружного Инженера за 1912 г., находившееся в идеальном порядке, пронумерованное К. Н. Тульчинским и переданное им в школьный Бодайбинский музей. Кроме того, чрезвычайно ценным материалом оказались воспоминания присланные на наш телеграфный запрос Э. Думпе из Киренска. Меньшее значение имеет краткая запись беседы с тов. Бавыкиным, выборным во время забастовки.

В то время, как весь материал, рисующий события до 1912 года цитирован в тексте, мы все неизданные документы, относящиеся к 1912 году сконцентрировали

в приложениях, добавив сюда для цельности обзора и 3 „прошения“ или „заявления“ рабочих, содержащие те или иные требования, ранее напечатанные в „Правде о ленских событиях“, а также малоизвестные телеграммы и. о. главноуправляющего промыслами инженера Теппана опубликованные в бодайбинской однодневке „Ленские дни“ 4 апреля 1922 г. Воспоминания Думпе напечатаны нами в приложениях лишь в самой существенной их части, непосредственно относящейся к забастовке, заключительная же их часть описывающая пребывание в тюрьме после ареста 3 апреля кратко цитируется нами в тексте, т. к. не представляет в целом сколько-нибудь значительного интереса.

Оригиналы всех неизданных материалов будут с началом навигации отправлены в центральный Истпарт, в Москву.

В заключение следует сказать, что последние главы книги посвященные главным образом событиям 1917—19 годов, основанные в большей своей части на газетном материале, представляют, конечно, гораздо более узкоместный интерес, чем главы относящиеся к 1912 и предшествующим годам.

Рабочее движение в приисковом районе в конце XIX и в начале XX века.

Рабочее движение в Ленском и Витимском Горных Округах в 70—90 годах.

Принято думать, или, по крайней мере, многие думают, что „9-е января" далекой Ленской Тайги, является как бы стоящим вне рабочего движения в Ленском и Витимском горных округах, (а ныне в Бодайбииском золотопромышленном районе),—движения то затихавшего, то бурно выливающегося в схватках с капиталистическо-царским гнетом.

Не приходится, конечно, говорить, что это не марксистский подход к делу, но, надо сказать, что это и фактически не верно.

Для того, чтобы правильно понять это движение, нужно сказать несколько слов, хотя бы кратко обрисовывающих те экономические, правовые и бытовые условия, в которых приходилось существовать рабочим, занятым на золотых промыслах.

Конечно, эти условия мало изменились, к описываемому нами времени (70—90 года XIX столетия), от тех условий, в которых работали ссыльно-каторжные, труд которых, главным образом, был применяем при разработках золотоносных россыпей ранее[1]).

Бодайбинский золотопромышленный район находится в расстоянии 1709 верст от города Иркутска, представляя из себя пространство в 250,000 кв. килом. и образуя почти правильный четырехугольник, сильно пересеченной местности, обгороженный с трех сторон водными массивами рек Лены, Витима и Чары.

---

[1]) Семевский, Рабочие на Сибирских золотых промыслах изд. Сибирякова, Петербург 1898 том II. стр. 291. Далее указываем сокращенно: Семевский, страница такая-то.

Путь от Иркутска до Бодайбо, по реке Лене, (от села Качуг) а зимой на лошадях.

Во время закрытия навигации или весной прерывается всякое сношение с остальным миром (теперь есть телеграф) на 2-3 месяца и эта оторванность ставила рабочих в крайне невыгодное положение в борьбе с предпринимателями, при чем последние чувствовали себя также, как чувствуют колонизаторы-европейцы в своих внеевропейских колониях.

Кабальные условия найма только усиливали эту зависимость, отдавая рабочего в полное распоряжение предпринимателя. Закабаление выражалось в том, что срок контракта кончался почти к самому закрытию навигации и рабочему направлявшемуся домой с заработков, если он не пропивался в Витиме[1]) и счастливо избегал меткой пули охотника „за горбачами,“[2])—зачастую приходилось возвращаться обратно в каторжное ярмо владельца приисков.

Рабочий день на приисках начинался с 5-ти часов утра и продолжался до 8-ми часов вечера, что, за вычетом на чай и обед, составляло $12^1/_2$ часов.

Каковы были гигиенические условия видно из следующей справки которую Семевский берет из „Сборника соч. по суд. медицине“ 1881 г. т. III, стр. 107, 109 и 110.[3])

„При рабочей команде от 2-$3^1/_2$ тыс. в. 1876—77 и 79 г. г. было: в 1876 г. из 1623 заболевших—случаев ушиба—207, ревматизма—122, цынги—354; 1877 г. из 2,953 заболевших—ушиба—431, ревматизма—168, цынги—398; в 1879 г. из 2,537 заболевших—ушиба—384, ревматизма—152, цынги—265“.

Без комментарий ясно.

В каком положении обстоял вопрос о сверхурочных работах видно из следующего:

„По договорам Ленского Товарищества 1890, 91 и 94 г. г. за экстренную работу назначалось вознаграждение, по усмотрению управления“, а за уклонение от та-

---

[1]) Село на реке Лене при впадении в нее р. Витима в 300 вер. от Бодайбо, вниз по Витиму.

[2]) Так назывались приискатели возвращавшиеся с заработков, на жаргоне ленских крестьян, для которых это „охота“ представляла прибыльную статью.

[3]) Семевский, стр. 419.

ких работ определен был штраф, в контрактах 1890—91 г. г.—в 2 рубля, а в 1894 году—10 рублей." Это при среднем дневном заработке горняка в 1 рубль.[1])

В отношении мер воздействия приисковыми управлениями применялась классическая розга, т. н. Семевский в своей книге приводит следующие факты:

„В договорах Базилевского 70 и 80 годов упоминается о телесных наказаниях. Олекминский горный исправник доносил губернатору: „*Не мало было в течении операции ропота и на то, что уничтожилась мера взыскания с мещан и с крестьян, которою руководствовались мои предшественники*"[2]). Олекминские золотопромышленники в 1873 году просили в Иркутском комитете: „*в случае если рабочий сделает более важный проступок, дозволить уряднику, не дожидаясь приезда горного исправника, наказывать виновных розгами.*"[3])

В 1882 году следствие, по поводу волнений на прииске Благовещенском, установило, что управление назначало рабочим следующие наказания: арест, розги и штраф. Бывало и так (там-же), что непринятого в больницу рабочего отсылают в „казачью"[4]), там продержат несколько дней, а иногда высекут, а управление за дни проведенные под арестом наложит штраф. „Из штрафного журнала, выданного уряднику этого прииска, видно, что рабочие подвергались наказанию розгами даже до ста ударов".[5])

В целях еще более планомерного угнетения, на приисках практиковался хозяйско полицейский локаут, т. н. в цитируемой нами книге Семевского читаем:

„Расчитанных золотопромышленниками рабочих не только высылали из тайги, но, обыкновенно, еще лишали возможности наняться впредь на промыслы этого округа".

Исправники на основании „*не проверенных*" (курсив наш) сведений приисковых управлений, составляли списки рабочих „не подлежащих наемке". В списках они аттестуются так: „никуда не годен", „дрянной работник", „картежник и буян", „дерзкий лодырь", „подстрекатель и несколько месяцев хворал цынгой". В 1877 г. таких „из-

---

1) Там же, стр. 331 и 346.
2) Там же стр. 441—442.
3) Там же стр 443.
4) Так называлось арестантское помещение при казачьей команде.
5) Семевский, стр. 443.

гнанников“ было 503 человека. Книга в которую заносились имена всех этих несчастных, носит в Витимской системе название „грязной книгой“.[1])

Если ко всему нами сказанному, мы прибавим маленькую справку, которую меланхолически дает Семевский о безнаказанности местных владык, то экономически-правовое и бытовое положение приискового рабочего будет совершенно ясно.

„В 1890 году Олекминские прииска посетил нынешний Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин. При этом была произведена внимательная ревизия, обнаружившая массу безпорядков в делопроизводстве Витимского горного исправника и игнорирование им интересов рабочих, но „к сожалению, этот исправник еще долго оставался на месте“.[2])

Конечно, такого рода отношение „власти предержащей“ являлось следствием того, что „власть предержащая“ всецело находилась в подчинении, в зависимости, от владельцев золотых промыслов; указание на это обстоятельство находим также в цитируемой нами книге Семевского. По поводу материального положения Олекминского горного исправника Семевский пишет: „О положении лица, занимающего эту должность, достаточно сказать, что он имел в своем ведении 7,000 человек... при раз‘ездах до 2,000 верст в окружности, преимущественно верхового пути и до 12,000 номеров общего движения бумаг, существование горного исправника при весьма не завидных климатических условиях, обезпечивается от правительства 150 рублей в год квартирных денег, без возможности нанять квартиру на приисках. 280 рублей жалования и столовых, при стоимости муки ржаной до 4 руб. и пшеничной до 5 рублей за пуд, 7 рублей мясо пуд., до 25-ти рублей пуд сахару и т. д., с жалованьем мужской прислуге не менее 120 рублей в год, не считая содержаиия, и 585 рублей на раз‘езды и канцелярские расходы, при стоимости по 5 рублей в день за содержание одной лошади с конюхом. Самое механическое исполнение по переписке требует уже не менее двух сотрудников с жалованьем по местным условиям до 1,000

1) Там-же стр. 452, 453.
2) Там же, стр. 459.

рублей каждому на полном содержании исправника. Понятно, что, при такой обстановке, власть горного исправника из законной становится фиктивною, и *этот единственный здесь представитель закона есть только старший служащий у золотопромышленника.*[1]) Но при содействии золотопромышленников это жалкое и затруднительное положение превращалось в блестящее и завидное.[2])

В заключение этих кратких исторических справок, нам хочется указать еще на одну особенность изучаемого нами рабочего движения здешнего района, это именно то, что стачки и волнения *нигде, почти не носят чисто экономического характера*, и, по своей квалификации, подходят скорее под *политические*, поскольку они направлены против правового гнета, правда иногда с определенной надеждой найти справедливость у „верховной власти“ и даже в чаянии „манифеста“, о чем ниже.

Переходя к рассмотрению материалов собранных В. И. Семевским по этому вопросу и к оценке его взгляда нужно отметить те обстоятельства, которые ему могли помешать правильно подойти к разрешению стоявшей перед ним задачи, а именно:

1. Время, когда писался и издавался труд Семевского, и

2. Что пользоваться ему приходилось оффициальными источниками, находясь в тысячеверстном расстоянии от места действия.

Относительно последнего обстоятельства Семевский и сам признает, что „оффициальные документы далеко не всегда открывают нам истинные причины волнений“[3]).

Вообще же, Семевский мало дает себе труда критически отнестись к материалам, которыми он пользуется, так например, он приводит большую выдержку из статьи, помещенной в „Сибирском Сборнике“ за 1889 год, вып. 2, стр. 52—55—59—60: „*Основная группа рабочих*[4]) составляется из поселенцев, крестьян и разного мастерового люда различных званий, национальностей и ве-

---

[1]) Курсив Семевского.
[2]) Семевский, стр. 460, 461.
[3]) Там-же стр. 467.
[4]) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.

роисповеданий. Ее можно разделить на *отчаянных* или приисковых *Иванов* и забитых изработавшихся, истаскавшихся людей, которые слывут под именем *богадельщиков, христорадников*...“[1])

„Иваны составляют душу всех приисковых протестов, или, так называемых, бунтов. Задорная запальчивость, значительная доля страстности в поступках и словах присущи Иванам.“

„За ними остается неоспоримая заслуга ходатаев за улучшение быта приисковых рабочих. Все, что сделано по настоящее время и хозяевами и администрацией в этом направлении, хотя-бы, например, по сравнению с 50-ми годами, несомненно вызвано протестами и частыми недовольствами Иванов, для которых вольная или казенная каторга большой разницы не представляет“...

„*Третью небольшую группу* приисковых рабочих составляют, т. н. *смирные*... Эти люди, обыкновенно пришлые из волостей, приносят с собой из деревни трудолюбие и честное отношение к делу и обязанностям и служат опорою всех расчетов наших приисковых управлений... Но увы. Кротость новичков, их неиспорченность продолжается очень недолго. Через год, много два, они поразительно изменяются и становятся неотличимыми от заправских Иванов.“[2])

Семевский приводя эту справку *не хочет* или *не может* комментировать ее, также не делает и выводов, а между тем, для оценки характера рабочего движения, это сделать необходимо.

В своем „исследовании“, *Семевский*, говоря о стачках и волнениях на сибирских золотых промыслах с 1870 по 1895 год, ограничивается стедующим: „Приисковые рабочие преимущественно пассивно, посредством побегов с промыслов, выражали свой протест против гнета и эксплоатации... Активные-же протесты были в прежнее время явлением весьма не частым.“[3])

Вслед за этим на 272 страницах идет тщательно подобранный материал, итог которому Семевский делает говоря, что в 70-х годах было 10 волнений, в 80-х—23

---

1) Здесь и дальше курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.
2) Семевский стр. 408, 409, 410.
3) Там-же стр. 447.

и в первое пятилетие 90-х—12",[1]) отмечая лишь, что, „волнения становятся явлением более частым".

В заключение этих цифр Семевский заявляет: „Волнения эти и их усиление в последнее время доказывают, что необходимы серьезные законодательные меры для улучшения быта рабочих на золотых промыслах".

Теперь, прежде чем подойти к основной нашей задаче,—исследованию рабочего движения на золотых промыслах, нужно сделать несколько возражений неизвестному автору, цитируемой Семевским статьи из „Сибирского сборника".[2])

Рассуждение тут примерно такое: раз все бунты на промыслах по большей части—пьяные буйства, то ясно, что их руководителями и зачинщиками должна быть самая пьяная часть приисковых рабочих, т. е. все те-же „Иваны", какие-то романтические герои выпивки и борьбы за обездоленных товарищей.

Между тем, дело вырисовывается несколько более прозаично.

„Иваны", действительно, самые бывалые,самые отчаянные люди приисков, действительно прошедшие огонь и воду и медные трубы.

Пришли они на прииска, имея за собой тюремный и ссыльно-каторжный стаж, пришли они уже побывав там господами положения, старостами, словом, хозяевами тюрьмы. Пользуясь физической силой, умением наладить дружеские отношения с низшей администрацией, научились с презрением смотреть на прочих, не столь привилегированных.

Тюрьма заменила „Ивану" родину, заставила его позабыть о далекой деревне и новые навыки свои „Иван" перенес в тайгу.

Он уменьем, какой-то особой „отчаянностью" работы, заслуживает доверие приискового начальства и мы видим его и ему подобных, в виде привилегированной группы рабочих, за выгодными полу-сдельными, полу-подрядными, работами, требующими максимальной физической выносливости, а потом и за „восстановлением сил" в разливанном море водки.

---

[1]) Там-же стр. 719.

[2]) Эти цифры касаются всей Сибири, на Олекминский Горный Округ из общего числа 45 приходится 10 выступлений.

В такие минуты иметь с ним дело не безопасно...

С залихватски на бекрень надетой шапкой, с бряцающей фунтовой золотой цепью, он тогда милостиво грозный властелин тайги, могущий и изувечить непокорного и угостить неограниченным количеством водки всех верных вассалов.

Но, конечно, такой „Иван" далеко не любимец рабочей массы *и далеко не сторонник забастовок.*

Не даром, когда в 1922 году, один, выступавший на митинге на Артемовском прииске товарищ обозвал аудиторию «Иванами»—то он встретил возмущенный и горячий отпор.

Забастовки же совсем не улыбаются „Иванам", они лишают его столь нужного ему для удовлетворения „жажды" заработка, а с другой—вводят, как мы то увидим, стихийное дисциплинированное спокойствие рабочей массы на приисках, что тоже противоречит „Ивановским" инстинктам.

Что же касается группы „бездельников, христорадников", то суровая таежная действительность, плюс эксплоататорскую квалификационную политику администрации, имеющей в своем распоряжении могучее орудие административно полицейской высылки, быстро уничтожает слабых сих.

Наконец, если по внимательнее присмотреться на рекомендуемое разделение приисковой рабочей массы на «отчаянных» и «забитых», то мы, конечно, узнаем здесь одно из безчисленных применений интернационально-полицейской теории, о подстрекателях и невинно заблудших, теории созданной для собственного успокоения и уверения в том, что искоренение нескольких „плевел", облагородит всю „девственную" почву.

И уже если можно делить всех приисковых рабочих—это на *старых* и *новых*. Старики живут не менее 3—5 лет, а новые,—это прибывшие с последней навигацией. И еще, не известно (если начать доказывать), кто из них,—„старики" или „молодые" — являются наиболее активным элементом в смысле различного рода выступлений. Мы думаем, что вновь приехавший, *не привыкший* к каторжному режиму приисковой жизни, представляет из себя элемент быстрее реагирующий на то или иное явление.

Относительно упоминаемой неизвестным автором „третьей *небольшой* группы“, мы хотим сказать следующее: а) *Каждый год* на прииска приходит до 2—2,½ *тысяч в среднем* (и столько же уходит[1]) и б) если она, эта „*небольшая*“ группа *превращается в „Иванов*“, по выражению вышецитированного автора, а в сущности в непокоряющихся безгласно гнету администрации, *через год*,—то значит все протесты на приисках и *начинаются и проходят массовым* движением, что подтверждают нам документы и о чем в других местах говорит и сам Семевский, приводя характерную, по своей недоговоренности справку из „Сиб. Вест.“ 1892 года № 51,—„новые веяния“ проникли в тайгу, акклиматизировались в ней не по почину откуда-либо извне, *а как то сами собой... И проникли*[2]) непосредственно в среду рабочих, вызвав с их стороны энергический протест по поводу телесных наказаний[3]).

Мы же сейчас более подробно остановимся на тех моментах рабочего движения в Бодайбинском золотопромышленном районе в XIX веке, относительно которых у нас имеется еще ни кем неизследованный материал.

1876-й год.

Единственным материалом о происходивших волнениях в Ленско-Витимском округе, касающихся периода семидесятых годов, не считая книги Семевского[4]), являются только „летописи Благовещенской церкви“ которые мы и будем цитировать, сравнивая с изложением Семевского.

Так Семевский неупоминает об апрельском 76-го года волнения рабочих в вышеуказанных-же „Летописях“ читаем: „1876 год был неблагоприятный для приисковой администрации. 23 го апреля рабочие Успенского прииска К° Промышленности, более 300 человек, вечером заявились к управляющему, где сидел исправник и очень шумно протестовали против ареста одного из рабочих, требуя его освобождения, иначе грозили разломать всю „казачью“, и освободить всех

---

1) Эта средняя цифра для 90 г. XIX века.
2) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.
3) Семевский, стр, 446.
4) Там-же.

арестованных. Сколько исправник не старался говорить с рабочими резонно, но они как раз'яренные звери, кричали, некоторые даже дозволяли себе бранные слова, так что исправнику не давали ничего сказать. Уполномоченный, управляющий и становой[1]) едва могли остановить разсвирепевшую толпу. Демонстрация этим и кончилась"[2]).

Люди, которые делали эту запись в летописях, конечно, не учитывали положения рабочего и склонны были об'яснять чем угодно „демонстрации", но не тем безправием и гнетом, который царил на приисках.

Семевский упоминает о выступлении рабочих 31-го июля 1876 года[3]). Компания Базанова и Сибирякова в помощь казачьей команде держала организованную им группу черкесов, назначение которой было „ловля спиртоносов и хищников золота". В одну из поимок спиртоносов задержали рабочего Якова Непомнящего. Команда рабочих, „солидарная со спиртоносами" (так писал горный исправник —генерал-губернатору), собравшись около 9 ч. у казачьей, стала требовать освобождения арестованного рабочего, разбила в здании казачьей несколько стекол, а когда урядник Кузнецов „опасаясь дурных последствий" освободил арестованного, то команда рабочих все-таки избила до полусмерти одного черкеса и направилась к квартире пайщика этой компании—Немчинова. Встретив горного исправника Попова, рабочие потребовали немедленной высылки черкесов и стали жаловаться на станового Сюзева. Не смотря на обещание исправника удовлетворить их просьбу, человек сто пошло к Немчинову, а остальные в числе 700 стали уже было расходиться, но увидели возвращавшегося из раз'езда черкеса и сильно избили его, а черкес защищаясь ранил двух рабочих кинжалом.

На другой день рабочие отправились спокойно на работы, потребовав только, чтобы черкесов не было более на прииске и становой Сюзев заменен был другим, „*что и было немедленно исполнено*"[4]).

---

1) Служащий, заведывающий верховыми (надземными) работами.

2) Летописи приисковой Благовещенской церкви, лист 4-ый. Летопись после пожара приисковой церкви хранится у священника Бодайбинской городской церкви—Винокурова. Этой рукописью пользовались и авторы «Правды о ленских событиях».

3) Семевский, стр. 690—692.

4) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

Мы выше упоминали, что золотопромышленники чувствовали себя рабовладельцами в колониях. Некоторые очевидно копировали этих хозяев человеческих жизней, держа специальные команды черкесов о свирепости которых в „тайге“ рассказывают сказки.

Очевидно, об этом же выступлении разсказывают и „таежные летописцы“ но в „летописях“ цитируемых нами, этот случай датирован *30 августа* и в них есть то, чего нет у *Семевского*, это подлинные факты таежного быта, да еще и взятые в момент особого напряжения и невысушенные официальным шаблоном.

„Очень скандальна и тяжела была в этом году демонстрация рабочих на Благовещенском прииске. Здесь вся почти команда рабочих 30 августа собралась у казачьей, требуя выпуска только что арестованного рабочего. Вскоре после этого попался команде черкес, которого избили и пришли на главный стан, где церковь и вся администрация приисковая и горный исправник. Заявясь к исправнику команда требовала удаления с прииска черкесов.“

„Это было в 10 часов вечера, темнота была такая, что в 10-ти шагах ничего нельзя было различить. В это время Немчинов, услыхав народную демонстрацию, он, чтобы не быть жертвой народной ярости, вздумал искать спасения в бегстве, поэтому он пошел в ограду церковную, где скрылся в склепе, сложенном из камней над могилой жены управляющего И. Е. Горста. Постояв там несколько времени, прислушиваясь, что шум народный утих и пошел домой. Только что заходит в дом, лакей докладывает ему, что его требует команда рабочих, это так поразило его, что затряслись руки—ноги. Кое как овладев собой, он *безсознательно положив в карманы два револьвера*, помолившись богу, вышел как бы готовясь к смерти. Когда Немчинов вышел на крыльцо, несколько человек окружило его и стали с ним разговаривать довольно смирно и резонно, что его ободрило и он спустился с крыльца к толпе, уже спокойно рассуждая со всей толпой и отпустил их совершенно успокоив обещанием удовлетворить просьбу народную,—убрать с прииска черкесов. Рабочие, уже совершенно успокоенные обещанием исправника и хозяина, отправились было домой в сопровождении первого.“

„Черкесы, лишь только услышали гнев и возмущение народа против них, разбежались из своих помещений, кто куда мог. Один черкес. убежавший почти из рук народной мести, лег спрятаться на курятник, стоявший у помещения, мимо которого шел путь собравшейся толпы. В тот самый момент, когда рабочая масса, успокоенная исправником и хозяином, возвращалась домой, один из слуг вышел закрывать кошмой курятник, на котором спрятался черкес. Но так как была необыкновенная темнота, они друг друга не заметили. Ничего не подозревая лакей стал закрывать курятник, а черкес вообразил что его имают (ловят? Ф. С. и Я. Ш.), размахнулся кинжалом, который попал в руку закрывавшего. Тот заревел с испугу. На крик раненого, проходившая команда рабочих мимо их, в один момент собралась тут, а черкес в испуге выстрелил из ружья, бывшего при нем. Вся толпа тогда накинулась на несчастного. Повалив на землю, стали бить чем попало и оставили его почти без признаков жизни, бросили в той надежде, что покончили с ним, но когда привезли его в больницу, черкес оказался с признаками жизни.“

„18-го сентября для производства следствия по бунту, из Иркутска приехал капитан Грамотин с 80-ю вооруженными солдатами, чем навел панический страх на всю команду. Странный он был человек,—рассказывали, что он в Киренске, откуда ему были даны солдаты, перед отправкой из Киренска говорил солдатам: „мы идем на смерть,—будьте готовы *на все*“,[1]) „скажу стрелять, перекрестись и стреляйте“. Он вообразил, что с первого разу при в‘езде на прииск вступит в бой, а потому под‘езжая к прииску приказал солдатам ружья держать на готове. На прииске первою его речью к команде было: „я послан произвести следствие, усмирить вас, у генерал-губернатора есть много чиновников и он никого не послал,—а меня, значит я лучше всех“,..

„Первым делом его было запастись кандалами, так что несколько кузнецов первые дни его приезда были исключительно заняты ковкой кандалов. Рабочего, внезапно взятого им к допросу, сначала вели к кузнецу, где надевали на него ручные и ножные кандалы, откуда

1) Курсив наш, Ф. Г. и Л. Щ.

вели в казачью, где он день или два пробудет в новых своих браслетах. Из казачьей, когда потребуют к допросам всякого арестованного ведут четыре вооруженных солдата. Нередко случалось, что после допроса кандалы снимают и совсем освобождают, а вместо этого другому одевают".

В комнате, где производится следствие, во время допросов в стену, против его стола, стоящего посреди комнаты стреляет (очевидно, Грамотин. Ф Г. и Я. Ш.) из револьвера в цель, а иногда и на гармонике играет. Для пущей важности вздумал было чуть ни для каждого допрашивающего приглашать священника для увещевания".

„Раз случилось, что на увещевание священника увещеваемый ответил „я уж во всем признался".

„Следователь этот иногда под влиянием Бахуса приходил в такое состояние, что ему являлись видения т. н. Грамотину ночью пригрезился умерший некто Хворостов. Одурелый Грамотин будит спавшую прислугу, солдат ночевавших у него и жену свою"...

В ноябре следствие его окончилось тем, что 8 или 11 человек были отосланы в Якутский тюремный замок".[1])

Как видно из выше цитированных обрывков между Семевским и таежным Нестором, существует определенное разногласие. Почти с уверенностью можно сказать, что никаких боев „спиртоносов с черкесами" не было, причины стихийно-вспыхнувшего волнения нужно искать в правовом гнете со всеми аттрибутами крепостного завода—„черкесами", „кандалами" и т. д. Конечно, поклонник Бахуса, то страдающий галлюцинациями, то стреляющий в цель мимо головы допрашиваемого, иначе смотрит на причины волнения и конечно пытается всю вину свалить причины зависящие от промыслового Управления, т. н. обращаясь к Семевскому мы видим, что Грамотин писал генерал-губернатору:

„12 человек заявили мне претензию на несправедливое наказание понесенное ими от горного исправника"...

„Некоторые рабочие претендуют на грубое обращение... Два человека показали, что им отпускают плохие вещи из цейхгауза... Частно я осведомился, что минувшей весною и зимою приисковое Управление, отпуская рабочим

[1]) Летопись Благовещенской церкви, л. л. 4—7.

пищу, нередко давало соленое мясо, протухшее и худого качества...... и т. д[1]")

Горный же исправник (а мы знаем его зависимость от промыслового управления) держал руку управляющих промыслами и причины волнения, судя по изложению Семевского, об'яснял так:

„... происшествие это произошло по подстрекательству спиртоносов. озлобленных против черкесов за их смелость и отпустивших будто-бы для этой цели в команду рабочих спирту без денег, и хотя спокойствие водворилось, но он не может ручаться за дальнейшее его сохранение,—так как вокруг приисков бродят целые шайки вооруженных спиртоносов".[2])

Из материалов мы знаем, что такое „спокойствие" не нарушалось вплоть до 1882 года и вспыхнуло новое движение так же как и это,—стихийно, при чем повод к волнениям так же как и в этом случае, был арест одного рабочего.

На основании действовавшей 618 ст. Уложения о наказаниях,[3]) Якутский окружный суд приговорил: „двух участников наказать плетьми одного—15-ю, а другого 30-ю ударами и обратить во временную работу на заводах на 3 года. шестерых рабочих подвергнуть аресту на 1 месяц и одного на 7 дней, а двух поселенцев наказать по 30 ударов плетьми".[4])

1882 год.

В мае 1882 года, на Благовещенском прииске происходили беспорядки, к сожалению, не оставившие непосредственного следа в неизданных материалах, имевшихся в нашем распоряжении. Но так как эти материалы, с прекрасной бытовой образностью передают самый фон, на котором развивались майские события, хотя и воспроизводимый несколько позже, то мы пользуясь для обрисовки самих событий краткими цитатами из Семевского,почти исчерпывающе, передаем неизданный материал архива Горно-поицейского исправника. В Семевском же читаем:

---

1) Семевский, стр. 691.
2) Там-же.
3) Смотри подробно о применении этой статьи при рассмотрении забастовки 1901 года.
4) Семевский, стр. 693.

„19 мая, в 8 часов вечера несколько рабочих подошли к казачьей казарме и потребовали освобождения из под ареста рабочего их артели Чумакина арестованного исправником Шахурдиным. Дежурный ответил, что без разрешения исправника освободить не может. Рабочие стояли на своем; к ним стали подходить товарищи из других казарм и образовалась толпа в несколько сот человек. Прежде чем Шахурдин успел распорядиться, дежурный освободил Чумакина опасаясь усиления беспорядка. Однако толпа этим не удовольствовалась и вызвала исправника. *Когда явился Шахурдин, рабочие потребовали немедленного удаления с прииска урядника Немчинова и служащего Милевского, грозя что в противном случае они сами уберут их Шахурдин обещал и толпа разошлась*“[1]).

„На другой день утром один из приисковых служащих обратился к уряднику Немчинову с просьбой понудить выйти на работу 4-х рабочих. Немчинов увидел их пьющими водку. Рабочие, укоряя служащего в стеснении их при назначении дней отдыхов, отвечали уряднику, что в казачью не пойдут, а если будут брать их силой, то мало и 30 казаков, потому что *этого не допустят товарищи по возвращении с работ*“[2]).

„Сотник Пащенко, заступивший вместо Шахурдина, приказал Немчинову арестовать рабочих. Немчинов застал их спящими. Троих связали, а четвертый убежал“.

„Прибежавшие рабочие стеснили казаков и развязали арестованных не смотря на то, что Немчинов отмахивался шашкой. Трое все-таки были задержаны, закованы в ножные кандалы и посажены в карцер. Когда их заковывали, они говорили Немчинову „напрасно куете, недолго посидим“ или „куйте, куйте, до вечера только“.

„В тот же день, часов в 7—8 вечера рабочие, как бы по уговору, стали собираться к казачьей. Быстро собралась толпа в несколько сот человек,из которой раздавались голоса: „за что заковали наших, какое имеете право“. Рабочие настаивали на освобождении,—Немчинов требовал, чтобы разошлись, грозя в противном случае стрелять. Рабочие рассвирепели, налегли на казаков, те в задние двери казармы выбежали на улицу, а *рабо-*

---

1) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
2) То-же.

чие с криком ура, ворвались в казачью[1]). Под'ехавший верхом Пащенко был сброшен с лошади и избит. Когда его бросили бить и он пошел в казачью, рабочие бросились за ним туда и опять начали его бить, а другие стали ломать двери карцера".

„*Избив Пащенко и казаков и освободив арестованных, толпа бросилась в квартиру служащего Милевского*[2]). Не найдя его они встретили управляющего К-⁰ Промышленности,—Стрижева которому стали жаловаться на побои от казаков, неправильные аресты и просили удалить Немчинова и Милевского. Наконец, успокоенные обещанием разобрать их претензию, рабочие разошлись по казармам. Немчинов и Милевский в час ночи были отправлены на Бодайбинскую резиденцию[3]) (в 40 верстах на реке Витиме).

„Следователь (чиновник особых поручений Глав. Управ. Вост. Сиб. Осташкин) установил, со слов выборных, которых он предложил выбрать рабочим, следующие причины безпорядков:

1. Жестокое обращение урядника Немчинова с рабочими.

2. Отнятие винных порций по распоряжению уполномоченного Серебренникова и требование им работы в большом размере.

3. Грубое обращение с рабочими смотрителя Милевского и фельдшера.

Кроме этого следствием установлено что:

1. Жалобы рабочих исправнику, преследуются управлением.

2. Незаконное увеличение нормы выработки.

3. Что на приисках все административные лица торгуют водкой и спиртом своего собственного фабриката, над которым не может быть контроля.

4. Здания больницы не соответствуют своему назначению.

5. Казармы до того не удобны, что только вызывают цынготные и простудные заболевания"[4].)

Конечно, бунтовщиков судили..

---

1) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
2) То-же.
3) Ныне город Бодайбо.
4) Семевский, стр. 693—700.

Из справки, которую приводит Семевский в примечании к стр. 700-й, видно что: „осенью 1883 года, Якутский Окружный Суд приговорил: 5-х лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы в крепостях, одного (несовершеннолетнего) на 8-мь лет, одного на 10 лет и трех на 12 лет, двух ссыльно-поселенцев на каторжные работы на 14 лет, с наказанием одного из них 10-ю ударами, двух с лишением всех прав на $1^{1}/_{2}$ года. Несколько человек оставлено было в сильном подозрении."

Об этом деле, как мы упоминали выше, в архиве горного исправника не имеется никаких указаний, за исключением упоминания вскользь, в секретном отношении горного исправника от 10-го октября 1882 г.,—„оскорбления действием сотника Пащенко."

Являлись-ли здесь руководителями „Иваны", о которых говорилось нами выше?

Какую роль в возникновении этого волнения играли чисто-экономические причины?

Отвечая на все эти вопросы, видно, что волнение носит *массовый характер протеста при самом своем возникновении*, против *правового гнета*, причем арест Чумакина был просто каплей переполнившей чашу. Это видно из того, что рабочие „не удовольствовались" освобождением Чумакина, а „потребовали удаления Немчинова и Милевского."

В дальнейшем мы видим, что после обещания удалить этих лиц, рабочие *встали на работу* за исключением четверых.

Следовательно, именно в этих двоих персонажах рабочие видели начало всех своих бедствий, и когда на другой день эти лица не только *не оказались убранными, но еще и производящими аресты*, вспыхнуло снова волнение окончившееся на этот раз разгромом казачьей, освобождением арестованных и избиением административных лиц и полиции.

И в этом промелькнувшем, в сущности, уж не особенно значительном инциденте, мы видим опять с рельефной ясностью,—ту характерную черту, которая сопровождает рабочее движение приискового района неизменно, все равно в 1876 или 1904 годах.

Рабочее движение направляется против капиталистического угнетения и царского гнета, *неразрывно связанных* в представлении рабочей массы.

И действительно, как только ослабевает напор рабочего протеста,—противодействующая пружина выпрямляется, и снова, мы видим ее обе составные части—царскую полицию и капиталистическую администрацию, в данном случае олицетворяемые Немчиновым и Милевским—действующие в полном и трогательном контакте.

И тут-же мы можем отметить нотку, тоже постоянно звучащую, вплоть до 1912 года.

Это некоторое „хромание“, непригодность полицейского аппарата.

Эта непригодность полицейского аппарата безпокоит горного исправника Витимского округа, который в секретном отношении за № 64, от 10-го октября 1882 года пишет командиру отряда казаков войсковому старшине Майлову:

„В виду уже бывших безпорядков между рабочими в лете (Летом? Авт.) с. г. на Благовещенском прииске, при котором и. д. горного исправника, сотник Пащенко получил оскорбление действием, мне для руководства в будущем, на случай необходимости, следует знать, имеете-ли Вы Ваше Высокоблагородие, возможность, в экстренном случае, принять требуемые законом меры к восстановлению порядка и прекращению бунта, силами казачьей команды, находящейся на приисках под Вашим ведением. О последующем на это прошу сообщить мне на сем-же.“[1]).

На это командир казачьего отряда, жалуясь пишет что „казачьи отряды формируются из казачьего населения Иркутской губернии, преимущественно из казаков охотников, не только из служилого состава... но и из внутренних служащих и даже отставных, достигших 50 и 75-ти летнего возраста, за незначительным исключением казаков, уже испытавших хорошо оплачиваемую промысловую службу, вполне *деморализованных*[2]), долгим пребыванием дома, недисциплинированных и вовсе

[1]) Дело горного исправника Витимской системы Якутской области по обстоятельству о неспокойном настроении команды рабочих Благовещенского Прииска прибрежно-Витимской Компании за 1882 г. л.л. 1 и 2-я. Дальше обозначаем кратко: «Дело 1882 г.».

[2]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

не обученных. Обленившись дома и сделавшись неспособными к труду, явились на промысла единственно из за хорошего вознаграждения и с целью наживы"[1]).

„В моем ежедневном распоряжении (за исключением отправленных в командировки. Ф. Г. и Я. Ш.) остается 5 урядников и 57 казаков вполне безоружных".

„Спрашивается, что может сделать это войско против *тысячной массы рабочих возбужденных*[2]), могущих во всякое время вооружиться кайлами или лопатами. На мой взгляд, что даже выдача огнестрельного оружия, тому составу казаков, который числится на промыслах в настоящее время может принести только вред. Ознакомившись, насколько это было возможно в месячный срок, с составом команды я убедился, что только самое ограниченное их число может носить с честью воинское звание. Действие оружием им не знакомо. Да при том и сами то казаки, с искони веков ведущие мирную жизнь, отчасти трусоваты и вполне сознают свою слабость, а этот недостаток ничем не пополнишь".

„Бывшие в мае месяце сего года безпорядки на Благовещенском прииске наглядно показали на лицо безпомощность и несостоятельность казачьей команды, как воинской силы, единственная винтовка, которою урядник хотел пристращать рабочих, была изломана в куски и *казаки, осыпанные градом камней бежали в рассыпную*"[3]).

„Состав команды казаков на Успенском прииске хотя несколько лучше, таковых-же, как на Благовещенском прииске, но и они не могут быть опорой, как воинская сила, да притом казаки Успенского прииска, в случае каких-либо беспорядков на Благовещенском прииске, необходимо должно оставаться на месте, *для предупреждения возможного сочувствия рабочих этого прииска к таковым же Благовещенского*[4]). Следовательно на Благовещенском прииске, собрать придется только 27 безоружных казаков".

---

1) В описываемое нами время на приисках Благовещенском и Успенском казаков было: урядников 7, рядовых 90. Вооружение их составляло: 11 винтовок, 10 револьверов и 34 шашки. (Дело 1882 г. л. 2).

2) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

3) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

4) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

„Вследствие всего вышеизложенного я должен сознаться, что казачий отряд на промыслах Сибирякова, Базанова и Немчинова и К°, не может считаться военною силою и в случае требования Вашего Высокоблагородия *о подавлении смуты, я буду поставлен в крайне критическое положедие, т. к. не буду иметь никакой возможности выполнить ваше требование*"[1]).

„В данном случае полезнее было-бы исходатайствовать о командировании на промысла роты регулярной пехоты, хорошо обученной и дисциплинированной, оставив казачью команду. в значителпно меньшем составе, для исполнения тех же полицейских обязанностей. которые они несут теперь. Командир Казачьего отряда Войсковой старшина Майлов"[2]).

Мы привели полностью рапорт командира отряда, потому что он показывает, что тех сил коими располагали промышленники становилось недостаточно, что массовое рабочее движение развивалось, вселяя уверенность в своих силах, у рабочих.

В отношении-же того, что рабочие сами в таких случаях сознавали свою силу—показывает лаконично спокойный тон, напоминающий слог судебного приговора —об'явления, вывешенного рабочими на прииске Благовещенском. Оригинал имеется в цитируемом нами деле горного исправника. Вот это об'явление, приводим его с сохранением орфографии:

ОБЪЯВЛЕНІЕ

„Рабочіе симъ объявляютъ Управленію, что Г. Управляющий С. И. позволилъ себѣ самовольно избрать артельнаго Старосту Аркадія, который для артели человекъ не добросовѣстный; а вследстіе этого виновному въ этомъ придется скоро въ мѣстѣ съ Аркадіемъ поплатится жизнію. Октября 8 д. 1882 года"[3]).

Это об'явление прекрасно характеризует то состояние „вооруженного мира," которое господствовало на приисках даже в те моменты, когда не было поводов обострявших положение и вызывавших открытые вспышки.

В атмосфере приискового гнета, пропитанной вместе с тем опасностью каждодневного стихийного возму-

---

[1]) Подчеркнуто Ком. Каз. Отряда Майловым.
[2]) Дело 1882 г., л. л. 2 и 3.
[3]) Дело 1882 г., л. 5.

щения рабочей массы—„народного гнева“, как метко характеризует идеалист-летописец, в этой атмосфере, такое об'явление было вовсе не лоскутом бумажки, а угрозой, весьма реальной и легко осуществимой. И если „Аркадий“ и „г. Управляющий“ и сохранили свои животы, то только потому, что не было подходящего случая выступить всем. Выступления-же, в одиночку, *для защиты своих личных прав* (а здесь именно попраны права коллектива), история приисков не знает. Лучше всего эту нервную напряженность приисковой и полицейской администрации—точную копию напряженности европейских предприимчивых авантюристов, составляющих себе состояние или делающих карьеру в колониях,—характеризует приводимый целиком, ввиду его особого интереса, секретный рапорт горного исправника Генерал-Губернатору:

„Вступив 8-го сентября в управление должностью горного исправника Витимского округа и окончив 10-го числа приемку дел и прочее, я на другой день 11-го числа выехал с приисков для сопровождения партии рабочих до села Витимского.[1]) Обратно на прииска мог возвратиться лишь 22-го числа того же месяца. С этого времени, занимаясь постоянно приведением в порядок запущенного производства и производственных дел, по которым заключались арестанты, я не мог выехать на ревизию остальных приисков системы, а постоянно находился на приисках Компании Базанова, Сибирякова и Немчинова, на которых сгруппировано самое большое количество рабочих,—до $3^1/_2$ тысяч“.

„В Компании этой работают два прииска Успенский и Благовещенский.“

„По возращению из села Витимского я, ввиду бывших в мае сего года безпорядков, произведенных на Благовещенском прииске рабочими, обратил свое особенное внимание на состояние команды этого прииска, а также и служащих. При самых внимательных моих наблюдениях и распросах, как заинтересованных лиц, так и совершенно посторонних, я пришел к самым неблагоприятным заключениям о положении дел“.

„На Успенском прииске управляемом Стрижовым,

[1]) Ныне Витим.

команда рабочих *несмотря на трудные подземные работы, находится в должном повиновении промысловому управлению и полиции*[1]), никакого ропота или неудовольствия на что либо, как рабочими так и служащими не обнаружено и не высказывается."

„Напротив того, на Благовещенском прииске состоящим под управлением Серебренникова, команда рабочих, большинство служащих, имеют против управления какое-то крайне возбужденное неудовольствие. *Работы на этом прииске* ведутся открытые и частью шахтовые, по моему мнению, работы эти *легче* Успенского прииска, наглядно это я заключаю из того, что взятые временно с Успенского прииска рабочие на Благовещенский, для вскрытия турфов, гораздо скорее отрабатывают свои уроки, на тех же условиях и даже в большом размере. *Помещение, содержание и прочее на Благовещенском прииске, как служащих, так и рабочих, вполне удовлетворительно и одно и тоже, что и на Успенском*".

„В требованиях и распоряжениях Промыслового Управления хотя видимо и нет каких либо противозаконных действий, между тем *общее неудовольствие рабочих и большинства служащих* к управлению, *увеличивается постепенно* и интригам нет конца, хотя открыто никто не заявляет мне об этом, но оно так заметно, что сомневаться об этом нельзя".

„Чтобы уяснить себе причины подобного настроения команды я принимал всевозможные, доступные мне меры и старания и, к сожалению, утвердительно не могу сказать, что, собственно, требования управления вызывали-бы это, (но из всего проглядывает какое-то личное неудовольствие на главноуправляющего Серебренникова)[2]). При чем все клонящиеся к большему порядку, требования, встречаются недоброжелательно, в виду интриг, все эти требования, на сколько-бы они законны и даже полезны не были, передаются с разными комментариями, почему, естественно, нельзя ожидать к ним сочувствия большинства. Разрешить-же эти недоразумения кому следует нет желающих и даже быть может невозможно".

---

[1]) Курсив в рапорте везде наш Ф. Г. и Я. Ш.

[2]) В копии эта фраза в скобках, в подлиннике же зачеркнута.

„Управление хотя старается улучшить по возможности положение рабочих и прочий быт их, но все это почему то, как видимо, не встречает сочувствия в массе.“

„Видимо рабочие эту работу не ценят и дорожат, быть можеш, более, так сказать, сердечными отношениями Управления и не задеваниями, некоторых местных приисковых порядков, установившихся изстари“.

„Неоднократно, собирал я в полном составе, команду рабочих, расспрашивал их о нуждах и прочее, желая вызвать тем на откровенное заявление их о неудовольствиях своих, но и это не привело ни к каким результатам, все отзывались, что управлением довольны и никаких серьезных претензий не имеют, кроме лишь нескольких рабочих заявивших мне о тяжелых работах, вообще, и невыдаче им на отлив порций водки[1]). Разъяснив им, что урок назначается далеко не в контрактном размере, и что дача порций водки на отлив, не разрешена законом и потому для прекращения злоупотребления водкой, я нахожу справедливым распоряжение Промыслового Управления о недаче на отлив, я уже больше возражений не получил.“

„При таком возбужденном состоянии духа рабочих и служащих, против промыслового управления, *сильно подрывает и самую власть горною исправника и доверие к нему рабочих, дозволяя себе думать, что исправник действует исключительно лишь в интересах управления, а не их*“[2]).

„Хоть я и должен был заявить рабочим в этом смысле касательно трудности работ, но считал себя не компетентным судьей, чтобы давать окончательную оценку этому, могу судить и ошибочно. Что-же касается до дачи порций на отлив, хотя в ограниченном размере и не всем, а с разбором, то я не вижу особенного в этом зла, и обычай этот уже установившийся изстари, по моему мнению, послужил лишь к сокращению числа спир-

---

[1]) Рабочие имели право на ежедневную порцию водки, которую они должны были выпивать на месте выдачи, как раньше чарка на военных судах, здесь же говорится о праве копить в запас эту водку «на отлив», с тем чтобы потом получить сразу накопленное количество.

[2]) Приводя рапорт исправника в новой орфографии, мы вместе с тем, не исправляли его стиль.

тоносов, изменение-же этого обычая, вызывает только лишь неудовольствия, хотя быть может несправедливое".

„Подобный подрыв власти и доверия при таком настроении команды лишает меня возможности принимать более строгие меры, и вследствие этого, по необходимости, в некоторых случаях, дабы не возбудить еще большого неудовольствия команды, могущего повлечь за собой серьезные, неприятные последствия, *приходится делать, некоторые, так скаазть уступки.*"

„*Принятие более энерiичных мер, в настоящее время, леiко может вызвать повторение бывших уже в мае месяце безпорядков, оставивших в рабочих неисчезнувшее впечатление*, т.-к., многие из рабочих бывших участниками безпорядков находящихся еще и ныне на приисках. Хотя большинство и высказывает сожаление в допущенных безпорядках, но в числе рабочих могут быть такие коноводы, которые могут при благоприятном случае, увлечь массу к новым безпорядкам, остановить которые будет невозможно, т.-к. в распоряжении моем нет никакой, необходимой для этого силы."

„Находясь на прииске команда казаков, состоящая в большинстве из людей не пользующихся доверием, не в состоянии будет оказать для восстановления порядка,— даже малейшую возможность; большинство из них даже не вооружены тупыми шашками. Какая-же это сила?"

„Ознакомившись хорошо, в течении слишком четырех-летнего исполнения занимаемой мною обязанности, с бытом, и характером приискового рабочего; я могу сказать, пользовался некоторым расположением и доверием рабочих и всегда встречал в них полное сочувствие к требованиям моим."

„Ныне-же, к сожалению, достичь этого очень трудно, а иногда даже невозможно. Откровенно сознаюсь, что бывшими безпорядками, и в виду нерасположения команды к управлению, власть исправника почти вполне подорвана. Восстановить ее, при настоящей обстановке, крайне сомнительно. Ранее, когда не было подобного состояния команды, все словесные мои убеждения имели для рабочих значение и влияние, теперь-же подобное убеждение для них незначит ничего. Резким приме-

ром тому, служит следующее обстоятельство: промысловое управление, вследствие разных неудовольствий на кашевара[1]) поселенца Гузднева, назначенного на эту обязанность самим же управлением, нашло необходимым сменить его с этой обязанности, поручив команде выбрать для себя нового кашевара. Но команда на настояния управления, не исполнила этого. Тогда управление, вынужденное необходимостью, назначило одного из рабочих на сказанную обязанность, бывшего ранее старостой, сменив Гузднева, при чем управлением об'явлено, что если вновь избранный будет не соответствовать своему назначению, то команда может себе избирать нового. После этого дня через два управляющий Серебренников заявил мне, что близь приисковой церкви, на видном месте, приклеено к фонарному столбу, неизвестно кем, какое то об'явление от рабочих, по поводу старосты."

„Отправившись немедленно к указанному месту, я нашел действительно об'явление писанное карандашем в размере представляемой при сем копии."[2])

„К розысканию виновных в этом поступке, мною приняты уже надлежащие строгие меры".

„Может быть об'явление это само по себе, не имея серьезного значения, и не повлекло-бы к каким либо последствиям, и придумано лишь в виде интриги одним или несколькими сторонниками смененного старосты, я, ввиду возбужденного состояния рабочих, распорядился в то-же время, собрать команду, которую и распрашивал по вопросу о старосте. Говорил им, что смена кашевара, делается по распоряжению управления, действительно в интересах самих же рабочих. Рабочие, не слушая почти никаких моих убеждений, очевидно, не без сильного подстрекательства некоторых крикунов и сторонников Гузднева, твердили одно, что они кашеваром довольны и, наконец, даже на неоднократный категорический спрос мой, вся команда громко кричала о желании ее оставить старого. *Притом некоторые даже высказывали желание в случае отказа управления, принять расходы по содержанию старосты, на свой счет. После столь очевидного и категорического требования команды, я, ввиду того что вопрос о старосте составляет интерес са-*

---

1) Артельный староста.

2) См. об'явление на странице 30.

мих же рабочих, и дабы успокоить команду, и не вызвать каких либо беспорядков, принужден был согласиться оставить прежнего кашевара, сознавая в то же время, внутренне, по убеждению, что подобные уступки делать я не должен был бы".

„Подобный факт, хотя в сущности очень мелкий, никогда, еще до вмешательства исправника не доводивший, ясно характеризирует настроение *рабочих, у которых является как бы сознание своей силы*, и что при известной настойчивости, они могут заставить как управление приисков так и полицейскую власть делать то, что им будет нравиться, хотя бы и не законное, лишь бы поставить на своем".

„При разных пустых разбирательств, мне по необходимости приходится делать снисхождения, там, где бы допускать по долгу совести и закону, не следовало бы, лишь бы не подать тем самым повод рабочим для новых неудовольствий".

„Все мои желания и старания построить отношения управления и рабочих в более мирное состояние, и прекратить тягостное и неприятное возбуждение, не ведут ни к чему. Видимого неудовольствия никем не из'является, по наружности будто все очень спокойно, но известно, что большинство рабочих, питая нерасположение к управлению, выжидают как бы только первого удобного случая для проявления своего неудовольствия, общими быть может безпорядками".

„В заключение всего я по совести сказать утвердительно, возбуждено ли недовольствие в среде рабочих, исключительно нерасположением к управлению или в лице его к управляющему Серебренникову *или же, причины к тому гораздо глубже и нахсдятся в самой организации промыслового дела*".

„По этому опасаясь при таком состояиии дела, каких либо очень неприятных последствий и в виду уже сказанной безпомощности полицейской власти, я поставляю себе непременным долгом обо всем изложенном донести на благоусмотрение Вашего В-ства, и почтительнейше, просить распоряжения Вашего для поддержания власти и значения горного исправника, а так-же и для возстановления окончательного спокойствия между промысловыми рабочими".

„При этом сообщаю, что копия с настоящего рапорта представлена г. Якутскому Губернатору 16-го Октября 82 года, № 65“[1]).

Связь с дальнейшими событиями, приведшими, в конце концов, к от'езду столь „популярного“ Серебренникова—как средству внести некоторое успокоение—находим в церковных летописях:

„В августе месяце Управляющим приисками был назначен Серебренников, но уже с 20-х чисел сентября начала обнаруживаться народная демонстрация против его распоряжений и даже стали появляться прокламации.“

„13 октября горный исправник получил анонимное письмо угрожающее смертью Серебренникову, а также неприятность всему прииску, если он не удалит Серебренникова“[2]).

Действительно, в деле горного исправника имеется следующий подлинник анонимного письма, который мы приводим с сохранением орфографии:

„Гасподину Горному Исправнику

доносится Прискѣ Благовещенскому Будѣть Страшнеяше суматоха каторій помогаютъ съ Аканаку[3]) и даже намерена каманда перваму долгамъ Кончить жисть Серебренникова-такова собачие Отрава Которій сейчасъ управляетъ и по собачие Абходится съ командой Ето вы имейте виду скоро с будет. Еще присовокупляю пропадутъ оба прииска хозяевами затем пострадаится нѣкоторыи лицъ служаки и чернорабочие“[4]).

Насколько большее значение придавалось этому письму людьми, вовсе не склонными к особой панике и даже, своим же поведением вызвавшим его, видно из того, что *в тот же день*, 13 октября исправник Гофман вызвал к себе на совещание Стрижева и Серебренникова и вынес следующее “постановление“:

„1882 года 13-го октября Благовещенский прииск. Горный исправник Витимской системы, имея ввиду возбужденное состояние команды и как бы враждебное отношение к Управлению этого прииска, признал необходимым донести об этом Генерал-Губернатору, которому

1) Дело 1882 г., л. 5—13
2) Летописи, лист 13.
3) Горная речка, на которой стоял прииск Успенский. Авт.
4) Дело за 1882 г., л. 12.

действительно и донесено 12-го октября за № 65. Сегодня же в час дня горный исправник получил подброшенное ему на крыльцо об'явление неизвестно от кого следующего содержания“ (см. выше).

„В виду изложенного выше обстоятельства и дабы предупредить малейшую возможность к вышесказанному, горный исправник пригласил г. г. управляющих Стрижева и Серебренникова, обсуждая с ними о мерах для этого и признали единственно возможностью ныне-же принять временное заведывание Благовещенским приисском г. Стрижеву, а г. Серебренникову необходимо выехать с прииска, направиться в Иркутск, до дальнейших распоряжений.

Горный Исправник ГОФМАН.
Управл. Прииск. Промышлен. Ник. СТРИЖЕВ.
Временно Упр. Прииск. Прибрежно Витимской
Компании—Семен Иванович СЕРЕБРЕННИКОВ“[1]).

В совершенно секретном рапорте от 19-го октября за № 68 горный исправник Гофман, донося об анонимном письме и о совещании, добавляет:

„Ввиду возбужденного состояния духа команды против Управления, о котором доносилось В.-В—ству, я тотчас же пригласил г. г. управляющих присками и пред'явил им упомянутый донос, спрашивая их мнения по этому обстоятельству. Хотя г. Стрижев и не заметил в среде своей команды какого-либо возбужденного состояния против управляющего Серебренникова, но высказал при этом, что ему известно нерасположение, вообще, рабочих к Серебренникову“.

„С тех пор, как уехал Серебренников, на Благовещенском прииске совершенно все тихо и в порядке, команда рабочих усердная и вполне повинуется“[2]).

В документах только что цитированных, любопытно следующее. Написаны они человеком, который хотел, или, по крайней мере, хотел сделать вид, что разбирается, по своему, об'ективно, в приисковой действительности и вопросах ею выдвигаемых. Поэтому он раскрывает карты в большей мере, чем это сделал бы обычно приисковый полицейский чиновник.

---

[1]) Дело 1882 г., л. 13.
[2]) Там-же, лист 14 и 15,

Б.-м. тут еще имело значение—желание показать высшему начальству свое бюрократически „вдумчивое“ отношение к вопросам, так сказать местной высокой политики.

Во всяком случае, он в достаточной мере четко, рисует одно очень важное обстоятельство.

Причины волнений не были экономическими. Рискуя преувеличением, можно сказать, что мы имеем тут выступление сытых рабов капитализма, не за какие-нибудь непосредственно экономические улучшения своего положения, а против правового гнета, в условиях которого им давали именно „жрать“, в более или менее достаточном размере, но при этом смотрели как на вьючное животное, которое кормят, по необходимости, для работы.

Причем, если современный капитализм эту эксплоататорскую формулу вкладывает в чрезвычайно цивилизованные, вплоть до тэйлоризма включительно—рамки; то элементарнейший хищнический капитализм не брезгал никакими видами, ненужного ему самому, глупого унижения, начиная от кандал и, кончая свого рода феодальным правом над приисковой женщиной, правом сохранившимся, вплоть до 1912 года.

Поэтому неудивительно, если мы наталкиваемся на явления, совершенно абсурдные, для всех тех, кто априорно характеризует все приленское рабочее движение понятием—„экономическое“.

Рабочие больше ценят „незадевания“, „сердечные“ отношения приисковой администрации, нежели реальные экономические улучшения. Мало того. Эти же рабочие, требуя увольнения старосты—„назначенца“, согласны, противно существующему договору с предпринимателем, содержать своего кандидата, на *собственный счет*, т. е., в конечном итоге, сами наносят удар по своему экономическому фронту. Почему?

Да потому, что в условиях элементарной, колониальной эксплоатации золотой тайги, этот экономический фронт теряет все свое значение, перед, воистину, каторжным режимом, созданным полицейско-предпринимательским союзом.

Поэтому неудивительно, что исправнику не удалось убедить рабочую команду, что он занимает действитель-

но нейтральную позицию, а не является подспорьем частного капитала.

Наконец, нельзя не отметить солидарность рабочих на разных приисках, а также и то, что царский суд, со всеми его дореформенными прелестями, ввиде плетей и т. п., не произвел устрашающего впечатления.

Это и понятно. Стихийность движения делало его нечувствительным к полицейско-административным рогаткам.

1883 год.

Материалы 1883 г., впервые дают нам, хотя и крайне штриховые указания на *идеологию* рабочего движения в приленском крае. У Семевского мы находим следующее описание июньского—1883 г., выступления рабочих:

„27 июня, горный исправник получил от Якутского генерал-губернатора предписание о совершении молебствия и праздновании коронации. На Благовещенском прииске молебствие было совершено утром 29 июня, и во время его было все спокойно, но после него кто-то стал распускать в толпе слух, что *на приисках получен манифест, который будто-бы скрывается местными властями*"[1]).

„Уверения священника в лживости этих слухов, повидимому, успокоили рабочих и они разошлись, но около 10 часов вечера в тот же день, толпа рабочих человек 650, подойдя к квартире управляющего Аненгольма, стала требовать отдыха на третий, день ссылаясь на новое местное празднование в течении этого времени".

„Начальник жандармского управления более часа старался успокоить рабочих и убедить их разойтись по казармам, при чем они, *кроме просьбы о лишнем дне отдыха, высказывали различные жалобы на служащих и заявляли подозрения, что манифест скрывается от них местным начальством*"[2]).

„Начальник жандармского управления рассказал рабочим Благовещенского прииска, каким порядком будет получен на приисках и обнародован манифест, предостерегая их отнюдь не истолковывать самовольно милостей,

---

1) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
2) То-же.

об'явленных в этом манифесте, которые своевременно будут им раз'яснены *и об'явлены местным начальством*, и вслед за тем, по соглашению с горным исправником, *44 человека рабочих*, замеченных в том, что они *подстрекали* своих товарищей *не выходить на работу* 30 июня *и прежде дурно вели себя, были расчитаны приисковым управлением*"[1]).

В „Летописях" цитируемых нами, это выступление также отмечено, причем „Летописи" приводят следующую любопытную черточку: когда по болезни священника не могущего служить молебен 9-го, решено отдых было отложить до 10 или 11 июня рабочие заявили: „*помолиться мы успеем после, а сегодня давайте отдых*"[2]).

Приводимые нами выдержки заимствованы Семевским из донесения начальника Иркутского жандармского управления Ввиду ясности, точности его и наличия более подробных данных об этом выступлении, помещаем полностью секретный неизданный рапорт горного исправника, адресованный генерал губернатору[3]).

„Из полученных на приисках сведений в конце мая стало всем известно, что в селе Витимском и других, уже было совершено празднование по случаю Священного Коронования Их Величеств. Затем из телеграмм Северного Агентства, полученных на приисках, (напечатанных в Губернских Ведомостях) сведение о коронации неоспоримо подтвердилось. Желая скорее отпраздновать это радостное событие *(и в виду разных толков, волновавших рабочих*[4]), г.г. управляющие приисками К° Базанова и Сибирякова, по соглашению со мною и приисковым священником, решили дать рабочим 9 июня отдых, отслужив в этот день молебен по этому случаю".

„В отношении других-же приисков системы, за неполучением в то время распоряжений о порядке и количестве дней празднования, распоряжений по этому случаю делаемо не было".

„Для этого дня отдыха, было приготовлено для рабочих особое угощение. Затем, когда рабочим было уже

---

1) Курсив наш. Цит. по Семевскому, стр. 701 и 702.

2) Курсив наш. Цит. по Летописям, л. 19.

3) Дело горного исправника Витимской системы за 1883 г., л.л. 21—27. Далее указываем кратко: Дело 1883 г.

4) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

известно о завтрашнем отдыхе, вечером часов в 8, накануне 9 числа, один из управляющих получил от священника письмо, которым он извещал, что не может приехать на прииск по болезни с Бодайбинских резиденций, куда он уехал перед тем за два дня, и просил молебен отложить на некоторое время".

„Так как празднество без молебна было бы неуместно, то и было об'явлено рабочим, что по болезни священника отдых им отменяется. Когда-же несколько человек рабочих Благовещенского прииска заявили желание не смотря на сказанное все-таки получить отдых, то по моему убеждению, они согласились, что следует отложить торжество, и что на завтра они все пойдут на работу. Затем уже часу в 11-м ночи, этого же дня, управляющий Успенским прииском дал мне знать, что рабочие его прииска требуют на завтра отдыха. Отправившись туда лично с управляющим, мы застали лишь несколько человек не спящих, которые нам об'яснили, что часть их товарищей по случаю предполагаемого отдыха, уже приготовились к празднику, что некоторые уже разошлись и даже есть часть выпивших и потому будет неудобно на завтра выходить на работу, так как некоторые артели будут не полны числом и могут встретиться поэтому много других неудобств".

„В это время стали подходить из казарм еще рабочие, так что их собралось около 100 человек, которым я и управляющий старались об'яснить неуместность завтрашнего отдыха. Но несколько выпивших рабочих сильно стояли на своем и тем самым сбивали других на требование отдыха, а в заключение всего большинство закричало что-то и ушли в казармы".

„Когда же раз'яснилось, что они кричали, о том, что завтра не пойдут на работу, то я, хотя и приказал их вернуть из казармы для нового внушения, но рабочие не выходили и легли спать, часть их потому, чтобы не быть замешанными в безпорядках, а другие, потому что не надеялись на дружную поддержку товарищей. Грубых поступков и дерзостей рабочими в это время ни мне, ни управляющему сказано не было, кроме сказанного ослушания".

„Так как, из 1000 человек команды, требовали отдыха, как сказано выше, около ста человек, и то не

все из них, то хотя и можно было бы допустить возможность, что рабочие на завтра вышли бы на работу; но ввиду позднего уже времени (12 часов ночи) не представлялась возможность дознать это подробнее, и, наконец, потому, что можно было опасаться на завтра разных недоразумений и безпорядков при выходе на работу и наряде на таковую, *было мною вырешено с Управлением дать рабочим отдых*,[1]) о чем мною в то-же время сообщено было и другому управляющему, Благовещенского прииска, для распоряжений о даче его рабочим также отдыха, ввиду того, что, так как эти оба прииска находятся в одном месте и принадлежат одним и тем же К°, и потому все отдыхи и прочее делается на обоих приисках одновременно.“

„Таким образом, 9-го июня был общий отдых рабочим на сказанных приисках, и весь день окончился крайне благополучно, 10-го же числа по обыкновению, обе команды вышли на работу.“

„По возвращении и выздоровлении священника, и получении 27-го июня предписания г. Якутского Губернатора об обнародовании копии с телеграммы г. Министра Внутренних Дел о совершившейся коронации Их Величеств, а также о совершении торжественного богослужения обеднею и молебном, было назначено на 29-е число июня торжество и отдых рабочим. Вместе с тем, мною были посланы предписания на все прочие прииска Витимской системы о совершении богослужения по прибытии туда священника.“

„20-го числа было отслужено на Благовещенском прииске в церкви в 9 часов утра обедня, а затем на площади того же прииска, молебен в присутствии служащих и команд рабочих обоих приисков.“

„Рабочим было приготовлено угощение и дан общий отдых, а на 30-е число назначены работы. Весь день прошел скромно и никакого скандала не было. Вечером же в $10^1/_2$ часов, когда уже большинство рабочих спало, явилась на площадь к дому Управляющего толпа рабочих Благовещенского прииска, со старостою и заявили требование о даче им на завтра еще одного дня отдыха по случаю коронации. *Между рабочими большинство*

---

[1]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

было пьяных и замеченных в неблагонадежном поведении[1]). Понемногу толпа увеличилась до 50 человек. Не смотря на мои раз'яснения и убеждения Управляющего рабочим, что ни я, ни он, не имеем права дать им еще день отдыха, и что им хорошо известно из расклеенных об'явлений о телеграмме Министра, в которой ничего не говорится о количестве дней, рабочие всетаки требовали 3-го дня, говоря, что везде так делается. После этого, был приглашен начальник жандармского управления, приехавший в этот вечер, и бывший тут же в доме управляющего, который также старался им об'яснить неуместное требование. Тут же убеждали рабочих в том же и местный священник и отрядный командир".

„*Но рабочие, каждый отдельно, пользуясь случаем собрания их, стали заявлять при этом и другие многие претензии не имеющие ничего общего с коронацией*"[2]).

„Наконец, рабочие, не успев в своем настоянии, стали расходиться и ушли в казармы".

„На Успенском же прииске в это время ничего подобного не было, и на утро, 30 человек, вся команда, по колокольчику, вышла на работу".

„Рабочие же Благовещенского прииска 30 числа в большинстве, хотя также стали собираться на работу, и многие уже вышли в разрез и даже взяли записки на лошадей с конного двора для работ,—но *вследствие подстрекательств некоторых своих товарищей и угроз их, из опасения, не пошли все на работу*[3]). Главными зачинщиками в этом были часть тех рабочих, которые были вечером на площади и требовали третьего дня. При этом был избит один из рабочих, а другому пущено камнем в ногу. По извещении об этом управляющего, он отправился в казармы и уговаривал их идти на работу, убеждал их не ослушаться, говоря им вновь, что не имея приказания, не может дать день отдыха, хотя многие и заявляли готовность быть на работе, но ввиду угроз товарищей не решаются идти в разрез, почему такое самоволие и было оставлено на ответственности рабочих и уже команда не была им более принуждаема к выходу на работы".

---

1) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
2) То-же.
3) [illegible]

„По заявлению мне обо всем сказанном, *я не признал возможным заставить рабочих силою повиноваться приказаниям Управляющего*, как потому, что *не имел к тому физической возможности*[1]), и зная дух рабочих в этом отношении, так и потому, что подполковник Келер советовал мне оставить рабочих и в этот день на отдыхе, не принимая никаких мер, при чем внушено было полицейским казакам избегать всяких столкновений с рабочими“.

„Весь день прошел тихо и скромно и большинство рабочих даже высказывало свое неудовольствие по случаю самовольного отдыха и видимо были смущены. Команда же Успенского прииска, как сказано выше, продолжала работать весь этот день“.

„По многостороннему обсуждению этого поступка рабочих, г. начальником жандармского управления, совместно с г. г. управляющими приисков К° Базанова и Сибирякова и мною, *было вырешено дать рабочим Успенского прииска также третий день отдыха 1-го июля*[2]), о чем и об‘явить им через их управляющего“.

„В то-же время, по соглашению с г. Келером, дано знать мною на все прииска Витимской системы, что после молебна, по случаю коронации, должен быть дан рабочим трехдневный отдых“.

„Таким образом 1 июля, рабочие Успенского прииска отдыхали, а Благовещенского прииска в этот день вышли на работу“.

„Из прилагаемых копий с предписания г. Губернатора и телеграммы г. Министра видно, что о количестве дней празднования по случаю коронации, у меня никаких точных указаний не было и потому, сверх тех двух дней отдыха, которые были Управляющими даны рабочим, я не имел никакого права приказать дать еще 3-й день. Управляющие-же с своей стороны, также не имея ни от меня, ни от распорядителей своих и владельцев решительно никаких распоряжений о количестве дней празднования, также не считали себя в праве дать более 2-х дней отдыха, из которых один день был дан помимо их воли, чисто по случайно сложившимся обстоятельствам, при чем Управляющими имелось в виду и корот-

---

[1]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
[2]) То-же.

кое летнее время работ и могущие произойти от того громадные убытки".

„Усматривая из всего вышеизложенного, что основание к самовольным поступкам рабочих послужил повод—празднование коронации Их Величеств (хотя в некоторой степени нельзя отрицать проявления в том отчасти и слабости рабочих отдохнуть лишний день и так-сказать полениться) и имея в виду, что как нам, так и всем рабочим хорошо известно, что празднество коронации продолжалось везде три и даже более дней, то я с своей стороны, не желая совершить какое-либо, быть может безтактное распоряжение по этому поводу (например, производство следствия) имею честь представить все. вышеизложенное на усмотрение Вашего Высокопревосходительства, тем более, что Подполковник Келер заявил мне, что по приезде его в г. Иркутск, он будет иметь честь лично обо всем виденном им доложить Вам, а до тех пор советовал мне не приступать к следствию".

„При этом имею честь присовокупить, что *часть самых неблагонамеренных в подстрекательстве товарищей к самовольству, уже выдворяются с приисков, дабы они не могли иметь вредного влияния на команды, и сверх того распространялся почему то между рабочими слух, что манифест о Высочайших милостях, скрывается от них, якобы потому, что в виду милостей Монарха, Управление приисков будет вынуждено большинство из рабочих расчитать до окончания контрактного срока*"[1]).

„О ложности этих слухов было им раз'яснено г. Подполковником Келер, мною и священником, и сверх того, как для этой цели, так и внушения командам о повиновении и исполнении контрактных обязательств, они были собираемы г. Келер в разное время на обоих приисках.

Подлинное подписал и с подлинным верно:
И. д. Исправника Коллежский Асессор Гофман № 44"[2]).

Цитированный рапорт дает нам определенные указания, на те идеологические настроения, которые господствовали в рабочей массе, правда, в столь неоформив-

---

[1]) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.
[2]) Дело 1883 г., л. д. 5—13.

шемся виде, что назвать их идеологией, подразумевая под этим, что-нибудь цельное и определившееся, невозможно.

Работая в действительно, невыносимых, если угодно „собачьих“ по выражению цитированного выше об'явления, условиях приисковая, рабочая масса, полагала, что вина лишь в предпринимательской эксплоатации, поддержанной недобросовестной государственной администрацией—невыполняющей указания „высших властей“ и царя-батюшки.

Это не та-же, широко развитая крестьянская идеология, на основе которой, правда уж значительно осложненная, самым комплексом жизненных явлений промышленного центра XX веках—выросло 9 января.

Вера же в манифест, отнюдь не случайна. Она отчетливо появится перед нами в 1904 году. Но мы должны не забывать, что официальный материал, с удовольствием раздувающий всякое политическое выступление с социалистическо-революционным оттенком, в такой же мере, любит забывать о таких неприятных для него вещах, как усмирение верноподданной толпы.

Кроме того, надо иметь ввиду, что идеалистическая идеология крестьянства и ее отголоски в пролетарских слоях, естественно, не выдвигается вперед и самими ее носителями.

Эта сокровенная вера обычно внешне заменяется конкретными требованиями. Да поскольку это именно—вера, априорно принимаемая и не критикуемая, постольку ее основа и не нуждается в особом обосновании.

Недаром обратное мы видим лишь в чигиринском восстании, где, именно для этого и потребовалось фальсифицирующее интеллигентское участие.

Возвращаясь к ленским рабочим выступлениям 1883 года, мы видим, что история с манифестом служит основанием для последующего возникновения совсем уж новых требований, как бы неотносящихся, по мнению официального источника, к делу—претензий. И тот-же источник сам указывает причину этого явления. Это то, что рабочие имели возможность сговориться, собраться.

Вот тут мы должны отметить об'стоятельство, на которое мы обратим внимание еще неоднократно.

Рабы приискового "капитализма, которым, конечно, всякая „общественность“ была строжайше запрещена, именно с момента выступления, приобретали эту долгожданную возможность. Поэтому всегда пред‘явлению каких либо требований—предшествует стихийно возникшая вспышка.

И только эта самая вспышка и давала, хотя бы чисто техническую возможность, собраться и обсудить коллективные требования.

Мы видим, далее и карательную политику об‘единенных сил приисковой и полицейской администрации. Рассчет и выдворение.

Вот тут мы имеем возможность, окончательно, опровергнуть вышецитированного автора теории о подстрекателях—„Иванах“.

У Семевского мы находим следующие цифры состава рабочего насения Олекминской и Витимской системы:

„В 1880 года из числа 10798 рабочих обоего пола, было инородцев 144 (более 10%), ссыльно поселенцев 4150 (38%) и ссыльно каторжных 303 (около 3%)“.

„В 1881 г. число рабочих 10543, инородцев 415 (около 4%), ссыльно поселенцев 4370 (41%), ссыльно-каторжных 171 (менее 2%)“.

„В 1882 г. рабочих 10712, инородцев 372 (более 3%) ссыльно поселенцев 4118 (39%) и ссыльно-каторжных 95 (менее 1%)“.

„В 1883 г. рабочих 10805, инородцев 633 (менее 6%), ссыльно-поселенцев 4262 (39%) и ссыльно каторжных 76 (менее 1%)“.

„В 1884 г. рабочих 11973, инородцев 590 (более 5%) ссыльно-поселенцев 4423 (37%) и ссыльно катаржных 23 человека“.

„1878 г. ссыльно-поселенцев 46%, крестьян 43%, рабочих из Европейской России 9,4% остальные были сибирские обыватели (т. е. 1,6%)“[1]).

Если грубым счетом считать, что ссыльно поселенцев было 50%, людей прошедших стаж тюрьмы и этапов, готовых на все, главным образом, очевидно, создающих контигент „Иванов“ в понимании автора вышецитированной теории, то справка которую мы приводим

[1]) Семевский, стр. 346.

ниже, совершенно разбивает положение об „Иванах“ коим „рабочие обязаны улучшением своего быта“.

По делу о выступлении рабочих в Июне 1883 г. был полицией установлен целый ряд рабочих в числе 44-х человек.[1]) Из составленного списка видно что из них: поселенцев — 20 человек, мещан—10, крестьян—13.

Итак, соотношение разных групп местного населения в среде т. н. „подстрекателей“, а в действительности—более активных выразителей стихийно выросших настроений—то же, что и среди всего населения.

Т. о. тюремно буйное происхождение приисковых волнений, является обычным неисторическим вымыслом.

1884 год.

8 и 9 го апреля происходили безпорядки на прииске Чаринского Золотопромышленного Т-ва Олекминского округа. Рабочие избили служащего Суре и требовали его удаления. Угрожали разбить здание где жили казаки, если кто нибудь будет арестован и избили одного караульного.[2])

1888 год.

В этом году произошло „возмущение“ рабочих на Прокопьевском прииске Бодайбинской К° против казачьей команды, при чем побито двое казаков. В отчете исправника почему-то не упоминается о волнении рабочих в этом году на приисках К° Базанова, Немчинова и Сибиряковых, о которых мы узнаем лишь из письма горного исправника к Начальнику Иркутского Горного Управления: „в марте месяце случились крупные безпорядки между рабочими на промыслах Сибиряковских. „Я не раздувал этого дела, но тогда же наметил до 72-х человек для немедленного выдворения из тайги.“[3])

Опять знакомые приемы расправы!

В летописях Благовещенской церкви о выступлениях рабочих записано следующее:

„В Марте месяце на Благовещенском прииске, рабочие произвели забастовку, не вышли на работу из-за того, что к празднику Благовещения, управление отказало им в выдаче продуктов. В утро того дня к рабочим,

---

[1]) см. выше.

[2]) Семевский, стр. 701.

[3]) Там-же, стр. 703.

после Главно-Управляющего Стрижева и управляющего Семена, вышли горный исправник Траскин и горный ревизор Страус, чтобы урезонить их и заставить идти на работу, но рабочие наговорили много дерзостей, колкостей и с шумом и криком ушли от них, как бы тем показывая к ним пренебрежение свое. На другой день все тихо, смирно вышли на работу, предварительно вынудив у управления продукты."

„Год этот, продолжают „Летописи", замечательно обилен забастовками рабочих. Забастовки были на Прокопьевском прииске Бодайбинской К°, и на Среднем прииске Потапова и К°. На Прокопьевском прииске в начале года рабочие возмущались против урядника и казаков"[1]).

К сожалению в нашем распоряжении нет более подробного материала, от архивов-же горного исправника сохранились за эти годы—лишь жалкие остатки, по которым возстановить что либо не представляется возможным.

1889 год.

По материалам, имеющимся в нашем распоряжении видно, что рабочие Аканак-Накатаминского товарищества не вышли на работы, требуя для работы в мокрых забоях кожаны, еженедельную баню и выдачи полагающихся им винных порций. На отношение Управления от 26 марта за № 466 по этому поводу, горный исправник делает следующее распоряжение:

„Предписываю уряднику А. Малышеву, по получении сего, немедленно взять человек шесть кордонных казаков и отправиться на Парасковьевский прииск Аканак-Накатаминского товарищества и узнать истинную причину безпорядков, если все дело вышло только из-за винных порций, то раз'яснить рабочим, что они на третью порцию никакого права не имеют и будут кругом виноваты, если же они имеют другие более основательные претензии, то пусть их передадут тебе, а ты их подробно донесешь мне. Во всяком случае убедить рабочих, чтобы они немедленно вышли на работу и что все справедливые их жалобы, по разбору будут удовлетворены."

---

[1]) Летописи, л. 9

„Негласным путем также узнать кто из рабочих более всех виновен в безпорядках, кто зачинщики и подстрекатели, но, вообще, при исполнении этого поручения стараться не обострять неудовольствия рабочих, и дело кончить возможно тихо и смирно.“[1])

Метод старый: успокоить, под шумок выведать, кто наиболее активен, а потом „выдворить.“

28-го Марта 1889 года, Малышев донося о причинах, указанных выше, вызвавших забастовку докладывает: „в безпорядках из рабочих, как зачинщиков и подстрекателей никого не открыто.“[2])

В Апреле месяце на тех-же приисках, очевидно, снова произошла забастовка, что видно из отношения горного исправника Траскина от 27-го апреля за № 1870:

„Присланные ко мне из Аканак Накатаминского Т-ва за уклонение от работ рабочие Гаврилов, Иванов и др. заявили, что они безсменно работали в мокрой шахте и что управление при этом не выдает им кожанов, а работают они там в собственной одежде. Уведомляю приисковое Управление, что при работах в мокрой шахте рабочим обязательно должны быть выдаваемы кожаны или брезентовые куртки, словом, непромокаемая одежда.“[3])

В свое оправдание промысловое управление пишет:

„На распоряжение Ваше Высоко-благородия имеем честь донести, что на промыслах Т-ва есть, *и то неособенно мокрая работа*[4]) только в шахте № 9 на Парасковьевском прииске, где во время работ выдаются рабочим кожаны и башлыки кожанные, а препровожденные к Вашему Высокоблагородию при донесении от 24-го апреля с. г. за № 514, рабочие люди буквально отказывались от всяких работ, вследствие чего и были представлены для должного с них взыскания. А. Федоров.“[5])

Единственным „защитником“ интересов рабочих был, как видим, горный исправник, да и тот, если вспомним, что он находился в совершенной зависимости от промыслового управления, экономически,—ничего не мог поделать.

---

[1]) Материалы относящиеся к 1889 году, найдены, в столь хаотическом состоянии, что никакую прежнюю нумерацию, установить неудалось. Ввиду этого, при ссылках, обозначаем просто «Материалы 1889 года»

[2]) Материалы 1889 г.

[3]) Там-же.

[4]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

[5]) Материалы 1889 г.

В ноябре бастуют рабочие на Еленинском прииске Бодайбинской компании. Подробно об этом читаем в докладной записке промыслового управления, поданной на имя горного исправника:

„Во время общего отдыха 8-го ноября, рабочая команда, находящаяся на Еленинском прииске в количестве 480 человек, собравшись по сигнальному свистку на общую порцию, прислала ко мне артельного старосту, который обратился со следующими словами: „команда просит у вас две порции водки, одну она не хочет пить, т. к. полагается две порции и на Прокопьевском дают две“. Имея распоряжение от г. Главноуправляющего промыслами Калашникова подавать в отдыха одну порцию, в выдаче другой отказал, когда староста об отказе об'явил команде, то послышались голоса: „пойдемте в казармы“! *и все ушли, не выпивши ни одной порции водки. Я попросил г. урядника Челпанова сходить в номера и об'яснить, что их требование не законно*[1]) и не верно то, что должны подавать по две порции. Все, конечно, отзывались „как команда—так и они“. Узнавши стороной, что если я не подам по 2 порции водки, то команда на завтра не пойдет на работу, я после обхода казарм с урядником, уже в 4 часа подал по 2 порции, тем более, что улышал и на Прокопьевском прииске в этот день была подана двойная порция по случаю тезоименитства управляющего Гвоздева. Увидевшись с Ксенофонтом Михайловичем (Калашниковым? Ф. Г. и Я.Ш.) я все это передал ему и он еще раз приказал подавать не больше одной порции, т. к. и соседи наши подают тоже одну“.

„Теперь 21-го числа с.-м. предстоит следующий общий отдых. Через известных мне лиц я узнаю, что в команде ходит брожение, чтобы и теперь опять требовать две порции, да кроме того еще прибавки платы, чего достигнуть уменьшением хозяйской обязательной нормы выработки. Величина выработки и плата у нас на прииске определяется и подсчитывается согласно контракта и даже более, с надбавкой за старательские работы и выяснены команде окружным инженером во время недоразумения в команде 5 октября с. г. и им утверждены. В последнее время для одной шахты еще

[1]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

сверх этого сделано поощрение: вместо подачи обязательных 3-х кубических аршин каждым человеком, поставлена норма в $2^1/_2$ аршина. Это сделано в видах тех, что под‘ем производится не у той шахты, участок которой разрабатывается, т. к. это шахта специально водоотливная: в сущности это откатка не дальняя“.

„По выяснению вышеизложенного, с согласия управляющего, обращаюсь к Вам и покорнейше прошу пожаловать на Еленинский прииск 21-го числа к общей порции, для того, чтобы выяснить рабочим их незаконные требования и нетерпимое поведение. К сведению сообщаю, что команда у нас в 520 человек. Гуляев. 19 ноября 1889 года“[1]).

Однако, даже с „согласия“ главноуправляющего горный исправник не совсем то хочет присутствовать и пишет в ответ:

„... надо относиться к ним снисходительнее, дабы *из за какого нибудь стакана водки не обострить отношений управления с рабочими*,[2]) присутствие-же свое 21 ноября на прииске во время раздачи винных порций считаю для себя не удобным, *во избежание больших волнений между рабочими*[3]), но для сведения вашего довожу, что 21 ноября я буду на прииске Успенском и если рабочие 22 не выйдут на работу, то прошу меня уведомить“.

„Вы сами прекрасно знаете, что работы на Еленинском прииске гораздо тяжелее чем на Прокопьевском и потому *Ваше дело стараться заинтересовать команду так, чтобы она шла с удовольствием на работы, а чем русского рабочего заинтересовать, как не водкой? А потому здесь нужна сноровка, у Вас есть старые служащие которые ее прекрасно знают*[4]). 20 ноября № 5151“[5]).

Чтобы понять это письмо надо упомянуть, что и раньше именно этот горный исправник Траскин отличался своим свирепым отношением к рабочим, чем и об‘ясняется его нежелание поехать на Еленинский прииск 21 ноября[6]).

---

[1]) Материалы 1889 г.
[2]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
[3]) То-же.
[4]) То-же.
[5]) Материалы 1889 г. [6]) Там-же.

Нельзя не обратить внимание, на разницу между тоном откровенно-циничного Траскина и любителя много рассуждать—Гофмана.

Траскин с завидной ясностью разрешает вопросы, кажущиеся Гофману столь трудными. Рассуждения Траскина примерно таковы: Вы эксплоатируете самую дешевую рабочую силу—„русского рабочего". Недовольство этого эксплоатируемого, своим угнетенным положением может вспыхнуть каждую минуту, по поводу любого пустяка. Эта рабочая масса сама не знает, чего хочет, но раз вспыхнув, не скоро снова уляжется под удары. Так уступайте же в тех мелочах, которые не влияют на Ваши прибыли, а вместе с тем успокоят грозящее возникнуть возмущение.

Не прибегайте к моему посредничеству. Рабочая масса, надеясь в представителе государственной власти, встретить нейтральную державу, а найдя лишь приказчика капитала в полицейском мундире, только еще более возмутится.

Траскин дополняет ранее нарисованную картину приискового вулкана, внезапно, порой, возобновляющего свою деятельность.

Рабочее движение в 1901 и 1904 годах.

О рабочем движении в начале XX века, на приисках Ленско-Витимского округа, лица подходившие до сих пор к рассмотрению событий 12 года, говорят, чрезвычайно вскользь, как о чем-то ни в малейшей, причинной связи с последующими событиями не стоящем, и даже как-то качественно различающемся.

Автор книги, изданной Баташевым записывает следующее:

„В практике Ленского Т-ва были случаи, когда рабочие требовали увольнения служащих, и в этом требовании приисковое начальство не видело ничего политического... и уступало таким требованиям“.

„Так 7 Июня 1902 года забастовали 478 рабочих Ивановского прииска Ленского Т-ва и, между прочим, требовали увольнения 3-х служащих. Ленское Т-во уволило одного из них, а двум другим сделало внушение. Забастовка протекла мирно и кончилась через два дня. Точно также, 2 Января 1901 года забастовало 1700 человек на Нижнем прииске, потребовав, между прочим, более вежливого обращения одного из служащих, и он был Ленским Т-вом переведен на другой прииск.“[1])

Словом получалась патриархально благодушная картина, для нас, уже знакомых со стачками XIX века и с их далеко не мирной окраской, чуть ли не с прямой борьбой с полицейским начальством—картина несколько неожиданная.

Но если мы вспомним, что указанный автор, несколько дальше, вообще, все движение приведшее к 4 апреля склонен характеризовать, как „домашний старый спор труда с капиталом[2]), лишь из-за неразумности последней стороны, так разгоревшийся, то мы легко поймем идиллию, которой он характеризует начало века.

---

[1]) Правда о Ленских событиях, страница 57.

[2]) Там-же, страница 58.

Тов. В. Невский же, в сущности только цитируя отчет Манухина, называет все стачки до 1888 года „беспорядками с буйством...“[1]), и говорит про „исключительно экономический характер“[2]) забастовки 1901 года и аналогичными же чертами характеризует забастовку 1904 года.

В заключение тов. Невский, в подтверждение своей мысли, цитирует иркутского прокурора, указывающего, что Ленские стачки за 20 лет „не содержали в себе проявления социалистической прапаганды“[3]), забывая, что только с точки зрения формально-бюрократической не существует иных политических стачек, кроме устроенных революционными партиями. Но об этом мы будем говорить подробнее, при детальном рассмотреннии идеологической стороны книги изданной Баташевым и отчета Манухина.

Сейчас же перейдем к рассмотрению имеющихся в нашем распоряжении первоисточников.

1901 год.

В 1901 году имели место две забастовки, одна с 2 по 9 Января на Нижнем прииске Ленского Т-ва, другая с 9 по 16 Января на Прокопьевском прииске Бодайбинской Компании. Число бастовавших в первом случае 1700, во втором 800.

Забастовки эти, впрочем, получили немедленно отзвук и за пределами Витимского Горного Округа, а именно на приисках Ратькова-Рожнова Олекминской системы, но материалов дальнейшего развития у нас нет[4]).

Первая из подлежащих нашему рассмотрению забастовок прошла, повидимому, очень спокойно и без проявления особой нервности со стороны полицейской и приисковой администрации.

В своем донесении иркутскому губернатору, общем для обеих забастовок, от 16-го Февраля за № 332, гор-

[1]) Красная Летопись, изд. Петроистпарта, № 2—3, стр. 357.

[2]) Там-же.

[3]) Там-же, страница 358.

[4]) Единственные сведения, которые мы имеем об этой забастовке,—фраза из телеграммы горного исправника от 16 января, товарищу прокурору в Киренск: «—. . . 16 . . . началась стачка приисках Ратькова-Рожнова Олекминской системы рабочих—300». Дело горно-полицейского исправника Витимского горного округа за 1901 год, страница без нумера. В дальнейшем, ввиду того, что общей нумерации в деле нет, приводим ссылки сокращенно: Дело 1901 г.

ный исправник Львов так характеризует забастовку: „2-го Января на Нижнем прииске Ленского Т-ва рабочие в числе 1700 не вышли на работу и через выборных вечером того-же 2-го Января пред'явили приисковой администрации требования свои об некоторых условиях найма."[1])

Так как при первоначальных переговорах не было достигнуто „миролюбивого соглашения, Управление решило 4-го Января расклеить об'явление... с подробным изложением как претензий рабочих, так и предлагаемых Управлением. Об'явления эти были расклеены 5-го Января. Вместе с этим Управление 4-го Января донесло мне *о возникновении безпорядков*...[2]) я тотчас... сам выехал на приисков, куда и прибыл вместе с Окружным Инженером".

„На прииске начальник II дистанции Инженер Кокшаров сообщил нам, что *рабочие все время вели себя смирно, спокойно, никаких безпорядков и насилий не производили, не пьянствовали*[3]) и, повидимому после 2-х праздников (6 и 7 Января) выйдут 8-го Января на работу. На самом деле, рабочие 8-го Января не приступили к работам и я с Окружным Инженером утром в 8-м часу, об'ехал большую часть казарм, убеждая рабочих кончить стачку, но получал в каждой казарме всегда один и тот-же ответ: „как команда, а мы хотим работать", но никто не пожелал выйти на работы, ссылаясь на то, что в казарме их мало и если они пойдут, то другие рабочие могут побить их за это. Не достигнув этим путем никаких результатов, Окружный Инженер и я собрали приблизительно $^{3}/_{4}$ всей команды и всех выборных на площадке около приисковой конторы и здесь в продолжении не менее 2-х часов времени, вели с ними переговоры в присутствии Главноуправляющего Граумана и Начальника дистанции Кокшарова. Только после подробного рассмотрения всех их претензий и уступок сделанных Управлением, команда согласилась на следующий день начать работы и попросила Управление дать всем рабочим по $^{1}/_{100}$ водки. Просьба рабочих была удовлетворена и 9 го Января работы на приисках возобновились." [4])

---

[1]) Отношение за № 332, от 16 февраля, копия, страница 1.

[2]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

[3]) То-же.

[4]) Отношение исправника, страница 2—3.

Исходя из этой цитаты можно предположить, что уступчивость рабочих об'яснялась популяризационными талантами и ораторскими способностями исправника и инженера, раз'яснивших им, так сказать, смысл их собственных требований и уступок им сделанных.

Между тем более внимательное рассмотрение об'явления приискового управления, о котором упоминает исправник, открывает нам истинные причины происшедшего.

Требования рабочих сводились к 1) увеличению денежной выписки; 2) разрешению свободного доступа на прииска частных торговцев;[1]) 3) увольнению служащих; 4) *замене заведывающего полицейской частью II дистанции Селиванова.*

Первые три требования Управление, в общем и целом, удовлетворило, что касается 4-го, то в об'явлении говорится: „Управление об'явило, что может о желании рабочих уведомить г. Горного Исправника, который только один и имеет право разобрать виновность урядника Селиванова".[2])

В той же части своего вышецитированного донесения, где дается характеристика требований рабочих, исправник так отзывается об этом специально его касающемся требовании: „относительно замены полицейского урядника другим, мною было об'явлено команде, что до сих пор ко мне не поступило ни одно заявление рабочих на урядника Селиванова, хотя он служит на прииске уже 3-й год и предложил рабочим, которые имеют что-нибудь против него, заявить мне теперь же об этом, чтобы я имел возможность разобрать их жалобу. На что выборные заявили, что он, вообще, грубо обращается с командой и не позволяет вольным торговцам производить торговлю по казармам, но отдельных фактов грубого

---

[1]) Относительно этих двух требований нельзя не отметить, что они являются специфическими, вообще, для приискового района. Дело в том, что цены района превосходили и превосходят цены Иркутского рынка на 100—300%. В период же прекращения навигации цены в районе подымались на 50—100% выше летних. Это обстоятельство связанное, вообще, с случайностью ввоза, обуславливало необходимость натурвыдач рабочим по ценам фиксируемым горным надзором (на год). Эти же натурвыдачи «в счет расчета» вызывали со стороны администрации, стремление откладывать денежный рассчет со своими рабочими до конца найма, получая т. о. от них безпроцентную ссуду; рабочие же стремились, особенно летом, когда цены вольного рынка были ниже фиксированных (зимой соотношение цен менялось в обратную сторону и даже в большей пропорции) получить деньги и иметь возможность использовать их у частных торговцев.

[2]) Дело за 1901 год, страница без нумерации.

обращения урядника Селиванова никто из рабочих не мог привести. *Зная Селиванова, как урядника исполнительного и опытного*[1]) по раскрытии разных преступлений, и *принимая в то же время во внимание неудовольствие команды*,[2]) я об'явил рабочим, что *перевожу Селиванова*[3]) на другой прииск, *отстраняю его от полицейского надзора за рабочими на всех приисках*[4]) Ленского Товарищества, возлагая на него лишь исполнение особо всякий раз даваемых ему мною поручений по обнаружению преступлений, учету запасных, производство взысканий и т. д."[5])

И так ларчик просто открывался. Забастовка кончилась после удовлетворения всех требований, в частности и того требования, которое приисковая администрация не удовлетворила и не могла удовлетворить в своем об'явлении от 5-го января и на которое пошло навстречу полицейская администрация в лице исправника на собрании 8-го января. Но нельзя не отметить того совершенно особенного подхода приисковых рабочих к защите своих прав, в котором капитал в лице своих приказчиков, и самодержавие в лице своей полицейской челяди, сливалось в нечто совершенно нераздельное, до такой степени неотделимое, что требование увольнение полицейского чина обращается к частно-капиталистической приисковой администрации.

И это, как мы увидим дальше, явление самого нормального порядка.

Мы увидим, что создается положение при котором трудно различить, где действует или орудует представитель полицейской власти, служащий частного золотопромышленного товарищества или представитель министерства торговли и промышленности.

И надо иметь ввиду, что трудно провести это различие не по существу (это было бы только естественно), а формально и вам начинает казаться, что вы находитесь в феодальном обществе, где речь идет о непокорных вассалах и где значек горного института дает те же права, что царская кокарда и полицейский наган.

---

1) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.
2) То-же.
3) То-же.
4) То же.
5) Отношение исправника, страница 5—6.

Но это мы будем иметь случай подчеркнуть неоднократно при дальнейшем повествовании, сейчас же мы обратим внимание на следующее:

Уже в забастовке 1901 года, отмечается и при том полицейским источником спокойствие и дисциплинированность рабочих. Это не пьяные бунты. Наоборот.

На время забастовки исчезает со сцены водка, непременный атрибут приисковой жизни появляющийся как-раз тогда, когда заключается победоносная мировая[1]).

Между тем события не давали покоя исправнику: „9 января, утром получив сообщение Главно-Управляющего Бодайбинской К⁰ Осокина, что на Прокопьевском прииске рабочие не вышли на работу, я немедленно с Окружным Инженером выехал на прииск, куда и прибыл того-же 9-го Января".

„На прииске Главно-Управляющий Осокин заявил нам, что он не может в точности об'яснить, какие у рабочих претензии, но, по слухам, они требуют повышения платы и увольнения некоторых служащих и что к вечеру команда обязалась письменно изложить свои требования. Письменное заявление команды на имя Управления,—поступило лишь 10 Января около часу дня На сделанное рабочим 9 Января—мною и Инженером предложения о скорейшем изложении рабочими их заявления, выборные от команды ответили, что рабочие должны предварительно обсудить свои претензии и, что ранее следующего дня они ничего не могут сказать"[2]).

Требования рабочих сводившиеся к 1) увеличению заработной платы и 2) увольнению смотрителя Опрокиднева, были удовлетворены и то, лишь, кажется[3]), отчасти, в отношении 1 пункта, в отношении же 2-го, исправник пишет: что „остался при особом мнении т-к. крайне грубое, временами несправедливое отношение его (Опрокиднева) к рабочим подтвердилось самим Главноуправляющим Осокиным и я настаивал на удалении Опрокиднева, т-к. без перевода его на Пророко-Ильинский прииск, находящийся всего в 1-й версте от Прокопьев-

[1]) Водка и сейчас на приисках выдается, как вознаграждение за сверхурочные и особо тяжелые работы.

[2]) Отношение исправника, страница 7.

[3]) В деле не имеются упоминаемые приложения: 1) первоначальные требования рабочих, 2) ответ Управления.

ского.. нельзя было (достигнуть? Ф. Г. и Я. Ш.) быстрого умиротворения команды".[1]) Но остальная часть совещания в составе главноуправляющего, инженера Гурари,[2]) главного конторщика Гавриловича и окружного инженера не согласилсь с этим предложением.

„Затем, приблизительно, в начале 3-х часов дня, Окружной инженер, я и несколько горных служащих прибыли на Верхне-Прокопьевский прииск, где собралась вся команда и изложив рабочим сущность нашего постановления, инженер и я убеждали рабочих выйти на работы 11-го января. Команда на наше предложение ответила полным молчанием, выборные же в числе 4-х человек заявили, что просят выдать им копию с постановления и тогда они обсудят по казармам (мороз был свыше 40°) можно ли согласиться на сделанные нами предложения или нет и что результат совещания они передадут вечером в дом Осокина. Ходатайство выборных о выдаче им по копии постановления было тотчас же удовлетворено..."

„Несмотря на сделанные Управлением существенные уступки, рабочие не вышли на работы и 11-го января утром прислали своих 2-х выборных заявивших, что команда не согласна с изложенными в постановлении условиями, *что плата мала и что до удаления с прииска служащего Опрокиднева никто работать не будет.*"[3])

„11, 12 и 13 января никаких перемен на прииске не было и Окружный инженер, я и Главноуправляющий Осокин решили принять выжидательное положение, *поручив уряднику, заведывающему станом Абрамову и другим благонадежным служащим*[4]) обходить насколько возможно чаще казармы рабочих и убеждать рабочих прекратить стачку. За эти три дня ясно выяснилось, что большая часть рабочих согласна приступить к работам, что они тяготятся стачкой, но не решается выйти на работы, опасаясь насилий со стороны упорствующих (это большинство то!? Ф. Г. и Я. Ш.), которые строго следят за тем, чтобы никто из рабочих не смел убеждать рабочих кончить забастовку и побили несколько рабочих за то, что они решились первые подать голос за окончание

---

1) Отношение исправника, страница 7—8.
2) Об инженере Гурари см при изложении забастовки 1904 г.
3) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.
4) То-же.

стачки. Упорствующая группа на все доводы и убеждения категорически заявила, что если в точности не будет исполнены Управлением требования рабочих, то работы на прииске не возобновятся и вся команда пойдет к расчету.... Руководители стачки... надеялись главным образом, на то, что Управление принуждено будет уступить требованиям рабочих т.к. для рассчета в К° денег нет и, действительно, у Главноуправляющего Осокина в денежном ящике всего 300 рублей и в магазинной кассе около 1000 рублей. Так-как положение с каждым днем становилось все серьезнее, то чтобы скорее положить конец стачке, Управление решило приступить к рассчету рабочих, *и при содействии Окружного инженера и моем обратилось с просьбой о займе*[1]) денег в Ленское Т-во, Компанию Промышленности, золотопромышленнику Кобрицкому и разным служащим. Денег в течении двух дней удалось всего собрать 18 000, между тем для полного рассчета требовалось не менее 23 000".[2])

О происходящем на приисках, исправник еще 11-го января доносил телеграфно в Иркутск.

„Иркутск три адреса Губернатору, Начальнику Горного Управления, Прокурору Окружного Суда с проверкой."

„Доносим Нижнем прииске Ленского Товарищества с 2 по 9 Января была общая забастовка рабочих числом 1700 главные мотивы требование усиленной денежной выдачи недовольствие некоторыми служащими требования смены их тчк Увещеваниями сделанными уступками стороны Управления достигнуто миролюбивое соглашение тчк Особых безпорядков не было тчк Стачка причинила существенный ущерб делу тчк Протокол составлен судья приступил следствию тчк 9 Января началась стачка 800 рабочих Прокопьевского прииска Бодайбинской Компании рабочие требуют некоторое увеличение платы удаление служащих трех Управление повысило плату согласилось перевести служащих другой прииск рабочие упорно не желают приступить работам требуя окончательного увольнения служащих безпорядков покуда нет миролюбивое соглашение до сих пор достигнуть не можем. Горный Исправник Львов.

Окружный Инженер Левицкий"[3]).

1) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
2) Отношение исправника, страница 8—10.
3) Дело 1901 г., док. № 1.

12 января уже после сообщения, вышецитированного, Окружный Инженер шлет следующую телеграмму:

„Срочно Иркутск Начальнику Горного Управления копия Губернатору“:

„Стачка на Прокопьевском прииске упорно продолжается несмотря на то что требования рабочих имевшие законные основания мною разобраны и удовлетворены исключением удаления старшего смотрителя Опрокиднева—жалобы на которого мною признаны не заслуживающими уважения увольнение Опрокиднева не могу дать согласие ибо это породит в будущем произвол рабочих тчк Небольшие насилия над более благоразумными рабочими начались миролюбивого соглашения не предвижу носится слух что по окончании стачки Прокопьевском таковая начнется приисках промышленности[1]) тчк Может понадобиться военная сила прошу указаний и соответственных распоряжений № 45.

Окружный Инженер Левицкий.“[2])

Одновременно аналогичную телеграмму, к сожалению, в нашем распряжении неимеющуюся послал и исправник, указывая, однако, и свое особое мнение об удалении Опрокиднева.[3])

12-го же Января Левицкий шлет телеграмму одному из главных пайщиков Бодайбинской Компании:

„Иркутск Гостинница „Россия“ Михаилу Ивановичу Корзухину.“

„Прошу немедленно перевода денег на прииск стачка продолжается мирный исход не предвидится если не будет сейчас же денег

Горный Инженер Левицкий.“[4])

13-го же Января исправник и Окружный Инженер опять уже совместно телеграфируют в Иркутск:

„Иркутск два адреса Губернатору копия Начальнику Горного управления.

Стачка Прокопьевском прииске продолжается вчера 12 вечером рабочие заявили что недовольны сделанной на 17 процентов прибавки требуют прибавки на 86 про-

---

1) Т.-е. приисках «Компании Промышленности»

2) Дело 1901 г.

3) На телеграмме губернатора от 13 января, ниженапечатанной имеется надпись: «была еще (неразборчиво) телеграмма, где указывают на необходимость увольнения Опрокиднева». Кроме того это единственное об'яснение отсутствия подписи исправника на телеграмме Левицкого.

4) Дело 1901 г., документ № 3.

центов более условленной платы на что согласиться нельзя дело не может выдержать затем рабочие продолжают настаивать увольнении Опрокиднева двух служащих и фельдшера часть команды заявила уже что команда будет требовать рассчета и не позволит желающим остаться продолжать работы Денег полный рассчет команды нет по условию рассчет производится окончанием операции осенью тчк Безпорядков за день не было моролюбивого соглашения не предвидится

Окружный Инженер Левицкий.

Горный Исправник Львов."[1])

Наконец, 14-го Января получается телеграмма с долгожданными указаниями:

„Об'явите рабочим мое требование прекратить стачку и строжайшей ответственности случае продолжения примите все меры чтобы работы продолжались деньги пятнадцать тысяч для рассчета нежелающих работать переведены наблюдайте чтобы эти рабочие выбыли получении расчета *для личного сведения сообщаю Опрокиднев экстренно Корзухиным*[2]) *вызывается Иркутск*[3])

Губернатор Моллериус"[4])

Эта телеграмма окрылила исправника и он выпускает об'явление в котором цитирует телеграмму губернатора, за исключением фразы набранной курсивом, а в заключение пишет:

„Сообщается для сведения рабочим.

„Рабочие не желающие прекратить стачку—судятся Окружным Судом и подвергаются ответственности по 618 статье Уложения о наказаниях, которая говорит:

„Рабочие при частных золотых, серебрянных и платиновых промыслах за неповиновение хозяину, поверенному или приказчику оказанное на прииске целой артелью, подвергаются наказаниям по статьям закона о возстании против властей правительством установленных."[5])

(Наказание от каторжных работ до тюремного заключения). Исправник Львов."[6])

---

1) Дело 1901 г, док. № 4.

2) Корзухин—главный пайщик Бодайбинской Компании, см. вышеприведенную телеграмму Левицкого ему.

3) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

4) Дело 1901 г.

5) Статья 618 Уложения о наказаниях отменена 18 марта 1906 года, Собрание Узаконений и распоряжений правительства. № 438.

6) Дело исправника Вит. Г. О. за 1901 г., стр. без номера.

Об'явление это успеха не имело, а на обороте одного из экземпляров появилась следующая надпись:[1])

„Команда рабочихъ изъявила следующее будетъ-де довольно поработали даромъ и благодаритъ Ваши Высокия Благородія за доброе обещанія,

Теперь просимъ покорнейше особъ Высокихъ Благородій,

1 е Благоволитѣ все Милостивѣйшимъ распораженіемъ обратить вниманіе на бѣдную оборванную команду, нетолько одеальными матеріями, но и физическихъ силъ,

попроситѣ Главноуправляющего Пріисками со стороны Вашей, не согласится на пунктъ 1-й указанія прозбы постановить плату по 40 коп. за аршин,

2-е Если таковое неудовлетворится, то, команда проситъ покорнѣйшіе выдать чистаго расчета."[2])

14 Января Исправник и Инженер телеграфируют в Иркутск:

„Иркутск срочно два адреса Губернатору копия Начальнику Горного Управления

„Никакие убеждения увещевания не действуют рабочие требуют невозможного увеличения платы тчк Полагаем завтра начнется рассчет сдача инструментов началась, рассчету пойдут все рабочие, из боязни насилий со стороны не желающих подчиниться требованиям тчк Денег нужно 23.000 признаем необходимым усиление полицейских казачьих сил прибыл командир отряда тчк За день безпорядков не было

Горный Исправник Л ь в о в

Окружный Инженер Л е в и ц к и й"[3]).

15 Января утром, они же телеграфируют:

„Срочно Иркутск Губернатору копия Начальнику Горного Управления

„Сегодня утром после свистка по казармам было предложено рабочим выйти на работы желающие влиянием упорствующих не решились выйти стачка продолжается в 11 часов утра начинается рассчет в моем распоряжении имеются всего 25 вооруженных берданками

---

[1]) Печатаем с сохранением орфографии.
[2]) Дело 1901 г.
[3]) Там-же.

казаков под начальством командира отряда безпорядки предвидятся

Горный Исправник Л ь в о в
Окружный Инженер Л е в и ц к и й"[1]).

Но, как видно, из выше неоднократно цитированного отношения исправника—„до 2-х часов дня никто из рабочих за рассчетом не явился, а в 2 часа дня конторщик Гаврилович заявил, что рабочие, видимо, соглашаются работать и просят меня и Инженера к ним. Действительно вся команда была выстроена у казарм и выборный их крестьянин Мельниченко заявил, что рабочие согласны приступить к работам, но под тем условием, чтобы судебного преследования против виновных не было возбуждено, чтоб никого не рассчитывали, а всей команде выдали по $^2/_{100}$ водки. *Я об'явил, что никто без вины рассчитан не будет*[2]) и распорядился подать всем рабочим винное положение"[3]).

И, наконец, 16 Января, исправник мог телеграфировать:

„Иркутск два адреса Губернатору Начальнику Горного Управления

Доношу стачка Прокопьевском прекратилась работы сегодня возобновились

Горный Исправник Л ь в о в"[4]).

Между тем волнение губернских властей, еще не знавших о прекращении стачки, достигло апогея и исправник 16-го получил две телеграммы.

В первой Губернатор Моллериус, очевидно, все время, „державший контакт" с заправилами Бодайбинской Компании, дает категорическое указание „случае безпорядков нужно охранить имущество материалы, товары Компании"[5]) (Бодайбинской), во второй, подписанной за Губернатора Ускановецким и посланной шифром говорится, что „Генерал-Губернатор поручает Вам приложить все старания к мирному водворению порядка", т.-к. „из Иркутска войска могли бы прибыть только через полто-

---

[1]) Дело 1901 г.
[2]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
[3]) Отношение исправника, страница 14.
[4]) Дело 1901 г.
[5]) Там-же.

ра месяца, а из Киренска 60 человек только через 20 дней"[1]).

Надо отметить, что у горного исправника также лежала готовая к отправке телеграмма, в конце концов, им не посланная, но все же к делу пришитая, в которой говорилось, что рабочие „грозят разнести амбары" и что „на основании статей 7—8 приложения примечанию статьи 316 Общего Учреждения Губернского я испрашиваю призыва войска."[2])

Но т. к. все успокоилось, то можно было и приступить к обратной стороне медали, к расправе, словом, к применению извечной, священной теории о подстрекателях и овцах заблудших,

Что применение этой теории неизбежно, прекрасно знали обе стороны.

Недаром, (см. выше требования формулированные Мельниченко), рабочие Прокопьевского прииска требовали гарантий, что никто не будет судим или расчитан, а во время забастовки на Нижнем прииске, 2-го января было выставлено требование:

„Рабочие просили никого не расчитывать за исключением заявивших желание расчитаться."[4])

И не даром, как мы видим в первом случае, Львов ответил, что „никто без вины расчитан не будет," а во втором Управление Ленского Т-ва об'явило не менее лицемерно:

„Управление об'являет, что законные поводы к расчету указаны в законе и каждому рабочему расчитанному неправильно... предоставлено право искать убытки судебным путем,"[5]) (утешение!).

Но это, конечно, только маска.

В своем донесении исправник, касаясь первой из забастовок—на Нижнем прииске, пишет: „из неясного дознания выяснилось, что некоторые из рабочих были зачинщиками и подстрекателями стачки"[6]). Что касается забастовки на Прокопьевском, то тут он гораздо категоричней и определенней: „считаю долгом донести, что

---

1) Дело 1901 г.
2) Там-же.
3) Там-же.
4) Там-же. 5) Там-же
6) Отношение исправника, страница 3.

выборные в особенности Кр-н Мельниченко[1]) были главными подстрекателями и руководителями стачки"[2]). Если мы еще припомним курьезный лейтмотив исправника, согласно которому смирное *большинство* боится физического насилия со стороны *упорствующего меньшинства*, то мы не удивимся тому, что 16 февраля, сообщая в своем донесении о происшедшем, исправник, *даже не ставя точку* после цитированной нами фразы, в которой он пишет о своем обещании не расчитывать без вины, продолжает: „...16 января возобновились работы, а в течении января, *не сразу, а постепенно*[3]) руководители стачки были расчитаны Управлением"[4]).

А вот и более конкретно:

„Из Бодайбо 13 Марта Иркутск Губернатору:

„Негласным сведениям можно ожидать на днях забастовку рабочих Ленского Товарищества для предупреждения безпорядков необходимо выдворить 30 человек подстрекателей из них 10 уже доставлены Бодайбо прошу разрешить выдворения этих и впредь какие будут замечены счет компании жилое место"[5])[6])[7]). (Милый полицейский хозрасчет!!! Ф. Г. и Я. Ш.).

И следует ответ, замечательный лаконизмом философского вывода:

„Иркутска 15 Марта Бодайбо Витимскому Исправнику

„Не встречаю препятствий выдворению тех которых необходимо выдворить. Губернатор Моллериус"[8]).

Теперь мы можем позволить себе некоторые суммирующие выводы о рабочем движении в 1901 году:

1) Основной фон, который мы не имеем права забывать ни на минуту, без ясного и отчетливого определения которого блекнут все краски, это *формальное и фактическое тождество приисковой администрации и полицейских органов, капитала и самодержавия*.

---

1) О Мельниченко см. еще при изложении забастовки 1904 года.

2) Отношение исправника, страница 8.

3) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

4) Отношение исправника, страница 14.

5) Дело 1901 г.

6) Телеграмма в копии не подписана, но приложенная квитанция и ответ губернатора не оставляют сомнений в том, что она была послана.

7) «Жилое место»—Ленское обозначение (и сейчас существующее) всего не Ленского, в сущности ближайшее к Бодайбо «жилое место»—Иркутск.

8) Дело 1901 г.

Цитируемая, очевидно, как крайнее средство, исправником Львовым статья 618 Уложения о наказаниях, приводит нас еще к тому времени, когда золотые промысла, особо благоприятствуемые полицейско-буржуазным государством казались русской Каенной.

К работающим там, закон такого государства не мог относиться иначе, как к каторжникам, и именно поэтому предприниматель и его служащие, решившиеся на использование труда этих полу-зверей, приравнивались к „властям, правительством установленным", являясь тем самым разновидностью тех 100.000 полицеймейстеров-помещиков, о которых мечтал Александр III.

Между ними, именно этой 618 статьей, как колонизаторами дикой тайги, неизбежно к казацкой нагайке прибегающими, и всей остальной промышленной буржуазией, порой склонной предаваться иллюзиям парламентаризма, хотя-бы „земско-соборного" привкуса и более или менее умеренной сущности, клалась определенная грань.

Мы видели, что еще в 1882 году эта 618 статья воз'имела вполне реальные последствия в виде каторжных работ, но в 1901 году она уже являлась лишь пугалом.

И тому есть причины, идущие по двум линиям.

Во-первых не было физически возможным вырывать вооруженной рукой из рабочей массы т.-н. подстрекателей, хотя по 618 статье на каторгу можно было послать не только этих козлов отпущения, служащих к утешению полицейской идеологии, но и всех бастовавших, инсценировав курьезное зрелище суда с 800 обвиняемыми.

Но этого об'яснения недостаточно. Мы видели, что 30 человек были высланы, также хорошо можно было их прямо препроводить в окружный суд.

Вся сущность дела в том, что к XX веку рост хозяйственно-буржуазного фундамента и царско-феодальной декорации уже стоял в таком, если не сознательно-политическом, то общественно-психологическом противоречии, что *формально* отождествлять капитал и царизм, казалось, неприменимым и невозможным.

Если Петр I-й сам был коммерсантом предпринимателем национального масштаба, если командир арьергарда

крепостничества-Николай I-й, мог поддерживать честь патриархальной легенды о царе-работнике и детях его, то правительству последнего Романова, уже приходилось становиться в роль супер-арбитра между пролетариатом и капиталом, демонстрируя свою „надклассовость“.

И потому Романов уездного масштаба, исправник Львов мог, конечно, только с перепуга, прямо сказать, что неповиновение ему, представителю самодержавной власти, равносильно неповиновению разным Осокиным, Гурари и Грауманам. Нужды нет, что пресловутая статья была отменена только в 1906 году.

Но если получалось пикантное положение, при котором царский чиновник не решался воспользоваться правом формально ему предоставленным, именно потому что оно было формально—откровенно, и стыдливо отклонял свое частно капиталистическое тожество, то, с другой стороны, фактически, не de iure, a de facto, он это тожество не только признавал, но и осуществлял.

Он помогает безденежным золотопромышленникам—спекулянтам ведет для них переговоры о займе, наконец, посылает своих полицейских урядников для уговаривания рабочих вместе с служащими частного золотопромышленного т-ва, называя последних „другими благонадежными служащими.“

В том же направлении действует и высшее губернское начальство, но уж рука обруку с иркутскими пайщиками, не нуждающимися в непосредственно-таежной работе, и это же начальство дает категорическое указание об охране вооруженной силой имущества промышленников, отличающихся пустотой кассы.

2) Рабочее движение приискового района становится наглядным только на этом фоне. Неверны и в корне ложны мелко-буржуазные, истеричные вопли Баташева и Тульчинского, которым трестирование, монополия и т. п. явления—результаты концентрации буржуазного капитала, кажутся причиной всех зол. Мы будем иметь случай, на этом остановиться подробнее, но сейчас укажем лишь на то, что взгляд, согласно которому к 1912 году, прежние, какие-то партиархальные отношения нейтральной царской администрации, стоявшей над рабочими с одной и золотопромышленными т-вами, с другой стороны, заменились какой-то подкупленной услужливостью

по отношению к монопольному предпринимателю—Ленскому Акционерному О-ву, этот взгляд в основе антиисторичен.

Ничего подобного. В 1912 году экономическая реальностость и вся жизнь была настолько сложнее 1901 года, что мы увидим, что и Тульчинский, и Галкин (исправник) и даже Трещенков, были гораздо самостоятельней чем Львов и Левицкий на 11 лет раньше. И это опять таки зависело вовсе не от них лично, а от массы об‘ективных условий и вся сущность событий 12 года заключается в том, что отголоски первой русской революции долетели и до Ленского пролетариата, т. е. самого отсталого во всей России, а с другой, обратная волна колебаний контрреволюции не могла не отозваться и на психологии противоположного лагеря, дав одному из них и непосредственно-боевое, крещение в крови Сормовских рабочих, а другим, во всяком случае крещение,—психологическое.

В 1901 же году, мы видим, что рабочие не делали, и не могли делать разницы между исправником и хозяином прииска. Оба для них были „Ваши Высокія Благородія“, волеиз‘явление которых могли быть только „Все Милостивѣйшія“.

Поэтому в требованиях,—увольнение урядника становится на ряду с увольнением фельдшера или смотрителя. Тут еще нет развития типично—„девято-январьской“ идеологии, на фоне которой, как мы увидим и разыгрались события 1912 года, и которая говорит, что самодержавие дарует высшую справедливость рабочему люду.

Правда крупица этой идеологии перед нами промелькнула в событиях 83 года в виде ожидания коронационного манифеста; еще раз она появится перед нами вскользь во время забастовки 1904 года, но ее пышный расцвет наступит только к 12 году.

Но нельзя не отметить, что по имеющимся материалам найти отражение этой идеологии чрезвычайно. трудно. Исправник, жандарм, судья, прокурор в погоне за чином и орденом, нервно искали малейшего намека, „на гидру революции“ и ее тлетворное влияние.

Но доносить о каких-то надеждах на какой-то манифест, на царскую милость, значило в сущности говорить: „все спокойно, все верят в царя, что он дает справедливость, а он ее и не дает“.

А такое донесение и такой вывод был совершенно безполезен.

И если так понятно, что Трещенков не мог писать, что он расстреливал толпу с царским портретом, если не реальным, то во всяком случае идеологически воображаемым, если Манухину был так естественно все свести к экономической подкладке, дабы избежать неприличного повторения картины 9 января „за царя, под пули царя“, то тем более требуют определенного социологического анализа близорукие выводы Баташева о чисто-экономическом характере событий 12 года.

Забастовка 1901 года на Нижнем прииске также не была чисто-экономической.

Это была забастовка в защиту своих прав, забастовка не являлась одним из этапов планомерной экономической борьбы—требования забастовок чисто-экономических обычно всегда ясны и отчетливы перед глазами бастующих,—а взрывом недовольства, взрывом недовольства колониально-эксплоатируемых пролетариев, находящихся под постоянной угрозой не только расчета, но и расстрела.

Мы видели, что при забастовке на Прокопьевском прииске требования вырабатываются 1½ суток. Почему? Да потому, что *требования эти только последствия первичного факта-взрыва недовольства.*

Не было предварительного собрания, а был лишь предварительный подпольный сговор. Почему? Да потому, что *только уже совершившаяся забастовка дает возможность открытого собрания и агитации,* потому, что как это ни пикантно, для царского произвола, *только прорвавшаяся нелегальщина-забастовка, легализует рабочую общественность.*

Далее, в то время, как во время чисто-экономического движения, требования расширяются или сокращаются, в зависимости от сговора, своего рода торговли, здесь, и как мы увидим дальше, это не случайно, чисто-экономическая часть требований идет все разростаясь, как например во время забастовки на Прокопьевском прииске, от 17 до 68%, и кончается все же мыльным пузырем и как-будто полным отступлением.

Но полное ли это отступление?

Мы видели, что на Нижнем прииске, где обще-экономических требований вовсе не было пред'явлено, там по частичном устранении немедленно заявленных претензий, являющихся несомненно поводами забастовки (причина—общее правовое недовольство) забастовка легко ликвидируется.

Не то на Прокопьевском.

Неустранение администрацией поводов забастовки (причина тут и там одинаковая) вызывает расширение требований. Но когда, хоть не прямо, а косвенно (мы знаем, что Опрокиднева „экстренно" вызывают в Иркутск), *забастовка кончается, именно потому, что расширившиеся требования были только последующим моментом развития, уже б.-м. внутренней работы среди выборных.*

Для рабочей же массы, *устранение б.-м. и гораздо более мелких, но гораздо более характерных для общеправового недовольства поводов забастовки,—обращения с рабочими не как с людьми*, в замаскированном виде признаваемого и исправником—*явилось достаточным мотивом для успокоения.*

И не даром именно на этом, персонифицированном в Опрокидневе, конкретно важном вопросе, происходит разногласие между исправником и окружным инженером, не даром к этому вопросу прикладывает руку и губернатор.

1904 год.

О забастовке 1902 года на Ивановском прииске, о которой имеется упоминание в книге изд. Баташевым[1]), нам не удалось найти никаких подробностей. Но судя по количеству участников—478—она особенного интереса не представляет.

Тем подробнее остановимся на событиях 1904 года, несомненно наиболее значительных из всех предшествовавших забастовке 12 года.

Это обстоятельство, косвенно, отразилось, между прочим, в том, что делопроизводство горно-полицейского Исправника присвоило папке, содержащей соответственные дела, необычайное и длинное название: „По описи № 14 дело за 1904 год горно-полицейского Ис-

---

1) Правда о Ленских событиях, страница 57.

правника Витимской системы, об уклонении от работ рабочих, находящихся на приисках и у подрядчиков и бежавших. Здесь же описи и телеграммы об агитаторах."

Первая забастовка этого года произошла на Прокопьевском прииске.

7-го Марта горно-полицейский исправник Витимской системы, подробным донесением, за № 896, сообщает иркутскому губернатору о происшедшем:

„3-го сего марта Главноуправляющий Ленского Т-ва Белозеров, бывший по своим делам в Бодайбо лично, заявил мне, что на Прокопьевском прииске команда рабочих более 700 человек не вышла на работы, *жалуясь на двух стражников, побивших рабочего*....[1]), двух стражников я приказал немедленно отправить с Прокопьевского прииска на Бодайбо.... В 11 часов ночи 3 го марта.... я получил по телефону сведения, что на Прокопьевском прииске *забастовка продолжается, что рабочие требуют сменить врача, пятерых служащих и урядника с соседнего прииска Елшина*[2]) и стражника Даровских."

„Утром 4-го марта я выехал с мировым судьей на Прокопьевский прииск... прибыв к $4^1/_2$ часам дня. Местный урядник Каблуков доложил мне, что рабочие дожидают меня у казарм. Наскоро переговорив с Горным Инженером о положении дела, я вместе с г. г. Окружным Инженером и Мировым Судьей отправился к рабочим."

„Поздоровавшись с рабочими, которые очень дружно ответили приветствием, я, выслушав заяления трех выборных от рабочих которые сначала старались указать на несвоевременную подачу инструментов, на то, что кайлы тупые, затем высказали неудовольствие на служащих и негодование на стражников и урядника Елшина."

„Пользуясь замешательством заявленцев, *которые, обращались к толпе, чтобы сами говорили и не сделали их виноватыми*,[3]) я обратился к рабочим приблизительно со следующими словами: Разбор заявлений,

---

1) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
2) То-же.
3) То-же.

кроме (неразборчиво) на пов. (едение? Ф. Г. и Я. Ш.)[1]) стражников, по закону принадлежит власти Г. Горного Инженера и поэтому входить в оценку этих заявлений я не могу, что касается жалобы на полицейских стражников, то с этим я разберусь постепенно и что найду нужным немедленно изменю. Я человек здесь новый и потому не могу без проверки удовлетворитъ ваши заявления, чтобы не попасть в ошибку и не обидеть безвинного. Не следует забывать, что мы переживаем теперь трудное время. Война на Дальнем Востоке призывает все лучшие силы наши не только оказать помощь денежными средствами и личным трудом, но побуждает всякого пожертвовать жизнью на защиту отечества, а в такое время затевать безпорядки по меньшей мере грешно."

„Я предлагаю для первого знакомства прекратить все это и выходить на работы"[2]).

„Несколько голосов ответили: „согласны", на это я поспешил громко ответить „спасибо братцы." Я считаю дело оконченным и пойду посмотреть казармы. Обойдя несколько казарм и осмотрев, совместно с Горным Инженером направился к казачьей, где продолжали стоять рабочие в ожидании получения обычной мировой сотки водки. Я был встречен словами нескольких рабочих: „дозвольте выпить за ваше здоровье". Я ответил: „спасибо братцы, я согласен". Рабочие закричали „Ура", махая шапками в воздухе...."[3]).

В этой начальной части донесения, чувствуется новый человек для приисков, да действующий еще вдобавок на таком благодарно-чувствительном фоне, как война, защита родины и собственное красноречие.

И лишь в конце донесения, вообще, весьма нескладно оперирующего фактами и их хронологией, г. полицейский благодетель переходит на более конкретную почву.

„Утром[4]) вся команда рабочих отказалась выходить на работы и пред'явила требования на счет продуктов,

---

[1]) Слово в подлиннике недописано.

[2]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

[3]) Дело Горно-полицейского исправника Витимской системы за 1904 год, об уклонении от работ рабочих, находящихся на приисках и у подрядчиков и бежавших. Здесь же телеграммы об агитаторах, страница без номера. В дальнейшем будем указывать кратко «Дело 1904 г.».

[4]) 3 марта.

капусты, крупы, потом жалобы на служащих, на врача, на урядника Елшина и на стражника Даровских... Горным Инженером и Главноуправляющим Белозеровым было об'явлено, что не желающие работать могут получить расчет и что требования о замене служащих не могут быть удовлетворены. Днем 3 марта между рабочими наблюдалось много пьяных, выражавших негодование к полицейской страже, *а когда узнали, что двоих стражников я потребовал на Бодайбо, то успокоились...*"[1])[2])

Из имеющихся у нас материалов, особенно благодаря бестолковости исправника, не видно нашло ли удовлетворение хоть какое-нибудь требование об увольнении служащих. Судя по лишь двухдневной продолжительности забастовки, можно думать, что движение удалось ликвидировать уступками, сделанными исправником.

Но нужно отметить, что этому свежему, не-приисковому, полицейскому чиновнику (и именно может быть поэтому) была вполне ясна ненормальность отношений между рабочими и служащими. „Я заявил, пишет он в заключение, что *приисковые служащие* крайне не сдержаны в обращениях с рабочими и *вызывают к себе из-за пустяков иногда серьезные неудовольствия и даже злобу рабочих*, что *служащие* очевидно *не собразуются с нравственным состоянием*,[3]) зачастую раздраженного тяжелым трудом, особенно на поденных мокрых работах, чтобы выждать более удобного случая и пред'явить к такому рабочему свои требования и тем создают нежелательное повторение. Судя потому, что на трудных работах некоторые зарабатывают до 5-ти рублей—можно себе представить до какого состояния приводят себя, такой рабочий и до какой степени важно избежать раздражения."[4])

Непосредственно практической и чрезвычайно красноречивой иллюстрацией к выводам полицейского начальства о необходимости „избегать раздражения", являются следующие материалы и документы, представляющие собой уже осуществившееся опасение выборного рабочего, который просил, обладая, очевидно, опытом

---

[1]) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.
[2]) Дело исправника 1904 г.
[3]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
[4]) Дело исправника 1904 г.

в подобных случаях, „толпу“ непосредственно высказывать свои жалобы, дабы, не сделать его виноватым.“[1])

Правда, в уже цитированном донесении, исправник, не желая выпадать из общего тона государственно-отеческой предусмотрительности писал: „раследования о руководителях (наличие „руководителей“ во всякой забастовке—полицейская аксиома Ф. Г. и Я. Ш.) забастовки я не коснулся, так как, по местным понятиям, всякая попытка в этом направлении может послужить лишь поводом для рабочих к новым волнениям. В отношении урядника Елшина собираю сведения, стражников: Торбеева переместив в другую К° и Даровских на Бодайбо, где буду иметь за ними наблюдение.“[2])

Но, если т. о. г. исправник, занимаясь „высокой политикой“ занимался, как будто, скорей раследованием действий урядника Елшина, нежели „руководителей“, то полицейская машина не дремала и оказалась таки сильней своего начальства.

Еще 6 марта, т. е. когда исправник сочинял свое донесение, урядник Каблуков, желая помочь „коллеге“ попавшему в беду, пишет уряднику Елшину, увольнение которого требовали рабочие—следующее отношение, снабженное многообещающей отметкой „арестантское“:

„Горно-полицейскому уряднику Елшину.

„При сем препровождаю личность Федора Федоровича Чернова задержанного за праздношатательство и за подстрекательство рабочих Прокопьевского прииска, произведенного бунта (хороша терминология! Ф. Г. и Я. Ш.) 3 и 4 марта с. г., я прошу вас милостивый государь отправить Чернова по принадлежности в распоряжение господина исправника Витимской системы. Горно-полицейский урядник А. Каблуков“[3])

И тут-же любезное указание: „при этом присовокупляю, что могут удостоверить об его, Чернове, подстрекательстве служащие Прокопьевского прииска... Пестяков... Шанфуров... Горнаков. Горно-полицейский урядник Ал. Каблуков.“[4])

Елшин, конечно, не замедлил, воспользоваться любезными указаниями своего товарища по оружию. 7 марта

---

1) Смотри выше.
2) Дело исправника за 1904 г., стр. без номера.
3) Там-же, отношение № 605 от 6 марта.
4) Там-же.

он допросил, или если допускать в изложение сухих документов, бытовую правду—побеседовал со своими постоянными и верными соратниками—приисковыми служащими.

Действительно, Пестяков показал, что во время забастовки, между рабочими „фигурировал.... Федор Чернов, который своими увещеваниями настраивал рабочих к невыходу на работу и неповиновению полиции. *Благодаря его настойчивости, рабочие начали пред'являть требования, служащие вредом делу*,[1])[2]) Шанфуров показал, что среди рабочих „более подававших голос, был какой то человек, как я потом узнал, Чернов."[3])— Наконец, Черкашин в своем показании говорит, что „Чернов кричал: покажите мне смотрителя Лазовского. Я его разорву."[4])

На основании всех этих любезных свидетельств, Елшин постановил, что так-как Чернов „во время стачки этих рабочих 3 и 4 марта был их главарем,—т. е. подстрекал *рабочих к возбуждению разных вопросов идущих в разрез приисковой администрации, а также и полиции.*"[5]) (Вот патриархальная отчетливость идеологии колониально-приисковой эксплоатации. Ф. Г. и Я. Ш.)— „Чернова арестовать и представить на распоряжение господина Горного-Исправника Витимской Системы."[6]) И отношением за № 1370 от 9 марта Чернов и „препровождается" исправнику.

Получив „арестантское" дело Федора Чернова, к рассмотрению лишь около 15 марта[7]), исправник к тому времени уже спустившийся с облаков высших соображений на прозаическую почву полицейского участка, пишет две резолюции: 1) „Чернов об'яснил, что пьянствуя некоторое время, решительно не помнит, что говорил. *Ограничиться на этот раз лишь высылкой Чернова*[8]) в распоряжение Киренской полиции, которую просить наблюдать, чтобы Чернов, выбыл в место прожи-

---

[1]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
[2]) Дело Исправника за 1904 год, протокол опроса.
[3]) Там-же.
[4]) Там-же.
[5]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
[6]) Дело Исправника за 1904 год, протокол 7 марта.
[7]) Входящий № канцелярии Исправника от 16 марта.
[8]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

вания с путевым листом, если не будет скорой возможности отправить далее с партией. 2) Переписку оставить для составления особого доклада г. Губернатору, с просьбой об указаниях, как поступать в таких случаях"[1]).

Таким образом мы и в этом, очень незначительном эпизоде приискового забастовочного движения, видим все те же хорошо знакомые нам, по предыдущим страницам черты:

1) Фактическое тождество приисковой администрации и полицейской власти в глазах рабочей массы и низших агентов этой двуединой империи, тождество лишь формально отрицаемое на верхах.

2) Общий фон непрекращающегося недовольства, по временам вырывающегося наружу, пользуясь наиболее резкими в данный момент, и вместе с тем, сравнительно случайными поводами недовольства, глухого и неясного, постепенно стремящегося к расширению своих требований, не могущих вместе с тем быть четко формулированных самой рабочей массой.

3) Бессознательная политичность требований этой рабочей массы, не могущей в силу специфических условий, различать понятия царского самодержавия и частнопредпринимательского капитализма.

4) Применение извечной полицейской теории о „подстрекателях" и „руководителях".

Следующая забастовка произошла на Андреевском прииске К° Промышленности. В более позднем донесении (от 22 мая), исправник так описывает забастовку, продолжавшуюся с 12 по 18 апреля.

„13 апреля сего года я получил извещение по телефону, что на Андреевском прииске К° Промышленности, более 1000 человек рабочих не вышли на работу. Немедленно выехавши из города Бодайбо, я, прибыв на Андреевский прииск в 6 часов вечера и, опросив рабочих узнал, что *условием выхода своего на работы они ставят увольнение трех смотрителей шахт, особенно их притесняющих*"[2]).

Раз'яснивши рабочим, что такое требование их не подлежит удовлетворению, я старался убедить их прекратить забастовку и выйти на работы, но безуспешно.

---

[1]) Дело Исправника за 1904 год. Резолюции на отношении за № 1370.
[2]) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

Тогда же рабочим были прочитаны некоторые пункты постановления Г. Иркутского Генерал-Губернатора, воспрещающего сборища и сходки. На другой день рабочие на работы не вышли, им было предложено немедленно получить расчет. Несмотря на такое предложение рабочие расчитаться не пожелали. В таком положении оставалось дело 14 и 15 апреля, *причем рабочие выражали крайнее неудовольствие на неотпуск им припасов из приискового амбара.*[1]) Около 12 часов дня 16 апреля рабочие всей толпой вышли с прииска и направились в г. Бодайбо, но на 8-й версте сделали привал и, посовещавшись повернули обратно на прииск, *пославши в Бодайбо лишь шесть выборных для подачи по телеграфу жалоб г. Генерал-Губернатору.*[2]) В промежуток этого вренени *я убедил приисковое Управление в необходимости выдавать припасы,*[3]) хотя бы оставшимся семьям рабочих. 17-го числа все рабочие также не вышли на работы и начали работать лишь 18-го числа, *после того, как накануне приисковое управление согласилось уволить трех указанных служащих и не расчитывать рабочих до конца контракта без законных причин.*[4]) К этому считаю долгом присовокупить, что за время стачки рабочими не было допущено никаких насилий или особых безпорядков."[5])

В этом сообщении, исправник, не счел нужным остановиться на одном любопытном факте. Дело в том, что у выборных, посланных для подачи телеграммы, как нельзя более характерна надежда возлагаемая на генерал-губернатора, одним чином своим внушавшего неграмотной массе представление о каком-то особом могуществе—телеграфировать губернатору просто не подумали—кроме того, исправник забыл еще одну мелочь,—эти шесть выборных были.... арестованы тут же по его же, собственному распоряжению.

И Горно-Полицейский урядник Михайло—Архангельского прииска „препроводил" их в Бодайбо, со следующей бумагой: Его Высокоблагородию Господину Горному Исправнику Витимской Системы."

---

1) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

2) То-же.

3) То-же.

4) То же.

5) Дело Исправника за 1904 год, № 1564 от 22-го Мая.

„Рапорт. Согласно распоряжения В. В. полученного мною по телефону, через Успенский прииск, переданного в 11 час. 30 мин. служащим Безобразовым, задержанных мною на Михайловско-Архангельской будке (переезд),[1]) рабочих: Задирка Николая,[2]) Рудзинского Станислава, Зонова Михаила, Кривошеина Ивана, Косульникова Семена и Макарова Григория, имею честь препроводить в распоряжение Вашего Высокоблагородия....“[3]), при этом предупредительно были отняты и собранные (очевидно, на телеграмму) деньги, обозначенные в отношении, как „сборные.“

Но когда уже арестованные были доставлены в Бодайбо, исправник додумался до того, что препятствовать кому бы-то ни было, хотя бы и таким „крамольникам“, как выборным от рабочих, давать телеграммы главному начальнику края, несколько неудобно, и он в догонку[4]) арестованным, дает следующую телефонаду:[5]) „Бодайбо Письмоводителю Никифоровскому. Нужно предоставить свободу доверенным рабочих задержанным Мартыновым[6]) и об'явить, что я разрешаю подать телеграмму Генерал-Губернатору. Исправник Петров.“[7])

Таким образом и забастовка 12—18 апреля дает картину аналогичную с теми проявлениями рабочего движения, которые мы восстанавливали выше:
Бастуют, требуют увольнения ненавистных служащих и обещания не расчитывать тех, на ком приисковое управление пожелало бы выместить свою злобу. Нельзя не отметить также надежд возлагаемых на высшее начальство, по старинной пословице: „милует царь, да не жалует псарь.“

Между тем прошло только 8 дней и начал развертываться эпилог событий, имеющий в своем фундаменте обещание не рассчитывать никого „без законных причин“. 26 апреля Управление К° промышленности обратилось со следующим письмом к „Г. Горному Исправнику Витим-

---

1) Т.-е там, где главная масса рабочих повернула на прииск обратно, в 8 ми верстах от Бодайбо.

2) Задирка, как мы увидим, играл более или менее выдающуюся роль в забастовке Андреевского прииска, а во время Колчака, был выслан из пределов Бодайбинского района, как бывший красноармеец.

3) Дело исправника за 1904 год, отношение № 491, от 16-го Апреля.

4) Исправник находился на приисках, его же канцелярия, куда были доставлены арестованные — в Бодайбо.

5) Бодайбинское обозначение (и сейчас сохранившееся) телефонограммы.

6) Урядник Михайло-Архангельского прииска

7) Дело Исправника за 1904 год, приложение к отношению № 491.

ской Системы. Конфиденциально. Управление имеет честь препроводить для сведения список расчитываемых рабочих, замеченных в качестве агитаторов в бунте (!?) бывшем 12-18 апреля на Андреевском прииске. Главноуправляющий промыслами барон Клодт".[1])

Список этот содержал 74 имени. Еще через три недели, 18 мая, Окружный Горный Инженер писал: „Г. Горному Исправнику Витимской Системы".

„Секретно. Сообщаю В. В., что *организаторами стачки Андреевского*[2]) были следующие рабочие-крестьяне: .. Палладиев, Шляхотка, Конотопов, Соловьев, Задирка, Мельниченко. Выселение их всех из тайги необходимо. Окружный Инженер Левицкий".[3]) Первые пять имен имелись и в конскрипционном списке приискового управления, последнее же имя подчеркнутое в отношении Горного Инженера двумя красными чертами, нам должно быть еще памятно по забастовке 1901 года.

Меж тем 23 мая К° промышленности оказала еще большую любезность в области добровольных полицейских услуг, а именно сообщила, что „имеет честь представить 35 экземпляров списков рабочих (очевидно для циркулярного оповещения и при том без затруднения полицейского канцелярского аппарата. Ф. Г. и Я. Ш.) замеченных в качестве агитаторов бунта 12-18 апреля..."[4]) Эти списки содержат еще 59 имен.

Таким образом получается пикантный вывод при котором % отношение „подстрекателей" к невинным и заблудшим овцам равнялось слишком 13%%. Многовато!

В то время, когда подготовлялись громы и молнии стачечникам Андреевского прииска, в это самое время вспыхнули две забастовки, одна с 10 по 16 мая на Феодосиевском прииске Ленского Т-ва, другая с 11 по 13 мая на Весеннем прииске Ратькова-Рожнова[5]).

Мы не имеем никаких материалов ни о требованиях рабочих в течение этих забастовок, ни о мотивах прекращения их. Зато можем, хотя и кратко, остановить-

---

[1]) Там-же отношение от 26-го Апреля за № 504.

[2]) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.

[3]) Дело Исправника за 1904 год. отношение № № 1406, от 18-го Мая.

[4]) Там-же № 518, от 23-го Мая.

[5]) Единственным свидетельством имеющимся в нашем распоряжении об этой забастовке, является отношение горно-полицейского урядника на приисках Ратькова-Рожнова, от 19-го Мая, за № 1149, препровождающего список «зачинщиков забастовки».

ся на репрессивных мерах полицейских и приисковых властей.

Для характеристики же, вообще, настроений бастовавших Феодосьевского прииска, мы приводим, с незначительными, пропусками, следующий безграмотный полицейский протокол:

„.... Во время стачки рабочие Феодосьевского прииска о не выходе на работы.... стражник Друздев ... будучи дежурным при полицейском доме Феодосьевского прииска, освободил.... 10 мая, утром в 8 часов.... из каталажки задержанных за пьянство трех рабочих вышеупомянутого прииска.... через некоторое время, после их освобождения, к полицейскому дому рабочие подошли числом около двух сот человек, в таковой толпе, непонятно кто-то кричал: „освободить из под ареста рабочих Феодосьевского прииска.“ А некоторые кричали: „бей стражников!“ В это время при полицейском доме находились на дежурстве еще два стражника Сергей Сладковский и Николай Блиновский, после этого крика в двери полицейского дома вошла толпа, из них Перминов и Шевелев с повышенным голосом и площадной бранью, требовали, чтобы отпереть карцера и показать, какие рабочие Феодосиевского прииска содержатся под арестом, при чем дежурный Друздев отпер карцер, куда и вошли Перминов и Шевелев, по осмотру ими в то время рабочих Феодосиевского прииска в карцерах не было, но при входе ими в карцера из числа арестованных, рабочий Весеннего прииска Литцев, задержанный за пьянство, а второй Лютов, задержанный в шахте Ленского Т-ва, при покушении на кражу золота (в качестве копача) из карцера ушли в толпу и для него уже оказались неуловимыми. После этого толпа эта рабочих из помещения полицейского дома вышла на улицу, а затем начали расходиться по своим казармам, при чем из числа этой толпы еще остались человек 25, которые вторично вошли в помещение полицейского дома, в это время уже Друздев в полицейском доме остался один, а Блиновский и Сладковский куда-то вышли, в то время к стражнику Друздеву из толпы этих рабочих, четверо набросились с кулаками... и нанесли несколько ударов по голове и лицу, отчего и под левым глазом у него, Друздева, преобразовался кровавый подтек, при чем он,

Друздев, во время этой расправы обнажил шашку, сказанные рабочие намеревались руками уловить за лезвие шашки, но не удалось и с криком отошли из полицейского дома к своим казармам... Горно-полицейский урядник Вишев"[1]).

На 6 же дней позже, горно-полицейский исправник получил следующую телеграмму (по приисковому телеграфу) с Андреевского прииска в которой полицейская безграмотность по поводу „преобразовавшегося" подтека превращается в инженерную пугливость перед каким-то таинственным ножем:

„Рабочий Мельниченко[2]) расчитанный за прогул, пытался бунтовать команду при задержании в рукаве у него оказался нож, покорнейше прошу принять меры, воспрепятствовать его возвращению на Андреевский прииск. Управляющий приисками Инженер Гурари"[3]).

Оба цитированные документы, хотя автор одного из них воплощенная наивность, а автор другого—предусмотрительность, оба в одинаковой мере, характеризуют те совершенно особые условия, в которых протекало рабочее движение в приисковом районе.

Белые шахтовые рабы, превращались в момент высшего под'ема движения в рабочую толпу, имевшую еще много общих черт с крестьянской ватагой, которая на год позже зажжет всероссийскую иллюминацию.

Замечательно, что выражение „бунт" общеупотребительное и в 1904 году, на 8 лет позже не будет никем произнесено.

16 мая забастовка на Феодосиевском прииске кончилась, а уже 18 мая в трогательном единении и одновременно, управление Лензото и горно-полицейский урядник на промыслах того-же товарищества, доносили Исправнику:

„Управление Промыслами при этом имеет честь препроводить на распоряжение Вашего Высокоблагородия список рабочих зачинщиков и руководителей забастовки на Феодосьевском прииске от 10 по 16 мая. В списке этом главные агитаторы стачки к невыходу на работы, помечены красными чернилами".

---

1) Дело исправника за 1904 г., протокол от 10 мая, стр. без номера.

2) О Мельниченко, смотри при описании стачки на Андреевском и забастовки 1901 г.

3) Дело исправника 1904 г.

„При этом Управление имеет присовокупить, что паспорта и расчеты главных зачинщиков будут препровождены к Вашему Высокоблагородию вслед за сим. Главноуправляющий Промыслами Белозеров"[1]).

Урядник же своим отношением, создает прямо шедевр полицейско-агитационной классификации:

„При сем имею честь препроводить Вашему Высокоблагородию список бывших рабочих Феодосиевского прииска Ленского Золотопромышленного Т-ва и донести: означенные в представляемом списке рабочих *расчеты и документы на жительство, конторщиком Феодосиевского прииска будут непосредственно доставлены В. В., значущиеся в списке фамилии, с буквой „А", были первые зачинщики стачки о невыходе на работу, с буквой „Б", таковые им способствовали в том, чтобы рабочие не выходили на работу, с буквой „В" в толпе, больше других, имели голоса в своих требованиях*"[2])[3]).

Меж тем, еще с 12 мая, начиная, губернские власти проявляли безпокойство.

13 мая исправник получил телеграмму:

„Предупредите рабочих, что сходки, сборища наказуются обязательному постановлению начальника края, что расчитанные приисковыми Управлениями рабочие которые подлежат призыву из запаса немедленно должны быть отправлены в Киренск, на сборный пункт для сдачи в войска, а оставшиеся из них на приисках подлежат ответственности по закону, как за уклонение от воинской повинности. И. Д. Губернатора Мишин"[4]).

17 числа была получена за той же подписью, новая телеграмма, спрашивавшая „что вами сделано в исполнение моих указаний"[5]) и распространявшая призыв, как меру борьбы с забастовкой, и на ратников ополчения.

Но забастовка окончилась, и исправник, пользуясь твердыми традициями, хотел приступить к высылке собственной властью „подстрекателей" из приискового района. Но он наткнулся на формальное затруднение со стороны, по своему, по-полицейски, выросшей губернской

---

1) Дело исправника за 1904 год, страница без номера, отношение от 16-го мая за № 1509.

2) Дело Исправника за 1904 год, отношение № 1540.

3) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.

4) Дело 1904 г., телеграмма от 12 мая.

5) Там-же, телеграмма 16 мая.

администрации: „высылке всех остальных“ (т. е. не подлежащих призыву Ф. Г. и Я. Ш.)—говорилось в телеграмме Мишина от 19 мая—„должно предшествовать распоряжение Главного Начальника Края о запрещении проживать приисковом районе которое возможно испросить только для определенных лиц...“[1]).

Исправник несомненно, дополнил недостававший пробел[2]) и 21 мая состоялся приказ губернатора об аресте на 3 месяца 17 „зачинщиков“ стачки на Андреевском прииске и Феодосьевском, дополнительно последовал приказ о кр. Кузнецове, с наложением того-же взыскания[3]).

Хотя формально, спокойствие наступило на целых 8 лет, тем не менее люди выросшие в местных условиях и имевшие основания бояться пробуждения недовольства, относились чрезвычайно нервно к малейшим предвестникам землетрясения.

13 июня, по приисковому телеграфу, старый знакомый наших читателей, инженер Гурари, сообщает Исправнику:

„Могу ли выслать к Вам двух рабочих за возмущение команды[4]) благоволите ответить. Гурари“[5]).

Исправник пишет распоряжение „Успенский, уряднику Челпанову.

„Немедленно произведите дознание о поступках двух рабочих Андреевского прииска, обративших внимание инженера Гурари. Обяжите их явиться ко мне телеграфируйте. Исправник Петров“[6]).

16 Июня Исправник имел уже результат дознания, произведенного урядником: „Доношу В. В., что 13 Июня не вышли на работу рабочие Андреевского прииска Марков, Германович, Черных и Каргапольцев, об‘ясняя: два первых по болезни, третий был пьян, а четвертый по глупости подрался со своим товарищем. *По частным слухам рабочие эти высказывались, что был манифест государя в праздники не работать*[7]), факт этот

---

1) Там-же, телеграмма от 19 мая.
2) Телеграммы Исправника в архиве не сохранилось.
3) Там-же, телеграмма от 29 мая, страница без номера.
4) Курсив наш. Ф. Г. и Я. Ш.
5) Дело исправника за 1904 г. телеграмма от 43 июня.
6) Там-же, надпись на телеграмме от 13 июля.
7) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.

оффициально не подтверждается, Управление расчет их имеет представить, которые и явятся за таковым к В. В. урядник (неразборчиво)“[1]).

Инженер же Гурари со своей стороны, счел нужным подробнее информировать исправника частным письмом.

Письмо это, помещаемое нами целиком, является поистине блестяшим доказательством существования двуединого божества—приискового управления и полицейского начальства:

„Многоуважаемый Николай Петрович.

Считаю долгом сообщить Вам о причинах расчета рабочих направляемых к Вам для острастки. Вредны они безусловно, но преступления никакого не сделали и не будь у нас недавно стачки я бы на это не обратил внимания. Когда они в числе других, получили назначение на работу в Воскресение, в которое не было по расписанию отдыха, то по словам, донесших об этом рабочих, *стали уговаривать живущих с ними на работу не итти, т. к. по манифесту, скрытому управлением, работать в воскресение и праздничные дни нельзя. Мужики сообщившие об этом принадлежат к хорошим артелям, но в свидетели, конечно, не пойдут, а потому и дела быть не может*[2]). Вам же, я решил, их направить полагая, что Ваше внушение сделает впечатление и повлияет на других. За безпокойство великодушно извините.

1904 Июня 15. Готовый к услугам Гурари“[3]).

Невозможно найти документа лучше характеризующего положение.

Тут и „острастка“ полиции по любезному указанию приискового инженера, и признание, что тут не только нет никакого „преступления“ в наличности не имеется, но что и дела создавать не стоило бы, если бы не... недавняя стачка. Тут и указание на мечту о „государевом манифесте“ и сожаление о том, что товарищеская рабочая солидарность, не позволит инсценировать свидетелей против „крамольников“, которых, „оффиально“ не удалось изобличить и уряднику.

---

[1]) Дело Исправника за 1904 год., страница без номера.
[2]) Курсив всюду наш. Ф. Г. и Я. Ш.
[3]) Деле Исправника за 1904 год, страница без номера.

Нельзя не отметить и полного сходства этой мечты о манифесте (как и в 1882 году) с крестьянской идеологией, верившей в скрытый помещиками (а тут приисковым управлением) манифест и доведшей крестьянство до множества востаний, а пролетариат до 9-го января 1905 года и как мы увидим, и до 4-го апреля 1912-го года.

Наконец, и неподражаем заключительный аккорд— письмо с просьбой о „великодушном“ извинении за беспокойство.

И высшее начальство заинтересовалось приисковыми событиями 1904 года.

Генерал губернатор граф Кутайсов, 2 июля 1904 года признал необходимым „в целях устранения вредного влияния нескольких лиц, на спокойствие рабочих в приисковом районе“[1]) выслать из него тех крестьян, которые были приказами губернатора от 21 и 29 мая арестованы на 3 месяца.

Еще несколько раньше начальник Иркутской бригады, разрешил „нижних чинов Киренской команды, командированных на прииска Витимской системы, оставить там еще на один месяц“[2]).

---

[4]) Там-же копия отношения № 4464 от 2 июля.

[5]) Там-же, копия отношения за № 5507 от 18 июня.

Общая характеристика рабочего движения предшествующего событиям 12 года.

Быть может не требовалось бы давать отдельной суммирующей характеристики рабочего движения за период, предшествующий апрельской забастовке 1912 года, так как предыдущие страницы достаточно конкретно и рельефно обрисовывают то положение, в котором уже чувствовались предвестники апрельской бури.

Тем не менее, мы принуждены это сделать, так как те, не марксистские исследователи, которые подходили к анализу событий 12 года, также затрагивали, хотя и вскользь, все предшествовавшее движение. Наверно толкуя, они использовали его, для еще более резкого оттенения своих, в основе неправильных выводов, об общем характере т. н. „Ленских событий."

Поэтому нам придется сначала ознакомиться с этими ложными заключениями и, разбив их, данными материала, с которым читатель уж знаком, закрепить наши окончательные выводы. Это необходимо и для того, чтобы социологически, сущность всех выше указанных иследований, была совершенно ясна.

Начинаем с т. н. „Правды о Ленских Событиях", не останавливаясь сейчас на предстоящем еще нашему разрешению вопросе, о том, кто же, наконец, является автором этой книги.

В главе „Ленское золотопромышленное товарищество" книги изданной Батышевым, читаем следующую характеристику деятельности Лензолото: „к концу 1910 года ЛЗТ заканчивает концентрацию золотопромышленного дела Витимско-Олекминского золотопромышленного района и превращается в монопольного владельца....[1]) Освободившись от зависимости в своих оборотных сред-

---

[1]) Правда о Ленских событиях, страница 8.

ствах от государственного банка, опираясь на международный денежный рынок ЛЗТ, начало проявлять всю мощь своей власти. Прежде всего, оно, сделавшись монопольным предприятием, усилило подчинение себе рабочих.... Поставили стражников, для того, что-бы не пропускать рабочих к частным торговцам, ослушников наказывали расчетом; торговцев—разносчиков не пускали на территорию приисков....[1]) ЛЗТ поставило себя на высоту ленного владетельного княжества, платящего „пособие" своему суверену-казне и располагающего, благодаря этому, всей полнотой его власти. Нет нужды раз'яснять в какую моральную и фактическую зависимость от ЛЗТ попали все органы местной, правительственной власти: в руках ЛЗТ оказалась возможность тысячью мелочей.... отравить жизнь непослушных и, на оборот, усладить жизнь внимательных к его нуждам чиновниников."[2])

Разсказывая далее о тщетных попытках Тульчинского бороться с этой „захватной политикой" ЛЗТ, автор П. о Л. С., уже переходя к цитированному нами ранее описанию забастовок на приисках ЛЗТ в 1901 и 1902 г. г. и сообщая об удовлетворении тогда Товариществом требований забастовщиков,—патетически вопрашает: „почему же тогда ЛЗТ не видело в тех же самых требованиях „ограничения прав местного управления" и не отнесло их к неосуществимым? Потому, что тогда Ленское товарищество не было еще монопольным в районе приисков, тогда оно еще не было исключительным властелином над своими рабочими, которые не были лишены возможности перейти, в случае крайности, к конкурирующим фирмам. В описываемый же период Ленское Т-во настолько привыкло к безправному положению рабочих, а с другой стороны „вино власти" настолько уже бросилось в голову заправилам Ленского Т-ва, что всякое отстаивание рабочими своих интересов и прав являлось в их глазах ограничением прав Т-ва. Так был бы возмущен рабовладелец, если бы раб потребовал удаления надсмотрщиков за грубое с ним обращение."[3])

---

[1]) Правда о Ленских событиях, стр 12.
[2]) Там-же, стр. 13.
[3]) Там-же, стр. 57.

Познакомившись ранее с конкретным материалом, мы можем сказать совершенно уверенно, что все цитированное сейчас сплошная фраза, без малейшего реального фундамента. Ни, о какой конкуренции в том смысле, в каком ее понимает автор П. о Л. С. не могло быть и речи. Хотя рассуждение—золотопромышленник удовлетворял требование рабочих, потому что боялся ухода их к конкурентам—такое рассуждение чрезвычайно соблазнительно, по формальной своей логике, однако оно не имеет ни малейшей опоры в исторической действительности.

В конце 19 века, эксплоатация приисков шла несомненно гораздо более хищнически, чем впоследствии, при фактической монополии ЛЗТ. Это хищничество распространялось, как мы видели и на отношение к рабочим. Как бы ни соблазнительно было бы переманить рабочих соседа, всеравно, поддержание „рабовладельческого" авторитета имело гораздо большее значение. Без преувеличения можно сказать, что у предпринимателей золотой тайги существовал резко выраженный, единый фронт, выражавшийся не только в немешании друг другу, но и в прямой помощи. Для таежного пролетариата не было ни малейшей разницы от того, был ли у него единоличный хозяин или нет. Мы видели, что когда надо было, более солидные предприниматели, помогали золотопромышленным спекулянтам и посредником при этом являлся никто иной, как „страж порядка", представитель самодержавной власти.

А этому чиновнику, как и, впрочем, всем его коллегам, было уже совсем безразлично быть на содержании у одного или нескольких золотопромышленников. Если-бы ЛЗТ монополизировало бы местную золотопромышленность не в 1910, а на 10 лет раньше, то разницы с тем, что мы видели, не получилось бы никакой, в плоскости бытовых и правовых отношений, отражаясь лишь естественно, на концентрации производства и прибылей. Но так как эта концентрация случилась лет на 6 позже того периода, на котором мы останавливались подробно, то монополия ЛЗТ хоть и имела последствия, но как раз в обратном направлении, и опять таки это не было последствием ее, а развития общего исторического

процесса, не зависящего от тех или иных предпринимательских комбинаций барона Гинзбурга и К°.

Если в 1904 году окружной инженер Левицкий является полицейским агентом чистой крови, то в 1912 г. окружной инженер Тульчинский будет носителем гораздо более сложной идеологии гапоновского порядка. Если в 80 годах применялась допотопная 618 статья, а в 1901 о ней только вспоминали, как о явно неосуществимой угрозе, то в 1912 году о ней, конечно, нет и помину. Если в 1882 году правительственным героем является полуидиот Грамотин, применяющий кандалы и весьма своеобразное „психологическое" воздействие на забастовщиков, то в 1912 году мы видим очень уравновешенного, типично по-жандармски корректного—Трещенкова.

Если еще в 1901 году рабочие требования формулировались в безграмотных подметных письмах, то в 1912 году у забастовщиков, как мы увидим, находятся интеллигентские, или во всяком случае, полуинтеллигентские идеологи. Если в 1904 году выборных можно было арестовать за крамольное желание послать телеграмму генерал-губернатору, то в 1912 году телеграммы посылаются беспрепятственно даже такому несомненно „неблагонадежному" с точки зрения агентов третье-июньской монархии—учреждению, как государственной думе.

Угнетение, против которого все время происходили вспышки рабочего недовольства, шло постоянно уменьшаясь, хотя при этом все время, обще-правовые условия существования на приисках, конечно, отставали даже от обще-политических условий в остальной России, в свою очередь отстававших от экономики страны. Все упреки, которые шлют по адресу ЛЗТ авторы П. о Л.С., все это стародавние признаки приискового гнета. Но формы его изменились, и как это ни неприятно для мелкого буржуа, как огня боящегося концентрации капиталов и революции, этот гнет опять-таки абсолютно уменьшался.

Если в конце 19 века, не пускали спиртоносов на прииска потому, что приисковая администрация устроила себе милый побочный заработок в виде самогонного производства, то в 1912 году капиталистически-выросшее ЛЗТ об'единяет местную торговлю уже не партизански-спекулятивно, а крупно-коммерческим образом. Если в 90

годах штраф за невыход на работы в праздники равнялся фантастической цифре—1000% ежедневного заработка, то в 20 веке он, будучи в нормально капиталистических условиях явно-уродливым, достигает, максимум 200—250% того-же заработка.

Та-же мелко-буржуазная идеология, не умеющая приспособиться к исторической перспективе, а ищущая случайно-индивидуальных козлов отпущения, ясно выражена и в докладах окружного инженера Тульчинского, на которого так любят ссылаться и автор книги, изданной Баташевым, и Тюшевский—давший сухо-деловой экстракт этой книги и В. Плетнев, перепечатавший часть приложений к той же книге, снабдив их замечаниями, в корне неисторического, разве что лишь „поэтического" порядка[1]). Так Тульчинский писал в горный департамент в 1910 году:

„Отовсюду идут жалобы на стеснения, проявляемые со стороны Ленского товарищества: от торговцев, разного рода поставщиков, отрядных, мелких служащих (наиболее храбрых или менее осторожных) и рабочих. До перехода приисков К° промышленности к Ленскому Товариществу поставщики, отрядные, служащие и рабочие, в крайнем случае. какого-либо несправедливого отношения и притеснения со стороны Ленского товарищества, могли обратиться к Товариществу служащих К° Промышленности и найти там службу и заработок, теперь же деваться некуда и уволенный служащий или рабочий, в особенности зимой, обрекаются здесь в полном смысле на голодание, между тем, приисковые Управления Ленского Товарищества часто увольняют рабочих по самым незначительным поводам."

„Все это создает крайне тяжелую, напряженную атмосферу, которая грозит нарушить как будто сносные, только с внешней стороны, отношения между рабочими и приисковыми Управлениями Ленского Товарищества и, если еще и правительственной власти, в лице местного Окружного инженера, не стоять на страже законности, порядка и справедливости, не поддерживать уважения

---

[1]) Мы считаем излишним останавливаться подробно на точках зрения А. Тюшевского и В. Плетнева. Самое поверхностное сравнение текста этих двух книжек с книгой, изданной Баташевым, показывает, что эти две работы, в плоскости фактического изложения—дословно заимствуют подход, точку зрения, даже план последней.

к самым основным законам здоровых отношений между рабочими и Ленским Товариществом, то безусловно можно ожидать здесь даже в недалеком будущем совершенно, конечно, нежелательных осложнений во взаимоотношениях между рабочими и Ленским Товариществом."

„В какие формы превратится в будущем монополизация Ленским Товариществом всего золотопромышленного дела в Витимско-Олекминском районе, в настоящее время еще нельзя сказать ничего определенного, но во всяком случае, по мнению Окружного Инженера,— правительству необходимо теперь же обратить самое серьезное внимание на создавшееся в Округе положение, в целях своевременного устранения возможных вредных последствий подобного сосредоточения всех сторон торгово-промышленной жизни в районе в зависимости почти только от одного Ленского Товарищества."

„Вопрос о борьбе, со всеми вредными, антиобщественными и антигосударственными стремлениями и поползновениями могущественных торгово-промышленных организаций, с так назыв. трестами, выдвинут жизнью даже в таких промышленно-развитых странах, как С.-А. Соединенные Штаты и Англия, и вопрос этот в последние годы там все более и более обостряется".

„В России, вообще, и в частности в Восточной Сибири, при малом развитии капитализма, борьба с возникающими трестами лишь намечается, но для Витимского Горного Округа и соседнего с ним Олекминского создавшийся трест в лице Ленского Товарищества является уже жгучим вопросом текущего дня"[1]).

Комментарии к этим красноречивым отрывкам излишни. Перед нами, как живой, вырисовывается идеолог идеальной самодержавной власти, для которого концентрация капитала антиобщественна и антигосударственна. Необычайно характерна ссылка на Соединенные Штаты. В это самое время российская литературная интеллигенция вопила благим матом, описывая, и в тоже время смакуя, быт американских „миллиардщиков". Для мелкобуржуазной идеологии, для которой вера в надклассовую справедливость государства есть все, для этой идеологии,

---

[1]) Цитируем по докладу окружного инженера сенатору Манухину. Это же письмо К. Н. Тульчинского приводится и в приложениях к «Правде о Ленских событиях», стр. 38—45.

обнаженные данные о могуществе капитала всегда неприятны чрезвычайно.

Наконец, мы позволим себе цитировать июньский номер Иркутской газеты „Запорожец с Востока“. Для характеристики черносотенной, безподобной наглости этой газеты достаточно упомянуть, что в том же номере черным по белому написано, что газета считает, что небезизвестному о. Восторгову, ввиду его религиозно-политических заслуг, извинительно изнасилование 13 несовершеннолетних девушек.

Так вот эта газета, об'ясняя причину Ленской трагедии—мы на этом об'яснении и его идеологической сущности остановимся подробнее дальше, следующими словами, характеризует обстановку, которая господствовала на приисках до водворения на них Лензотовского т. е., „жидовского“, по выражению этой газеты, капитала:

„Было время, когда принадлежащие ныне Ленскому Золотопромышленному товариществу прииска находились не в одних только руках, а принадлежали многим владельцам. Здесь были Рожновы, Базановы, Сибиряковы и другие русские люди. Вообще, редкий богатый сибиряк не имел прииска где-нибудь вблизи Бодайбо“.

„На приисках тогда жилось всем хорошо, как владельцам, так и рабочим. Бодайбо было, что-то, в роде русского Эльдорадо. Даже полуграмотный человек, явившись туда на непродолжительное время, мог сколотить состояние, обеспечивающее его на всю дальнейшую жизнь“.

„В Иркутске и других городах есть ныне очень много людей, которые живут, ничего не делая, нажив своевременно состояние на ленских приисках, прийдя туда бедными людьми“.

„Отношения рабочих и владельцев в Бодайбо в это время были чисто патриархальные. Едва ли на экономической почве между ними возникали в это время какие-нибудь недоразумения, так как золото цены не имело и всякий мог без особенного труда его заработать. Администрация ловила лишь разбойников и воров, но понятия о забастовках не имела“.

„Вот как было прежде.“

„Все, нажитое русскими людьми на Бодайбинских приисках, пошло в государственную и нашу пользу с той разницей, что эти богачи, наживая деньги, начав с копейки, возвратили их нам миллионами."

„Наконец в Бодайбо начали постепенно проникать евреи, соблазненные легкой наживой, и скупать прииски у русских людей".

„Таким образом, шаг за шагом, образовалось существующее Ленское золотопромышленное товарищество во главе с евреем Гинзбургом, которое в самое недавнее время приобрело золотые прииска по Витиму, принадлежащие Базанову и Сибирякову; эти прииски, до их продажи, находились в аренде у бывших служащих Базанова и Сибирякова, которые сорганизовались для этой цели в товарищество."

„С этой последней покупкой Лензото сделалось монополистом всех приисков в Бодайбо, имея во главе Гинзбурга и других евреев."[1])

Далее почтенному черносотенцу, надо было, во что бы то ни стало, отделаться, от таких неприятных и весьма вероятных указаний, как участие Тимирязева и Белозерова, т. е. неоспоримо русских людей в этом „грязном, жидовском" предприятии.

Ввиду этого, и читаем следующее, изумительное по простоте логики, рассуждение:

„Тимирязева, если-бы даже заставить проделать все то, что проделывалось над рабочими в Лензото, то он этого не мог-бы сделать, по отсутствию у него для этого уменья и знаний, так как учитывать пользу от продажи хлеба из непросеянной муки, вместо просеянной, от несвоевременно уплаченных денег, от недоплаченной рабочему копейки, от расплаты жалованья вместо денег талонами, от вырванного изо рта куска хлеба у рабочего, от недоложенной спички в коробочку, от продажи водки с водой и молока с мукой и т. д.—все это всегда с успехом могут проделывать и проделывают только лишь одни жиды, а не петербургские чиновники, которые в этом деле ничего не понимают, а в Бодайбо это проделывалось

---

1) «Запорожец с Востока». Газета религиозная, военно-боевая, политическая, правого направления в защиту православия, самодержавия и народности от внутренних и внешних врагов по духу запорожских войск, словом, делом и помышлением нашим. Иркутск, понедельник 18 июня 1912 года.

жидами, во главе стоял Гинзбург, который был душой всего предприятия и который не мог не знать, так как он в Бодайбо бывал не раз.“

Мы нарочно цитировали черносотенный Иркутский орган для того, чтоб стало ясно, до чего можно докатиться, если, как это делают Баташев и Тульчинский, а за ними и люди другого лагеря—не изследовавшие, а просто пишущие по поводу данного вопроса,—упирать по преимуществу на экономическую сторону дела. Нужды нет, что о Трещенкове и ему подобных они выражаются в чрезвычайно резкой форме.

Мы видели, описывая события с 1876 по 1904 год, что приисковое рабочее движение принимало совершенно особые формы, обуславливаемые такими же особыми формами эксплоатации. Но, хотя приисковая рабочая масса идет зачастую с криками: „Бей стражников!“, „Я его разорву!“, тем не менее мы имеем полное право говорить именно о рабочем движении, а не о каких-то полудиких бунтах, впрочем, существовавших только в полицейском воображении.

Мы видели, что рабочее движение отнюдь не может быть названо исключительно экономическим. Если смешно заявление черносотенного журналиста о „патриархальности“ отношений между разными Сибиряковыми с одной и рабочими с другой стороны, то в такой же мере неправильно считать это движение направленным исключительно против предпринимателей.

Рабочее движение приленского района, в равной, если не большей мере было направлено против агентов самодержавного правительства, именно потому, что между этими агентами и предпринимателями не только, что непосредственным об‘ектом их об‘единенного воздействия—тогдашним рабочим, но и нам, исторически изследующим сейчас вопрос, порой бывает трудно провести определенную грань.

Действительно, когда в 70-х годах наказывали розгами, когда посылали на каторгу, когда в начале 20-го века по частному письму приискового предпринимателя исправник высылал по этапу, когда забранный за неповиновение в „казачью“—рабочий, завтра штрафуется в приисковой конторе за „прогул“—то тут, конечно, всякие разговоры о чисто экономическом характере заба-

стовки—только смешны. Думается излишне доказывать, что подход, который считает политической только ту забастовку в которой доказано—оформленное участие какой-нибудь землевольческой, народовольческой, эс-эровской или социал-демократической организации—такой подход ничего общего с марксизмом не имеет.

Поэтому и естественно, что рабочие не делают разницы между требованием увольнения шахтового смотрителя или полицейского урядника.

В такой же мере, естественно возложение всех надежд на „Государев Манифест", спрятанный приисковым предпринимателем и явно подкупленным полицейским чиновником.

Характерно и те уж более конкректные мечты об этом манифесте, которые прорываются сквозь сухой слог полицейских входящих и исходящих.

Это во-первых заявление о том, что манифест не даст возможности вести дальше дело приисковому предпринимателю, ввиду его убыточности.

Это зачатки того настроения о своеобразной „национализации" золотого дела, подсказанного в 1912-м году Тульчинским. Другое толкование манифеста в 1904-м году —запрещение работать в праздники, представляет собой борьбу с одним из самых явных притеснений приискового управления.

В заключение мы должны указать еще на одно весьма характерное явление в приисковом забастовочном движении, с которым нам придется встретиться и в 1912-м г.

Эта абсолютная необходимость для приисковых предпринимателей, в силу совершенно особых, специфических хозяйственных условий (См. примечание 1 на стр. 48 наст. книги) все время, несмотря на забастовку, выдавать забастовщикам продукты, так как в противном слунае неминуемо последовало бы восстание голодных рабочих. Раз приисковый предприниматель был не только нормальным капиталистическим хозяином, но и монопольным продовольственным снабженцем своих рабочих, то положение и не могло быть иначе.

И в такой же мере характерно, что когда этот предприниматель—и какое горе для Баташева, Тульчинского и К⁰!—не монопольное Лензото, а симпатичная для них, мелко-буржуазная К⁰ Промышленности—дошел

до отказа в выдаче припасов бастующим, то умиротворителем оказался представитель полиции—-исправник Петров.[1]) И это тоже вполне естественно. С 1876 по 1904, а потом и в 1912 году, перед нами безпрерывной вереницей проходят жалобы приисковых полицейских на то, что нет возможности справиться с бастующими при помощи местных военных сил. И также безпрерывно несутся указания из Иркутска, что надо справляться как-нибудь наличными силами, так как подкрепление может придти только через полтора месяца.

---

[1]) См. стр. 70 наст. книги.

Ленское „9 января“—4 апреля 1912 года.

Организационный период забастовки.

Для правильного подхода к характеристике забастовки чрезвычайно большое значение имеет выяснение постепенного развития стачечных требований и направления этого развития.

Мы начнем этот анализ с самого текста „прошений“ и „заявлений“, подававшихся в течение первого организационного периода забастовки, продолжительность которого определяется с начала ее (28 февраля) примерно по 8—10 марта, когда, как мы увидим далее, наступает, главным образом, благодаря политике „вождей“—период колебаний.

На поводе к забастовке—выдаче рабочему Андреевского прииска Быкову среди мяса—конского полового органа[1]), мы останавливаться не будем, ввиду того, что, конечно, особого значения именно этому случаю придавать не приходится. Что это обстоятельство явилось совершенно случайной искрой, было безусловно ясно, даже рядовым очевидцам событий.

Рассматривая текст подававшихся тогда окружному инженеру, исправнику и другому „начальству“ заявлений, приходится прежде всего отметить надпись, сделанную на копии одного из таких заявлений, находящихся в делах окружного инженера. Надпись сделана рукой окружного инженера П. Александрова, заменявшего К. Н. Тульчинского до двадцатых чисел марта, так как Тульчинский в момент возникновения забастовки находился в отпуске в Петербурге.

---

[1]) См. «Правда о ленских событиях» (далее обозначаем кратко П. о. л. с.), стр. 51 приложения.

Так как материал, использованный авторами „Правды о ленских событиях“ был получен из другого источника, по всей вероятности от выборных рабочих или лиц близких к ним, то в приложениях к книге изд. Баташевым, эта надпись не имеется.

Это самое раннее сохранившееся „прошение“ (в П. о. л. с. также не помещено более ранних документов) носит следующую надпись: „передано 3 марта выборными от рабочих на Андреевском прииске с просьбой предидущие не считать. П. Александров“[1]). Андреевский— этот как раз тот прииск, на котором имел место самый повод к забастовке. Забастовка, как мы уже говорили, началась здесь 28 февраля. Требования, поданные 3-го марта Александрову, были таким образом выработаны уже на 5-й день забастовки. Пред'идущие, которых сами рабочие просили „не считать“, не сохранились, но из воспоминаний рабочего N[2]) можно вынести хотя-бы приблизительное представление об этих первоначальных рабочих требованиях.

Итак у N читаем: „28 февраля рабочими всех номеров Андреевского прииска решено было на работу не идти, а с утра попросить г. Исправника и г. Окружного Инженера. 29 февраля часа в 2—3 приехали г. Исправник, исполняющий должность Главноуправляющего г. Теппан, г. Савинов и заведывающий пр. г. Цинберг. Прошение рабочих было уже составлено. Администрация с г. Исправником пошли в новую продовольственную кухню и велели рабочим принести заявление. Рабочие собрались идти, но в это время явилось несколько человек рабочих Утесистого прииска, которые до обеда работали, но с обеда, узнавши, что Андреевцы не работают, тоже не вышли. Прибывшие рабочие просили Андреевцев прошения пока не нести, а обождать, они тоже напишут и потом совместно подадут. Андреевцы согласились, и потому прошение 29 февраля не подали. На второй день приехали только г. Исправник и

[1]) См. приложения к настоящей книге. (Дальше в аналогичных случаях указываем просто: приложения)—стр. 1.

[2]) П. о. л. с., приложения, стр. 161. Все воспоминания участников забастовки, напечатанные в П. о. л. с., помечены, по весьма понятным причинам, начальными или вымышленными буквами.

г. Цинберг, которым прошение и вручили. Рабочие к г. Исправнику пришли все сразу и говорили все. Тогда г. Исправник сказал: „со всеми вами говорить невозможно, а выберите из своей среды несколько человек, они пусть все и об'ясняют". Вот тогда-то и были выбраны делегаты. Исправник, ознакомившись с прошением, предложил итти на работу. „А как же мясо и те нарушения, что проставлены в прошении", спросили рабочие. „Мясо", говорит, „ведь не конское, а часть, это по недосмотру как нибудь попало, а конский член, вероятно, ради шутки кто нибудь подбросил"—ответил он. Относительно остальных требований Исправник ничего не сказал. На счет недостаточного освещения в шахтах, заведывающий приисками г. Цинберг сказал, что свечей выдается в достаточном количестве, так что, говорит: „я часто вижу, как у рабочих, идущих с работы, свечи торчат из карманов, но я махну рукой. Бог с ними, пусть несут". Когда Исправнику опять начали указывать на злоупотребления, чинимые здесь, он рассердился и закричал: „я сюда приехал не сказки про белого бычка рассказывать". Так рабочие и ушли, только заявили, что будут ожидать Окружного Инженера г. Тульчинского, заместителем которого оставался г. Александров, живший на Верном прииске. Приехал г. Александров на 4 день, т. е. 3 марта. Рабочие ему такое-же прошение вручили, только с указанием статей нарушений и просили о расследовании"[1]).

Выводы ясные: забастовка возникла 28 февраля, первое же требование подано только 1 марта, потому что Утесовцы уговорили „обождать" и совместно подать. Это и есть то „пред'идущее" требование, кстати сказать, первое требование вообще, поданное за все время забастовки, (из центральных приисков расположенных в 20—30 верстах железнодорожного пути от Андреевского самый ближний Александровский забастовал 2 марта[2]), следующий Надеждинский прииск 2 марта после обе-

[1]) П. о. л. с., Приложения, стр. 162.

[2]) П. о. л. с., приложения, воспоминания Р-ева «2 марта забастовал и наш прииск», стр. 150.

да[1]) и, наконец, последний Феодосиевский —3 марта с утра)[2]), которое до нас не дошло.

В разговоре с исправником и Цинбергом, который передан в воспоминаниях N, мы находим только три более или менее конкретных указания на поставленные требования: мясо, недостаточное освещение и „злоупотребления, чинимые здесь". Что заявления были расплывчаты чрезвычайно, именно потому, что они отражали не какие-либо ясно выкристаллизовавшиеся, отчетливо осознанные экономические требования, а всю совокупность приискового крепостного режима лучше всего показывает ответ исправника про „белого бычка". Как раз малая конкретность первых стачечных требований и вызывала пренебрежительное отношение администрации к забастовке. Во всяком случае не подлежит сомнению, что в первом рабочем требовании, возникшим во время апрельской забастовки—увеличение заработной платы и уменьшение рабочего дня не фигурируют вовсе. Это обстоятельство подтверждается и текстом требования Андреевского и примыкающих к нему приисков, поданного Александрову 3 марта. Требования сводятся к: 1) урегулированию выдачи продуктов с отменой существовавших при этом для служащих привилегий, при чем наблюдение за этим возлагается на выборного из среды рабочих; 2) улучшению условий больничного лечения; 3) гарантии заработка при малоуспешности, не по вине

---

1) По поводу Надеждинского имеются несколько разноречивые показания. У Думпе (приложения стр. 78) читаем: „Утром 3 марта мы узнали, что Александровский прииск действительно бастует. Мы проработали до обеда и ушли обедать. Во время обеденного перерыва мы уже узнали и о причинах возникновения забастовки. После обеденного перерыва вышли опять на работу, но пришедши в мастерскую к работе не приступали. Положение было колеблющееся, никто не хотел выступать первым. Но скоро это решилось как-то само собой. В мастерскую вошел заведующий мастерскими Демут Адальберт Карлович и предложил рабочим или приступать к работе, или покинуть мастерскую". У Б-же в приложениях к П.о.л.с. читаем: „Забастовка на Надеждинском прииске началась 2 марта после обеда". Приходится основываться на втором свидетельстве. Во первых—воспоминания Думпе написаны на 12 лет позже, чем показания Б. Кроме того „2 марта вечером" надеждинцы никак не могли узнать, что „Александровский прииск готовится к забастовке", так как в этот день Александровский пр. уже бастовал. Думается, что Думпе просто на просто перепутал 2 и 3 марта с 1 и 2 марта.

2) П. о. л. с. Приложения. Воспоминания X. «На Феодосиевском началась забастовка 3 марта», стр. 158.

рабочих, сдельной работы; 4) улучшению освещения в шахтах; 5) увеличению денежной выплаты заработка по сравнению с натуральной. Три-же требования, которые приводим дословно, заставляют нас вспоминать по своему абсолютному сходству, рабочее приисковое движение начала XX и конца XIX века: „вменить в обязанность служащим кухни не повторять „не хочешь, не бери“, так как все мы потребители равны, цены платим одинаково... вежливое обращение с рабочими служащих, на всякую просьбу освещения или чего другого они отвечают площадной бранью и оскорблением и таковые ка́к г.г. Горелов, Феоктистов и Баженов превзошли других и достаточно вывели из терпения рабочих, просим их удаления...

Являющиеся лица, как депутаты от рабочих, а также и другие рабочие не должны быть преследуемы и расчитаны“[1]).

В воспоминаниях N мы читали, что последующие требования отличались от первого „указанием статей нарушения“. Но эти „статьи нарушения“ мы, по имеющимся материалам, находим лишь в требовании, поданном Александрову от имени все тех-же приисков уже 6 марта. Но надо сказать, что это позднейшее „заявление“ отличается от „прошения“, поданного тремя днями раньше, вовсе не только „указанием статей нарушения“.

Разница гораздо более серьезная.

И тут и там забастовочное требование начинается ссылкой на нарушение договора по вине Лензото, но во втором требовании каждый такой пункт содержит точное указание нарушенной статьи контракта. Для сравнения формулировки приводим один и тот-же пункт в обоих забастовочных требованиях.

П. 10 требования от 3 марта.	П. 5 требования от 6 марта.
„Выписывать не талоны по магазину, а деньгами по мере надобности и сообразно заработка“[2]).	„Расплачиваются по магазину купонами, а денег дают очень мало (что не согласно с Уст. о пром. ст. 99 пр. 12 контр.“[3]).

[1]) Приложение стр. 2—3.
[2]) Приложение стр. 3.
[3]) Приложение стр. 5.

Затем характерно, что как раз три вышеприведенных пункта, наиболее близко и верно, хотя и внешне крайне неумело отражавших настроения массы забастовавших, вовсе выброшены в позднейшей формулировке. Зато появились и новые требования, например, основанное на контракте ограничение работы для малолетних. Интересно, что указание на такое резко-бытовое проявление крепостного режима, как заявления служащих— „не хочешь—не бери", или „ты дома и такого не видел" устранено в позднейшем заявлении не только из списка требований, но и из вводной, описательной части. Еще более блестящее доказательство того, что по мере развития забастовочного движения, требования подвергались определенной переработке, очевидно, со стороны местной так сказать „идеологической верхушки", служит „жалоба" рабочих Утесистого прииска[1]), поданная Александрову, согласно его отметки, 6 марта. Утесовцы, как мы видели, выступали совместно с Андреевским и Васильевским приисками, и эта их „жалоба" являлась лишь уточнением непосредственно местных нужд и вопросов. Не говоря уже о том, что эта „жалоба" еще в гораздо меньшей степени, именно благодаря своему местному характеру, обладает точностью формулировки, не говоря о том, что она порой впадает в детальное описание недостатков, мешающих работе, эта „жалоба" ясно и прямо содержит пункты, чрезвычайно далекие от всех последующих об'единенных формулировок требований, созданных в том хвостистском генштабе забастовки, описанию которого мы уделим в дальнейшем достаточно места.

Пункт 3 ясно и прямо подтверждает не раз уже подчеркнутое нами безусловное тождество в глазах рабочих и приискового предпринимателя, и местного полицейского, и горного начальства: „Рабочие, если выведенные из терпения, ищут себе защиты у Вашего Начальства, то по этому поводу смотритель на раскомандировке, т. е. во время сбора рабочих на работе, он та осмеивают, а Ваше начальство на это не обращает внимания[2]).

---

[1]) Приложения, стр. 8—10.

[2]) Приложения, стр. 9.

Пункт 2 опять таки крайне неумело, но несомненно правдиво дает бытовую характеристику той обстановки, в которой разразилась забастовка: „Работы производятся в очень затруднительном размере, которые мы не можем выполнить, несмотря с нашей стороны на все усилия, во вторых за неисполнимые через посильные работы накладают штраф и запугивают в будущем куском хлеба, а потом действия смотрителя насильственно нахально, прежде чем либо об'яснить рабочему работу, он наносит ругательным словом оскорбление, чем и вводит рабочих в расстроенное состояние"[1]).

Но наиболее интересным является заключительный пункт, дающий как бы программу,—минимум тех требований, при выполнении которых могли бы возобновиться работы: „В виду этих притеснений команда приостановила работы, и готова их тотчас же приступить к работам, если Управление удовлетворит их просьбу и жалобу, а главное, поправить подсчет, отменить от работ смотрителя Якова Синцова, при котором команда не желает быть на работе. Затем еще просят прекратить сигналы, подающиеся в праздник и выгоны насильственно на работу, ввиду того, что разные ушибы и увечья в праздничные дни остаются без внимания. При сей жалобе команда подписывается"[2]).

Оборот: "а главное поправить подсчет, отменить от работ смотрителя Якова Синцова..." лучше всего показывает, что протест был направлен в целом против режима „притеснений", осуществляемого при всякой благосклонной помощи полицейской и прочей администрации, режима, который вводил рабочих в „расстроенное состояние" и заслонял собой отдельные, уже проистекавшие отсюда тяготы.

Итак мы имеем право сказать, проследив развитие забастовочных требований на том прииске, где они зародились впервые, где они потому менее, чем на остальных подверглись обработке и сводке в единое требование всех забастовавших рабочих, что ни о каких, немедленно выкристаллизовавшихся требованиях говорить не приходится. В трех документах, нами цитированных, и в четвертом, до нас не дошедшем, но который мы по

---

[1]) Приложения, стр. 9.
[2]) Приложения, стр. 10.

воспоминаниям рабочего N пытались реконструировать, нет ни одного указания на увеличение заработной платы и уменьшение рабочего дня. Этот окончательный вывод нужен нам для того, чтобы постепенность развития забастовочных требований стала очевидной и чтобы вместе с тем оттенить важность выяснения того, как складывалось самое это развитие.

Андреевский прииск забастовал первый и немедленно увлек за собой наиболее близко прилежащие—Утесистый и Васильевский, но центр движения создался не здесь, и это по вполне понятным причинам.

Самым большим прииском по количеству рабочих был Феодосиевский. Вблизи него в 3-х верстах расположен Надеждинский прииск и несколько дальше—Александровский. На Надеждинском никаких горных работ не производилось, но помещалось Главное Промысловое Управление и находился большой народный дом, здесь же находились механические мастерские. Для центра движения — Надеждинский представлял больше всего удобств, к тому-же здесь среди квалифицированных рабочих нашлись политические ссыльные, волею событий, естественно, выдвинутые на первый, руководящий план.

Подходя к анализу об'единенных требований, выставленных в результате создания единого центра движения, мы опять таки начнем, поскольку нам самый материал дает такую возможность, с периферии, а именно, с Феодосиевского и Александровского приисков.

Описывая 2 марта на Александровском, выборный Р-ев пишет: „Около 10-ти часов на стан приехал Теппан, который спрашивал, почему мы не работаем и что нам нужно. Каждый из рабочих говорил свое. Между прочим, рабочий Русанов, который получил 18-ти фунтовую тухлую рыбу, показал эту рыбу Теппану. Так как каждый из рабочих говорил о своих обидах, то Теппан предложил рабочим выбрать выборных для переговоров с Ленской администрацией. Это предложение было поддержано и становым Аленгольм, который добавил, что выборные могут написать, чего хотят рабочие. Рабочие разошлись. Общее собрание было назначено в 1 час дня после обеда около прачечной. С 1 час. до 3-х происходил сбор рабочих. В 3 часа открылось собрание. Каждый

из участников собрания выяснял свои нужды. Один по бумажке читал, что он хочет сокращения рабочего дня, другой о том, что нужно хорошее мясо, что надо сменить служащих. Я в казарме, где происходили разговоры о требованиях, выработал 14 п. требований, которые огласил на собрании по настоянию рабочих. В эти требования, принятые рабочими, были внесены собранием поправки, увеличение расценок вместо 20% (у меня) до 30% и добавлены служащие, которые должны подлежать увольнению. Потом мною было предложено собранию выбрать 5 представителей и 5 кандидатов к ним. Открытой баллотировкой было выбрано 9 человек. Все эти лица были выбраны потому, что они выступали на собрании, за исключением М-ва, который был выбран заочно. Собрание в 6 часов, приблизительно, закончилось, вынесли резолюцию, чтобы требования были предявлены Теппану, и назначено собрание на 3-е марта. Вечером к нам выборным, явился Б-в, который списал эти требования, заявил, что мы механические, нас немного—70 человек,—утром к вам придем на собрание. *Требования, принятые на общем собрании, выбранными были сформулированы и приведены в надлежащий вид*[1]). 3 марта в 10 час. утра, на общем собрании, в прачечной, присутствовали механические и П-в. Сначала говорил я, потом П-в. Когда стал говорить М-в, то собрание потребовало перейти на воздух, в прачечной становилось очень душно. К-в произносил уже свою речь на воздухе, с крыльца прачечной. Общее собрание решило собраться в три часа на Надеждинский прииск вместе с Феодосиевцами (предложение К-ва и выборных) для выработки общих требований. Такое собрание состоялось, после обеда, на воздухе. На этом собрании, кроме нас и Феодосиевцев, были выборные от Андреевского и Утесистого приисков. На этом собрании представители станов об'явили свои требования, были оглашены требования мусульман. Все требования оказались тождественными. Разница была только в требованиях удаления служащих. На собрании было решено сформулировать общие требования. К-в предложил выборным остаться для формулирования общих требований, а общее собрание было назначено на 4 марта в 10 час. утра на Надеждинском

[1]) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.

же прииске. 4 марта выборные собрались вместе, на час ранее общего собрания. На этом собрании присутствовали все выборные, которых мы познакомили с общими требованиями, все требования были приняты единогласно"[1]).

Выборный Х. с Феодосиевского писал:

„Было глухое недовольство все время до забастовки. Боялись, все сжаты были администрацией. Никаких собраний для обсуждения нужд рабочих до забастовки не было, и даже не было обсуждения по отдельным кучкам Все ждали лета чтобы уехать. Забастовка для меня явилась неожиданностью. Началось с Андреевского прииска. На Феодосиевском началась забастовка 3 марта, когда узнали, что Александровцы 2 марта прекратили работы. Первое общее собрание на нашем прииске было 3 марта, после того, как начальник дистанции Савинов и управляющий нашего прииска Самохвалов предложили рабочим выбрать выборных. Предложение было дано около номеров Новой Муи. Это было утром, а в 11 час. состоялось собрание. На этом собрании были выборные и высказаны отдельными лицами разные пожелания, которые, по их мнению, должны были лечь в основу требований. В тот же день, около Народного Дома, вечером состоялось совместное собрание Александровского, Надеждинского и нашего прииска. На этом собрании и были выработаны требования, текст поручено было выработать выборным. 4 го было новое собрание, на котором были выборные и от Андреевского, Утесистого, Пророко-Ильинского и Васильевского На этом собрании прочитан был текст требований, выработанный выборными, и утвержден общим собранием"[2]).

Наконец, в воспоминаниях Думпе читаем:

„Так как на Надеждинском прииске не находилось другое помещение, где могли бы все собираться, то решили устроить общее собрание в новой, еще не отделанной бане. Там и состоялось первое собрание, которое можно, пожалуй, назвать Учредительным собранием Ленской забастовки, ибо тут выработались сразу все те вопросы, которые обхватили всю рабочую жизнь. Так как у нас не было еще ничего точно известно о

---

[1]) П. о. л. с., приложения, стр. 150.

[2]) П. о. л. с., приложения, стр. 158.

причинах, что вызвали забастовку на Андреевском прииске, то нам пришлось сразу действовать самостоятельно. Раздавались голоса, что нам мастеровым надо выступать отдельно от рабочих, ибо нас скорее правление удовлетворит. Но эти голоса замолкли, когда я указал, что наше дело есть также и общее дело, и мы должны быть солидарны с горняками. И так мы приступили к работе. Вырабатывая требования, мы старались ставить их так широко, чтобы охватили всю рабочую жизнь. Также тут выработали порядок, как должна вестись забастовка. Требований, насколько помню, было выставлено всего 16.

На об'явленное общее собрание в Надеждинском Нардоме явились рабочие Феодосиевского, Надеждинского и Александровского приисков, а также многие из Андреевского и других нижних приисков; так как всем рабочим в Народном Доме не хватило места, то собрание устроили на площади у Народного Дома.

На этом собрании постановили, чтобы все выборные собрались после собрания в Народном Доме для выработки общих требований. Ввиду этого после собрания все выборные собрались в Народном Доме на сцене. Присутствовали только, сколько место позволяло в зале, рабочие. *Прошли требовиния, составленные нами мастеровыми, почти целиком, внося только некоторые поправки*"[1]).

Процитированные сейчас отрывки дают, во всяком случае, возможность зафиксировать точно, что выдвигавшиеся на общих рабочих собраниях требования подвергались определенной, хотя-бы систематизирующей обработке и формулировке—„приведению в надлежащий вид", по вышецитированному выражению, причем безусловно подтверждается, что организующим центром является группа надеждинских мастеровых

Раньше, чем останавливаться на более подробном освещении политических настроений образовавшейся руководящей группы, а также тенденции происходившей переработки, мы вкратце охарактеризуем те об'единенные „наши требования", которые были, в конце концов, пред'явлены лензотовской администрации

---

[1]) Приложения, стр. 79—81, курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.

Отсылая читателей к приложениям[1]), мы сейчас отметим лишь самые важные и характерные для нас черточки.

Кратко формулируя отдельные пункты „наших требований“, мы получаем такой своеобразный, в смысле расположения, список:

1) Выдача продовольствия во время забастовки.
2) Выдача мяса.
3) Выдача кваса.
4) Выдача хлеба
5) Выдача картофеля.
6) Выдача капусты.
7) Квартирные дела.
8) Непосылка на работу не по прямой профессии.
9) Увольнения только летом.
10) 8-ми часовой рабочии день.
11) Сверхурочные работы.
12) Увеличение заработной платы.
13) Выписка из амбаров.
14) Вахтовые.
15) Лечебная помощь.
16) Порядок увольнения.
17) Непринужденность женского труда.
18) Вежливое обращение служащих с рабочими.
19) Увольнение ряда служащих.

Первое впечатление полного и безусловного хаоса. В таких требованиях попробовать установить, что является самым существенным, за какое из этих требований бастующие стоят безусловно, кажется совершенно невозможным.

Сравнивая об'единенные „наши требования“ с требованиями первоначальными, мы прежде всего отмечаем, что выброшена вся описательно-бытовая часть, очень определенно и резко, хотя повторяем, внешне крайне неумело, выступавшая в заявлениях, которые мы должны считать наиболее верным зеркалом настроений рабочей массы в момент возникновения забастовки.

Затем приходится отметить, что совершенно исчезла из требований нота, которая показывала, что данное выступление, есть не просто экономический спор между

---

[1]) Приложения, стр. 13—17.

рабочими и предпринимателем, но что это есть и обращение к представителям правительства, которые должны были бы быть об'ективными. Рабочие обращаются к этим правительственным агентам за помощью и поддержкой их справедливых требований, но вместе с тем эти-же рабочие говорят прямо в глаза и окружному инженеру и горному исправнику:—„Ваше начальство на это не обращает внимания“, понимая под „это“ все „притеснения“ приискового крепостника. Вот эта нотка совершенно исчезла в „наших требованиях“. Если разрозненно брать обсуждаемый сейчас вопрос—то может показаться, что мы углубляем несуществующую пропасть, выделяя единичное требование Утесистого прииска[1]), но если мы примем во внимание всю нам известную бытовую обстановку приискового рабочего движения—хотя-бы за годы, предшествующие 1912, если мы вспомним, что „жалоба“ Утесистого прииска, является одним из немногих первоначальных документов ленской забастовки, то, думается, станет ясным, что это подчеркивание отнюдь не является искусственным, а, наоборот, исторически и методологически правильным.

Новым моментом в „наших требованиях“ является также 8-ми часовой рабочий день и увеличение заработной платы, так что если иметь в своем распоряжении только воспоминания Р-ева, можно бы было, пожалуй, подумать, что „наши требования“ являются просто на просто механической регистрацией всех, указывавшихся на общем собрании, более или менее конкретных требований, причем этот неизвестный регистратор, не умея систематизировать, обобщать, накладывать бытовые краски, пошел по линии наименьшего сопротивления, делая протокольные записи по мере высказывания рабочими своих требований, отказываясь от непосильной для него задачи—сколько нибудь более широкой постановки вопроса—уже, как мы видели, намечавшейся от ранних требований. Только воспоминания Думпе, из которых мы сейчас приведем довольно длинные цитаты, помогут правильно подойти к разрешению вопроса о том, почему и как „наши требования“ вылились в эту форму, в которой мы их и видим. Итак у Думпе читаем:

[1]) Приложения, стр. 8—10.

„Выбраны были как представители от рабочих или делегаты для ведения переговоров с Управлениями—6 чел. По сколько помню прошли Вязовой, Баташев, Журавлев и еще трое, которых я уже не припомню. Выставили и мою кандидатуру, но я баллотироваться отказался, указывал, что я, как политический ссыльный, не имеющий гражданских прав, могу явиться только помехой, ибо наши противники поймут сразу, обнаружив „политических", что забастовка „политическая", а это не вошло в наши расчеты. Но тут же я заявил, что мы всегда будем среди выборных, будем вместе с ними работать, но только не оффицально. Это было принято и я так постепенно своей работой очутился во главе всего движения. На этом собрании участвовало более пяти тысяч человек. День был солнечный, ясный и тут рабочие первый раз обсудили свои нужды, высказали свои обиды и первый раз услышали свободное слово. Характер всех речей был чисто экономический: из за тактических причин, с самого начала было решено избегать всякую политическую тему. Мы это делали сознательно и хорошо заранее знали, что если политику вытолкни в двери, она залезет в окно, все равно без политики, при данных условиях, не обойдемся. Нет мы не были так наивны. Но надо было дело забастовки поставить так, чтобы в политику втянули рабочую массу не политические ссыльные со своей „злонамеренной агитацией", а чтобы это сделало само правительство. Это, как впоследствии оказалось, нам удалось, и дело Ленских рабочих стало делом рабочих всей России.

Воодушевление, самоотвержение среди рабочих было такое, что не могу найти достаточно ярких слов. чтобы это выразить; я никогда не подозревал, что это темная, друг против друга озверелая масса, на это может быть способна. Я участвовал во многих забастовках, но никогда и нигде не видел среди рабочих такое единодушие, как здесь. Видно было, что режим Лензото достаточно поработал для того, чтобы сплотить эту массу в одно целое, лучше всякой „злонамеренной" политической агитации"[1]).

Далее мы приводим выдержку из тех-же воспоминаний, которая, правда, относится ко времени более поздне-

[1]) Приложения, стр 79—81.

му, чем момент возникновения „наших требований“, примерно к десятым числам марта, но которая, вместе с тем, лучше всего освещает, как составлялись эти „наши требования“. Дело в том, что телеграмма, о которой пишет Думпе, была, в сущности, несомненно, только копией требований (если не считать протеста против затопления шахт), составленных в первые дни забастовки.

„Перед нами стал вопрос, как реагировать на то, чтобы не затопили шахты, и, попутно, шире поставить дело нашей забастовки. Тогда была нами составлена много нашумевшая телеграмма. Рабочие обратились к властям уже вне ленского бассейна. Цель этой телеграммы была та, чтобы забастовку ленских рабочих „повесить к большому колоколу“. Ввиду этого, насколько помню, по следующим адресам была послана телеграмма, текст которой мне трудно восстановить в памяти: „Государственной думе“, „Министру внутренних дел“, „Главному Управлению Лензото“, „Главному Горному Управлению“, „Биржевому комитету“ и еще одну, а кому, не помню. Помню, что в Петербург отослал 6 и в Иркутск 2 телеграммы, Иркутскому Горному Управлению и Генерал Губернатору, приблизительно, нижеследующего содержания:

„Рабочие Лензото забастовали нарушение договора со стороны Лензото, не дозволяйте затоплять шахты, картошка, капуста, 30% добавки жалованья, не расчитать всех виновников возникновения забастовки, 8 часовой рабочий день и т. д.“ Всего, кажется, 16 пунктов и, приблизительно, в таком же хаотическом порядке. Получалось впечатление, что она составлена без всякого руководителя, а составлена толпой, в которой первый попавший грамотный написал все, что ему диктовали. Мы не были так наивны, чтобы ожидать от посланной телеграммы чего либо положительного. Но наша цель была во первых, хоть таким образом, дать знать более широким массам, что мы бастуем, и чтобы принудить Лензото вступить с нами в переговоры. Посылая телеграммы только какой либо газете, государственной думе или биржевому комитету, мы сомневались, что ее могут утаить, но посылая одновременно в разные адреса, кое где она должна будет выплыть и тогда попадет в газеты.

Ко мне собрались многие из Бодайбинской ссылки и когда я их познакомил с содержанием телеграммы, наши ссыльные интеллигенты сразу стали меня убеждать, что телеграмма составлена „безалаберно“ и что ее нужно переписать. По ихнему 8-ми часовой рабочий день и 30% прибавки жалованья должно стоять на первом месте, а потом уже все остальное. Я, понятно, на поправки не согласился и телеграмма осталась такая-же, как была составлена мною.

Через неделю мне опять пришлось ехать до Успенского прииска. Целью моей поездки было разузнать о дальнейших планах Управления и выехал-ли Тульчинский. У меня там был надежный человек, который вращался в „высшем кругу“. На обратном пути мне пришлось быть свидетелем разговора в вагоне. Говорили между собой двое из пострадавших на ленских акциях. Чтобы излить свою желчь они не стеснялись в выражениях по адресу рабочих, называя их и кобылкой, и ослами, и дураками, что они по своей глупости обращались к биржевому комитету. Для них было бы понятно, если рабочие обратились бы к царю, но почему к биржевому комитету они обратились—этого никак не могли понять“[1]).

Далее мы приводим авто-характеристику своей собственной политической деятельности, даваемую Думпе с такой бесподобной откровенностью, что эта откровенность, думается нам, является достаточным извинением длины цитаты.

„Для того, чтобы был бы ясен тот характер забастовки, которую она носила, я должен опять возвратиться к уже мною сказанному. Забастовкой руководили всецело политические ссыльные, но с первого же дня забастовки мы приняли все меры, чтобы забастовка не носила политический характер. Местные условия, среда, из которой составлялась рабочая масса (90% крестьян), подсказали нам ту тактику, которой мы держались. Если нужно, можно назвать ее характер чисто синдикалистическим. Все наши стремления были направлены к тому, чтобы доказать то, что при тех политических условиях, которые существовали в России, всякая экономическая борьба рабочих есть в тоже время и поли-

[1]) Приложения, стр. 88—90.

тическая, независимо от воли отдельных лиц. Может быть там, где существует организация какой-либо партии, можно придать забастовке ту или иную окраску, посредством заблаговременной подготовки. Но здесь, где забастовка возникла стихийно, нельзя было ее вместить в какую либо колодку. При том идейная физиономия ссылки представляла все оттенки политической окраски— начиная от кадетов, случайно попавших в ссылку, до анархистов-индивидуалистов. Скажу еще проще, что среди нас, руководителей забастовки, каждый имел свою политическую физиономию. Скажу несколько слов о нашей политической интеллигенции. В первые дни забастовки многие из них приезжали с целью махнуть речи. Но каждый в своей речи желал развить свою политическую платформу. Среди них были социал-демократы большевики и меньшевики, социал-революционеры и анархисты всех оттенков, синдикалисты и т. д. Каждый из них приехал с той целью, чтобы слава руководства принадлежала именно той партии, представителем которой каждый из них себя считал.

Это было именно то, что нам не нужно было Что получилось бы, если мы дозволили бы во время острого момента борьбы, внести партийную борьбу. С одной стороны,—темная рабочая масса все равно ничего не поняла бы, а с другой стороны это дало бы *законный*[1]) повод, стрелять в рабочих, как угрожающих существующему государственному строю. Ввиду этого у нас практиковался обычай опросить оратора, о чем он будет говорить. И если нам казалось, что эта тема для нас не подходящая, то такого мы не пускали на бочку (наша трибуна). Даже, если такому оратору удалось под тем или другим предлогом попасть на бочку, он в своей речи начинал затрагивать политику, то его сейчас-же предупреждали, что этого нельзя. Если он все таки продолжал, то после троекратного подергивания за ногу, просто спихивали с бочки, без всяких церемоний. Сознаю, что это было возмутительно, я страдал в душе за свои такие поступки, но иначе нельзя было поступить. Так диктовали нам делать те исключительные условия, среди которых мы находились. Да и не ощущалась нужда в гастрольных ораторах, потому что мы имели своих, из нашей-же рабочей среды.

"Гриша" (Кирпичин, он же Черепицын) мог говорить целыми часами, не затрагивая опасные темы, „рваная шапка" (Баташев) и другие, также. Они умели говорить о всем, что стояло близко к сердцу рабочих. Многие, слушая их, плакали как дети"[1]).

В заключение приводим характеристику, даваемую Думпе своим ближайшим сподвижникам, заимствуя ее из части воспоминаний Думпе, не вошедших в приложения. Цитировать авто биографию самого Думпе, нам не представляется необходимым, так как все им написанное является его лучшей исчерпывающей характеристикой. Сообщаем, лишь, что Думпе в 1906 году был приговорен к ссылке на поселение за работу в латышском с.-д. союзе. Так вот Думпе так характеризует своих товарищей по работе во время ленской забастовки:

„Павел Баташев рабочий, слесарь, средних лет, на приисках появился в 1911 го у, ничем до забастовки себя не проявил. Любил изрядно выпить, пошуметь. Когда возникла забастовка, оказался хорошим массовым оратором. Себя считал социал демократом (не знаю меньшевик или большевик—скорее меньшевик). Откуда родиной—не знаю, но судя по как-то выроненной фразе он из тульских самоварных мастеров. Отличался, как хороший массовый оратор, но не имел выдержку, характер. Это особенно подтвердилось, когда мы возвратились от Тульчинского и были убеждены, что забастовку надо кончить. Он так же искренне был в этом убежден, но когда выступил перед массой и когда увидел, что рабочая масса его не принимает с обычным энтузиазмом, он говорил вяло и речи кончал, что можно поступать и так и этак. Его нельзя назвать вождем, который может сказать этой-же массе правду в глаза, насколько не приятна она ни была-бы для этой-же массы. Он из тех людей, которые, обладая даром слова, стихийно выбирается[2]) массой, как ее выразители, без всякого определенного, более дальновидного плана. В Сибирь он прие-

---

[1]) Приложения, стр. 92—94. Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.

[2]) Вообще воспоминания Думпе написаны стилистически крайне небрежно. Поэтому мы позволяли себе вносить стилистические исправления, не затрагивающие смысла. В данном случае мы «выбирается» поставили вместо «выражается» оригинала. В дальнейшем о таких изменениях мы не предупреждаем читателей, так как, повторяем, для существа печатаемых документов эти исправления никакой роли не играют. Притом мы исправляем лишь явные несообразности.

хал сам, будто бы гонимый на родине полицией. Бывшего члена государственной думы Баташева, сосланного в Мартыновскую волость по Киренге, он называл своим двоюродным братом. Поскольку это верно, не знаю. Вот все, что могу сказать о Баташеве на память.

Индрик Розенберг, латыш, рабочий по металлу, родом из Риги. Подробную биографию не знаю, знаю, что во время японской войны он работал в Читинских железнодорожных мастерских. Принял участие в революционном движении в 1905 году в Чите. Приговорен к 4 годам каторги, которую отбыл, кажется, в Акатуе. На прииска прибыл в 1910 г. из Вилюя, где был приписан в ссылку. Больше 40 лет. Невысокий ростом, изнуренного, болезненного вида. Очень начитанный. По своему мировоззрению и убеждению анархист-индивидуалист, но в нем очень мало от обычного рядового анархиста. Самоотвержен, с очень чуткой душой, отзывчивый ко всему человеческому. В первые дни забастовки он стал той тайной пружиной, которая двигала забастовку. Не советуясь с ним, мы не делали шагу. Но он оставался всегда в тени, когда это касалось массовых собраний. Он же был членом нашего неоффициального „тайного совета". Оффициально выборным он не был по тем же причинам как и я. Вот все, что я могу сказать о нем.

Черепицын или Кирпичин Григорий. Не знаю, это его настоящая фамилия или нет. Политический ссыльный. Отец по его делу повешен, а сын, как несовершеннолетний, приговорен в ссылку. Комик по натуре. Невысокого роста, с внушительным носом, замечательно хороший оратор массовик. Предан душой рабочему делу. Каких убеждений, не знаю. Я назову его социалистом в самом широком смысле этого слова. На приисках он жил нелегально, под вышеуказанными фамилиями, сам иногда перепутывал. Рабочие его знали как „Гришку". Он принимал участие в нашем тайном совете и всегда переписывал для гектографирования воззвания на подобие русских печатных букв. Оффициально не был избранным, но участвовал в забастовке во всех делах. Он даже не числился рабочим у Лензото. Не имел квартиры, а также средств. Ночевал, где его ночь застигнет и питался чем ему предложат. Арестован не был; ему можно приписывать заслугой то, что рабочие Феодо-

сиевского прииска не попали под расстрел 4 апреля. Поскольку мне известно, он предупредил рабочих Феодосиевского прииска чтобы не шли к прокурору с „сознательными записками", предвидя тут ловушку. Больше ничего о нем не припомню.

Попов (имя и отчество не помню). Студент, кажется, Петербургского Технологического Института. Выключен за беспорядки. Уроженец Якутского края. Происшедший из якутских казаков. До начала забастовки служил помощником начальника на Александровской ж.-д. станции. До забастовки был предупрежден о расчете, почему, не знаю. Ничего особенного из себя не представлял, его мировоззрение и убеждение не знаю, кажется никаких. Оффициально выборным, кажется, не был. Но участвовал отчасти в „центральном бюро"; во время расстрела был ранен. После выздоровления арестовали, вместе со мной выслан на места приписки.

Зеленко (имя и отчество не помню) рабочий, слесарь Андреевского прииска, политический ссыльный, партийность не знаю. Пользовался влиянием на Андреевском прииске среди рабочих. Наездом участвовал в бюро. Был арестован после расстрела и выслан в Якутск, но по дороге сбежал, куда, не знаю.

Будевицы Евгений Александрович и жена его Лидия Михайловна. Латыши, рабочий, слесарь, жена его бывшая гувернантка, окончившая гимназию—не партийные. В Сибирь пришли по своей воле. На приисках с 1909 года, внешне ничем себя не выдавали, но принимали участие во всех конспиративных делах забастовки. Оба, безусловно, преданы рабочему делу. Будевиц был арестован вместе со мною.

Вот и все мои ближайшие участники, которые непосредственно работали со мною. Понятно, что были еще кроме них еще другие, но они не работали постоянно и их работа была случайного характера. Как на таких, укажу на следующих: Журавлев Дмитрий, токарь по металлу, Вязовой—слесарь, Попов 2-й—рабочий, выборный Александровского прииска. Также некоторые ссыльные исполняли разные, отчасти рискованные поручения"[1]).

---

1) Воспоминания Э. Думпе. Тетрадь 3-я рукописи, стр. 5—8.

Таким образом, общая картина вырисовывается с бесспорной ясностью. Хаотичность „наших требований“ явление вовсе не случайное, конечно. Эта хаотичность, это расположение требований, безусловно, сознательно, мало того, она преследовала определенную и ясно поставленную цель. Архи-хвостисты, ставшие во главе движения, думали путем затушевания малейшего политического момента добиться особого эффекта. Они собирались инсценировать показательный спектакль, который должен был наглядно продемонстрировать, что всякое чисто-экономическое движение, в условиях царского самодержавия, должно превратиться в политическое. И они считали свою задачу выполненной, потому что „дело ленских рабочих стало делом рабочих всей России“[1]), не понимая того, что ответственность за то, что рабочие доверчиво пошли под пули жандарма Трещенкова, ложится именно на них. Но разве нужно что-нибудь прибавлять к характеристике людей, которые политический характер забастовки считали „законным поводом стрелять в рабочих, как угрожающих существующему государственному строю“[2]).

Но б. м. не было ни малейшей возможности повести политическую агитацию? Смело можно сказать, что это не так. Невозможно себе представить другого района, других условий, в которых самодержавный строй и его прислужники выступают с большей циничностью и откровенностью, как стражи-хранители частно капиталистических интересов, именно ввиду приисково-колониального характера последних. Уже только на основании документов, предшествующих 1912 году, можно-бы было предположить, что отождествление приискового предпринимателя и агентов самодержавного правительства, взятых хотя-бы в узко-местном масштабе, с возлаганием всех надежд и упований на „высшее правительство“—было более или менее обычным представлением для рабочей массы. Мы видели, что в требованиях рабочих Утесистого прииска это выражено достаточно ясно. Для тогдашней же массовой идеологии или, точнее, ее зачаточных форм, очень характерны слова т. Бавыкина:

---

1) Приложения, стр. 80.
2) Приложения, стр. 93.

„Тогда у большинства, как и у меня было мнение: „хороши правители, да лихи исполнители“[1]).

Тут уместно сказать про то идиллически мирное настроение бастовавших, о котором, с легкой руки авторов книги, изданной Баташевым, очень любят говорить все „исследовавшие“ историю ленской забастовки. Что обозначения „мирные“ очень мало подходят к настроениям, господствовавшим среди рабочей массы к моменту приближения развязки, мы будем иметь возможность подробнее рассмотреть дальше, но что настроения, господствовавшие в начальный период забастовки — еще до приезда Тульчинского и Трещенкова, очень мало подходят под обозначение — „мирные“, мы с достаточной, нам думается, ясностью увидим сейчас.

Сам Думпе в своих воспоминаних, — характеризуя день 19 марта, когда полиция сделала попытку выселить для острастки нескольких рабочих, основываясь на постановлении мирового судьи Хитуна, говорит:

„На основании этого пункта мировой судья Хитун приговорил рабочих Догалдынских бараков к выселению. Для приведения в исполнение приговора была поднята на ноги вся местная полиция, а также для подкрепления была вызвана военная команда Бодайбинского гарнизона. Оцепив барак, они выгнали рабочих из барака, хотели их куда-то вести.

Когда нам на Надеждинском сообщили по телефону, что делается полицией, мы спешили передать это на другие прииска и сами поспешили на место происшествия. Со всех бараков, по всем дорогам и тропам двигался народ по направлению к Догалдыну.

Полиция смутилась и особенно не усердствовала, скоро как солдаты, так и полиция были окружены вплотную тесным кольцом рабочих, которое все увеличивалось. Солдаты перемешались с толпой и скоро в их цепи не оказалось ни одного рабочего. Видно было, что на это власти не расчитывали и были захвачены врасплох. Когда скомандовали солдатам сплотиться и вывели их на дорогу, рабочие разделились на две половины. Выпустив из своей среды солдат, все двинулись за ними.

---

[1]) Приложения, стр. 106.

В конце получилась такая картина—солдаты шли скорым маршем впереди, за ними по пятам огромная масса, около трех слишком тысяч. Все это двигалось по направлению к Надеждинскому прииску. Когда подходили к Народному дому, нам навстречу двигалась такая же масса с Александровского и других приисков. Солдаты опять очутились между двумя толпами, которые все увеличивались и окружали солдат.

Момент был критический; это учел исправник Галкин, который руководил выселением. Он приложил много усилия, бегал с одной стороны толпы, умоляя рабочих не напирать на солдат, что может случиться несчастье. Он обещал, что никакого выселения рабочих больше не будет. В это время выступил с речью Хитун, указывая, что рабочие сопротивляются властям, действуют незаконно. Рабочие все время вели себя удивительно спокойно, но услышавши речь Хитуна, постепенно начали волноваться и скоро с страшным ревом оборвали его речь, и стоило некоторого усилия, чтобы оградить безопасность Хитуна. Тут опять власти убедились в решительности рабочих бастовать до конца. Нам пришлось приложить не мало усилий, чтобы убедить рабочих разойтись. Это был хороший урок для местной администрации. Она могла убедиться, что рабочие на силу, могут быть вызваны действовать также силой. Кто в таком случае оказался бы победителем, большой вопрос,—по всей вероятности рабочие, потому что такие попытки уже больше до прибытия Трещенкова не повторялись«[1]).

Для сравнения—оно нужно нам для дальнейших выводов—приводим выдержку из „Правды о ленских событиях“—„несколько“ иначе описывающей то-же событие—блестящий пример идиллической трактовки забастовки.

„Рабочие от добровольного исполнения этих решений мирового судьи отказались, вследствие чего Горный Исправник Галкин 19 марта с частью воинской команды, приступил к принудительному выселению ответчиков. По приходе Галкина в казарму там ни одного рабочего не оказалось. Женщины об'яснили, что все рабочие отправились на Надеждинский прииск за расчетом. Тогда Галкин отпра-

[1]) Приложения, стр. 86—87.

вился в другие казармы для ареста, по постановлению судьи, 12 рабочих, будто-бы мешавших приступить к работе рабочим и поденщикам, желавшим работать, но и этих рабочих не оказалось, т. к. они тоже ушли за расчетом. Затем Галкин заметил, что из всех казарм рабочие стекаются толпами к Надеждинскому прииску, где находится главная контора Ленского Т-ва. Не имея возможности приостановить в разных местах массовый выход рабочих из всех казарм, исправник с бывшим при нем офицером и солдатами обогнал двухтысячную толпу и приказал ей остановиться. Но толпа первоначально отказалась исполнить приказание и остановилась лишь тогда, когда было решительно об'явлено, что дальше ее не пустят. В это время с другой стороны толпами стали подходить рабочие Александровского прииска до 1000 человек, которые были остановлены вышедшими на дорогу солдатами.

На вопрос, зачем они собираются, рабочие ответили, что хотят просить г. Теппана отсрочить выселение до расследования Окружным Инженером их претензий, в случае несогласия его на это, они будут просить выдать им расчет по срок договора, т. е. по 10 сент. 1912 г. Феодосиевские рабочие просили разрешить им соединиться с Александровскими, но в этом им было решительно отказано. Г. Теппан прибыть к рабочим отказался, г. Галкин-же не, видя со стороны рабочих проявления угроз, решил к репрессиям не прибегать и совместно с инженером г. Александровым предложил рабочим разойтись по казармам, рекомендуя прислать г. Теппану письменное заявление. После этого рабочие разошлись, испросив разрешение собраться, в присутствии полиции, по одному человеку от казармы, для составления вопросов и составления заявления. Разгонять рабочих оружием г. Галкин не решился, во избежание осложнений и кровопролитий, могущих произойти при столкновении с толпой в несколько тысяч человек. Пострадал ли в данном случае престиж власти—об этом пусть судят другие, но достоинство ея несомненно выиграло вследствие нежелания Галкина направить оружие против безоружной толпы рабочих, шедших с самыми мирными намерениями и не прибегавших к угрозам"[1]).

---

[1]) П. о. л. с., Приложения, стр. 64—65.

Да и может-ли быть лучше доказательства правильности нашего мнения, чем то, что даже такой человек, как Думпе, принужден был подумать о целесообразности организации вооруженного восстания: „У нас был поднят вопрос о возможности вооруженного восстания, здесь на приисках. Было очень много шансов на то, что оно вполне осуществимо. В наших руках, или вернее под нашим караулом, находился Феодосиевский динамитный склад. Среди рабочих было много опытных пальщиков, прекрасно умеющих обращаться с их динамитом. Кроме того две трети всех рабочих отбыли военную службу. Солдат во всем приисковом районе вместе с Бодайбо, было менее двухсот, при том разброшены. Мы не сомневались в благоприятном исходе для нас. Солдат и, вообще, местную власть мы могли прогнать, уничтожить, с'естных продуктов тоже бы хватило на полгода.

Но весь вопрос, что будет потом. Ведь мы не могли ожидать откуда либо поддержки. Революционные организации о себе молчали. В таком случае осталось только одно—уничтожить, сравнять с землей все Лензотовское и разбежаться. Это было бы тоже самое, что здесь на приисках случалось уже раньше, только получалось более грандиозное по своим размерам. И раньше были здесь „бунты“, где кое-кого убивали, кое-что разрушили, сожгли, а потом их усмиряли, кое-кого судили, а остальные опять стали работать, иногда при условиях еще худших. Это для нас не могло быть исходом из того тупика, из которого искали выхода Это было бы после стихийно возникшей забастовки и стихийный ее конец. С этим мы не могли мириться, ведь стихийных жертв было уже так много в русском рабочем движении и все это бесцельно. Потому пусть будет что будет“[1]).

Тоже очень мало под понятие „мирное настроение“ подходит следующий акт Окружного Инженера Александрова и исправника Галкина:

А К Т.

„Я, Окружный Инженер Статский Советник Александров 21 марта 1912 года составил акт этот в следующем: 1) по моим личным наблюдениям при посещении казарм рабочих невыдача пищевого довольствия Управлением Ленского Т-ва рабочим-должникам весьма раздражает

[1]) Приложения, стр. 100—101.

всех рабочих и ввиду наступления праздника Пасхи может вызвать озлобление и перейти в открытые насилия. 2) Подавление открытых насилий кровопролитием нахожу безусловно нежелательным и благоприятный исход этого подавления ввиду разбросанности приисков Ленского Т-ва на протяжении 250 верст неосуществимым. А потому на основании вышеизложенного в дополнение моего предложения от 21 марта за № 12 постановил: предложить Управлению промыслами Ленского Т-ва впредь до особых распоряжений выдавать пищевое довольствие рабочим-должникам в размере, указанном в п. 10 правил внутреннего распорядка, в течении семи дней. Сверху вписано „благоприятный"—тому верить. Окружный Инженер Олекминского Горного Округа П. Александров. Изложенное в акте мнение вполне разделяю. Горный Исправник А. Галкин"[1]).

Таким образом мы видим, что мирный фон забастовки, так часто и упорно подчеркивавшийся, окрашивается в весьма немирные цвета, даже в самом начале забастовки. Этот иллюзорный мирный фон был, это мы можем сейчас сказать смело, ничем иным, как тактическим подходом, нужным для определенного освещения ленских событий. Это общее извращение распространялось не только на самый фон событий и общее их освещение, но и захватывало отдельные конкретные факты и детали. Дело ограничивается не только тем, что неудачный полицейский полководец Галкин, отступающий и разбитый превращается в особо миролюбивого, особо тактичного и особо осторожного политика, но и в том, что самый подход и самый фундамент выставленных рабочими требованиях, приобретает весьма странный вид, делая его для нас, знакомых с своеобразными красками приискового быта, даже трудно узнаваемым.

Давая общую характеристику этих требований авторы „Правды о ленских событиях" пишут: Ничего политического нет в требованиях рабочих. Осуществление этих требований не было поставлено рабочими и не стоит ни в какой зависимости от какого-либо изменения общих политических порядков. Это „домашний старый спор" труда с капиталом. Рабочие, почувствовав силу в единении, выставили свои требования. Правление было

[1]) Приложения, стр. 18—19.

вольно согласиться на них или нет: для вмешательства вооруженных сил нет места в этом споре. Никакой искусственной агитации и не требовалось для создания из разрозненных единиц солидарной массы. К этому они были приведены не теми или другими лицами, агитаторами, а самим ходом вещей. Отпуск—пусть даже случайный—конского уда об'единил рабочих, независимо от возраста и пола, в чувстве возмущения; Белозеровский крепостной режим, игнорировавший всякие единичные жалобы рабочих, сплотил их; сама администрация организовала их, настояв на избрании выборных (уполномоченных); всемогущество Ленского Т-ва, которому до того все сходило с руки, дисциплинировало рабочих во время стачки, ибо они были совершенно отучены от мысли искать защиты у властей, из которых одни не хотели идти против Лен. Т-ва, а другие (Тульчинский) были беспомощны в борьбе с ним. Поэтому рабочие больше всего боялись эксцессов, понимая, что если они дадут администрации, близко стоявшей к Ленскому Т-ву, какой-либо легальный повод к вмешательству, то дело их проиграно, т. к. тогда немедленно на них обрушится мощь государственной силы"[1]).

Этому общему выводу авторов „Правды о ленских событиях" предшествуют целые главы, подробно описывающие экономическое положение рабочих к моменту возникновения забастовки и еще более подчеркивающее основной тенденциозный вывод о каком-то чисто-экономическом характере забастовки. Мы не собираемся заниматься столь подробным анализом условий труда и быта перед забастовкой. В главах, посвященных событиям до 1912 года мы достаточно выяснили то, что и не нуждалось в особых доказательствах: эксплоатация шла, конечно, абсолютно уменьшаясь. В такой-же мере, нам представляется очевидным и не нуждающимся в специальных подтверждениях, что и в смысле заработной платы и других условий труда, положение рабочих у Лензото было чрезвычайно тяжелое. Это, конечно, бесспорно и достаточно ясно вытекает из самого существа, как капиталистического строя вообще, так и его колониально-приисковой разновидности, в частности. Но с другой стороны, некоторые приемы доказательства со-

[1]) П. о. л. с., приложения, стр. 58—59.

вершенно не нужных вещей, примененные авторами „Правды о ленских событиях“, нам кажутся и излишними и более чем наивными. Так, например, в „Правде о ленских событиях“ помещено такое замечательное утверждение: „поденная плата рабочих Л. З. Т-ва стоит ниже обычной в данной местности заработной платы“[1]) и далее приводится сравнительная таблица, из которой видно, что Л. З. Т-во платило цены, отличающиеся от справочных цен городской управы в Бодайбо.

Приводим эту таблицу целиком:

	Л. З. Т-во.	По справочным ценам Городск. Управы города Бодайбо.
Возчики песков, вспомогательные рабочие, домашние и верховые рабочие, ремонт тракта, доставка мху, рубка дров, погонщики и вообще чернорабочие .	1 р. 35 к.	1 р. 50 к.
Добыча песков (горняки) в сухих шахтах	1 „ 50 „	
Кузнецы	от 1 „ 90 „ до 2 р. 25 к.	2 „ 90 „
Кровельщики	1 „ 80 „	3 „ 20 „
Маляры	1 „ 80 „	2 „ 70 „
Плотники	от 1 „ 50 „ до 1 „ 90 „	2 „ 50 „
Столяры	от 1 „ 90 „ до 2 „ 20 „	3 „ — „
Слесаря	от 1 „ 75 „ до 2 „ 75 „	3 „ — „

Эта таблица, прекрасно характеризует положение, хотя и дает возможность сделать, как раз обратные выводы, чем те, которые были бы приятны ее цитирующим.

Можно смело утверждать, да и лучшим признаком того являются мелко-буржуазные вопли о концентрации капитала, монополии и т. д. и т. п., что на 90, если не на 99%, рынок труда Бодайбо и приискового района находился в полной зависимости от Л. З. Т. Что поденная плата для рабочих, нанимающихся не в Л. З. Т., должна была быть выше, совершенно бесспорно. Л. З. Т. давало своим рабочим, хотя и в невероятно уродливом виде, все то, что мы сейчас называем коммунальными услугами, затем оно выдавало рабочему продуктовую норму по фиксированной цене, в зимнее время, несомненно, стоящая ниже соответствующих вольных цен: всего

[1]) П. о. л. с., стр. 21. Там же помещена и приводимая ниже таблица.

этого не мог дать никакой другой работодатель, уж не говоря про то, что не существовало, почти никакого другого, кроме Л. З. Т., более или менее длительного предложения труда. Повторяем, что все эти детали совершенно излишни для подтверждения аксиомы о том, что Л. З. Т. эксплоатировало своих рабочих настолько, насколько это позволяли экономические условия, но именно эти самые условия требовали,—раз из года в год тысячи рабочих преодолевали тысячеверстное расстояние,—чтобы реальная величина заработной платы была выше, чем в центральной России. Авторы „Правды о ленских событиях“ для того, чтобы подчеркнуть экономический характер забастовки выпячивали на первое место ряд сравнительно мелких экономических деталей, посвящая им в своем предисловии 48 страниц и оставляя на долю общего описания режима—3, но конечно не в этом специфический характер приискового угнетения. Мы достаточно видели все своеобразные прелести этого крепостнически-приискового режима, для которого обозначение Белозеровский (по имени Белозерова—главноуправляющего промыслами), конечно, слишком узко и потому рабочий протест обращался именно против этого режима в целом.

Сейчас мы для дополнительной его характеристики ограничимся лишь двумя отрывками из воспоминаний современников событий. Одна из женщин, подававших во время забастовки свои заявления, рассказывает: „Муж горняк, зарабатывал 35—45 руб. Я сынков не имела, а ходила всегда на работу, зимой в субботу мыть полы и на вечера в собрание, а летом ходила на дрова, щепы, горбыли, а плату как за дневную, так и за ночную получила одинаковую. Ходила я только по наряду. Особенно тяжело мне было в прошлом лете на горбылях (на лесопилке). Была я беременна. Горбыли в табора складывать не могла, но заставляли и я „выкинула“. Наряжая на работу, Филарет всегда грозил уволить мужа, поэтому все бросала: и стирку и квашню, а не пойдешь —от мужа получишь. Раз у меня девочка заболела и я не пошла на работу, но на другой день уже пришлось идти. Вот, когда мы работали на горбылях прошлое лето, пошли мы все шесть пар к становому заявлять, что невозможно нам, женскому полу, таскать за 80 коп,

горбыли, когда мужчины 1 р. 35 коп. получают, а он ответил—вы лягте под меня, тогда я и дороже заплачу. Я пожаловалась мужу и на другой день не пошла на работу. Приехал Филарет и велел мужу вечером придти на раскомандировку—к расчету потребовали, и ему пришлось из-за жены прощение просить. Когда мы ходили к холостым, то много терпели. Лезли „играть", а тех из нас, кто не шли на это—„материли". Вообще многое мы не говорим—совестно. В позапрошлом году я после родов пришла домой. Ночью муж был на работе, а я лежала на койке. Тут пришел обходной и, как всегда, со свечкой подходил, поднимал полога и смотрел на раздетых женщин. Тут я вышла на террасу—было очень морозно, а он тут как тут у террасы меня и схватил. Все было закрыто,—кричать не могла, он с полчаса меня держал—я не хотела уступить"[1]).

Т. Бавыкин рассказывает: „перед рабочими проходили такие, например, факты: устраивал Белозеров какой нибудь кутеж со своими служащими, для услуг выбирались работницы покрасивее (кутеж обыкновенно происходил в саду на прииске Надеждинском) после того, как вся эта орава перепьется, произносилась команда Белозеровым: „господа,—вы волки, они—овцы (указывая на женщин),—ура..."[2])

Вот этот-то феодально-крепостнический бытовой фон и является исключительным признаком, именно данного приискового угнетения, отличаясь в этом отношении от нормального российского капитализма начала XX века. Поэтому, нигде, как здесь, противоположение рабочих и служащих—привилегированных вассалов приискового феодала, не выступало так резко. Трудно поэтому представить себе, более характерного факта, чем отказ рабочих от совместной забастовки с конторскими, очевидно, нисшими служащими, о котором рассказывает Думпе: „В первые дни забастовки явились у нас в Народном доме представители от конторских служащих и предложили нам, что также желают примкнуть к забастовке. Они просили их требования присоединить к нашим, а также просили, чтобы мы их выгнали из конторы, ибо не все их на это согласны. Но озлоблен-

---

1) П. о. л. с., приложения, стр. 173.

2) Приложения, стр. 105.

ность рабочих против служащих была так велика и недоверие так глубоко, что даже бастовать вместе со служащими не желали"[1])

Вот эта-то общая приисковая атмосфера, которая сближала забастовку, направленную против предпринимателей, с движением против правительственной администрации, неибежно обуславливала невероятную путаницу у всех тех, кто подобно авторам „Правды о ленских событиях" пытался все совершавшееся представить как „домашний старый спор труда с капиталом". Причем невольно они принуждены были при этом допускать явные вывихи мысли.

Так, в выше цитированном отрывке рассуждение примерно такое: так-как все правительственные чиновники находились в полной зависимости от Л. З. Т., то ясно, что рабочие к ним не обращались в своем „домашнем" споре с предпринимателем. Если даже допустить правильность этого рассуждения, то невольно возникает вопрос—почему-же рабочие не обратились тогда *против* и этих самых самых чиновников—явных союзников капиталиста?

Притом надо уже сейчас отметить—дальше мы на этом остановимся подробнее—что авторы П. о. л. с., отчасти, впрочем, недостаточно осведомленные в этом отношении—определенно затушевывали роль Тульчинского, именно потому, что деятельность этого последнего вносила в „домашний" спор какой то совершенно особый, не „экономический"—а потому и нежелательный (с точки зрения авторов П. о. л. с.) привкус.

Таким образом основные выводы, характеризующие организационный период забастовки, вырисовываются достаточно определенно:

Стихийно развивавшееся забастовочное движение самого отсталого слоя российского рабочего класса, в силу особых феодально-крепостнических условий приисковой эксплоатации, больше чем какое бы то ни было другое рабочее движение до 1905 г. (а то, что революции 1905 г. в приисковом районе в 1912 г. еще „не было" мы можем считать вполне достоверным, основываясь, как на фактическом материале, та и на естественном, нами отмеченном замедлении исторического про-

[1]) Приложения, стр. 94.

цесса в оторваннейшем золотопромышленном районе)— содержало элемент не только экономических требований, но и протеста против всей совокупности приискового режима, в котором полицейская кокарда и горный значек играли немаловажную роль. Изучение прошлого этого рабочего движения, а также предстоящее нам рассмотрение роли, сыгранной Тульчинским или, вернее, особым отношением к нему рабочей массы, покажут нам определенный „9 январьский“ оттенок этого движения, возлагающего надежды на справедливость „высшего правительства“.

Но при этом руководство движением находилось в руках людей, сознательно поставивших своей задачей вытравить из него малейший политический колорит, что и сводило конкретное выявление их деятельности к сознательному недоговариванию того, что рабочая масса в целом еще только чувствовала, а не сознавала ясно,—к резко выраженному саботажу всяких противоречащих их планам попыток и, наконец, как мы увидим, к явному предательскому срыву забастовки. Так как именно эти круги оказались причастны к первоначальному и надо отметить, довольно серьезно поставленному собиранию материалов и их, хотя и анти-научному изучению, то эта „экономическая“ версия, естественное желание хвостистского штаба оправдать себя, нашло благодарную почву в позднейших, если не исследовательских, то историко-описательных работах. Мы увидим еще, что немаловажное значение сыграло тут идеологическое родство между этими непосредственными деятелями забастовочного движения и адвокатской компанией во главе с Керенским, пытавшейся оказать филантропическую помощь бастовавшим.

Теперь-же нам остается только остановиться на двух моментах. Во первых на организационной стороне забастовочного движения, а затем,—на действиях приисковой и правительственной администрации, действий, формально заканчивающих первый организационный период забастовки.

Останавливаясь на первом вопросе, мы считаем возможным не говорить подробнее о совете выборных, достаточно ясно выступающем в материалах—делегатском собрании бастовавших рабочих. Зато мы позволим себе

привести цитаты из Думпе ясно обрисовывающие, как нисший административный орган забастовщиков—институт старост, так и несколько законспирированную верхушку забастовочнаго движения.

„В это же время мы были сильно заняты вопросом о нашем внутреннем порядке. Ведь у нас не было организации, забастовка возникла стихийно, и также стихийно-хаотически могла кончиться. Надо было найти такую форму организации, которая соответствовала бы нашим целям. И тут получился интересный случай, в котором неожиданно проявилась инициатива массы. Рабочие Феодосиевского прииска для поддержания порядка в рабочих номерах выбрали старост, которым должны были подчиняться все обитатели данного барака. Это и было то, что мы искали и нам не оставалось ничего более, как расширить эти права и обязанности старост и распространить этот порядок на все остальные прииска. И в результате у нас получилась идеальнейшая организация, сильная и гибкая. Был выработан особый указ или постановление о правах и обязанностях выборного старосты. Поскольку помню в нем были следующие пункты (не ручаюсь за редакцию, но приблизительно следующего содержания):

1) В каждом рабочем номере—бараке должен быть избран староста общим, по желанию открытым, или тайным голосованием.

2) Выбираются для старосты двое помощников, которые подчинены старосте, но в его отсутствии пользуются всеми правами и обязанностями такового.

3) С момента выбора старосты, староста является неограниченным хозяином данного барака, его может сменять только совет старост, который состоит из всех старост данного прииска, по заявлению всего прииска. (Это для нас было гарантией, что староста исполняет все наши указания самостоятельно и беспрекословно).

4) За все беспорядки в бараке, как-то: драки, пьянства, самовольная отлучка после 4 часов вечера и т. д. отвечает староста. А за беспорядки по всем приискам отвечает совет старост данного прииска.

5) Все обитатели барака должны исполнять требования старосты безоговорочно, как-то: ночью дежурит по очереди, как в бараке, так и если нужно по указаь

ниям старосты в границах прииска (были посты у динамитного склада, магазинов, винных лавок и т. д.).

б) Совет старост подчинен выборному и должен привести в исполнение все постановления „центрального бюро“, переданные через выборного.

Вот приблизительно основы нашей организации, которые возникли во время забастовки“[1]).

Таковы организационные низы ленской забастовки. Из следующей цитаты мы видим, как строилась ее верхушка.

„Я уже сказал, что на Надеждинском прииске образовалось, так называемое „центральное бюро“. Тут кстати должен сказать еще то, о чем не говорится в мною прочитанных трудах по данному вопросу. Помимо оффициального „центрального бюро“ существовал, если можно так выразиться—„тайный совет“. О его существовании знали ограниченное число участников и о его существовании не знали даже выборные. На этом совете обсуждались каждый вопрос всесторонне и уже, когда оказывался достаточно ясным и, если он вызывал какие либо мероприятия с нашей стороны и это было уже нами найдено, тогда оффициально выступало „центральное бюро“ и всегда его предложения собранием или советом выборных принимались. Также об организации гектографирования воззваний и их составлении знали только несколько человек из совета“[2]).

Состав „центрального бюро“ и „тайного совета“ был следующий: центральное бюро—Думпе, Баташев, Гриша, Зеленко, тайный совет—Думпе, Гриша, Розенберг, Будевиц[3]). Приняв во внимание этот состав, мы ясно видим, что хвостистский штаб состоял из более, чем узкой группы и даже Баташев, оффициальный вождь забастовки и любимый оратор не входит в „святую святых“ забастовки. Об‘яснение этому найти не трудно. Руководство забастовки велось, как мы видели, чрезвычайно резко по одной определенной линии. Безусловная сговоренность требовалась при таких обстоятельствах, в полной мере. В данных конкретных условиях, только очень небольшая группа могла быть во всем решитель-

---

[1]) Приложения, стр. 83—84.

[2]) Приложения, стр. 87—88.

[3]) Тетрадь 3-я рукописи Э. Думпе, стр. 1.

но согласна между собой. Раз Думпе и компания ставили своей задачей оберегать рабочих от политической агитации и раз даже Баташев не был достаточно тверд в своих хвостистских убеждениях, то естественно, что он, уж не говоря о менее распропагандированных в этом направлении представителях рабочей массы, не мог участвовать в собраниях немногих людей, очень ясно и оголенно ставивших себе определенные задачи. Впрочем, нелепо было бы себе представлять и „центральное бюро“ и „тайный совет“ в качестве сколько-нибудь оформленных организаций. Сам Думпе говорит о их крайней организационной расплывчивости и неопределенности. Это и естественно. В самом водовороте событий, еще не вошедших в сколько-нибудь определенное русло, менее всего приходится думать о каком бы то ни было конституционном оформлении, и потому и центральное бюро и тайный совет следует просто на просто рассматривать как повседневные, в текущей работе, встречи людей, стоявших во главе движения, но причем и в том и другом штабе личный состав несколько и притом не случайно разнился между собой. Но тут может возникнуть вопрос: Не являются-ли воспоминания Думпе, просто на просто разглагольствованиями, направленными к само-рекламе, не преувеличивает-ли он свою собственную роль, не является ли он Завалишиным ленской забастовки? Не воображает-ли он, подобно этому участнику декабрьского восстания, что все движение вертится вокруг него, что без него не было бы и самой ленской забастовки в той форме, как она развилась, в то время, как на самом деле он играл очень и очень скромную роль.

Для проверки приводим следующий отрывок из воспоминаний т. Бавыкина:

„Баташев считался у нас как председатель совета выборных и при расколе выборных стоял за продолжение забастовки. Окончательные требования вырабатывались также Баташевым. Думпе был одним из ближайших сотрудников Баташева, как равно Зеленко, Гриша (фамилию не помню), Попов и другие.

Фактически Баташев выборным не был. Он выделился своими выступлениями на собраниях рабочих,

а потом, естественно, стал руководить ходом забастовки"[1]).

Эти отрывки являются безусловным подтверждением правильности записей Думпе. Думпе сам говорит, что он все время оставался в тени, как политический ссыльный и, повидимому, неважный оратор и выдвигая вперед популярного Баташева. Бавыкин совсем не упоминает про Розенберга и Будевица и это тоже вполне естественно, именно потому, что эти лица персонально близкие к Думпе внешне себя никак не проявляли, играя вместе с тем в „тайном совете" очень большую роль. У Бавыкина же, далекого от непосредственно-руководящего центра забастовки естественно мы видим Думпе, как помощника Баташева, хотя и он указывает, что Баташев фактически выборным не был. Указание же, что Баташев был сторонником продолжения забастовки легко об'ясняется тем самым вилянием Баташева, которым так недоволен был Думпе[2]).

Теперь нам для того, чтобы считать характеристику организационного периода забастовки законченной, остается лишь остановиться на том, как приисковая и правительственная администрация реагировала на выставленные рабочими требования. Первоначального об'явления Теппана мы приводить не будем, так как оно касалось одного лишь Андреевского прииска. Но вот на запрос Теппана правление Лензото телеграфирует 4 го марта свое решение:

„Из Петербурга № 2293. От 4 марта 1912 г. Срочно передать телефоном Бодайбо Теппану. Ответ на 376. Сговорившись Белозеровым решили согласиться осветить средину казарм и проходы за счет дела. Никого из забастовавших не расчитывать не только до лета, но и до срока контракта, если встанут на работы вторник и будут дальше вести себя спокойно и исполнять все пункты договора. Если команда не примет этих условий не встанет на работу вторник то произведите полный расчет прекратите водоотливы.

Правление Ленского Товарищества"[3]).

---

[1]) Приложения, стр. 106 и 107.
[2]) См. выше, стр. 110—111.
[3]) П. о. л. с., приложения, стр. 68.

Соответственно этой телеграммы Теппан вывешивает 5 марта следующее об'явление:

„Все, что мною было обещано г.г. представителям рабочих, будет исполнено, что касается остальных требований, то таковые были сообщены на заключение С.-Петербургского Правления. Согласно телеграммы, С.-Петербургское Правление на эти требования рабочих не согласилось. При чем сделано мне распоряжение предложить рабочим приступить к работам во вторник 6 марта. Правление сообщает, что никого из забастовавших не будут расчитывать не только до лета, но и до срока контракта, если встанут на работу во вторник, будут дальше вести себя спокойно и исполнять все пункты договора. Если команда не примет этих условий, не станет на работу во вторник, то мне сделано распоряжение произвести полный расчет.

И. об. Главноуправляющего А. Теппан"[1]).

Одновременно Теппан, собрав наиболее ответственных своих сотрудников, посылает за подписями всех собравшихся телеграмму, являющуюся как бы первым шагом контр-наступления приисковой администрации, увидевшей, что местными средствами, без войск и без соответствующей поддержки со стороны высших полицейских властей—не обойтись:

„ПЕТЕРБУРГ, ЭЛЬЗОТО, БЕЛОЗЕРОВУ.

Забастовка после того как рабочие узнали содержание телеграммы Правления видимо принимает угрожающий характер. Видна хорошая организация. Слух угрозе привести в негодность действие запасных водоотливных средств амбар и мастерские. Местная администрация держится в стороне. Окружный Инженер был только на Андреевском. Прибывший из Бодайбо исправник разрешает рабочим общее собрание, только сегодня приехал на Надеждинский помощи от него ожидать нельзя. Большая необходимость ознакомить Петербург Иркутск администрацию с положением дел. Уступки рабочим недопустимы. Безусловно необходима усиленная команда срочная командировка из Киренска. На почте очень ловко узнать о чем было телеграфировано. Теппан.

Смит. Цинберг. Самохвалов. Кобылянский. Савельев"[2]).

---

[1]) П. о. л. с., Приложения, стр. 68—69.

[2]) Приложения, стр. 19.

Поскольку приисковая администрация отказалась выполнить выставленные требования, ожидания бастовавших сосредоточились на Окружном Инженере Александрове, заменявшем Тульчинского. Но переговоры с Александровым не давали сколько-нибудь ощутительных результатов и в конце концов он вывесил 7 марта следующее об'явление. Приводим его целиком, так как оно, как мы увидим дальше фигурировало и во время позднейших переговоров с Тульчинским:

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

„Вследствие просьбы забастовавших рабочих от 6 марта я входил в сношения с Главным Промысловым Управлением Ленского Товарищества. Управление заявило, что из пред'явленных забастовавшими рабочими требований С.-Петербургское Правление Ленского Товарищества из'явило согласие принять нижеследующее:

1) Продовольствие на кухне будет выдаваться на равных условиях со служащими и при выдаче разрешается присутствовать выборному от рабочих. Для мастеровых выписка будет производиться в особые дни.

2) Хлеб будет из просеянной муки, картофель и капуста будут заготовляться в достаточном количестве.

3) Казармы будут устраиваться согласно обязательных постановлений Горно-заводского Присутствия. Средины казарм будут освещаться за счет дела.

4) Горнорабочим установить очередную сменяемость работ. На работу рабочие будут назначаться согласно профессии, отмеченной в контракте.

5) Увольняемые рабочие будут удовлетворяться расчетом по закону.

6) Каждый день будет вывешиваться табель с отметкой проработанного каждым дня, и с подсчетом за целый месяц.

7) Вахтовые будут подчинены исключительно механической администрации.

8) Медицинская помощь будет оказываться без промедления.

9) Женщины не будут наряжаться на работы принудительно, последнее будет делаться только в случаях недостатка желающих.

10) Служащим будет вменено в обязанность обращаться с рабочими вежливо. Жалобы их внимательно выслушивать и законные претензии удовлетворять.

Остальные требования забастовавших рабочих, как чрезмерные и незаконные, Ленское Товарищество отклоняет и от дальнейших переговоров с выборными решительно отказывается.

Поэтому я, Окружный Инженер, признав стачечный период законченным, надеясь на благоразумие рабочих, предлагаю им приступить немедленно к работам, в установленное расписанием время, а желающих расчитаться—явиться в контору, для получения заработной платы и видов на жительство. При этом предупреждаю, что за проявление безпорядка и насилий над кем-либо виновные будут местной полицией привлекаться к ответственности по ст.ст. 1358^2—1358^3 Улож. о наказаниях. О чем об'являю всем приисковым рабочим Ленского Товарищества. 7 марта 1912 г.

И. об. Окружного Инженера Витимского Горного Округа, Окружный Инженер Олекминского Горного Округа Александров"[1]).

Смысл этого об'явления содержащего „уступки" достаточно ясен—никаких уступок. В самом деле все эти „уступки" были тем минимумом, который рабочие всегда могли требовать на основании действовавших законов. Чисто бумажное заявление—я буду впредь исполнять законы, никак не могло внушать доверие, так как те-же лица, сейчас делавшие эти „уступки"—сами же раньше систематически нарушали законы и обязательные постановления. Но особенно замечателен п. 9. Принудительность женского труда отменяется, если будет достаточно „желающих" работать. А если нет—принудительность будет процветать по прежнему.

Об'явление от 7 марта не удовлетворяло ни одного сколько-нибудь конкретного требования. Увеличение заработной платы, увольнение ненавистной администрации, уменьшение рабочего дня, все это было причислено к „чрезмерным и незаконным" требованиям.

---

[1]) П. о. л. с., приложения, стр. 67—68.

Неудача переговоров с Александровым заставила рабочих обратиться впервые к Правлению Лензото и государственным лицам и учреждениям за пределами горного округа. Содержание этой телеграммы рабочих изложено в вышецитированном отрывке из воспоминаний Думпе[1]), но вместе с тем у последнего в связи с этой телеграммой допущена хронологическая путаница. А именно читаем: „Около 11 или 12-го марта вдруг распространился слух, что по распоряжению Управления останавливаются водоотливные приспособления.

Перед нами стал вопрос, как реагировать на то, чтобы не затопили шахты, и попутно шире поставить дело нашей забастовки. Тогда была нами составлена много нашумевшая телеграмма. Рабочие обратились к властям уже вне ленского бассейна. Цель этой телеграммы была та, чтобы забастовку ленских рабочих „повесить к большому колоколу". Ввиду этого, насколько помню, по следующим адресам, была послана телеграмма, текст которой мне трудно восстановить по памяти. „Государственной Думе", „Министру внутренних дел", „Главному Управлению Лензото", „Главному Горному Управлению". „Биржевому комитету" и еще одну, а кому не помню. Помню, что в Петербург отослал 6 и в Иркутск 2 телеграммы: Иркутскому Горному Управлению и Генерал Губернатору"[2]).

Между тем в других записях читаем:

„7 марта были выработаны телеграммы Иркутскому Генерал-Губернатору, Иркутскому Горному Управлению, в Государственную Думу через Белоусова, Горный Департамент, Правление Л. З. Т., Биржевой Комитет. Были собраны здесь же и деньги на телеграммы. Телеграммы отправлены в этот-же день 3-мя выборными"[3]).

„6 марта обсуждался вопрос о нарушении договора Ленским Товариществом, после чего были посланы телеграммы Члену Госуд. Думы Белоусову в Горный Департамент, в Горнозаводское Иркутское Присутствие, в Биржевой Комитет, в Главное Управление Ленского Товарищества"[4]).

---

1) См выше, стр. 107.
2) Приложения. стр. 87—88.
3) П. о. л. с. Приложения, Р-ев, стр. 152.
4) П. о. л. с. Приложения X., стр. 159.

Кроме того мы имеем в нашем распоряжении ответы на эту телеграмму (не сохранившуюся) от Правления Лензото от 8 марта, от Директора Горного Департамента от 10 марта и от Иркутского Горного Управления от 11 марта. Все указанное заставляет день отправки телеграммы считать 6 или 7 марта. Последние две указанные телеграммы старались успокоить, первая при этом содержала фразу: „поручено Окружному Инженеру произвести расследование", слова, на которые позже рабочие и их выборные будут ссылаться неоднократно. Телеграмма же Правления Лензото содержит и „доброжелательные предостережения":— „не слушаться главарей".

Приводим эту телеграмму целиком: „Срочно. Бодайбо. Теппану. Из Петербурга от 8 марта 1912 г. Получили от рабочих телеграмму Соберите на каждом прииске всех рабочих, прочтите им следующий ответ. При заявлениях Правление всегда принимало и будет принимать меры обеспечению доброкачественности выдаваемых припасов улучшению быта рабочих никоим образом не допустит каких-либо злоупотреблений но изменить условия найма не может просит не слушаться главарей сбивающих вас с пути и спокойно приняться за работу обеспечивающую вам с вашими семьями вполне достаточный заработок в то время как по всей Сибири в значительной части России народ голодный. Если же будете упорствовать и слушаться неблагонамеренных людей Правление в силу необходимости будет вынуждено оставить дело за убыточностью его.

Правление Ленского Т-ва. 876"[1]).

Затем последовало об'явление с предложением расчета бастовавшим рабочим:

„Главное Промысловое Управление об'являет всем рабочим Ленского Зол. Т-ва, самовольно прекратившим работы, что Управление от дальнейших переговоров с забастовавшими рабочими отказывается, считает, что со стороны рабочих нарушены условия найма, и об'являет: всем рабочим, невышедшим на работу 8 марта в установленное время, предлагается явиться в надлежащие конторы за получением причитающихся им денег и

---

[1]) П. о. л. с. Приложения, стр. 69—70.

документов. Не явившимся за расчетом, из числа тех, которые не вышли на работы 8 марта таковой после 12 час. дня 10 марта будет произведен через г.г. Горных Исправников, которым и будут присланы деньги и документы. И. об. Главноуправляющего Промыслами

Горный Инженер Теппан“[1]).

И, наконец, как заключительный аккорд первого организационного периода забастовки, во время которого сложилась самая забастовочная организация, были сформулированы определенные требования и имели место неудачные переговоры с приисковой администрацией, а также местными правительственными агентами, проявлявшими чрезвычайно мало инициативы,—читаем следующее об‘явление Александрова, в котором уже слышится угроза:

„Так как приисковые рабочие Ленского Товарищества по моему требованию и предложению Правления, в назначенный срок к работам не приступили, то с этого момента они подлежат ответственности по ст. 367 уголовного уложения (заключению в тюрьме), те же из них, которые возбуждают рабочих к продолжению стачки, будут ответствовать по пункту 3 ст. 125 того же уложения (заключение в исправительном доме, или заключение в крепости). О чем об‘являю всем рабочим во всеобщее сведение. Прииск Надеждинский. 8-го марта 1912 года. И. об. Окружного Инженера Витимского Горного Округа, Окружной Инженер Олекминского Горного Округа П. Александров“.

В заключение мы остановимся на одном любопытном моменте. Мы видели, что хвостистское глубокомыслие Думпе было причиной того, что среди адресатов телеграммы находился и Биржевой Комитет, который, конечно, не ответил на нее.

Но интересно не это, а то, что желание стоять на „строго законной“ точке заставило Думпе посылать телеграмму, адресованную Государственной Думе, на имя не какого нибудь депутата левой, а на имя депутата Иркутской губернии Белоусова.

Вот для характеристики того, что представлял собой этот черносотенец Белоусов, к которому обращался за

---

[1]) П. о. л. с., приложения, стр. 68.

помощью Думпе, приводим следующую, немножко длинную выдержку из лево-демократической иркутской газеты „Сибирь“ (от 15 июня 1912 г.).

„Т. О. Белоусов, письмом в ред. газ. „Сиб. Край“ опровергает положения, выставленные автором статьи „Разсказ г. Белоусова“ (№ 89 „Сибири“) и, конечно, опровергнуть не может.

В статье „Рассказ г. Белоусова“ ставился Т. О. Белоусову упрек в том, что он не огласил телеграммы рабочих от 6—7 марта с перечнем экономических требований, в Гос. Думе, а г. Белоусов отвечает, что он ознакомил с ее содержанием членов Гос. Думы. Против этого никто не будет спорить, но на лицо еще ведь остается непоколебленный факт неоглашения телеграммы с думской трибуны, в Думе.

Г. Белоусов считает неправильным наименование телеграммы рабочих от 6—7 марта „угрожающей“. С формальной стороны г. Белоусов совершенно прав, ибо перечень экономических требований никто не решился бы учесть в качестве предвестника кровавой трагедии, но если бы тот же г. Белоусов за все пять лет своего депутатства ознакомился бы с условиями быта рабочих Лензото, то придал бы большее значение телеграмме с перечнем экономических требований рабочих, поспешил бы огласить ее в Гос. Думе с трибуны и ознакомить нижнюю палату с царящими на приисках злоупотреблениями.

Против чего-же г. Белоусов собственно спорит? Факты ведь против него. Против выводов? Но нужно обладать чрезмерно раздраженным самолюбием чтобы критику действий депутата, допущенную автором статьи „Рассказ г. Белоусова“, именовать „инсинуацией“ и „клеветой“, как это и делает г. Белоусов в своем письме.

Г. Белоусов обвиняет еще автора статьи „Рассказ г. Белоусова“ в том, что он задался целью дискредитировать его, Белоусова, в глазах избирателей и „околпачивать“ (выражение г. Белоусова) простодушного читателя и избирателя... Отмечает также, что благодаря статье „Сибири“ в адрес его стали посылаться „негодующие упреки“,

Думаем, что не из черносотенного лагеря посылались упреки в адрес г. Белоусова, и не после появления статьи в „Сибири", а значительно раньше. Статья „Сибири" такой роли ни в коем случае сыграть не могла"[1]).

Без'исходный тупик „легального экономиста" вырисовывается с рельефной ясностью.

Период колебаний и уговариваний.

В I-й главе настоящего очерка, мы использовали главную часть материала, рисующую непосредственно рабочее движение района. Для этой первой главы в нашем распоряжении был наиболее ценный материал, вышедший непосредственно из рук самой рабочей массы или ее выборных; к сожалению, в дальнейшем этот вид материала играет сравнительно незначительную роль и очень большое значение приобретают разного рода оффициальные бумаги, телеграммы и т. д.; однако, и в отношении этого материала мы подходили иначе, нежели подходили, например, авторы „Правды о ленских событиях". Мы считаем, что Трещенков, Хитун, Преображенский и К-о, с одной стороны, и разного рода петербургские, полицейские и прочие сановники с другой, представляют значительно меньший интерес, благодаря своей идеологической элементарности и несложности, нежели человек, которому суждено было сыграть роль Ленского Гапона. Кроме того, в материалах касающихся Тульчинского, именно потому, что этот последний стремился играть не просто роль царского чиновника, а явиться идеологом патриархальной монархии, внеклассовым судьей между рабочим классом и предпринимателем, мы находим очень ценный материал, ценный и для характеристики настроения рабочей массы. Правда, мы видим эти настроения не непосредственно, а в том преломлении, в каком к ним подходил Тульчинский, да и кроме того, затушеванными оборотами оффициального языка. Но все-таки, хотя и с трудом, подлинные настроения рабочей массы выделяются из этой оффициальной бумажной шелухи. Кроме того необходимо несколько остановиться на причинах, заставляющих нас уделять сравнительно очень много места К. Н. Тульчинскому. Если бы ленская забастовка не описывалась бы с самого начала неправильно, если бы в ней раньше не фигурировали только расстрелянные и палачи, то не было бы,

---

[1]) «Сибирь», Иркутск, пятница, 15 июня 1912 г. № 136.

естественно, нужды в столь подробной характеристике личности, при том самой по себе, не представляющей особого интереса. Но как раз, в корне неправильный традиционный взгляд на ленские события, заставляет нас сейчас останавливаться зачастую на деталях, которые при ином положении можно было бы избежать и которые сейчас необходимы, для установления точной картины.

Конечно, как и все исторические периоды, период „колебаний и уговариваний“ не отмежевывается резкой гранью от того периода, который мы обозначили организационным, но основной тон ему придают именно начавшиеся после неудачных переговоров с приисковой администрацией и Александровым, после неудачных обращений Правлению Лензото и организациям за пределами Горного Округа,—колебания среди бастующих и попытки правительства ликвидировать конфликт мирным путем.

Указанные колебания, неуверенность и были причиной того, что хвостистские руководители, поддерживаемые частью рабочей массы, охотно пошли навстречу примиренческим попыткам Тульчинского, доходя до явного срыва забастовки. В этом отношении очень характерны следующие строки из воспоминаний Думпе:

„Я уже сказал, что около 12 марта прекратилась всякая связь рабочих с Управлением. Обе стороны настаивали на своем.

Это для нас не был выход и потому мы были озабочены найти путь, чтобы выйти с честью из создавшегося положения. Самим идти в Управление, это означало бы идти на уступки. Нам нужен был посредник. Таким посредником, по занимаемой должности, мог быть Окружный Инженер Александров. Но свою позицию он показал в первые дни забастовки в худом свете для нас рабочих, единственная надежда оставалась только на Тульчинского, о выезде которого мы уже знали. Я ездил два раза на Успенский с целью разведки, собрать все нас интересующие сведения, что делают и думают в „высшем свете“. Я уже сказал, что там у нас был нужный человек, который вращался в среде „высшего света“, идейно был наш. Мы хорошо были информированы о всем, что о нас думают и что против нас

предпринимается. От него я узнал, что Тульчинский выехал с особенными полномочиями.

Тульчинский был наша единственная надежда выйти благополучно из создавшегося положения мирным путем. Надо сказать, что ни один из начальства не пользовался такой популярностью среди рабочих, как „Тульчинский“[1]).

Конечно, как мы уже говорили, не следует эти настроения рассматривать, как настроения, присущие исключительно Думпе и его ближайшим сторонникам. Несомненно, что эти настроения разделялись в значительной мере и рабочей массой, особенно, поскольку им еще не приходилось сталкиваться с Тульчинским на конкретном сговоре, а приходилось лишь ограничиваться верой или слухами о репутации Тульчинского, как справедливого человека. У Р-ва читаем:

„В это же время между выборными и рабочими вышло разногласие. Забастовка была в тупике. Это было самое тяжелое время, полное неизвестности, завтрашний день не был известен. Недовольство рабочих выборными происходило от того, что ничего не было известно. Когда с нами никто переговоров не стал вести, обратились к Савинову, как к русскому, а не немцу. Он обещал поднять вопрос о ликвидации забастовки. Нам дали лошадей и мы отправились в посетительскую для переговоров с ним. Все требования были обсуждены снова и Савинов, сделав отметки, обещал сделать все, что может. На следующий день он должен был дать ответ. Приехав на Надеждинский прииск, он заявил, что Правление не согласно на прибавку и что он сам умывает руки. В это же время рабочих стал тревожить вопрос о пайке, который был сокращен около 16 марта до $^1/_2$ ф. мяса и 3 ф. хлеба. Обращались к Александрову с просьбой увеличить паек. Александров предложил самим кормить. В это посещение Александров спрашивал рабочих, бывших у него, сколько рабочие уступят. На следующий день были посланы рабочие к Александрову с запросом: сколько же могут надбавить. Александров показал на $^1/_2$ пальца, и это было понято, как 15% надбавки.

---

[1]) Приложения, стр. 95—96.

Женщины стали подготовлять материалы о своем положении для Товарища Прокурора и Тульчинского, которого ждали с нетерпением"[1]).

Тут мы ясно видим, что искание какого то посредника являлось общей, а вовсе не присущей одному Думпе мыслью; характерно также для политического уровня рабочей массы, что они в этих поисках руководились и националистским принципом, предпочитая русского немцу. Вера же в Тульчинского стоит совершенно особняком и может считаться, безусловно, установленным фактом. То-же самое мы видим и в воспоминаниях рабочего N.

„Когда г. Исправнику опять начали указывать на злоупотребления, чинимые здесь, он рассердился и закричал: „я сюда приехал не сказки про белого бычка рассказывать". Так рабочие и ушли, только заявили, что будут ожидать Окружного Инженера Тульчинского, заместителем которого оставался г. Александров, живший на Верном прииске"[2]).

Особенно-же характерны для настроения рабочих ниже цитируемые отрывки из летописи Благовещенской церкви. „Живое слово", которое ждут рабочие, их „отец" Тульчинский, имеющий у себя на дому библиотеку для рабочих, полное сочувствие этому „отцу" со стороны идеалистически настроенного приискового священника, речь Тульчинского, призывающего прекратить забастовку „во имя великих страданий бого-человека"; все это навевает на нас впечатления вполне аналогичные тем, которые получаешь, читая материалы, рисующие дни, предшествующие 9-му января в рабочих кварталах Петербурга, когда пламенная проповедь Гапона призывала идти искать правду, скрываемую лихими людьми, у дворца царя.

„Нет голоса администрации приисковой. Она занята лишь выпусканием на свет почти ежедневных об'явлений, то грозящих поголовным увольнением, то приказывающих встать на работы на прежних условиях, но рабочему, в большинстве неграмотному, не мертвое об'явление нужно, которое ему хотя и прочитают, но едва ли он в состоянии понять в виду его лаконичности и подбора быть-может и не слышанных им иностранных

[1]) П. о. л. с. Приложения, стр. 152.
[2]) П. о. л. с. Приложения, стр. 162.

слов, — а живое слово на которое так поскупился г. Теппан.

На следующий день в 6 час. утра, разбудившись от шума на дворе и взглянув в окно, я испугался: около церкви площадка была загромождена народом, слышно громкий гул голосов. Я сразу, не поняв в чем дело, решил, что вероятно забастовка приняла такой неожиданный характер, что добрались до храма божия, но тут же устыдился такого малодушия, зная и будучи убежден в мирном настроении забастовки. О, сколько радости пришлось испытать, когда вся толпа человек в 100 обратилась ко мне с просьбой дать каждому какую нибудь работу, и если не хватит ее, то хоть позволить убрать вне храма снег и очистить ограду, а если их не хватит, то они сейчас же пригонят в три раза больше человек. Конечно, на такую массу рук у нас не нашлось работы, поэтому по свету решено было воспользоваться лишь 40 людьми и работу кончить в 3 дня посменно, чтобы предоставить удовольствие поработать для храма своего каждому из них. Вдохновившись радостью паствы моей, тут же я сказал им прочувствованное пасторское слово, от души благодаря их за послушание голоса пастыря своего, пожелав им исполнение добрых и мирных желаний их. Некоторые, подойдя ко мне, стали просить дать им книжечки почитать, т. к. они и товарищи их без работы сидят, скучают, да и боятся, как бы безделие не навело их на мысль пьянства. Выбрав из своей церковной богатой библиотеки несколько экземпляров книжечек, я, кроме этого, порекомендовал им брать книги из библиотеки, выписанной специально для рабочих, в прошлом году, на средства, оставшиеся от существовавшей в Товариществе служащих читальни, которая хранится в квартире окружного инженера Тульчинского.

Окончив мытье церкви, рабочие предложили для мытья полов церкви своих жен.

Словом, во время забастовки об'единение пастыря с пасомыми было во всей своей красе и полноте.

В беседе с ними в их номерах на вопрос, почему же они не идут на работы, рабочие отвечали, что считают свои требования заслуживающими удовлетворения и что они ждут своего отца, г. Окружного Инженера

К. Н. Тульчинского, который только, по их мнению, может признать законность их требований и которому они верят, надеются и любят его.

22-го марта.

Вокзал Васильевской станции переполнен народом, рабочими-забастовщиками, все ждут приезда Окружного Инженера Тульчинского.

Подходит поезд, на площадку вагона выходят два Окружных Инженера, Витимского и Олекминского округов. Приветствуясь с рабочими, г. Тульчинский сказал им, что все требования рабочих, исключая 8-ми часового рабочего дня, будут пересмотрены им, просил выбрать от себя выборных, которые должны будут явиться к нему в субботу 24 числа для личных с ним переговоров по забастовочным требованиям рабочих. Печалился, что он встречает их праздными, а не на обычных работах. Просил ради таких великих дней, страдания за нас бого-человека, всесторонне обдумать вопрос и на 4-й день св. Пасхи выступать всем на работу"[1]).

Если таким образом достаточно ясно, что Тульчинского с нетерпением ждали „вожди" забастовки—с одной стороны, рабочая масса—с другой, видя в нем: одни—удобного посредника, для того, чтобы пойти на попятный двор, сорвать забастовку, так как эти вожди, уже не видели возможности продолжения борьбы, другие—рассматривая Тульчинского, как справедливого представителя высшей правительственной власти (недаром на прошениях женщин, поданных Тульчинскому в это время, он титулуется „господин правительственный ревизор Тульчинский"), если таким образом Тульчинского с громадным нетерпением ждали в кругах забастовщиков, то и в правительственных кругах, на Тульчинского смотрели тоже, как на человека, который должен был найти выход из затянувшегося конфликта.

Управляющий Иркутской губернии Римский-Корсаков, передает 10 марта Департаменту общих дел минвнутдела, в копии иркутгенералгубернатору, выдержку из телеграммы Витимского Исправника „выборные депутаты

---

[1]) П. о. л. с., приложения, стр. 142—143.

заявили намерение продолжать забастовку, до приезда инженера Тульчинского"[1]).

Начальник Иркутского Горного Управления Оранский, желая успокоить рабочих, телеграфирует исправнику 11 марта „Инженер Тульчинский выезжает завтра"[2]).

Иркутский Губернатор Бантыш 12 марта телеграфирует департаменту полиции: „Сегодня выезжает Бодайбо окружной инженер Тульчинский имею основание полагать что с его приездом забастовка прекратится"[3]). Очевидно в этот день Тульчинский не выехал и 14-го марта Бантыш[4]) телеграфирует опять департаменту полиции: „Сегодня выезжает Тульчинский". Далее тот-же самый Бантыш при своих телеграммах минвнуделу все время цитирует донесение Тульчинского, а 5 апреля уже после катастрофы, желая оправдать себя и доказывая целесообразность своего распоряжения об арестах, основанного на соответственном мнении Тульчинского, так характеризует последнего: „Несомненно пользующийся авторитетом среди рабочих за свои неоднократные и закономерные заступничества перед Лензото, за что в бытность свою в Бодайбо Главноуправляющий промыслами Белозеров мне выражал свои претензии"[5]).

Если мы примем во внимание, что в высших петербургских бюрократических кругах, близких к министерству торговли и промышленности, Тульчинский пользовался репутацией человека несколько неудобного, если мы вспомним письмо директора Горного Департамента, написанное ему 11 июня 1911 г., по поручению министра и говорящего о том, что Тульчинский „останавливаясь при этом на чисто формальной почве требований... почти совершенно игнорировал интересы предприятия" и работал „подрывая престиж и дисциплину дальней тайги"[6]), то нам станет ясно, что Тульчинский выдвигался именно, как человек пользующийся известной репутацией у рабочих, как могущий потому достигнуть определенных результатов уговариванием, мирным вмешательством.

---

[1]) П. о. л. с., приложения, стр. 108.
[2]) П. о. л. с., приложения, стр. 69.
[3]) П. о. л. с., приложения, стр. 109.
[4]) П. о. л. с., приложения, стр. 110.
[5]) П. о. л. с., приложения, стр. 128.
[6]) П. о. л. с., приложения, стр. 103.

Таким образом, мы видим, что Тульчинский едет в Бодайбо, с нетерпением ожидаемый рабочей массой и ее вождями, подгоняемый желанием иркутских и петербургских чиновников поскорее ликвидировать инцидент, разыгравшийся в далекой тайге.

Мы уже говорили о том, что специфичность роли Тульчинского заставляет нас уделить ему много места и внимания, еще раз подчеркиваем в первую очередь потому, что нахождение его 4 апреля под пулями в корне запутывало всех изучавших ленские события, уже не говоря про то, что некоторым из них, как например авторам „Правды о ленских событиях", подробное освещение роли Тульчинского представлялось даже тактически нежелательным. При рассмотрении деятельности Тульчинского, нам все время придется ссылаться на два параллельных источника, принадлежащие оба перу Тульчинского. Один из них является его докладом сенатору Манухину, написанным во время пребывания последнего в Бодайбо, другой—воспоминаниями Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем" за 1922 г. Оба эти источника приводятся нами параллельно в приложениях. Разница между докладом царского чиновника царскому сенатору и воспоминаниями человека, хотя и царского чиновника в прошлом, но "пострадавшего" за „рабочее дело" и потому пользующегося определенным авторитетом среди рабочей массы, эта разница лучше всего позволяет установить основную тенденцию автора, установить то, что этому человеку в изложении для советской прессы предоставлялось необходимым изменить, утаить или исказить.

Ознакомимся же с деятельностью Тульчинского, с момента возникновения забастовки. Во время возникновения забастовки 29 февраля 1912 года Тульчинский находился в Петербурге. Получив известие о начале забастовки не позже 3 марта, он на тех же днях выехал в Иркутск. 17 марта он находится в местечке Подымахино[1]), откуда дает две телеграммы. Одну в Киренск Трещенкову с просьбой обождать его приезда[2]); т. о. несомненно, что с самого начала Тульчинский стремился держать контакт с Трещенковым, между тем

---

[1]) Пристань между Иркутском и Бодайбо, не доезжая Киренска.
[2]) Приложения, стр. 107.

в своих воспоминаниях, написанных для Советской прессы и в докладе Манухину, сваливающих всю вину на полицейские власти, он о появлении Трещенкова пишет, как о неожиданном препятствии, мешавшем его миротворческим попыткам, „присутствие жандармского офицера... являлось... стеснением для меня“[1]) пишет Тульчинский.

Другую телеграмму Тульчинский посылает иркутскому губернатору, в копии начальнику горного управления, в которой высказывает несомненную уверенность в том, что виновником забастовки является Лензото, и вместе с тем пугает, что в случае непримиримости Лензото, может возникнуть рабочий бунт, который при „малочисленности“ воинской команды, может повести к „самым тягостным последствиям“[2]). Он просит командировать на прииска тов. Прокурора и довести об его телеграмме до сведения министров внутренних дел, торговли и промышленности и иркут. генерал-губернатора.

Прибыв в Бодайбо 22 марта, Тульчинский 23 марта устраивает совещание, в котором участвуют:—ротмистр Трещенков, исправник Галкин, начальник воинской команды Лепин, мировые судьи Хитун и Рейн и представители Лензото Теппан и Савинов. В своем отчете для советской прессы, об этом совещании Тульчинский указывает только последних, естественно умалчивая о Трещенкове, Хитуне и Лепине[3]).

В докладе Манухину все лица, участвовавшие на совещании, называются поименно, в воспоминаниях же они указываются обще—„административные лица округа и Ленского Т-ва“, при чем поименно указываются только представители последнего—Теппан и Савинов.

На совещании вопрос был поставлен в плоскости тех уступок, на которые пойдет Лензото, „если Окружному Инженеру К. Н. Тульчинскому, удастся убедить рабочих Ленского Т-ва встать на работы на 4-й день св. Пасхи“[4]). Выяснилось, согласно выражения Т-го, использованного как в докладе так и в воспоминаниях, что Лензото „согласно принять всех рабочих обратно на работы и кроме этого совершенно ни каких уступок“.

[1]) Приложения, стр. 42—43.
[2]) Приложения, стр. 108.
[3]) Приложения, стр. 111—112.
[4]) Приложения, стр. 30—31.

Да и при том еще не принимались обратно на работы 280 рабочих затопленных приисков[1]). Очевидно Тульчинский на таких условиях и согласился вести дальнейшие переговоры, так как в последней фразе журнала сказано: „В случае неудачного мирного соглашения и окончательного убеждения рабочих встать на работы, со стороны Окружного Инженера К. Н. Тульчинского, собирается новое совещание на 2-й день св. Пасхи на Надеждинском прииске"[2]). Сообщая о совещании Тульчинский тут же, как в докладе, так и в воспоминаниях, сообщает, что, „в то же время" им была получена телеграмма Иркгубернатора, дававшая ему „почву" (в докладе говорится, „хоть какую либо определенную" в воспоминаниях она просто называется „определенной"[3]) „для дальнейших переговоров с рабочими", вот на этом обстоятельстве необходимо остановиться.

Адресована эта телеграмма была исправнику Галкину, с указанием „совершенно секретно, только для сведения Окружных Инженеров Александрова и Тульчинского"[4]).

Она содержала изложение постановлений Иркутского Горно-заводского Присутствия от 17 и 19 марта, при чем два отрывка телеграммы, определявшие в сущности ее направление, были зашифрованы. Первое зашифрованное место телеграммы касалось самого основного постановленя присутствия, гласившего, что договор Лензото с рабочими нарушен по вине Лензото, вторая шифровка содержала мнение Присутствия, что достижение „миролюбивого соглашения" возможно „путем взаимных уступок, а главным обзазом, увеличения заработной платы рабочим со стороны Ленского Т-ва"[5]).

Постановление это вместе с тем не имело практического значения, т. к. было сообщено „совершенно секретно" только для Тульчинского и Александрова и подлежало утверждению Горного Департамента. Подходя к этой телеграмме, с точки зрения формальной, чиновничьей, Тульчинский должен быть молчать о ней совершенно. Желая помочь рабочим, он мог, при помощи

---

1) Приложения, стр. 112.
2) Приложения, стр. 112.
3) Приложения, стр. 38—39.
4) Приложения, стр. 108—111.
5) Приложения, стр. 111.

этой телеграммы, давить на промысловое Управление, в сторону уступок, но он эту телеграмму рассматривал, как платформу для переговоров с рабочими, как доказательство, что предприниматели пойдут на уступки, хотя знал обратное. Именно так велось и чрезвычайно важное для нашего изучения совещание с выборными устроенное Тульчинским 24 марта, о котором цитируем следующие воспоминания:

„К 4-м часам, большинство выборных и женщин, всего более 50-ти человек пришло к Тульчинскому. В 4 часа ровно было открыто собрание, под председательством Тульчинского. Доклад должен был сделать С. „В квартире у меня никого нет", начал Тульчинский и предложил рабочим осмотреть квартиру. Взявши на себя председательство, Тульчинский говорил все время сам, рассказал всю свою биографию, вплоть до того, что жена его живет в Петербурге, а он здесь, про Америку, про государство. Когда рабочие заявили, что ими приготовлен материал и доклад о забастовке и у рабочих есть докладчик, Тульчинский заявил, что он все знает, забастовка произошла от того, что его не было. На вопрос „кто нарушил договор", Тульчинский заявил, „Ленское Т-во, которое *без суда*[1]) должно заплатить за два месяца"; просил в газету не давать сведения об этом совещании, ранее чем через два года. В заключение просил встать на работу, обещав вывесить об'явление об уступках. Указал на свои большие полномочия. Выборные вышли с ударом колокола к пасхальной заутрени. Он пошел в церковь и предложил нам пойти. Кто шел в церковь, кто ни шел"[2]). Выборный Х. рассказывает: „Тульчинский сообщил свою биографию, впечатления от Америки, которую хвалил, стал об'яснять, что он ждал этого, а Ленцы мешали,—что он добился того, что железная дорога открыта для общего пользования, постройки нескольких новых казарм, улучшения врачебной помощи, колпаки над плотами и прачечными. Все это возбудило Ленцев против него. Он заявил нам, что Ленцы нарушили договор. Говорили об исках за два месяца, что они будут выиграны. Советовал приступить к работам, так как Ленцы из'явили согласие принять

[1]) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.
[2]) П. о. л. с. Приложения, стр. 153,

всех, и обещал провести в жизнь: сокращение рабочего дня в мокрых забоях, непромокаемую одежду, устранение кабальной расплаты талонами. Говорил он один, рабочие говорили мало"[1]).

Рабочий N:—„Тульчинский 24 пригласил выборных от рабочих, которым сообщил все данные за и против забастовки. Он сказал, что Ленское Т-во не может заработной платы прибавить, так как ему невыгодно, лучше совсем приостановить на неопределенное время работы, что почти все прииска работают в убыток и один Феодосиевский их оправдывает... Предлагал идти работать по новой наемке, так как мы все расчитаны... На словах признавал почти все нарушения, советовал работать и судиться"[2]).

Рабочий Б-в:—„Тульчинский пригласил к себе выборных на Успенский прииск, разобрал там их требования, и некоторые из этих требований, именно те, которые по его словам касаются вопросов, предусмотренных обязательными постановлениями, обещал удовлетворить, а относительно других сказал, что будет содействовать их удовлетворению. При этом Тульчинский усиленно убеждал выборных выйти на работы"[3]).

Рабочий И. Т-в:—„На этом собрании Тульчинский произнес речь, в которой между прочим сказал, что „министр дал ему право действовать по закону, и что он Тульчинский, заставит теперь Ленское Т-во проводить законы в жизнь"[4]).

Нами цитированы воспоминания двух непосредственных участников совещания и трех рабочих, которые сведения об этом совещании могли получить уж только из вторых рук. Естественно, что первые две записи более подробны, в то время, как последние три, содержат главным образом, только резюме совещания, в плоскости наиболее актуальной, именно удовлетворения требований рабочих.

При том в главном и основном эти записи, так близки друг от друга, что изложенное в них можно считать вполне достоверным.

---

1) П. о. л. с., приложения, стр. 160.
2) П. о. л. с., Приложения, стр. 163.
3) П. о. л. с., Приложения, стр. 165.
4) П. о. л. с., Приложения, стр. 172.

Остановимся на основных моментах заявлений Тульчинского:

1) Тульчинский говорил о своих особых полномочиях. Мы имея здесь совершенно определенное преувеличение своей роли, преувеличение имеющее целью заставить рабочих поверить ему, так сказать на „честное слово“. Между тем, никаких особых полномочий у Тульчинского не было и было лишь, как мы видели, со стороны части администрации, главным образом губернской, неопределенная вера в чудодейственные способности Тульчинского.

2) Тульчинский определенно заявил рабочим, что договор нарушен по вине Лензото, почему иски они выиграют непременно и даже без суда, между тем он не имел для этого достаточных оснований. Он будил у рабочих надежды, которые он сам оффициально подтвердить не мог, и о которых фактом секретности и шифрованности соответствующей телеграммы знал, что они не безусловно одобрены высшей инстанцией. Между тем такое заявление нужно было Тульчинскому, как средство увеличить свою популярность.

3) Тульчинский создавал в представлении выборных и рабочих определенное впечатление, что государство или правительство, представителем которого он является, стоит на стороне рабочих, что „закон на их стороне“. Это нужно было Тульчинскому для того, чтобы рабочие встали на работу не после соответствующего заявления работодателя, что было бы естественно, но на что не шло Лензото, а после об‘явления посредника, правительственной стороны, хотя ясно, что такое об‘явление не давало ни малейших юридических гарантий.

4) Особенно характерно, что Тульчинский вместе с тем стремился придать всему совещанию какой-то особый характер неоффициальности, говорил, что сведения об этом совещании нельзя сообщать в газеты в течении 2 лет, словом делал вид, что он больше, чем просто добросовестный чиновник, а какой-то „особый“ друг рабочих.

5) Нельзя не отметить, для лучшей характеристики Тульчинского, приглашения к заутрени рабочих, стоящее в полном соответствии с речью его, в день прибытия на

станцию, в том виде, как она передается Благовещенским летописцем и как она выше цитирована нами.

Теперь посмотрим, как сам Тульчинский характеризует совещание 27 марта. В докладе Манухину Тульчинский так характеризует конкретные результаты совещания.

„Беседа Окружного Инженера с выборными продолжалась в течении свыше семи часов. При условии встать на работы не позже 1 апреля, Окружным Инженером даны были выборным от рабочих заверения в нижеследующих 14 пунктах“[1]).

Чрезвычайно характерна для Тульчинского самая постановка вопроса—рабочие прекращают забастовку не вследствие каких нибудь определенных уступок, а наоборот, какие-то уступки являются последующим моментом, как бы вознаграждением за хорошее поведение рабочих, положившихся, очевидно, на „совесть“ администрации.

В делах Окружного Инженера сохранился один очень любопытный документ, это большой писчий лист[2]), заполненный с обоих сторон рукой Тульчинского; на первой странице, с захватом верха второй, помещены уступки рабочим на собрании 24 марта, в том виде, как мы их увидим изложенными в докладе и статье Тульчинского и в его же об'явлении от 29 марта. При чем имеются вставки и исправления. После 13 пунктов проведена черта и написано следующее:—„Содержание беседы: Независимость Окружного Инженера, его стремление к законности, порядку и справедливости, нарекания и жалобы на него по начальству со стороны Ленского Т-ва. Программа осуществления Горного надзора мною в дальнейшем. Удовлетворение претензий; положение и значение Ленского Товарищества для края, необходимость пойти на примирение; исполнение мелких законных требований и претензий обеспечено К. Т.“[3])
Далее идет:

„На память: 1) Сообщить Горному Исправнику о выдаче продовольствия 30 рабочим на Софийском прииске, 11-ти на Александровском и 2 на Надеждинском;

---

[1]) Приложения, стр. 38.
[2]) Приложения, стр. 113—114.
[3]) Приложения, стр. 114.

2) Филарет Евсеевич Бармин, возмутительное отношение, грозит забастовавшим, издевается. (Вызвать и дать нравоучение)".

Таким образом мы имеем перед собой несомненно нечто вроде конспекта, лежавшего перед Тульчинским во время совещания 24 марта.

Неудивительно, что у рабочих, веривших Тульчинскому и ведших с ним переговоры, должно было создаться впечатление, что они действуют на строго легальной, по условиям царского режима, почве. Тульчинский выставлял себя, как представителя идеального, внеклассового государства, и не менее замечательно, что необходимость уступок со стороны рабочих Тульчинский мотивировал не об'ективными условиями, силой капитала и самодержавной подпорой последнего, т. е. так, как бы именно мотивировал нормальный царский чиновник, а так сказать „разумными" доводами какого-то обще-государственного интереса, в котором Тульчинскому оставалось только доказать и заинтересованность рабочих. Поэтому то мы видим уклончиво лживое заявление об обеспеченности исполнения „многих законных требований", а с другой стороны необходимость „примирения", т. е. уступок. Наконец также характерно выражение „дать нравоучение" по адресу одного из самых заядлых представителей Белозеровского режима.

Чрезвычайно важно отметить для характеристики пропаганды Тульчинского отрывки из воспоминаний тов. Бавыкина. Он о совещании рассказывает следующее: Тульчинский свою аргументацию вел приблизительно так: „Я бы рад для вас, господа, сделать все, что можно, но видите, вот телеграмма, что она говорит? Она говорит о необходимости поддерживать производство, а не нажимать на него... Если вы любите и уважаете меня, то должны встать на работу, иначе меня отсюда уберут"[1]). И далее самое важное: „Когда *мы говорили, что надо производство передать в руки государства, Тульчинский говорил: „нельзя"*[2]).

Чрезвычайно трудно за массой оффициального материала, уловить идеологическую линию пропаганды Тульчинского, которую он вел среди рабочей массы. Но если

---

1) Приложения, стр. 105—106.
2) Курсив наш Ф. Г. и Я. Щ.

мы эту фразу Бавыкина сравним с конспектом Тульчинского, то мы легко можем установить эту основную линию. Тульчинский проповедывал, что он, представитель надклассового государства, является защитником рабочих от эксплоатации капитала. Он говорил рабочим, что на их стороне закон, потому что иначе рабочие смотрели бы на него, как на всякого царского чиновника. Но так как он вместе с тем должен был сорвать во что бы то ни стало забастовку, он уговаривал рабочих идти на уступки, не потому, что это нужно капиталу, а потому что это требуют общегосударственные интересы, и при чем уступки, на которые уговариваются рабочие, делаются опять таки не предпринимателем, представителем капитала, а обеспечиваются Окружным Инженером—уполномоченным всемогущего государства.

Но когда рабочие, а мы видим, что политически они ушли не дальше идеалистического воззрения на справедливую государственную власть, пошли логически по пути указанному Тульчинским и предложили произвести национализацию золотопромышленности, Тульчинский, конечно, должен быть ответить отрицательно.

И тут мы подходим к очень важной черте—двойственной политики Тульчинского, а именно к тому, что она велась за собственный риск и страх, без высшей санкции и потому Тульчинский должен был лгать на оба фронта.

Теперь перейдем к существу тех „заверений", которые делал Тульчинский. Мы не приводим их полностью, т. к. они имеются в приложениях[1]), зато дадим разъясняющую характеристику.

Пункт 1, содержавший заявление Лензото об обратном приеме на службу всех рабочих, мог иметь конкретное значение только по отношению к выборным, на которых администрация могла пожелать выместить свой гнев, т. к. сам по себе обратный прием был неизбежным последствием прекращения забастовки.

Пункт 2, удовлетворявший требования рабочих, которые Лензото признаны приемлемыми 7 марта. Уступки эти[2]), как мы видели, в сущности только минимум того,

---

[1]) Приложения, стр. 38—39.
[2]) См. выше, стр. 130—131.

что обязано было Лензото сделать согласно государственных законоположений. Но эти уступки, формулированные Александровым, не смотря на свою очевидную скромность, отличаются от нижеследующих уступок Тульчинского тем, что первые всецело основаны на уступках, сделанных Лензото непосредственно, вторые исключительно на личных заверениях Тульчинского.

Пункт 3, говоривший о праве рабочих, признанном Лензото, пред'являть к нему иск, не может быть назван уступкой. Этим правом рабочие, обладая во время забастовки, не могли быть лишены его и после ее прекращения.

П.п. 4, 5, 9 и 14 отличаются тем, что исполнение их всецело уж покоилось на заверениях Тульчинского. 14-й заключительный пункт особенно замечателен: „Неуклонное наблюдение со стороны окружного инженера за точным исполнением приисковым управлением Ленского Т-ва надлежащих узаконений и изданных в их развитие обязательных постановлений".

Опять повторяем, что этот заключительный пункт является характерным для всей идеологической платформы Тульчинского перед рабочими, стремившегося доказать, что он выполняет не просто чиновничие функции, а является человеком как то по особому, душевно, относящимся к нуждам рабочих.

Кроме того п.п. 6 и 9 по существу вполне идентичны с п. 14, а п. 4 содержит в себе заверение в исхлопотании 8-ми часового рабочего дня лишь в мокрых забоях, т. е. пустой звук.

П.п. 7, 8, 10, 11 и 13 заключают, правда, в себе обязательства Лензото, но обязательства, число которых можно бы было увеличить во много раз, если бы просто переизлагать все обязанности работодателя в золотопромышленном районе согласно оффициальных положений.

Пункт 12 особенно характерен для тактики Тульчинского: „Представление права привлекать служащих к суду за оскорбления, без опасения быть за это уволенным". Это право у рабочих никогда и не отнимал царский закон, а для увольнения всегда могли найтись удобные поводы.

Резюме совещания в отчете Манухину Тульчинский излагает так: „Выборные от рабочих разошлись от

окружного инженера видимо удовлетворенные и обещали уговорить и остальных рабочих встать на работы на изложенных условиях"[1]).

В „Сибирском Горнорабочем" же читаем: „выборные от рабочих разошлись и обещались переговорить с остальными рабочими, о возобновлении работ на изложенных в выше условиях"[2]).

Разница между обоими вариантами достаточно резко бросается в глаза.

Исчерпывающий материал для характеристики конкретного значения совещания 24 марта и его результатов дают воспоминания Думпе, показывающие, насколько ближе к истине формулирован отчет Манухину:

„Хотя это не было то, чего мы ожидали и на что надеялись, но это было кое-что. Но тут у нас возникла загвоздка—он ставил условия, что он это сделает и что за это он ручается, но сделает только тогда, если мы ему пойдем навстречу, т. е. выйдем на третий день пасхи на работу. Он, кажется, был искренен и его речь внушала доверие. Я задал ему вопрос: „какую мы имеем гарантию, что нас, вышедших на работу, Лензото не обманет". На это Тульчинский с дрожью в голосе нам заявил, что он искренне верит рабочему делу и всегда боролся против обид рабочих, о том знают все рабочие всех приисков, а теперь, когда на него смотрит вся Россия и он благодаря полномочиям от министерства может заставить Лензото слушаться того, что говорилось в законах—он рабочих не обманет. Мы своим выходом на работу можем ему в этом помочь, (так приблизительно, поскольку я помню, он говорил или вернее смысл его слов был таков).

Сделали перерыв. Тульчинский, чтобы нас не стеснять, на это время удалился. Мы обсудили все нами слышанное. Нас смущало только то, что мы должны доверить Тульчинскому окончить забастовку, встав на работу на третий день пасхи, но и наше положение было из рук вон плохо. С одной стороны Трещенков, Преображенский, солдаты и прочее, они наверно скоро выйдут в открытую и начнут действовать. С другой сто-

---

1) Приложения, стр. 40.
2) Приложения, стр. 41.

роны выход на работу только благодаря обещаниям Тульчинского.

Большинство склонялось за выход на работу, принимая во внимание, что если не будут выполнены наши требования, то можем через месяц или больше, забастовать снова. Выходя на работу мы могли убить двух зайцев. Во первых так, как рабочие стали на работу, то Трещенков и другие должны будут удалиться, ибо ничего не останется усмирять. Во вторых, мы могли проверить, насколько искренни намерения правительства в лице Тульчинского, улучшить быт рабочих. А главное, что мы теперь были организованы и могли действовать одновременно. Одновременно встать на работу и одновременно забастовать. Мы можем сказать, что выходим на работу по собственному желанию, неразбитые. Так и тому подобное было у нас суждение. Приступили к голосованию. Голосовали тайно. Оказалось 13 человек против выхода на работу. Они открыто заявили, что они не подчинятся большинству. Ими руководил некий Быков, кажется, с Иннокентьевского прииска. Они ставили вопрос ребром, или исполнят требования сейчас-же, или продолжать бастовать. С этим наше заседание было кончено в 11 часов ночи. Нам подали кони, вызванные Тульчинским. С результатом нашего совещания нужно было мириться взиду того, что не было другого более благоприятного исхода впереди, из двух зол, нужно было выбрать меньшее, или действие Трещенкова, или кончить забастовку. Поэтому и было решено во время 1 и 2 дня пасхи подготовить рабочих к окончанию забастовки и выйти на третий день с утра со свистком на работу.

Среди нас в „центральном бюро" не было разногласия в оценке момента. Благоразумие подсказывало, что во избежание жертв, нужно выйти на работу и этим разрядить сгустившуюся атмосферу. Этим мы бы выбили у Трещенкова и компании из рук оружие. Это сознавали и все более развитые выборные.

Мастеровые Надеждинского прииска, и поскольку знаю и Андреевского, сразу решили выйти на работу. Произвели голосование по приискам отдельно. Голосовали тайно. Референдум получился не совсем благоприятный. Хотя и большинство высказалось за окончание забастовки, но все таки вызвало некоторое опасение.

Можно сказать, что больше до сих пор обратили внимание, чтобы поддерживать самую забастовку, а между прочим не подготовляли массу к тому, чтобы она по нашему зову стала на работу. Это было большое упущение с нашей стороны и оно теперь дало себя чувствовать. Эта масса была совсем нетронута в начале забастовки, нами введенная дисциплина оказалась односторонней. Мы не были в состоянии в такое короткое время пробудить, рядом с классовым сознанием и сознательную дисциплину. Благодаря этому и получилось то, на что ни мы, ни масса не были подготовлены.

Трудное дело предстояло нам с горняками. Ввиду того, что на заседании у Тульчинского голосовали против выхода на работу 13 человек, многие из голосовавших за выход, теперь увидевшие, что есть все таки и голосующие против, колебались. Потому они и действовали слабо без внутреннего убеждения. Приехал даже сам Тульчинский, и я не могу себе до сих пор об'яснить почему его речь на массы действовала так слабо, не убедительно Одним словом, перед нами не был городской фабричный рабочий, достаточно закаленный в борьбе с капиталом, а серый не сознательный крестьянин, вырванный только из своей деревенской обстановки, и в большинстве присвоивший только отрицательные стороны нашей „культуры". Рабочий должен быть немножко дипломатом. И вот в результате на третий день пасхи был подан свисток, но на его зов явилось мало. Вышли все мастеровые Надеждинского и Андреевского приисков, и часть Александровского и Феодосиевского приисков.

К вечеру, когда мы собрали достаточно материалу о вышедших на работу, то выяснилось, что на работу вышло меньшинство. Ввиду этого, ради сохранения дисциплины, которую мы все время прививали, нам пришлось об'явить, что забастовка продолжается"[1]).

Воспоминания Думпе ясно рисуют отношение к политике Тульчинского и его выступлениям, сложившееся у соглашательских руководящих кругов забастовочного движения, в поисках какого-то спасающего „выхода". Раз предприятие не шло ни на какие уступки, раз с другой стороны—политическая пропаганда, могущая раз'яснить положение и уничтожить иллюзии, была

[1]) Приложения, стр. 97—100.

под запретом, Думпе и К-о силой вещей принуждены были хвататься даже за такую весьма шаткую соломинку, какую представляли из себя обещания Тульчинского. Ясно видно, что не только что Думпе приходилось уговаривать рабочих согласиться на эти условия, но ему пришлось уговаривать самого себя, т. к. он, конечно, прекрасно видел всю малую конкретность заявлений Тульчинского.

Но нам чрезвычайно важно отметить, что с точки зрения Думпе, Тульчинский и его политика являлись чем-то совершенно обособленным от Трещенкова и прочих представителей правительственной власти. В то время, как в наших материалах, Тульчинский с достаточной очевидностью—особенно в дальнейшем—выступает, как представитель „уговаривающей“ политики все тех-же правительственных агентов самодержавия, пытающихся мирным путем добиться того, чего могут добиться арестами, кровью и пулями—Трещенков и Преображенский, у Думпе мы видим Тульчинского в роли союзника бастующих. И самое замечательное то, что если ограниченнейший оппортунист попался на удочку Ленского Гапона, если он не усмотрел того, что от Тульчинского до Трещенкова один шаг, что между ними разница лишь в тактике, а не в задачах, целях и принципах, т. е. в основном, то с другой стороны—классовое чутье рабочей массы, той самой массы, которую Думпе считал лишь способной на пьяные бунты, правильно учитывает обстановку и отказывается идти на капитуляцию, основываясь на заявлениях Тульчинского. Интересно также отметить, что гораздо более близкий к рабочей массе Баташев, повидимому наиболее популярный оратор забастовки, вместе с тем являвшийся оффициальным глашатаем лозунгов вырабатывавшихся в узком, руководящем кругу забастовки—не решается, видя к нему отношение рабочей массы, выступить в пользу прекращения забастовки, чем конечно, вызывает упреки Думпе в недостаточной выдержанности.

Определенный разлад между верхушкой выборных и рабочей массой ясно сквозит и в других документах, не только в воспоминаниях Думпе. В делах К. Н. Тульчинского сохранился чрезвычайно любопытный документ,

подписанный анонимно „верящие Вам выборные“[1]). Неизвестные авторы просят Тульчинского „испробовать еще одно последнее средство, это взять на себя труд с‘ездить на Феодосиевский прийск и испробовать уговорить рабочих и призвать к благоразумию... Если-же и Феодосиевские, не послушают Вашего совета, и не нужно будет Вам за них болеть душой... „чем хуже— тем лучше“ и понесут должное возмездие для уразумления не слушать крикунов, а здравомыслящих и логически доказывающих вместе с Вами их пользу выхода и этим желающих им добра выборных и некоторых рабочих“. Этот документ можно, конечно, расценивать различно; то что он анонимен, могло-бы на первый взгляд его совершенно обесценить, но, если мы примем во внимание, что этот документ сохранен и пришит к делам, среди бумаг относящихся к 26—27-му марта и, что 27-го марта, Тульчинский телеграфировал иркут-губернатору „Завтра продолжу попытки убедить встать работу рабочих Феодосиевского прииска“[2]), т. е. точно собирался исполнить совет анонимного письма, мы уже будем принуждены признать за этим письмом определенную конкретную ценность. Но главное для нас не в большем или меньшем конкретном значении этого письма, а в том, что в нем ясно видны те-же нотки, что и у Думпе, недаром в пользу прекращения забастовки настроены только „выборные и некоторые рабочие“, ясно, что огромное большинство рабочей массы было очень далеко от капитуляции и слушалась именно тех крикунов, которые так ненавистны „здравомыслящим“ выборным.

Вместе с тем, мы не думаем, что это письмо принадлежало-бы группе, непосредственно близкой к Думпе и К-о. Тон Думпе довольно далек от приторного подделывания под „народные“ выражения так свойственные не вполне грамотным, в широком смысле этого слова, людям. Конечно, тут можно высказать лишь самые туманные предположения и мы не считали нужным входить в детальное изучение стиля; но среди документов, относящихся уже ко времени после расстрела, т. е. когда Думпе был арестован—мы увидим документы по

[1]) Приложения, стр. 115—116.
[2]) Приложения, стр. 117.

стилю весьма схожие с только-что цитированными Единомышленники у Думпе были несомненно и нам представляется, что именно из круга их, но не непосредственно от Думпе исходит этот документ.

В воспоминаниях тов. Бавыкина мы читаем:

„Разлад между выборными начался потому, что часть их была склонна приступить к работам. Этот разлад начался после совещания у Тульчинского 24-го марта. Тульчинский свою аргументацию вел приблизительно так: „я бы рад для вас господа сделать все, что можно, но видите, вот телеграмма, что она говорит? она говорит о необходимости поддерживать производство, а не нажимать на него". В общем он поколебал единство мнения среди выборных. Отношение рабочих к разладу между выборных было единодушное, во первых забастовку продолжать, во вторых с частью выборных стоявших за начало работ, перестали считаться, как с подкупленными администрацией... Баташев считался у нас, как председатель совета выборных и при расколе выборных стоял за продолжение забастовки"[1]).

Таким образом, мы видим, что те самые колебания Баташева, которые вызвали недовольство Думпе его недостаточной выдержкой, были действительно таковы, что например т. Бавыкин счел его безусловным сторонником продолжения забастовки.

Очень своеобразным образом раскол среди выборных и несогласие большинства бастовавших с проэктом соглашения Думпе отразился в оффициальных документах. В части „причины забастовки 1912 г." доклада Манухина, читаем следующее:

„Другой сосланный за политическое преступление ссыльно-поселенец Думпе, не принадлежа вовсе к забастовочной организации, все время был противником забастовки. Участие его в последней проявилось также лишь в формулировке требований, выработанных на общем собрании рабочих 3 марта 1912 года. Наконец, еще один из выборных, Баташев, понесший наказание за политическое преступление, принимая участие в забастовке, в конце марта, после возвращения на прииски инженера Тульчинского, убедился в бесцельности дальнейшего продолжения забастовки и, совместно

[1]) Приложения, стр. 103—106.

с другими выборными, стал убеждать рабочих принять предлагаемые приисковым управлением условия. Эти убеждения имели, однако, совершенно неожиданное последствие, в виде возникновения слухов о том, будто выборные подкуплены приисковой администрацией.

Из показаний значительного числа свидетелей выяснилось, что многие из более грамотных рабочих, к числу которых принадлежали и ссыльно-поселенцы, в начале апреля стали вообще решительно высказываться против продолжения забастовки, находя ее слишком тягостной и невыгодной для рабочих. Однако, убеждения этих лиц не встречали в среде рабочих сочувствия, так как большинство менее развитых рабочих продолжало упорно стоять за необходимость продолжения забастовки.

Таким образом, из совокупности добытых при расследований данных выяснилось, что ссыльно-поселенцы вообще не только не были руководителями забастовочного движения, но и не всегда сочувствовали ему. Деятельность их, без сомнения, могла проявиться и проявилась в письменном изложении домогательств, в ведении переговоров с местными органами власти и с приисковой администрацией так как ссыльные принадлежат к числу более грамотных и развитых рабочих. Но, говоря о деятельности этого рода лиц, нельзя упускать из виду, что в области приложения умственного или так называемого интеллигентного труда, труд ссыльно-поселенцев вообще и по преимуществу поселенцев политических распространен повсеместно по всей Сибири"[1]).

На этой цитате необходимо остановиться, но раньше, чем это сделать, мы себе позволим цитировать другого автора, а именно А. Невского, написавшего книгу „Ленские события и их причины", являющуюся как бы официозным изложением взглядов, руководящих кругов Ленского Золотопромышленного Т-ва на причины и характер забастовки. Книга эта в одной своей части содержит цифровые данные, ставящие своей задачей доказать, что рабочему в Лензото жилось очень и очень хорошо. Естественно, что анализ этих цифр нас особенно интересовать не может, но за то некоторые общие

---

[1]) Цитируем по приложениям к статье В. И. Невского в «Красной Летописи», 1922 г., № 2—3, стр. 378.

рассуждения Невского настолько характерны, что заставляют нас давать довольно большую цитату, тем более, что книга эта в настоящее время очень мало известна.

„Теперь необходимо разрушить один очень распространенный в обществе предрассудок, пишет А. Невский, получивший отражение в большинстве органов печати, предрассудок, будто Ленское Товарищество пыталось внушить идею о политическом характере забастовки, будто именно оно, ссылаясь на этот характер стачки, настаивало на усилении военной силы, стражников и вообще охраны приисков, взывало к необходимости присылки жандармской власти и требовало репрессий в виде ареста стачечного комитета. Такое толкование позиции, занятой Ленским Товариществом, совершенно ошибочно. Ни в одном из своих выступлений Ленское Товарищество в лице Правления не пыталось придать разразившейся стачке политического характера. Оно видело в ней все время обычный конфликт труда с капиталом на экономической почве, хотя отмечало при этом и некоторую его особенность, заключавшуюся в том, что по мнению Товарищества вдохновители стачки— были не из рабочей среды. Этот-то элемент, чуждый психологии таежного рабочего, не знающий ни его запросов, ни его требований, внушил ему те претензии, которые были ему выставлены в 14 пунктах и которые, по словам, как местных, так и петербургских представителей Товарищества, совершенно чужды в своем большинстве психологии и духу приискового рабочего. К таким требованиям, к таким навеянным извне лозунгам—Правление причисляет требования о 8-ми часовом рабочем дне, об увеличении заработной платы на 30%, об увольнении рабочих лишь с согласия особого рабочего комитета и некоторые другие. Что прямое или косвенное участие принимал в стачке и в организации ее не рабочий элемент,—несомненно, не может служить доказательством ее навеянного со стороны характера, так как прежде всего не доказано пока участие этих „чуждых рабочей среде“ лиц. Поиски этих агитаторов были не из удачных. Ссылка министра внутренних дел на участие в руководстве стачкой бывшего члена Госуд. Думы Баташева—оказалось ошибкой, так как участво-

вал в ней Павел Баташев, самый настоящий рабочий Ленского Товарищества, никогда не бывший членом Гос. Думы; указания инженера Тульчинского на то, что подписавшийся в качестве уполномоченного рабочих— Плешков не состоит рабочим, не выдерживает критики, так как он состоял таковым и уволен только 22 февраля, т. е. за неделю до стачки. С другой стороны, если бы и было доказано участие в организации стачки такого постороннего элемента, то это нисколько не доказывало бы навеянности со стороны рабочих требований. Не только в любом органе самоуправления, но и во всякой классовой организации имеется теперь свой третий элемент, который, не принадлежал к данному классу, изучает вопрос, формулирует и обосновывает классовые требования, устраняет из них все индивидуальное и спаивает их в единое целое. Вдохновителем, напр. совета с'ездов представителей промышленности и торговли долгое время состоял чуждый промышленного и торгового класса А. А. Вольский. Неужели же разработанные и обоснованные им нужды торгово-промышленного класса следует рассматривать, как нечто навеянное со стороны. Если интеллигентные и культурные промышленники, имеющие в своей среде таких „государственных деятелей", как Авдаков, Крестовников, Нобель и пр., нуждаются для формулировки, юридического и экономического обоснования их пожеланий в услугах Вольских, бар. Майделей, Ганов и пр., то тем более темная рабочая среда, не имеющая нередко самого скромного понятия о законах, вынуждена прибегать к помощи этого третьего элемента"[1]).

В заключение-же своей книги А. Невский пишет: „Вот тут и встает во весь рост кошмар наших дней: неприспособленность нашего „правового порядка" к формам экономического развития"[2]).

Может показаться, что сближение отчета царского сенатора и чрезвычайно свободно себя чувствующего журналиста, на деньги крупной капиталистической акционерной компании, доказывающего устарелость политических форм самодержавия для данного этапа капиталистического развития, что такое сближение несколько

[1]) А. Невский. Ленские события и их причины С.-Петербург. 1912 г., стр. 104—106.
[2]) Там-же, стр. 110.

искусственно и не к месту, но дело в том, что как раз в этих двух документах, мы видим своеобразное использование одного и того же материала. Манухин имел в своем распоряжении, несомненно все агентурные материалы, которые удалось, или точнее не удалось собрать Трещенкову. Манухин, правда, упоминает, что Трещенков и Познанский продолжали утверждать, что в забастовке был в наличии и политический элемент, но также несомненно, что об'ективно таких данных у обоих жандармских деятелей, конечно, не было.

Невский имел в своем распоряжении тоже достаточно богатый материал. Думается, что приисковая агентура была поставлена не хуже, а быть может и лучше, чем агентура чисто полицейская—Теппан едва-ли в этом отношении уступал Трещенкову.

Но дело, как раз в том, что хвостизм Думпе и К-о настолько затруднял понимание внутри движущих сил забастовки, что получалось необычайно своеобразное положение, при котором не только что общественно, но и вообще безграмотная масса, была политически прогрессивнее, чем ее вожди, обладавшие притом определенной революционной квалификацией. В результате, мы видим, что Манухин в общем довольно мало знакомый с приисковой действительностью делает весьма категорически простой вывод—ссыльные были против забастовки. Невский, хотя несомненно, лично, даже и наверно совсем не знавший Бодайбо и условия приисковой работы, но зато, конечно, достаточно наслушавшийся о них от весьма опытных людей, прошедших суровую таежную школу, раньше, чем восседать в директорских кабинетах Лензото, такого утверждения не делает, и даже говорит совсем новые вещи о „чуждом“ для приисковой рабочей массы характере требований, выработанных формулирующим третьим элементом.

Выводам Манухина, на основании, очевидно дошедших до него материалов о внутреннем разладе среди бастовавших, заключившего, что вообще ссыльные, т. е. политики, даже противодействовали забастовке, удивляться не приходится, если мы прочтем, например, следующий отрывок из воспоминаний выборного Р-ева, так описывающего настроения среди выборных и рабочих после совещания у Тульчинского.

„У нас на Александровском прииске мы созвали утром почти на рассвете старост, один из них должен был выступить на собрании, которое должно было решить вопрос о забастовке. Старосты, выслушав нас, недоумевали, что случилось с выборными, так как они решили, что выборные, доложив так быстро свое заключение, хотят, чтобы рабочие приступили к работам. К выборным создалось недоверие Мы сказали: обсудите сами. На обоих собраниях старост после нашего ухода решили бастовать.

На собрании выборных 25 марта те из выборных, которые стояли за прекращение забастовки, мотивы выставляли следующие: 1) Ленцы обанкротятся, 2) Тульчинскому надо верить и 3) рабочие не могут более бастовать. Когда мы возвращались с собрания, старосты Александровского прииска сообщили нам о решении бастовать. После 25 марта, 26-го было еще одно собрание по тому-же вопросу: 17 чел. высказалось за прекращение забастовки и 13—против. Это был обмен личных мнений. 27 марта состоялось новое собрание выборных. На этом собрании все выборные высказались за продолжение забастовки, так как настроение рабочих к этому времени ясно определилось“[1]).

Если мы примем во внимание сказывающийся с очевидной ясностью в этом отрывке единый фронт—Тульчинский—часть выборных, а также весь предшествовавший использованный нами материал, то мы, конечно, особенно удивляться выводам Манухина не будем. С Невским положение сложнее. Этому развязному господину требовалось доказать, что в печальном исходе забастовки Лензото не причем. Говоря красивые фразы о третьем элементе, либерально возмущаясь утверждениями о политическом характере забастовки, основанными на личной характеристике некоторых выборных, ловко приводя для аргументации и Вольского и барона Майделя, также „либерально“ отмечая, что Лензото было поставлено в неприемлемую при капиталистической „свободе“ экономических отношений—необходимость кормить забастовщиков и давать им квартиру, Невский, пользуясь, естественно, языком приемлемым для царской цензуры, считает виновником катастрофы

[1]) П. о. л. с., приложения, стр. 153—154.

неприспособленность нашего „правового порядка“ к формам экономического развития“.

Но отрицая всякий политический характер забастовки, потому что иначе самодержавное правительство и его агенты не годились-бы в козлы отпущения, Невский, имея в своем распоряжении достаточно надежный материал, говорит о „чуждом“ приисковой рабочей массе характере забастовочных требований. Он избегает подробно останавливаться на том, какие требования были бы не „чуждыми“, но мы прекрасно знаем их по предшествующим материалам—это протест против приискового угнетения в целом, в котором, конечно, определенное и „почетное“ место отводилось и самодержавному строю.

Таким образом, мы ясно видим, что—оба и царский сенатор Манухин, считающий забастовку чисто экономической, ее виновниками—персонально ротмистра Трещенкова—самый строй, естественно, для него непогрешим—и не персонально—чрезмерную эксплоатацию (дальнейшее более резкое и более крикливое развитие этой точки зрения—это, конечно, вопли вышецитированного „Запорожца с востока“ и его столичного собрата—Маркова 2-го о засилии жидовсковского капитала) и Невский, журналист новейшей формации последнего этапа развития российского капитализма, заикающийся для приличия, впрочем, о каких-то политических изменениях—его лензотовские хозяева прекрасно наживались и без этих политических изменений—оба они являются выразителями разных, но во всяком случае политико-тактических, а не исторических подходов к рассмотрению ленской забастовки. И Манухин и Невский это материал не столько для изучения самой ленской забастовки, сколько идеологии ее рассмотрений. На этом мы считаем возможным закончить анализ этого материала, считая, что он не может в дальнейшем, вносить какие нибудь коррективы в общий устанавливаемый нами взгляд на ленскую забастовку и переходим к фактическому изложению событий, имевших место до конца периода колебаний и уговариваний.

26 мая, как и было постановлено на совещании от 23-го, Тульчинский созвал новое заседание, с участием тех-же представителей администрации и приискового

управления. Хотя, как мы видели, на собрании с выборными Тульчинский ясно и определенно говорил о том, что договор нарушен по вине Лензото и обещал выдать соответствующие удостоверения (правда, придавая при этом самому собранию какой-то налет конспиративности и нелегальности и говоря, что об этом собрании нельзя давать сведения в печать ранее, чем через два года), несмотря на это, Тульчинский только на совещании 26 марта впервые ставит вопрос о праве своем давать соответствующие удостоверения рабочим—„совещание признало, что следовало-бы об'явить и предупредить рабочих, что заранее нельзя предрешать исход искового дела и решение будет зависеть, исключительно от суда, но заключение окружного инженера основанное им на постановлении иркутского горно-заводского присутствия от 17, 18, 19 марта с. г. могло-бы быть дано на новых прошениях“[1]).

Мы видели, что рабочих не устраивала даже перспектива суда, хотя-бы заранее получив твердое заключение Тульчинского, потому что таежная опытность им достаточно ясно показывала всю конкретную невозможность тяжбы с тем, у кого они работают. Тем менее их могло удовлетворить заверение Тульчинского, с предупреждением о том, что оно, в сущности, никакой цены не имеет и это тем более, если принять во внимание предшествовавшее, правда, устное обещание окружного инженера.

Тульчинский 25, 26 и 27 марта занимался уговариванием забастовщиков встать на работу. 27 марта он свою телеграмму иркутгубернатору заканчивает так: „настроение рабочих пока мирное при твердом стремлении к увеличению платы завтра продолжу попытку убедить встать на работу рабочих Феодосиевского прииска 27 марта Успенский 4 ч. дня“[2]).

29 марта, Тульчинский вывешивает об'явление, в сущности являющееся переизложением тех заверений, которые он делал на собрании 24 марта, но в менее широковещательной форме. Тут несомненно, сказывалась необходимость быть значительно более точным в

---

[1]) Приложения, стр. 115.
[2]) Приложения, стр. 117.

письменном об'явлении, нежели на каком-то особом полуконспиративном, полуотеческом собрании.

Так как мы выше достаточно подробно останавливались на конкретном значении обещаний Тульчинского, мы сейчас этого делать не будем, но лишь процитируем письмо Теппана Тульчинскому, от 3 апреля, дающее небез'интересную характеристику этого самого умиротворяющего об'явления. Теппан писал:

„Получив при надписи за № 324 Ваше об'явление от 29 марта с. г. обращенное к бывшим рабочим Ленского Золотопромышленного Товарищества, устроившим стачку, считаю необходимым заявить Вам, что те 7 пунктов об'явления, в которых перечисляются мероприятия к улучшению положения рабочих, предположенные Вами к принятию, могут дать повод к заключению, что все указанное в этих пунктах, Ленским Товариществом до сих пор не исполнялось, между тем такое предположение совершенно не соответствует действительности. Поэтому привожу свои возражения по пунктам"[1]).

Мы считаем излишним приводить дальнейшие пункты этого письма, читатель найдет их в приложениях, но они нам важны, лишь, как общая оценка тех „уступок", которые делал Тульчинский. Лензото, оказывается, считало себя обязанным исполнять все то, что Тульчинский выставлял как побудительный мотив к возобновлению работ.

Между тем, 29-го или 30-го марта, Тульчинский получил следующую телеграмму от Горного Департамента:

„Министр обращает внимание, что требование уплаты дней забастовки как неоснованное на законе, не может быть поддерживаемо горным надзором. Имеются сторонние сведения о предположении Вашем выдавать удостоверения о нарушении договора. Департамент полагает, что такая выдача не входит в круг Ваших обязанностей. Установление факта нарушения есть дело суда"[2]).

В ответном, испуганном лепете, читаем: „Прилагал все усилиля примирить стороны. Рабочие твердо стоят увеличении заработной платы. Требованию уплаты дни

[1]) Приложения, стр. 125.
[2]) Ц. о. д. с., Приложения, стр. 128.

забастовки мне не поступало. Сам этого вопроса не поднимал. Удостоверений нарушении договора не выдавал, выдавать не предполагаю. „Из выше сказанного, достаточно ясно, сколько правды в этом ответе. Характерно между прочим то, что испуг Тульчинского, был настолько велик, что он даже переборщил в своем оправдании. Горный Департамент говорил лишь о недопустимости поддержки требования об уплате за дни забастовки, Тульчинский-же счел нужным заявить, что он сам этого требования не поднимал, хотя Горный Департамент, конечно, никак не мог себе представить, что его представитель будет заниматься выдумыванием требований для забастовщиков. Но дело было как раз в том, что двойственная политика Тульчинского, настолько запутывала его самого, настолько в нем перепутывалась роль представителя правительственной власти пытающегося мирным путем ликвидировать конфликт с ролью человека во имя карьеры, дающего несбыточные обещания, прикидываясь каким-то особым другом рабочих, представителем высшей справедливости, что он в данном случае растерявшись и испугавшись, счел нужным оправдываться и в том, в чем его никто не обвинял. 1 апреля, Тульчинский, очевидно, получив соответствующую телеграмму от начальника иркутского горного управления телеграфирует Оранскому „Удостоверений таких не выдавал, выдавать не предполагаю, наоборот в своих последних увещаниях самой категорической форме разясняя рабочим, что вопрос чьей вине нарушен договор может решить только суд... Приходится быть крайне осторожным в выполнени весьма трудной задачи примирить обе враждующие стороны"[1]).

Но период колебаний и уговариваний уже подходил к концу. Тульчинский взявший на себя при распределении обязанностей между представителями правительства функции мирного уговаривателя сам уже должен был придти к выводу о бесполезности дальнейшей работы в этом направлении.

2 апреля он телеграфирует иркутгубернатору: „Замечается постепенный внутренний разлад среди бастую-

[1]) Приложения, стр. 123.

щих. Арестование некоторых, оказывающих вредное влияние представляется желательным"[1]).

Итак, основной вывод из рассмотренного нами периода, вырисовывается с полной ясностью: тот самый человек, который взял на себя уговаривание рабочих и при этом уговаривании все время вкоренял в них убеждение, что на их стороне всемогущий закон справедливого самодержавного государства, защищающего рабочих от капиталистической эксплоатации, человек при этом несомненно, перешедший грань чиновничьего уговаривания, пытаясь достичь успеха негодной фальсификацией роли рабочего друга и союзника, этот самый человек, именно потому, что он царский чиновник, требует для усугубления разлада среди бастующих— арестов, а 3 апреля потребует солдат и казаков.

Но рабочая масса, именно потому, что сам Тульчинский еще больше ее убедил в правоте своего дела, именно потому, что она на его заявления не смотрела просто, как на хорошие слова, а как на подтверждевие затаенной мысли о незаконности всей той эксплоатации, которой она подвергалась, эта рабочая масса не пошла на-встречу своим вождям соглашателям, дошедшим до союза с тем человеком, который как раз подготавливал их арест.

Настроения рабочей массы, ее хвостистские вожди, и агитация Ленского Гапона-Зубатова—основные внутри движущие силы забастовки стоят таким образом рельефно перед нами, в тот момент, когда кровавая трагедия 4 апреля грозила разразиться с часу на час.

---

[1]) Приложения, стр. 123.

Развязка.

Мы подходим к последнему периоду Ленской забастовки, к ее развязке. При рассмотрении этого периода, мы как и раньше большую часть нашего внимания концентрируем на развитии массового движения. Мы видели выше, что уже в начале второй половины марта, настроение рабочих было достаточно повышенное. Для характеристики-же этих настроений в начале апреля, приводим следующий отрывок из воспоминаний Думпе:

„В это время цепь событий нас окружила уже так тесно, что чуть не случилось то, что случилось 4 апреля—3 апреля: 3 апреля случилось следующее. На Александровском прииске у магазина в подвале рабочие обнаружили недоброкачественное, испорченное мясо. Были вызваны власти, т. е. полиция, явился и Тульчинский и в присутствии выборных Александровского прииска стали составлять протокол. А так как магазин находился недалеко от рабочих бараков, то вполне естественно, что вокруг происшествия столпилось много народу. Тут откуда-то явился Трещенков и с криками „расходись сволочи" бросился на рабочих. Он был один и рабочие его не испугались, и на-оборот несколько голосов крикнули—„сам сволочь", и после того вся толпа закричала „тю", т. е. затютюкала.

В своей бессильной злобе он бросился к телефону и вызвал с надеждинского народного дома солдат. Там по приезде Трещенкова, были устроены казармы, чтобы были подруку, когда придет возможность „руки погреть". Также на линии железной дороги стоял всегда готовый поезд для переброски солдат туда, где это окажется нужным. Трещенков, наверное уже предвкушал возможность этого случая. Но на этот раз это ему не удалось.

Выборные Александровского прииска, смекнули в чем дело и, ввиду того, что рабочие были возмущены наглостью Трещенкова, не слушались, бросились также к телефону, вызвали нас. Я с Баташевым бросились самой близкой и прямой дорой на Александровский, где успели еще во время. Так как Баташев был самый популярный человек для толпы, то его сразу послушались. Он крикнул, чтобы немедленно рабочие очистили площади и уходили в бараки, а об'ясняться он будет позже. Когда последние рабочие покинули площадь, со стороны железной дороги выходили солдаты. Для них это было уже поздно, ибо на площади никого уже не было. Остались у погреба только полиция и выборные. Вот это одно звено из тех мелких событий последнего времени, которые с приездом Трещенкова появились. Такие случаи стали принимать определенную форму и мы были настороже, чтобы их избежать, мы предупреждали рабочих, чтобы они не поддавались на провокации и, чтобы слушались выборных во всем, без выборных ни шагу"[1])

Такое-же все более обострявшееся настроение забастовщиков отражается и в тексте того заявления, с которым рабочие на утро, после ареста пошли на Надеждинский прииск и были встречены пулями. Так мы в этом заявлении читаем:

„В виду того, что за последнее время полиция и администрация врывается с военной силой в наши казармы и нарушает мирное течение нашей жизни, перепугивая наши семьи и своими действиями вызывает нас к обострению, которое может привести к печальным и нежелательным последствиям, мы, бывшие рабочие Л.З.Т., решили через Вас Господина Окружного Инженера об'явить блюстителям порядка, что работы мы прекратили по вине Л.З.Т. Управления, которое нарушило наш договор и об'явили нас расчитанными, прервав с нами всякие сношения. Нарушения эти признали и Вы...

За тишиной и порядком наблюдаем строго сами за собой. Заявляем Вам, если еще нашими охранителями повторится попытка арестовать наших так называемых „Главарей", то это будет провокация со стороны наших охранителей. Вас просим внемлите нашему гласу: „Глас

[1]) Приложения, стр. 101—102.

народа—глас Божий". Мы просим нас не охранять, так как мы сами себя охраняем и посторонним—не доверяем. Копию с этого заявления мы оповестим миру. Если пожелаете наши подписи, мы по первому требованию таковых представим"[1]).

И самое характерное, что в этот критический, последний момент Думпе и К-о не находит другого более подходящего занятия, чем разработка устава профсоюза „Кайло и лопата". Эти „вожди" забастовки, накануне катастрофы, приближение которой они чувствовали, в условиях приисково-колониальной эксплоатации, вздумали помочь рабочему движению организацией нелегального профсоюза: „в частных беседах с рабочими, пишет Думпе, а особенно с выборными, мы популяризовали идею профессионального союза рабочих. Ввиду того, что во время забастовки возникшая наша сплоченность, могла опять распуститься с окончанием забастовки, мы желали эту же сплоченность перенести в союз. Но так как при существующем строе такая организация легально не была бы допущена, то она должна была быть нелегальной. В последние дни, перед расстрелом, мы выработали подробный устав такого союза и назвали его „Кайло и лопата"[2]).

Переходя к характеристике противоположного лагеря, мы прежде всего для того, чтобы рассеять ряд существующих недоразумений по этому вопросу, остановимся на подготовке арестов, явившихся непосредственным толчком к событиям 4 апреля.

22 марта, товминвнудел Золотарев телеграфирует иркутгубернатору следующее: „Полагаю, что всем агитаторам, которые позволяют себе демонстративные выступления, вы должны принимать меры по обязательному постановлению"[3]). Очевидно Золотарев предполагал применить административную высылку, но из ответа иркутгубернатора Бантыша узнал, что горные округа не об'явлены на исключительном положении.

23 марта, еще не получив этого ответа, Золотарев дает указания „безотлагательно дать ротмистру Трещенкову определенные директивы для локализации за-

---

[1]) П. о. л. с., приложения, стр. 75.
[2]) Приложения, стр. 94.
[3]) П. о. л. с., Приложения, стр. 117.

бастовки"[1]), а 24-го или 25-го, соглашаясь с необходимостью ввиду отсутствия исключительного положения—судебного преследования, указывает: „агитаторы-подстрекатели особенно на политической почве должны быть безусловно выяснены"[2]).

27 марта, Золотарев опять телеграфирует Бантышу: „благоволите своевременно поставить меня в известность о действительном положении дел на приисках и окончательных ваших мероприятиях"[3]).

Мы не знаем, какие указания были даны товарищу прокурора Преображенскому находившемуся на приисках со стороны своего губернского и министерского начальства, но 28 марта он телеграфирует иркутпрокурору:

„Обыски и арест задержал по настойчивой просьбе Тульчинского до окончания его переговоров с рабочими, считая, что поспешность этих актов даст новые нарекания на прокурорский надзор при безуспешности переговоров, благоприятный исход их ныне исключен. Стачку питает отказ в повышении платы Лензото. Тульчинский назначил 30-е последним сроком выхода на работу, если не встанут, ночью в субботу назначены аресты с военными силами, опасаюсь возможности сопротивления и столкновения со всей массой, с другой стороны арест комитета безусловно необходим. Прошу указания"[4]).

В связи с переговорами Тульчинского стоят и следующие указания Бантыша Трещенкову 29 марта:

„Аресты по постановлению судьи отложите до окончания переговоров Тульчинского. В случае успешности переговоров, обсудите с Тульчинским, Преображенским, Судьей—не послужат ли аресты поводом нового прекращения работ. Войдите в соглашение с Преображенским о необходимости ареста всего комитета; в случае арестования действуйте без шума, в случае неуспешности переговоров Тульчинского телеграфируйте о дальнейших Ваших предположениях"[5]).

30 марта, иркутпрокурор сообщает Преображенскому о предстоящем прибытии в Иркутск уполномоченного

---

[1]) П. о. л. с. Приложения, стр. 117.
[2]) Там-же, стр. 118.
[3]) Там-же, стр. 120.
[4]) Там-же, стр. 120—121.
[5]) Там-же, стр. 122.

Лензото Солодилова, которому поручено уладить конфликт „поэтому до дальнейших распоряжений приостановиться арестами“[1]).

Между тем, того-же 30 марта, исправляющий должность директора департамента полиции Белецкий телеграфирует начальнику иркутского губернского жандармского управления следующее: „30 марта предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет, если не будет данных при дознании следствия возбудите охранную переписку“[2]).

31 марта, Белецкий-же телеграфирует Познанскому: „телеграфируйте произведена-ли согласно депеше моей 30 марта ликвидация стачечного комитета, если нет, то почему не исполнено требование, если произведены—сообщить“[3]).

Следующий документ, это телеграмма Солодилова Правлению Лензото от 1 апреля из Иркутска. В этой телеграмме сообщаются мероприятия Солодилова и затем говорится: „по получении вашего согласия будет выработана вместе жандармским полковником и двумя прокурорами телеграмма губернатора, в которой он однако, предпишет принять к руководству мою телеграмму, арестовать зачинщиков и выселять не желающих работать“[4]).

2 апреля, предположение Солодилова осуществилось. Надо думать, что к этому времени иркутгубернатор получил и вышецитированную телеграмму Тульчинского[5]), так как 5 апреля Бантыш телеграфировал минвнуделу следующее: „телеграмма товарищу прокурора Преображенскому и Трещенкову за подписью моей и прокурора палаты Нимандера об аресте стачечного комитета, если по местным условиям это будет содействовать мирному улажению конфликта я послал лишь после того, как получил сведения от окружного инженера Тульчинского, что по его мнению появились признаки разложения забастовочной организации, замечается постепенный внутренний разлад среди бастующих и что арестование

---

1) П. о. л. с., приложения, стр. 123.
2) Там-же, стр. 123.
3) Там-же, стр. 123.
4) Там-же, стр. 123.
5) Приложения, стр. 123.

некоторых оказывающих вредное влияние представляется ему желательным"[1]).

Самой телеграммы Бантыша с распоряжением об аресте нигде не сохранилось, но мы имеем следующие указания из телеграммы Солодилова от 6 часов вечера, 2 апреля: „сегодня утром губернатор послал приказание арестовать стачечный комитет 17 человек, он справедливо решил, что его распоряжение должно быть прежде моей телеграммы"[2]).

И уж только 2 апреля, Познанский телеграфирует Трещенкову: „Директор департамента полиции телеграфирует мне: „предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет, если не будет данных для дознания или следствия, возбудите охранную переписку"[3]).

И уж только 3 апреля, Познанский телеграфирует Департаменту полиции: „распоряжение об аресте комитета сделано"[4]).

Раньше, чем перейти к выводам, которые можно сделать на основании цитированных документов, мы разрешим себе привести некоторые выдержки из „Правды о ленских событиях", также излагающие подготовку арестов: „Вследствие настойчивых требований Трещенкова об аресте выборных от рабочих, в Иркутске состоялось по этому поводу 1 апреля совещание Губернатора, Прокуроров Иркутской Судебной Палаты и Окружного Суда и Начальника Жандармского Управления. Последний получил телеграмму от и. о. Директора Департамента Полиции Белецкого, в которой ему предписывалось „предложить непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет и если не будет данных для дознания или следствия возбудить охранную переписку". На совещании Начальник Жандармского Управления настаивал на аресте стачечного комитета. Остальные члены, повидимому, были в нерешительности, ибо 2 апреля была послана Трещенкову телеграмма, в которой Губернатор, с согласия Прокурора Палаты, предлагает ему, Трещенкову, произвести арест стачечного комитета лишь в том слу-

---

1) П. о. л. с., приложения, стр. 127—128.
2) Там-же стр. 124.
3) Там-же стр. 124. 4) Там-же, стр. 126.

чае, „если по местным условиям, мера эта будет содействовать мирному улажению конфликта“.

Распоряжением этим рабочие отдавались в полное распоряжение Трещенкова—оно формально развязывало ему руки, перенося ответственность на высшее начальство. Последнее же, очевидно, боялось этой ответственности, если считало возможным допустить арест выборных только при условии, если это будет содействовать мирному улажению конфликта. Ротмистр же Трещенков всего меньше думал о мирной ликвидации забастовки...

Телеграмма г. Белецкого о немедленном аресте стачечного комитета, переданная того же 2 апреля Трещенкову помимо Губернатора Начальником Губернского Управления Познанским, устранила всякие колебания г. Трещенкова, если таковые были. Во всяком случае она освобождала его от осторожного отношения к вопросу об аресте т. н. стачечного комитета, которое предлагала ему телеграмма Губернатора. И хотя в это время Трещенков был подчинен Губернатору, как начальник местной полиции, но высшая власть—и. о. Директора Департамента Полиции—отменила это осторожное распоряжение Губернатора и бросила тысячи рабочих под залпы пуль г. Трещенкова“[1]).

Мы уже раньше видели, как авторы „Правды о ленских событиях“ подходили к изложению событий. Что П. Н. Баташев имел весьма мало отношения к этой книге—сомневаться не приходится. Он и на обложке книги скромно титулуется „издателем“, оставляя в тайне авторов, да и характеристика данная ему Думпе, достаточно говорит за то, что Баташев—это не более чем фирма, необходимая для того, чтобы „Правда о ленских событиях“ казалась вышедшей из самой гущи бастовавшей рабочей массы.

Предисловие к книге достаточно ясно указывает или точно, достаточно ясно намекает на авторов книги— А. Ф. Керенского, Г. Б. Патушинского, А. А. Тюшевского, С. А. Кобякова и А. М. Никитина, словом той меньшевистско-эсеровской адвокатской группы, точка зрения которой явилась основой всего дальнейшего рассмотрения и псевдо-изучения ленской забастовки.

---

[1]) П. о л. с., стр. 77.

Мы уже видели, что задачей этих авторов являлось доказать строго экономический, мирно-идиллический и наконец, „законный“ в условиях царского режима, характер забастовки. Мы увидим, что после разразившегося в связи с расстрелом—скандала, различные группы правительственных чиновников, пытались всю вину свершившегося свалить друг на друга. Разные люди пользовались при этом разными средствами. Обиженный Бантыш, которому царское правительство, точнее министерство внутренних дел за его распри (уже после расстрела) с жандармерией, предложило занять должность якутского губернатора, даже дошел до того, что стал передавать „крамольным“ людям правительственную переписку.

Соответственно этому, меньшевики и эсеры, написавшие „Правду о ленских событиях“ воздали ему должное, пользуясь Бантышем чрезвычайно выгодно для того, чтобы демонстрировать всю законность движения, окончившегося кровавой катастрофой, исключительно по вине жандармов.

В книге Тюшевского вышедшей уже во время революции и являющейся не более, чем популярным изложением „Правды о ленских событиях“ после цитирования телеграммы Белецкого пишется следующая фраза: „вы видите, как департамент полиции и ленцы торопятся с арестом выборных, всеми этими телеграммами, как будет видно позже, упорство Иркутского Губернатора было сломлено“[1]).

Между тем, на основании всех выше цитированных телеграмм, мы можем сделать вполне определенное заключение, что в области подготовки ареста выборных между иркутским губернатором и жандармским управлением существовал полный и безусловный контакт. Правда, Белецкий предложил Познанскому 30 марта ликвидировать стачечный комитет, но, если мы внимательно отнесемся к документам, то увидим следующее: Белецкий телеграфирует 30 марта, а Познанский Трещенкову лишь 2 апреля. Почему? Да потому, что Познанский действовал в полном согласии с Бантышем и ждал телеграммы последнего. Недаром Солодилов, как раз

[1]) А. Тюшевский. К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках. Петербург Госиздат. 1921, стр. 37.

представитель „ленцев“, т.-е. Лензото в своей телеграмме правлению Л. З. Т., ссылается именно на телеграмму губернатора, а не на какие нибудь распоряжения Познанского, хотя конечно, если-бы последние имели реальное значение, он конечно, сообщал бы о них. Познанский не только что действовал в полном контакте с Бантышем, но он даже задержал исполнение точного предписания своего высшего начальства и сообщил об его исполнении, лишь на 4-й день после того, как он его получил.

В „Правде о ленских событиях“ говорится, что Бантыш дал телеграмму арестовать выборных „если по местным условиям мера эта будет содействовать мирному улажению конфликта.“ Но дело в том, что эта фраза заимствована вовсе не из подлинной телеграммы Бантыша Трещенкову, а из телеграмм Бантыша минвнуделу от 4-го апреля сообщающей о принятых мерах. В этой же телеграмме имеется и такая фраза, которую, конечно, Керенский и К° не цитируют: „телеграфировал Трещенкову случае благоприятного исхода ареста стачечного комитета и впечатления произведенного им, немедленно арестовать всех остальных рабочих, подлежащих заключению под стражу в следственном порядке.“[1])

Итак, на основании документов, опубликованных самими-же авторами „Правды о ленских событиях“ в приложениях к своей книге, мы можем сказать с полной определенностью, что до момента расстрела, т.-е. до того момента, когда все стали искать козла отпущения и эту неприятную роль хотели столкнуть с себя, никакого разграничения между отдельными чинами правительственной администрации делать не приходится. Все действовали за одно и всякие попытки меньшевистско-эсеровских публицистов доказать обратное, в целях придания забастовке особо-„законного“ характера, являются попытками с негодными средствами. Между Бантышем, Познанским и Трещенковым, во время подготовки арестов разница такая, что ее можно найти лишь при помощи лупы.

Кстати, две маленьких детали. Нигде конечно, не упоминается, исключая, впрочем, приложений, но

---

[1]) П. о. л. с., Приложения, стр. 126.

отнюдь не текста „Правды о ленских событиях", что Трещенков был назначен и командирован в Бодайбо по желанию самого Бантыша. 21-го марта Бантыш телеграфирует департаменту полиции: „прошу также доложить министру о необходимости назначения помощника начальника губернского жандармского Управления ротмистра Трещенкова, командированного в Бодайбо начальником полиции Витимско Олекминского золотопромышленного района...."[1]).

Другая мелочь: в приложениях к „Правде о ленских событиях" напечатана телеграмма Бантыша минвнуделу от 29 марта, в которой цитируется его-же телеграмма Трещенкову. Последняя фраза этой телеграммы читается так: „высылаю телеграфно на государственный банк 500 сметного кредита, каковой можете расходовать на телеграф."[2])

В делах окружного инженера эта телеграмма имеется, в виде копии, заверенной Трещенковым и препровожденной Тульчинскому. Фраза эта читается там так: „высылаю телеграфно на государственный банк 500 сыскного кредита, каковой можете расходовать и телеграф."[3])

Если мы примем во внимание, что правительственная переписка была передана автором „Правды о ленских событиях" самим Бантышем уже после расстрела и, если мы будем иметь в виду, что для него, конечно, чрезвычайно важно было скрыть свой единый фронт с жандармерией, то это можно было бы считать сознательным искажением, хотя, конечно, всякие предположения в этом направленнии остаются только догадками.

Подобно тому как Бантыш и те, которые пользовались им, как политико тактическим средством, пытались доказать полную свою непричастность к действиям высших жандармских властей, подобно этому-же, Тульчинский и те-же меньшевистско эсеровские публицисты, пытались доказать полную противоположность Тульчинского и Трещенкова. Читаем следующий отрывок:

„22-го марта на Ленские прииски приехали окружный Инженер г. Тульчинский и жандармский ротмистр

---

[1]) П. о. л. с., приложения, стр. 115.

[2]) П. о. л. с., приложения, стр. 122.

[3]) Дело Окружного Инженера, т. I, л. 230. (см. подробное обозначение дела—приложения, стр. 1).

г. Трещенков. На первого возлагали большие надежды рабочие; Трещенков же, как представитель политической полиции, был несомненно желательным лицом для Правления, подчеркивавшего политический характер забастовки. Г. Тульчинский верил в свою примирительную миссию, его уважали рабочие, к нему они относились с доверием, из за них у него были натянутые отношения с Ленским Т-вом, кое чего он, до забастовки, успел добиться в интересах рабочих (напр., увеличения числа врачей на приисках, полного расчета деньгами рабочих по окончании операции, удешевления проезда по железной дороге). Но к сожалению, у него не было настойчивости в преследовании нарушений со стороны Л. З. Т. и не было способности заставить его считаться с собой. Поэтому Л. З. Т. часто просто не обращало внимания на его предложения, расчитывая на его мягкость. Когда события бросили его в водоворот событий стачечного периода, то у него не хватило ни силы характера, ни способности овладеть ими. Он как-то стушевался перед личностью Трещенкова; в самые критические для рабочих моменты (арест выборных от рабочих, событие 4-го апреля) нельзя было даже разобрать, с кем он заодно— с Трещенковым или с рабочими. Дошло даже до того, что рабочие подозревали его в том, что арест выборных произошел именно по его указаниям,—*слух несомненно ложный, но которому однако одно время придавали веру в кругах рабочих.*[1]) Тульчинский настолько терял свою личность в присутствии Трещенкова, что под его влиянием дал по начальству неверные сведения о расстреле 4-го апреля, чтобы затем послать в догонку покаянную телеграмму с изложением истинного хода событий. Увлекшись ролью примирителя и спасителя положения, он не сумел во время отмежеваться от Ленского Т-ва и его сторонников и в конце концов лишился у рабочих того доверия, которым пользовался до своего приезда из отпуска."[2])

У Тюшевского читаем:

„Одновременно с этим об'явлением на вопрос рабочих: „Кто виноват в нарушении договора о найме" Тульчинский ответил, что Ленское Т-во и обещал рабо-

---

[1]) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.

[2]) П. о. л. с., Приложения, стр, 69—70.

чим выдать об этом соответствующие удостоверения.

Эта деятельность Тульчинского была неожиданно прервана полученной им телеграммой от директора горного департамента Иванова, который от имени министра торговли и промышленности ставил на вид Тульчинскому, что им совершенно не усвоены указания, данные ему летом прошлого года (речь идет о письме С. И. Тимашева, которое было цитировано ранее А. Т.), в частности, департамент обращал внимание своего инженера на то, что „выдача рабочим удостоверений о нарушении Ленским Т-вом договора о найме не входит в круг его обязанностей.“

Так кончилась попытка г. Тульчинского примирить враждующие стороны.“[1])

И это пишется авторами той самой книги, в приложениях к которой напечатаны документы совершенно точно показывающие, что сам Тульчинский считал необходимым аресты. Если даже принять во внимание, что в распоряжении авторов „Правды о ленских событиях“ по всей вероятности не было копии телеграмм самого Тульчинского, то в телеграмме Бантыша минвнуделу от 5-го апреля, напечатанной в приложениях, ясно и определенно говорится, что распоряжение об арестах было дано лишь после соответствующего указания Тульчинского.

Конечно и сам Тульчинский принимал впоследствии все меры к тому, чтобы выгородить себя от всякого сообщничества с жандармскими героями расстрела. Всякий, кто будет внимательно сравнивать доклад Тульчинского сенатору Манухину и воспоминания Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“[2]), легко найдет линию искажающей тенденции. Мы сейчас укажем лишь на самые яркие примеры.

В докладе Манухина говорится об агентах Трещенкова, которые „присутствуя незаметно для окружного инженера в толпе рабочих сознательно или безсознательно перевирали слова окружного инженера и в искаженном виде доносили о них ротмистру Трещенкову.“ А в воспоминаниях—эти агенты занимались совсем дру-

[1]) Тюшевский. стр. 35.
[2]) См. приложение № 11, стр. 21—77.

гим делом, они „присутствуя незаметно для меня в толпе рабочих провоцировали их.“[1]).

Итак, ясно, в докладе царскому сенатору агенты Трещенкова делали Тульчинского—царского чиновника неблагонадежным в глазах жандармского ротмистра, а в отчете для советской печати, они же провоцируют рабочих против их друга. Маленькая разница.

При изложении утра 4-го апреля, когда рабочие явились к Тульчинскому с угрозами и упреками по поводу того, что он содействовал аресту выборных, Тульчинский свой ответ в докладе Манухина излагает так: „арест произведен на основании существующих законов лиц, принадлежащих к стачечному комитету, о котором было известно судебным властям.“ А в воспоминаниях мы читаем: „арест произведен судебными властями самостоятельно вместе с полицией.“[2])

Как это ни печально для авторов „Правды о ленских событиях“ законной в глазах Тульчинского оказывается не забастовка, а аресты выборных.

Итак, мы можем совершенно определенно признать, что тенденция, внесенная Керенским и его коллегами в изучение ленских событий является исторически неправильной. Между Бантышем и Познанским Тульчинским и Трещенковым—той границы, которую проводят эти публицисты, проводить не приходится. Другое дело, что идеологически, Трещенков и Познанский гораздо элементарнее Тульчинского и Бантыша, особенно первого, так боящегося концентрации капитала и трестов. Другое дело, что Тульчинский одно время вел политику провокационного порядка, расчитывая на срыв забастовки, политику, на которую-бы именно благодаря своей элементарности, Трещенков не пошел или не сумел бы пойти. Но в плоскости достижения единой цели—ликвидации забастовки—между этими двумя царскими чиновниками границы проводить нельзя.

Теперь нам остается остановиться на самом дне расстрела. Мы отнюдь не будем заниматься детальными его описаниями. Арестовывая выборных, Трещенков, Тульчинский, Теппан и все остальные в полной мере были готовы к возможному кровопролитию. Но для нас

---

[1]) Приложения, стр. 43—43, 44—45.
[2]) Там-же, стр. 63—63.

чрезвычайно важно и чрезвычайно характерно является поведение во время расстрела Тульчинского, как известно попавшего под пули, свист которых придал ему какую-то особую, чуть-ли не революционную репутацию.

Цитируем воспоминания, напечатанные в приложениях „Правды о ленских событиях“.

Выборный С. рассказывает следующее: „шли мы медленно, вроде „разгулки“ вижу по полотну быстро идет Тульчинский. Повернул по надеждинской дороге к нам, встретил нас у перекрестка... Тульчинский поздоровался и спросил:—скажите, братцы, куда вы идете? Я отвечаю: идем к тов. Прокурору с жалобой на обиды Лен. Т-ва и полиции. Только мы хотим, Константин Николаевич, сойтись с Феодосиевскими, чтобы вместе идти, а дорога перегорожена. А зачем это солдаты? Стрелять будут?— „Нет, братцы, стрелять не будут, только к солдатам не ходите.“ Я и говорю: „Мы этого и не думаем, а так как нет прохода, то мы и одни к тов. Прокурора пойдем.“—„Нет, не ходите к солдатам, а вот идите тут, через механическую к Феодосиевскому.“ А я говорю: „Нет пусть в нас не стреляют, мы по этому „свертку“ пойдем прямо к тов. Прокурора.“ Тут он спрашивает: „Зачем вы к тов. Прокурора идете, с какой просьбой?“ Я говорю: „Мы не можем вам этого сказать, ведь вы сами с нами отказались переговоры вести, ведь вы от этих слов не откажетесь.“ Я хочу знать вашу просьбу, братцы.“ Мы ему тогда рассказали. Он нам ответил: „Я сейчас был на Феодосиевском прииске, рабочие согласились там на мое предпожение, что я им к 9 часам завтра представлю на глаза арестованных.“ Почему-же завтра, а не сегодня? Мы уж тридцать верст шли голодные. Мы лучше подождем.“ „А братцы, скажите мне, если с вашей стороны погрома и насилий не будет, то я и сегодня представлю.“ Я говорю: „Помните, как вы у себя говорили, что как ехали сюда боялись, что здесь беспорядки, а увидев нас успокоились,—так все спокойно и пьяных нет. Зачем же вы теперь так говорите?“ Тут И. П. говорит ему: „Освободите нам путь к тов. Прокурора—мы тут и пройдем“. Вот в этот момент и был залп.“[1])

---

[1]) П. о. л. с., Приложения, стр. 186.

Крестьянин М. писал: „Когда мы дошли до поворота на Надеждинский прииск, к нам подошел окружный инженер Тульчинский. Откуда он шел — я не заметил. шел он ровным шагом, как будьто не спеша. я заметил его, когда он подходил уже к штабелям. Дойдя до переднего ряда нашей толпы, Тульчинский остановился и стал разговаривать с нашими выборными, которые его окружили.“[1])

У крестьянина Ж-ова читаем: „Когда дошли до поворота на Надеждинский прииск к нам навстречу вышел с полотна Тульчинский. Мы стали просить его нельзя-ли выборных освободить и паек прибавить и пропустить нас к тов. Прокурора. Он сказал, пройти нельзя.“[2])

Ф. Е. рассказывает: „К нам пришел Тульчинский. Ему подали заявление, Тульчинский говорил нам, что если нам нужно подойти на Феодосиевский, то лучше идти кругом. В это время началась стрельба.“[3])

Исторически получается необыкновенно эффектная картина. Тот самый человек, который уверял бастовавших, что их действия законны, что на их стороне надклассовая государственная власть—этот самый человек в момент перед расстрелом почувствовал, что кровь, которая должна сейчас пролиться, падет на него. И он идет на встречу рабочим, рискуя попасть под пули. Но встретившись с теми, другом которых он еще недавно прикидывался, Тульчинский не находит в себе достаточной смелости, чтобы сказать: не идите, солдаты будут стрелять. Все четыре цитированных показания очевидцев, записаны в ближайшие месяцы после расстрела. Не доверять им—нет ни малейшего основания, лучшим показателем достоверности является полное их сходство. Исторически-же мы имеем необычайно поучительный вывод: если священник Гапон, агент жандармов, силой вещей должен был идти во главе толпы на встречу пулям тех самых людей, которые платили ему за его предательскую работу, то в условиях упрощенной политической обстановки, Тульчинский заменявший и Зубатова и Гапона и представлявший в этом отношении своеобразное политическое соединение не может идти

[1]) П. о. л. с., приложения, стр. 190.
[2]) Там-же, стр. 192.
[3]) Там-же, стр. 204.

ни по пути Гапона, ни по пути полицейского начальства последнего.

Тульчинский не предводительствует рабочим, но он и не расстреливает их сам. Он идет навстречу рабочим, желая предотвратить кровопролитие, но конечно, не имеет мужества и возможности сказать—идите обратно, будут стрелять, потому что это означало-бы признать безусловное тождество государственной власти и приискового капитализма,—это означало-бы назвать самого себя лжецом. И в то же время, как Тульчинский выслушивает укоры от рабочих, уже значительно изменивших свой взгляд на него по сравнению с совещанием 24-го марта, он попадает под пули Трещенкова и лишь случайно спасается от них. Это лучший исторический приговор для всякого царского чиновника, желающего изобразить из себя друга рабочих, а вместе с тем подготавливающего аресты и расстрел.

Нелишне подчеркнуть еще раз своеобразие положения: 4 апреля чуть не был расстрелян тот самый Тульчинский, который 2 апреля требовал арестов, а 3 апреля телеграфировал: „Полагал бы необходимым устранение возможных в будущем осложнений немедленную посылку сюда сотни казаков“[1]). Тульчинский сам говорил о немедленном освобождении выборных, а вместе с тем, утром 4 апреля посылал телеграмму иркутгубернатору с заявлением, что „возбужденная толпа рабочих явилась ко мне категорическим требованием немедленном освобождении арестованных, угрожая противном случае собрать всех рабочих приисков Лензото двинуться их освобождению... Положение нахожу угрожающим“[2]), если эту телеграмму сопоставить с требованиями казаков и арестов, то понятие „угрожающее“—приобретает вполне определенный оттенок.

Мы думаем, что эта сцена непосредственно предшествующая расстрелу оправдывает то, что мы так много внимания и в тексте и в собранных приложениях уделили Тульчинскому. Тульчинский благодаря сыгранной им роли является предметом изучения, не только в отношении его личных действий, но и в отношении развития рабочего движения в целом. Другая причина

---

[1]) Приложения, стр. 124.
[2]) Там-же стр. 127.

необходимости такой сравнительно подробной остановки на роли Тульчинского является то, что как раз те пули, от которых он чуть не погиб, придали его личности особую репутацию, традиционно сохранившуюся и в псевдо исторических работах по этому вопросу.

То, что рабочие прикрывали Тульчинского своим собственным телом во время расстрела неизбежно должно было, конечно, отделить его непроходимой чертой от Теппана, 4 апреля после бойни пославшего правлению Л.З.Т. классическую телеграмму „теперь на приисках спокойно"[1]), Трещенкова, Хитуна и Преображенского любовавшихся расстрелом. Недаром 4 апреля Тульчинский получает весьма своеобразное заявление от рабочих, в котором они просят „простить нам... за те нанесенные оскорбления" и желают „быть здоровым, добрым и справедливым работником на славу русского государства"[2]).

Но для историка-марксиста это, конечно, не может иметь значения. Тульчинский, подобно Гапону, зашел дальше, чем это требовалось высшему, в частности, полицейскому начальству, но при этом все-же Тульчинский зашел менее далеко, чем Гапон, именно потому, что он был царским чиновником с кокардой, а не тайным агентом. Нахождение под пулями во время расстрела спасло Тульчинского в глазах рабочих, оно избавило его в значительной части от многих вероятных нареканий со стороны правительства.

Но истинная его роль блестяще сказывается в периоде после расстрела.

Но раньше, чем в заключение остановиться на действиях и настроениях представителей правительства после расстрела, мы вкратце процитируем Думпе, описывающего настроения арестованных выборных после получения в тюрьме известия о катастрофе: „когда мы это услышали, наш товарищ по аресту Вязовый стал биться головой об стену и кричал: „что мы сделали, что мы сделали!" На меня напал какой-то истерический смех. От всего в последние дни пережитого нервы дали себя чувствовать. Странно, когда я немного успокоился, я даже обрадовался, сам не знаю чему. Как будто гора

---

[1]) Приложения, стр. 20.
[2]) Там-же, стр. 131—132.

с плеч свалилась. Кончилось то неизвестное, что мы ожидали, но не были в силах отразить"[1])[2]).

Трудно придумать лучший приговор над соглашательским экономизмом, чем эти строки.

Беспомощное барахтание в волнах событий, полное неумение отдавать себе отчет в своих целях и задачах —вот что сквозит в них. В том тупике, в который залезли благодаря своему соглашательству Думпе и К о им нужен был какой-нибудь выход—какой все равно. Поэтому даже расстрел тех, которыми они руководили является каким то облегчением, потому что снимает с них всякую дальнейшую ответственность. „Гора с плеч свалилась", что может быть характернее для хвостизма, чем эта фраза при известии о расстреле своих собственных товарищей!

Но перейдем к тем, которые расстреливали. Получился скандал. Скандал во всяком случае общероссийский. Нужно было найти козла отпущения, каждому нужно было свалить с себя вину. Для этих настроений крайне характерна следующая шифрованная телеграмма начальника иркутского горного управления Оранского Тульчинскому от 14 июня: „должен вас предупредить вот о чем: здешний прокурорский надзор настроен против вас, а потому будьте осторожны, стараются все свалить на нас, чтобы защитить себя. Оранский"[3]). Думается, что к такому документу комментарии излишни. Имеются и другие, аналогичные, хотя и не столь красочные документы. При допросе, произведенном чиновником особых поручений при иркутгубернаторе Майшем, ротмистр Трещенков показал следующе:

„Я сделал все, что мог, чтобы спасти команду и не допустить разгрома. Единственно, чего не могу себе простить, это что не арестовал до сих пор Тульчинского; в этом со мной согласны все власти. Благодаря его

---

[1]) Тетрадь 2-я рукописи Э. Думпе, стр. 2.

[2]) Так как нам не придется в дальнейшем останавливаться на деятельности Думпе и К-о, мы сейчас считаем необходимым отметить невыясненность вопроса о выпуске во время забастовки гектографированных воззваний. О них сообщает Думпе. (См приложения, стр. 92 и 94). У Манухина в докладе говорится, что одно из этих воззваний содержало призыв «не доверять Тульчинскому, который меняет шкуру по сезону». (Кр. летопись, 1922, № 2—3, стр. 377). Едвали это мог написать Думпе. Сами же воззвания до нас не дошли.

[3]) Расшифрованный текст телеграммы (повидимому шифр был почтово-телеграфного ведомства) передан нам бывшим в то время заведующим бодайбинской почтово-телеграфной конторой гр. Булатевым,

разговорам с рабочими, последние обнаглели; он хотел даже, чтоб мы все выдали удостоверение рабочим, что Товарищество нарушило условие с ними, что они могут пред'явить иск. Команда всю ночь до шести была занята с нами арестом комитета, который прошел совершенно спокойно; в восемь часов утра, когда я был на Феодосиевском прииске, толпа держала себя вызывающе по отношению меня, позволяла себе оскорбления. Я отбыл оттуда с командой в 1 ч. 40 м. дня. Арест стачечного комитета я приказал бы, если бы и не получил телеграммы от Губернатора, так как имел предписание от Департамента Полиции немедленно ликвидировать стачечный комитет; я как жандармский офицер (хотя и назначенный Губернатором начальником полиции), не выхожу из подчинения своего прямого начальства. Тульчинский сам настаивал на аресте, а когда вернулся с Феодосиевского прииска то сказал, что это—форменный бунт“[1]).

Показания Преображенского записаны так: „считая виновным во всем происшедшем двух лиц Галкина и Тульчинского, высказал те-же соображения, что и Трещенков“[2]).

Тульчинский, между прочим, показал: „иногда Трещенков мешал мне своим присутствием. Администрация старалась вооружить рабочих против меня... После окончания стрельбы на меня нашел какой-то животный страх... Следующие два дня я попал под влияние Трещенкова, он меня никуда одного не отпускал, говоря, что отвечает за жизнь каждого, потом я, как религиозный человек, подумал что если Провидение оставило меня живым—то не для того, чтобы я скрыл истину, и выехал из Надеждинского прииска. У меня есть сведения, что полиция запрещала после этого являться рабочим ко мне и давать показания. Теперь все в подавленном состоянии и страхе“[3]).

В докладе Манухину, Тульчинский писал: „7-го, 8-го апреля завязалась глухая, тягостная борьба у окружного инженера с теми, кто хотели оправдать свои действия и

---

[1]) П. о. л. с., Приложения, стр. 136.
[2]) Там-же, стр. 137.
[3]) Там-же, стр. 135—136.

обвинить в тягчайшем преступлении, выведенных из душевного равновесия рабочих"[1]).

Не предполагая с самого начала давать прагматической истории забастовки, а желая только показать контуры нового подхода, мы менее всего собираемся подробно останавливаться на действиях правительственных лиц после расстрела. Читатели в приложениях найдут достаточно материала в этом отношении. Мы лишь отметим самое главное.

Тульчинский сначала подписавший телеграммы—по собственному заявлению—подсунутые ему Трещенковым, хотя, большинство этих телеграмм написаны им собственноручно, а потом взявший на себя роль обвинителя тех, кто подготовил расстрел[2]), так как нахождение его самого под пулями, естественно, избавило его от каких бы то ни было подозрений в этом направлении, всячески старается проявить весьма своеобразную инициативу. Так например, 18-го апреля он указывает Теппану, что пищевое довольствие следует выдавать только тем рабочим, которые при расчете получили „менее 18 рублей на одинокого и 30 руб. на семейного"[3]). Одновременно или на день позднее, Тульчинский санкционирует, вообще, расчет бастовавших[4]). Если мы примем во внимание, что эти распоряжения Тульчинского относились к моменту начала распутицы, т. е. иначе говоря, он оставлял на 1½ месяца без пропитания семейного рабочего, имеющего на руках всего-навсего 30 руб., то нам станет ясен смысл такого распоряжения. Об'яснялось оно в значительной мере тем, что Тульчинскому, благодаря полной отрезанности района не было известно о том размахе, какой получили отзвуки ленских событий. И поэтому неудивительно, что Трещенков (с передачей Тульчинскому) получил грозную телеграмму от Бантыша в чрезвычайно резкой форме, отменявшую все распоряжения о расчете и невыдаче продовольствия[5]). Неудивительно поэтому и то, что 23 апреля Правление Лензото, прекрасно, очевидно, по петербургским настроениям понявшее, что ставка на Трещенкова проиграна,

---

1) Приложения, стр. 72.
2) См. приложения №№ 33, 35, 37 и 39 к наст. копии, стр. 129—137.
3) Приложения, стр. 138—139.
4) Приложения, стр. 130.
5) Приложения, стр. 141—142.

шлет Теппану, копия Тульчинскому следующую телеграмму:

„Повторяем нашу настоятельную просьбу беспрекословно подчиняться всем распоряжениям Тульчинского. Все ваши действия строго согласовать его указаниям сообщать нам для сведения об отданных им распоряжениях и Вашем исполнении“[1]).

Читатели найдут в приложениях протокол своеобразного совещания пришедшего к выводу, что для успешной отправки рабочих с приисков нужен „батальон солдат и сотня казаков“[2]), особое мнение Тульчинского, считающего достаточным две роты солдат и сотню казаков[3]), читатели найдут также телеграмму Тульчинского, пытающегося отделаться от того неприятного человека (Самохвалова), который раскрыл перед рабочими близость Тульчинского к подготовке арестов[4]) и ознакомятся, наконец, уж с последними „уговариваниями“ Тульчинского. Дело в том, что 5 мая, Горный Департамент телеграфировал Тульчинскому:

„Ввиду командирования по Высочайшему повелению на Ленские прииски особого лица для производства подробного обследования всей обстановки события 4-го апреля и ближайшего изучения условий жизни и труда на приисках было бы весьма желательно чтобы вы постарались убедить рабочих встать на работу и возобновить нормальную жизнь на приисках, такая обстановка несомненно облегчит производство расследования“[5]).

Тульчинский получив эту телеграмму, принимается за уговаривания. Но эти майские переговоры, ни к чему реальному не привели[6]), хотя Тульчинский применял, очевидно довольно решительные приемы уговаривания, что видно хотя-бы из следующей телеграмы Горного Департамента от 12 мая:

„В газеты и члену Думы Скороходову выборным Ленских рабочих Пешковым прислана следующая телеграмма: 7 мая Окружный Инжерер об'явил нам полу-

---

1) Приложения, стр. 145.
2) Приложение № 48, стр. 142.
3) Приложения, стр. 145.
4) Приложение № 53, стр. 146.
5) Приложения, стр. 147.
6) См. приложения 55—62, стр. 148—156.

чении им телеграммы Петербурга Директора Горного Департамента. Директор предлагает нам приступить немедленно к работам, если не приступим работе, то первыми отбываемыми пароходами, около 12 мая, Ленэото будет вывозить нас до прибытия ревизионной комиссии. Окружной инженер пояснил, что если какое-либо сопротивление будет нашей стороны эвакуации пароходы, то будет употреблена воинская сила, оружие. Просим Вас убедительно употребить все меры оградить нас от этого последнего проилвола явно доказывающего, если это будет испознено с целью стушевать насколько возможно картину Ленских событий, если нас повезут насильно до прибытия сюда долгожданной нами ревизионной комиссии зачем тогда ее и ее прибытие, если приедет кого будет брать данные раскрытия, об'яснения Ленских событий, если нас не будет, если мы приступим работе, то этим замаскируем все поступки Лензото и властей от ревизионной комиссии. Выборный рабочий Лензото Пешков"[1]).

Правда, Тульчинский пытался опровергнуть это заявление и прибег даже к помощи осведомительного бюро, но не приходится сомневаться, что именно такова была сущность его выступлений.[2])

Тульчинскому убедить рабочих возобновить работу не удалось, но рабочие все таки до удовлетворения каких-бы то ни было требований приступили к работам, послушавшись призыва Манухина, указывавшего, что возобновление работ необходимо для правильности и удобства ревизии; произошло это несомненно, под влиянием адвокатов и оставшихся на свобоее соглашателей—вождей; хотя Керенский и К-о, в „Правде о Ленских событиях", доволно много бросает резких слов по адресу Манухина, они вынуждены признать, что как раз они сами и являются виновниками капитуляции рабочих. В „Правде о Ленских событиях" читаем:

Манухин хотел показать, что то, чего не могли достигнуть все местные власти, начиная от Тульчинского и кончая Генерал-Губернатором г. Князевым, т. е. убедить рабочих встать на работу, он совершит своим словом Царского посла. Его карта несомненно была бы бита, если бы

---

1) Приложение стр. 153. Для удобства читателей проставлены знаки препинания.

2) Срав, приложения № 59 и 60. См, также № 61, стр 155.

приехавшие к тому времени адвокаты не выступили на собраниях рабочих и не убедили их, что надо вставать временно на работу, чтобы выбить из рук противников рабочих упрек в упорстве и вместе с тем дать сенаторской ревизии возможность показать, что она может дать рабочим при тех условиях, которые она считала наилучшими для хода и результатов ревизии"[1]).

Конечно, это лишь жалкое, соглашательское об'яснение, самой определенной политики недоговаривания и срыва забастовки. У Бавыкина читаем:

„Приступили к работам только потому, что хотели показать, как трудно работать, для сенаторской ревизии, за необходимость приступить к работе высказался и Баташев"[2]).

Для того, чтобы нам не могли возразить, что такая квалификация деятельности адвокатов в момент ликвидации забастовки является искусственной, что она не считается с тогдашними конкретными условиями, мы приведем выдержку из передовицы „Сибири" от 14 июня 1912 г. Читаем:

„Следуя призыву г. Манухина, они временно прекратили свою борьбу с всесильным противником, борьбу, ради которой было принесено так много жертв и на которую они возлагали все свои надежды: надежды на улучшение каторжных условий своей жизни, надежды на восстановление полной силы закона, попранного ленским золотопромышленным товариществом, и, наконец, надежды на то, что вся правда ленской трагедии и кошмарного дела 4 апреля всплывет наружу и виновные понесут заслуженное возмездие.

Этот шаг является, несомненно, крупной уступкой со стороны рабочих. Уступкой кому?...

Сенатор Манухин, выступая в роли посредника выдал рабочим моральное обязательство, которое он в силу указанных соображений, быть может, и не сможет выполнить. Ибо противную сторону оно ровно ни к чему не обязывает. Значит, опять-таки все сводится к тому, захочет или не захочет внять дружественным советам г. Манухина ленское товарищество, все зависит, в конце концов, от его доброй воли, ибо постоянная угро-

---

[1]) Ц. о., л. с., стр. 97.

[2]) Приложения, стр. 106.

за миллионными потерями в виде забастовки—исчезла....

Какой же мир возможен при подобных условиях? Ясно, что не мира хочет ленское товарищество, а войны, беспощадной войны со старым составом рабочих."[1])

Таким образом смысл деятельности адвокатов, во главе с Керенским, на ленских приисках делается достаточно ясным.

В приложениях к „Правде о ленских событиях" имеется по этому поводу, еще один изумительный документ, написан он таким „истинно-русским языком", что его адресатом можно было бы счесть даже не Керенского, а доктора Дубровина и Пуришкевича. Приводим этот замечательный документ целиком:

„Благодарение Господам Юристам, Присяжным Поверенным от рабочих прииска Утесистого Лен. Т-ва.

Честь имеем покорнейше принести наше горячее искреннее русское спасибо много проработавшим благоденствием своим и горячею любовью своею ко всероссийскому вечно трудящемуся люду, за ваше человеколюбие. Вы по первому зову явились к нам как добрые гении, вы сумели осушить слезы вдов и сирот, погибших в борьбе за существование наших товарищей, за ваши понесенные непосильные труды с этим создавшимся в лице Лензота чудовищем, честь имеем преподнести свое горячее сердечное благодарение господам присяжным поверенным: Григорию Борисовичу Патушинскому, Александру Алексеевичу Тюшевскому, Александру Федоровичу Керенскому, Алексею Максимовичу Никитину и Сергею Артемьевичу Кобякову. Выезжая из города Бодайбо, мы, рабочие, считая себе в обязанность, с Божией помощью отслужили молебен об вашем, господа присяжные поверенные, отсутствии и долгой трудной дороге, чтобы дал Господь и вам и нам доброго здоровия вернуться на свою любящую всеми родину, а об оставшихся наших жалких безвинно пострадавших сотоварищах было провозглашено отцом духовным: во блаженном успении убиенных рабов Божиих вечная память. Повторяя слова „вечная память", невольно навертывались у каждого у нас слезы. Мы все были очень рады, мы знали, что вырвались как из вертепа разбойников—

[1]) «Сибирь» Иркутск, 14 июня 1912 года, № 135.

от этих мучителей и тех-же притеснителей того-же Ленэота. И еше мы очень рады, что удостоились ехать с нашими доблестными защитниками, которые и действительно посвятили всю свою жизнь стоять за правое дело. Мы твердо надеемся на ваше духовное могущество и с полной уверенностью в будущее, верим, что вы не побоитесь говорить и в дорогой нашей России ту сущую правду, которую мы вам поведали. Нам и священник сказал речь из книги Христа, когда он ехал по Черному морю и во время сна поднялась буря, и стали тонуть; Петр не вытерпел и вышел вон, и рече: спаси нас Господи, погибаем. Вот и мы тоже поняли из речи духовника, мы вас тоже стали просить: спасите нас многоуважаемые и доблестные защитники наши, а то мы погибаем в этом море, как в Лен. Зол. Т-ве. Вы и последовали как доблестные герои беззащитной всероссийской рабочей группе, и честь имеем благодарить вас всех вообще Григория Борисовича Патушинского, Александра Алексеевича Тюшевского, Александра Федоровича Керенского, Алексея Максимовича Никитина и Сергея Артемьевича Кобякова. Честь имеем провозгласить: Ура! Ура! Ура!—Команда Утесистого прииска Лен. Зол. Т-ва, выборные: Григорий Иванов Крайнов и Григорий Васильев Бавыкин.“ [1])

Документ этот подписан тем-же тов. Бавыкиным, с которым мы беседовали 3-го декабря 1923 года. Тов. Бавыкин нам рассказал, „кто писал благодарность адвокатам, а не помню. Было-ли собрание для вынесения благодарности я также не помню, но рабочих отношение к ним было хорошее.“ [2])

Это конечно, лучшая оценка этого „благодарения“. Для того чтобы охарактеризовать еще несколько, так сказать „стиль“ деятельности адвокатской братии, мы позволим себе привести следующую цитату из Думпе, ко времени от‘езда адвокатов привезенного в Бодайбо, и впредь до высылки, вместе со своими товарищами пользовавшегося известной свободой. Так вот у Думпе читаем: „Баташев в день от‘езда адвокатов был у них на прощальном обеде, пришел после 10 часов вечера

---

[1]) П. о. л. с. Приложения, стр. 101.
[2]) П. о. л. с., приложения, стр. 106.

на „веселе“ и нам сказал, что успел махнуть речь от нас всех и его угостили шампанским.“[1])

Думается, что трудно найти, что нибудь более характерное для такого трогательного союза этих гастролеров-меньшевиков и эс-эров в адвокатских фраках и архи-хвостистких вождей забастовки, чем этот бокал шампанского, с барского стола, выпитый, на кровавом фоне расстрела сотен тех, кто шел под пули, доверяясь соглашательской болтовне о „законности“ рабочего выступления при самодержавном режиме и его союзнике—капитализме.

В заключение-же настоящего очерка, цель которого мы считаем достигнутой, если внутри—движущие силы забастовки вырисовались достаточно определенно, если единый идеологический знаменатель—Думпе, Тульчинского и Керенского стал достаточно ясным в его об'ективном значении, мы приведем цитату из такого „солидного“ источника, как „Новое Время“, цитату характеризующую настроение рабочих, в момент извещения о тех уступках, которые были сделаны Лензото, под давлением Манухина

„Когда был выслушан проэкт договора и расценок, то толпа рабочих отнеслась к ним более, чем хладнокровно. Не останавливаясь на пунктах, явно свидетельствовавших, что забастовка не прошла бе результата в пользу рабочих, говорившие, со всею силой обрущивались на второстепенные пункты, дававшие возможность просто позубоскалить. Так очень иронически отнеслись к размерам дарового освещерия, принимаемого товариществом на себя. Чувствовалось, что люди говорят не по существу, но настроение было таково, что вперед можно было ожидать отрицательного вотума.

И действительно, он не замедлил появиться. Едва успел выборный прекратить чтение, как раздались голося: „Довольно, товарищи. Поработали на убийц... Видно, завтра не становиться уже на работу. Нечего нам ночным, в шахты идти“. Толпа загудела. Слышались одни слова негодования, заявления, что нельзя продаваться за десятипроцентную надбавку, что правды на земле не стало...

---

[1]) Тетрадь 2-я рукописи Думпе стр. 16.

Чувствовалось, что дело не в контракте, не в надбавках, а в чем-то другом, что нашло себе выражение на следующий день в речах безыскуственных ораторов. Выборный, однако, понизил настроение толпы, напомнив, собравшимся, что они составляют меньшинство, а потому нельзя еще принимать решение о невыходе на ночную смену. Необходимо, чтобы не обижать товарищей дождаться общего решения и затем только прекратить работу. Скрепя сердце, согласились подчиниться благоразумному призыву.

Когда оффициальное собрание было закрыто, я воспользовался тем, что меня с выборными в казарме обступила целая кучка рабочих, и стал распрашивать их, почему они не находят даже интересным, подвести итоги тому, чего они достигли. Мне ответили, что главное, что всех смущает, это всеобщее убеждение, что ленцы ничего не боятся: „Правды нет на свете".

Разве это порядок, ралве мы можем за десять процентов надбавки опять под начало тех стать, которые наших братьев под растрел подвели. Мы чаяли, что правду-то узнают и, что виновные будут удалены. А вышло не так. Не можем же мы с убийцами работать!"[1]).

---

[1]) «Новое Время», 10 сентября 1912 г, № 13110. Корреспонденция А. Богдановского.

Приложения.

Приложение № 1.[1]

Получено
3/III—1912 г.
№ 1296.

ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ
Господину Горному Инженеру Витимского
Горного Округа.

Передано 3/III выборными от рабочих на Андреевск. прииске с просьбой пред'идущее не считать. П. Александров.

Рабочих Андреевского, Васильевского и Утесистого прииска.

ПРОШЕНИЕ.

Просим г. Окружного Инженера разобрать дело рабочих Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков и резолюцию выехать об'явить в том, что Ленское Золотопромышленное Т-во не соблюдает свой контракт, который они нарушили нижеследующих вопросах и с чего рабочие прекратили работы.

В виду возникших недоразумений 28-го Февраля 1912 г. на Андреевском прииске Л. З. Т-ва между рабочими и продовольственной кухней не говоря о том, что рабочие всегда получают на кухне негодное мясо, в большинстве случаев с болячками и прочими не с'едобными частями, в виду чего и происходит повальное заболевание рабочих животами. И на все единичные заявления рабочих и просьбы выдавать лучшее мясо ответ один „не хочешь не бери“ или „ты дома и такого не видел“.

Наконец, кухонная администрация дошла до того, что 25-го Февраля вручила одному рабочему бычий член,

---

[1]) Дело канцелярии Окружного Инженера Витимского Горного Округа о забастовке рабочих на приисках Ленского Золотопромышленного Т-ва. По описи № 29, архив № 2663, 1912 г., (далее указываем кратко—Д. О. И.), т. I л. Это «прошение» помещено и в «Правде о Ленских событиях», приложение № 27, страница 64, но без отметки Окружного Инженера Александрова.

а другому такой же лошадиный со всеми принадлежащими ему частями.

При виде такого мяса у многих появилась сильная рвота в особенности у женщин.

На основании всего вышеизложенного рабочие решили принести общую жалобу и с этой целью 29 Февраля не вышли на работу.

Покорнейше просим Окружного Инженера:

1) Проконтролировать все мясо и негодное выбросить.

2) Разделить мясо по сортам и сообразно качества его установить цены с таким рассчетом, чтобы 3 фунта 1—2—3 сорта (по фунту каждого) сумма согласовалась с существующей за 3 фунта и выдавать разное количество разных сортов, таким образом уничтожится разница между служащими и рабочими в получении мяса за одну и ту же цену.

3) Вменить в обязанность служащим кухни не повторять „не хочешь не бери", так как все мы потребители равны, цены платим одинаково.

4) В амбарах и в магазине устроить сосуды для взвешивания продуктов, как-то: муки, картофеля и капусты, так как до сих пор на посуду употреблялось и практиковалось обвешивание.

5) Расширить больницу, так как доктор выписывает совершенно больных за неимением места, а на работе их заставляют исполнять работы как здоровых.

6) Внимательное отношение доктора к больным, сейчас практикуется обратное: пищу дают невозможную, белья больничного не хватает, лежат рабочие в своем белье отчего масса насекомых.

7) Сдельную работу каждого дня записывать в рабочую книжку при сдаче работы и если выработка по состоянию грунта не будет подана подсчитывать хозяйское.

8) Вменить в обязанность смотрителям следить за достаточным освещением шахт, лестниц и исправностью выкатов.

9). Вежливое обращение с рабочими служащих, на всякую просьбу освещения или чего другого они отвечают площадной бранью и оскорблением и таковые как г. г. Горелов, Феоктистов и Баженов превзошли других

и достаточно вывели из терпения рабочих, просим их удаления.

10) Выписывать не талоны по магазину, а деньгами по мере надобности и сообразно заработка.

11) Допустить выбранного от рабочих на кухню, который следил бы за правильной выдачей продуктов и соблюдением очередей и чтобы раз служащие пользуются кухней и за таковые цены и получали бы также продукты в очередь, а выборные от рабочих содержались за счет хозяев и сменялись по требованию рабочих.

12) Все дни потерянные в данном случае по вине администрации проводить как рабочие.

13) Являющиеся лица как депутаты от рабочих, а также и другие рабочие не должны быть преследуемы и расчитаны.

Приложение № 2[1].

Получено
6/III—1912 г.
№ 1403.

ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ
Господину Окружному Инженеру
Витимского Горного Округа.

Рабочих Андреевского, Утесистого и Васильевского прииска.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Начало возникшего конфликта между рабочими и продовольственной кухней произошло 25 февраля. Дело в том, что рабочие всегда получают никуда негодное и обрезанное мясо, если-же не обрезанное, то с разными болячками и тому подобными не съедобными частями, от которых происходят разные заболевания животами. Наконец 25 февраля одному из рабочих Завалину на кухне дали между прочими кусками лошадиный детородный член и выяснилось это 28 февраля, когда жена Завалина начала мыть для приготовления к обеду, при виде этого мяса у многих рабочих бывших дома, а особенно

[1]) Д. О. И.; т. I, л. 20. Появляется в печати впервые. (Считаем нужным указать, что нам неизвестно, какие приложения напечатаны в отчете Манухина. Ф. Г. и Я. Ш.).

у женщин началась рвота. Рабочему Быкову взявшему 10 фунтов одним куском попал весь кусок в 10 ф. лошадиное мясо, так, что сперва не было обращено внимания и была некоторая часть его с'едена, но после обнаружения лошадиного члена обратили больше внимания на мясо и выяснилось, что этот кусок лошадиное мясо. Бычьи-же детородные члены с атрибутами попадались неоднократно.

Ввиду того, что это не первый случай, а всегда рабочим выдается самое худшее мясо, что уже есть нарушение контракта, а также принимая во внимание и много других нарушений, рабочие Андреевского прииска решили 29 февраля принести общую жалобу, так как на все единичные заявления или запугивают расчетом или не обращают внимания и потому не вышли на работу.

Просим Господина Окружного Инженера:

1) Проконтролировать все мясные амбары и если оттуда за эти дни не уничтожено негодное мясо, то уничтожить.

2) Разделить годное мясо по сортам с таким расчетом, чтобы 3 фунта—1-2-3 сорта равнялись 3 фунтам существующей расценки и выдавать разных сортов поровну.

3) Расширить больницу, так как доктрор выписывает совершенно больных за неимением места (примечание) список больных и самые больные на лицо. Что не согласно с уставом о промышленности ст. 36.

4) На сдельные работы назначают цены не по соглашению, своему усмотрению (постройка пекарни и Васильевской электр. станции).

5) Расплачиваются по магазину купонами, а денег выдают очень мало (что не согласно с Уст. о пром. ст. 99 пр. 12 контр.)

6) Сдельную работу, где по состоянию грунта не возможно подать выработку, подсчитывают меньше поденной, и это в расчетных книжках не записывают, а проводят в табелях (что не согласно Устав. Горн. пр. 4 примечания 11).

7) Малолетки работают 10 часов и ночью, а на лошадях и более 10 часов (что несогласно с контрактом).

8) В расчетных книжках не отмечается о рабочих нанявшихся для какого-либо определенного мастерства (тогда как согласно контракту пункту первому должна быть сделана отметка).

9) Праздничные дни, когда дают свистки, если не выходят на работу, проводят самовольно льготный день и таким образом, если в предыдущий отдых он работал, за что ему должна быть проведена полуторная плата, таковая уничтожается, что случается и с больным.

10) В амбарах и на кухне приносимые мешки и сосуды для получения продуктов предварительно не взвешиваются н таким образом вес их идет в счет получаемых продуктов.

11) 29 Февраля Главноуправляющий г. Теппан напечатал об'явление, в котором об'являет нам, что относительно мяса у них заключен контракт с подрядчиками должен доставлять первосортное мясо, и что он, подрядчик таковое доставляет. Мы рабочие не знаем какое доставляет, но нам всегда выдают 4-го сорта и лошадиное.

Вот и все, что мы просили у Управления, принимая во внимание, что нарушение контракта произошло не по нашей вине, оно заставило нас продлить невыход на работу более 3-х дней.

Просим г. Окружного Инженера признать, есть ли нарушение контракта и право промышленности и др. прав о найме и отношении к рабочим со стороны Управления.

Получено
6/III—1912 г.
№ 1404.

Приложение № 3[1])

ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ

Окружному Инженеру Витимского Горного Округа.

Рабочих Пророко-Ильинского прииска Ленского Золото-промышленного Товарищества.

ЖАЛОБА.

1) Продовольственная лавка не соответствовала контракту. Продукты получаемыя нами, мясо, хлеб были недоброкачественные, хлеб совершенно из несеянной

---

[1]) Д. О. И., т. 1, л. 18. Появляется в печати впервые.

муки, с примесью всякого рода сора и даже рабочему Терехину попалась коврига хлеба с запеченной в ней крысой.

2) Мясо получаемое нами не делилось на сорта, а нам ставили в счет по цене I го сорта, при чем давали внутренности, голову, осердье, язык, почки, ноги и потрохи, выдавались не по расценке, а по весу мяса, голова за 7$^{1}/_{2}$ фун., осердье за 15 фун., сало-же как часть мяса и одинаковой стоимости выдавалось нам в ничтожном количестве и не иначе как с головой или осердьем, а чаще всего сало рабочим не отпускалось вовсе, не смотря на то, что худшая часть туши скота выдавали только исключительно рабочим. Но между прочим служащим выдавали во всякое время и в каком угодно количестве, тогда как рабочим отказывали и выдавали только тогда как начинало портиться.

3) Картофель и капуста не заготовлялась для нас в достаточном количестве и при том картофель выдавался мерзлый и гнилой с примесью земли и всякого рода сора. Капуста нам выдается очень редко, так как она не запасается, а если и выдается, то только как негодная для служащих: вообще овощь делится на два сорта, I-го сорта с‘едобное предназначается для служащих, худшая же для нас рабочих, для чего призывают женщин сортировать.

4) Рыба выдается не доброкачественная, а если бывала доброго качества, то с‘едалась служащими.

5) В корпусах, где мы живем, страдаем от недостаточного количества воздуха и дневного света, так как печь где мы готовим пищу не разделена от нашего жилища, то во время стряпни задыхаемся от кашля и кашель доходит до рвоты от чаду. В зимнее время не вставляются двойные рамы, то получается испарение и случаются часто заболевания от простуды. Пазы в стенах не законопачены от чего в зимнее время дует ветер и леденеют стены, вследствие чего не только заболевают но и умирают наши дети, заболевают и взрослые.

6) Нам вменяют в обязанность выходить на работу в четыре часа, а в 5-м часу уже кончается раскомандировка, как в шахте, так и наверху, но если мы опоздаем на 15—20 минут, то нас выгоняют на верховые работы, а если работаем на верху, то гонят домой и

пишут „прогул“. Спуск в шахту нигде не освещается до самого низа, утром приходится спускаться с инструментом в руках; случалось вырывались инструменты из рук и летали в низ; так как в это время бадьи не ходят и приходится ощупью в темноте лезть с осторожностью, чтобы не упасть, отчего происходит замедление и скопление рабочих людей на лестницах, но если опоздаешь, то выгоняют на верховые работы, резонов никаких не принимают. Скудость освещения сказывается везде, как по штольне, так и в забоях, забойщикам выдают по две свечи восьмириковых, если не хватит, то больше не выдают, случается при более сложных работах, как например набор и пробивка палей и при маскировке (палей) кумполов приходится жечь по 2 свечи, но если обращаемся с просьбой дать еще свечку, то предлагают покупать на деньги. Работы производятся по усмотрению служащих, причем приходилось многим работать по 15 и 20 дней, в мерзлом забое, где подсчитывали с выработки по 50 и 40 коп. в день. На скале и мерзлоте работали на отряд хозяйского жалованья не проводили. Когда работали на скале и мерзлом забое, обращались к служащим, чтобы они нам сказали сколько мы заработали, то всегда от всех получали один и тот же ответ, „узнаешь, когда получишь книжку“, „знай работай“. В забоях более слабых нам не дают палей, а если и дают, то случается редко, только тогда как засыпают забои и часто нас самих При данных условиях подать выработку нет возможности и нам в общем подсчитывают по 30 и 35 рублей в месяц. Если работали на канавах, то для поощрения говорили нам, что проведут по 1 руб. 90 коп. в день, а между тем проводили обыкновенную поторжную плату по 1 руб. 35 коп. Вообще при всех работах как забойных, так и поторжных все служащие без исключения обращались с нами очень резко и грубо. В особенности в этом превзошли всякие вообще человеческие пределы: управляющиий Кобылянский, смотритель Иевлев, служащие Бегузаров, Баранов, Островский, старший слесарь Винберг, старший плотник Карпов, кузнец 1-го разряда Василенко, которых просим удалить. На верховых работах, как-то: на свалке вагонеток, свальщикам вагонеток оставявшимся на работах сверхурочные работы для передвижки

пути в обед и вечером не проводились сверхурочные работы. Для плотников, тоже не было никакой очереди сменяемости работ, при чем одни зарабатывали на содержание, инструмента им хозяйского не давали никакого, и они покупали на свои деньги, но при первом маловажном проступке Карпов прогонял в горные работы и инструмент оказывался нам не нужен.

7) Наших жен гоняли на работы, за что нередко случалось не проводилось жалованье, после же справлялись, но администрация посылала туда, где работали женщины, а те обратно к надворному. При чем те служащие к которым присылались наши жены и дочери глумились над ними, в случае отказа мужей посылать на работы грозили последним расчетом.

8) Плата производится нам не все деньгами, а в большинстве талонами, при чем требуемых предметов не оказывается в магазине и нам приходится забирать совершенно ненужными предметами, ввиду того, что с остальной суммы не выдается сдачи деньгами.

9) Прежде выписка производилась по амбару, но потом начали выдавать в магазине, где цены на товар и предметы первой необходимости выше амбарной цены и таксы.

В виду всех притеснений и нарушений договора Управлением Ленского Золотопромышленного Товарищества, мы решили прекратить работы до тех пор, пока не будут удовлетворены все наши требования.

Приложение № 4[1])

Получено
6/III—1912 г.
14 № 1399.

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДИЮ
Господину Горному Инженеру и Господину Горному Исправнику Витимского Горного Округа.

ЖАЛОБА

Команда Утесистого прииска Л. З. Т-ва при сем заявляет свои личные жалобы;

1) Выдача провизии производится нам в ограниченном количестве на которое мы не можем удовлетворить свои необходимые потребности.

[1]) Д. О. И., т. I, л. 29. Появляется в печати впервые.

2) Работы производятся в очень в затруднительном размере которые мы не можем выполнить не смотря с нашей стороны на все усилия, во-вторых за не исполнимые через посильные работы накладают штраф и запугивают в будущем куском хлеба, а потом действия смотрителя насильственно нахально прежде чем либо об'яснить рабочему работу он наносит ругательным словом оскорбление чем и вводит рабочих в разстроенное состояние.

3) Рабочие, если выведенные из терпения ищут себе защиты у Вашего Начальства, то по этому поводу смотритель на раскомандировке, т. е. во время сбора рабочих на работе он та осмеивают, а Ваше начальство на это не обращает внимание.

4) Со стороны управления полное несоблюдение сигналов по контракту, первый сигнал подается четверть шестого, а второй в шесть, но рабочие уже работают, а затем обеденный перерыв нам дается полтора часа по рассмотрению смотрителя дается один час, вечером почти до семи не смотря на расстояние дальной ходьбы приблизительно двух верст.

5) А также в шахте забои находятся не в одинаковом виде, а так как в некоторых рабочие могут хорошо заработать, а в других почти нет возможности работать, то смотритель не согласуется с этим хотя-бы рабочим и желательно работать по очереди дня по два или по три, но смотритель делает совсем насупротив, а вторые закаты, т. е. готовые добытые пески дают на урок глазомерно, а если таковую по невозможности не оканчивают, то штрафуют когда удается окончить употребляя на это последние свои силы, то после еще дают еще добавочный урок, т. е. как раз до свистка.

6) А также у Вас еще находятся и мокрые работы, работа в них производится тоже 12 часов с промежутком обеденного времени, а плата производится также как и в сухих работах.

7) Также свечи смотритель выдает на раскомандировке в ограниченном количестве, а например до 2 или 2½ свечи, которых не всегда хватает, а главное потому-что на лестницах совершенная темнота, рабочие рискуя ушибиться должны освещаться этим, а также найти что-нибудь для работы стойки или маскировки по недостаточному рабочие освещают этими-же свечами, а ког-

да обратится за добавочным, то получает оскорбление разными ругательными словами, освещение работ не остаточно.

8) В забоях мы употребляем все свои силы на задольное разстояние катки не можем их выполнить, так как за дальную катку нам подсчитывают не ценя нашего труда.

9) А также нас насилуют, чтобы мы работали в праздники но ввиду трудности работ и малых подсчетов мы за конторой иметь не можем, а потому нам отказывают от выписки говоря, что не ходите работать в праздники.

10) А также и то как в шахте работы производятся до семи часов вечера, то верховые работы производятся до восьми часов без всякой добавки жалованья, а во-вторых рабочий, который получил повреждение или ушиб, по распоряжению Управления фельдшер не проводит больным, Управление не проводит больничную плату и вдобавок представляют к расчету, а также в шахте у Вас производятся поторжные работы, за которые мы получаем по 1 руб. 35 к., а тежду тем у смотрителя не имеется никакой инструкции о плате.

11) В виду этих притеснений команда приостановила работы, и готова их тот-час-же приступить к работам, если Управление утовлетворит их просьбу и жалобу, а главное поправить подсчет, отменить от работ смотрителя Якова Синцова при котором команда не желает быть на работе. Затем еще просят прекратить сигналы подающиеся в праздник и выгон насильственно на работу, ввиду того, что разные ушибы и увечья в праздничные дни остаются без внимания. При сей жалобе команда подписывается.

Получено
6/III—1912 г.
№ 1400.

Приложение 5[1])

СОВЕТ ВЫБОРНЫХ

рабочих приисков: Феодосиевского, Александровского, Надеждинского, Пророко-Ильинского, Васильевского, Андреевского, Утесистого от прииска Иннокентьевского.

ЗАЯВЛЕНИЕ РАБОЧИХ.

1) Увольнение продовольственной администрации.

2) Увольнение Господина Управляющего прииском за его грубое и несправедливое обращение с рабочими и даже был случай бил рабочего Парватова № 10026 при исполнении его работ, который и после этого неоднократно обращался за медицинской помощью в больницу.

3) Увольнение служащих Дмитрия Новоселова за ложное показание на пальщика Берестенко № 10,062, как будто-бы взял 4 патрона динамиту из за чего и была сделана поверка динамита, оказался весь на счету и за грубое обращение со всеми рабочими и угрожением расчета, а сына его Иннокентия Новоселова за его малолетство и неумение обращения горной работы и с рабочими.

Надворного за его грубое обращение нехорошими словами жену слесаря Свиридова и со всеми обращался фактически: рабочего Нестерова № 10176 во время точки хлеборезного ножа с малолетней девочкой, надворный приходит к точилу и нанес сильным ударом Нестерова, так что он упал от толчка, при этом деле был рабочий Поляков.

4) Горные работы исполняются несогласно контракта, мокрые работы был подсчет по 70 коп. поденщина с отряда, а если же на хозяйском, то проводят забои не мокрым, а сухим, и при чем №№ и фамилии рабочих: № 10161 Белоглазов, 10092 Косенков Михаил, 10023 Косенков Андриан, 10095 Половников, 10103 Павел Белоглазов, 10154 Логинов, 10072 Безгодов, 10062 Семенов и прочие рабочие.

---

[1]) Д. О. И., т. I, л. 31. Появляется в печати впервые.

Кожанов и кожанных шаровар нет, освещение скудное, лестницы совершенно не освещены, а выката вовсе ни к чему не годятся, катка породы невозможная, ленточек нет, тачечника в шахте нет, а работы принудительные и натужные.

Работы при отвозке песков по железной дороге тоже натужные, лошади с большим трудом вывозят вагонетки с породой и всегда был застой подачи песков. Очистка штольни в шахте не производится по распоряжению Управляющего прииском, дорога была не очищена для проезда во время перевозки паровиков и задавило рабочего человека Ковина, его оттащили в сторону, а паровик продолжали вести еще саж. 20. Через два дня он умер, жена и 2-е детей оставшиеся от него; Управление ей заявило, что бы она выбиралась из квартиры и выписку по продовольствию малолетних детей не дают. Потом сделало пробои голов смотрителю и рабочему Грасенкову и № 10135, так как при спуске леса должны быть предохранительные сетки, их нет и потому обрывается лес при спуске, причиною которой и было это несчастие, они были отвезены в больницу по разнице, смотрителю дали место в больнице, а рабочему и нет, отослали его в номера за неимением места и до сего время до рабочего медицинская помощь не доходит.

Баня по команде малая и топка производится редко (в месяц раза 2 или 3).

В случае необходимой надобности лошадей, в церковь или в больницу становой не разрешает. Причина материального, всегда производится обвес провизии рабочего и выдают только от 6 час. до 8 час. утра, мясо и вообще всю провизию, что есть хуже то и рабочим, а лучше служащим, а жаловаться никак нельзя, Управление не обращает внимания. Относительно достачи воды имеется одна прорубь для употребления питья и пищи и в ней же полощут белье, вода идет из шахты в которой рабочие и испражняются и мочатся, а чистая вода от наших казарм сажен (150) сто пятьдесят и подвозка воды в зимнее время не производится, № 10104 Косыгин заявляет в Сентябре месяце был в шахте забойщиком и ушибло мне камнем в ногу и пролежал 12 дней больным и за эти дни жалованье не было проведено.

Мы, вся команда Иннокентьевского прииска просят уволить всех нижеозначенных лиц, как-то: Управляющего прииском Инженера Власова, станового Перфильева за его личные капризы, надворного Осинцева, материального Ведерникова и Новоселовых обоих отца с сыном.

Приложенис № 6[1]).

Собранием рабочих Л. З. Т. Утесистым, Андреевским, Васильевским, Пророк-Ильинским, Александровским, Надеждинским и Феодосиевским приисков от 3 марта сего года постановлено: прекратить работы до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех рабочих.

Что время забастовки должно писаться как рабочее время—т. е. поденно;

Что время забастовки не должно ставиться в вину забастовавшим, так как эта последняя вызвана насущнейшей необходимостью неудовлетворенных вопросов, которые ставятся в голову требований.

Получено 6/III—1912 г. в 2½ ч. дня от выборных и разбирались на заседании в народном доме. П. Александров. № 1401.

НАШИ ТРЕБОВАНИЯ.

1) Во все время забастовки продовольствие по кухне должно выдаваться по обыкновению.

2) Продовольствие с кухни должно выдаваться на равных условиях со служащими Все продукты на кухне должны выдаваться в присутствии уполномоченных, которые назначаются рабочими того района, в котором предстоит выписка.

Что мясо должно делиться на два сорта.

Квас должен быть в летнее время за счет Л. З. Т.

Хлеб ржаной должен быть сеянный.

Картофель должен быть обязательно.

---

[1]) Д. О. И., т. I, л. 34. «Наши требования» напечатаны и в П. О. Л. С., стр. 65, прил. № 28, но без отметки Александрова.

Капуста должна быть тоже обязательной, в виду того, что она предохраняет от цынги.

3) Расширение квартир с достаточным количеством воздуха, с безплатным освещением, холостым одна комната на двоих и семейному одна комната.

4) Отдельные помещения—прачешная и сушилка.

а) Рабочие нанявшиеся по профессии не должны посылаться в ту область труда, где не требуются их профессиональные знания, а также и горнорабочим должны установить очередную сменяемость работ.

б) Ни один рабочий не должен увольняться в зимнее время. Увольнения должны быть летом, и при том-же должен быть выдан безплатный проезд с семьей до Жигалова.

в) Если-же администрация увольняет рабочего, то должна расчитать по закону.

5) а) 8-ми часовой рабочий день. Предпраздничные дни по 7 часов, воскресные и двунадесятые праздники работать необязательно, а считать эти дни льготными, если же в эти дни производится работа, то должно с 6 часов утра до 1 часа дня писать их за полтора дня.

б) Неурочное время должно оплачиваться за первые 2 часа три часа, а за последующие часы, за каждый 1 час два часа.

6) Существующая такса должна быть увеличена пропорционально платы до 2 руб. 30% до 2 р. 50 к. 20% и свыше 10%, а для горнорабочих отрядные работы не принудительны, а по взаимному соглашению

Всем без исключения рабочим и мастеровым добавить жалованье по 30%.

7) а) Каждый день должен вывешиваться табель с отметкою проработанного дня, а также и по окончании месяца, в табели должен быть подсчет за целый месяц.

б) Горнорабочим должны выдаваться ежедневно ярлыки на выработку.

8) Уплата заработка должна производиться ежемесячно и полностью, в конторе мастерской и на стану, при чем получатель должен расписаться в табели и сумме, каковую он получил.

9) Выписка по амбару для мастеровых должна производиться тремя днями раньше горнорабочих.

10) Отмена штрафов.

11) Выделить полнейшую автономию вахтовых, которые должны подчиняться только механической администрации, чтобы служащие горнорабочих не вмешивались в дела электро-паровых машин. Трехсменная вахта по 8 часов в сутки.

12) Всем рабочим и мастеровым не должна сбавляться поденная плата. Рабочим командированным на дальнее разстояние должен платиться полуторный оклад.

13) По первому требованию больного должна явиться медицинская помощь. Болезнь рабочего по вине Ленского Т-ва оплачивается поденною платой и болезнь вообще полднем до дня выздоровления. Обязательная выдача удостоверений больным.

14) Что бы администрация не увольняла по личным капризам, а делала это с ведома рабочей комиссии.

15) Непринужденность женского труда.

16) Вежливое обращение администрации, рабочих не называть на „ты", а на „Вы".

17) Устранение административных лиц:

Утесистого прииска: Якова Синцова смотр. шахты.
Андреевского прииска: смотрителя Горелова.
Пророко Ильинского: Управляющего Кобылянского, смотрителя Иевлева, служащего Бегузарова.
Александровского прииска: смотрителя Костина, Казакова, Бр. Кузнецовых, Шебеко, Инженера Савельева, Станового Анельгольм и служащих: Токарева, Коморникова, Пестякова.
Надеждинского прииска: Заведывающего мастерской А. Демут.
Феодосиевского прииска: Станового Станкинас, Инженера Броминского, смотрителя Киржанович, П. Русакова, кассира Кон-ры, обходного Бормина, Штейнер, плотнич. мастера Макарова и Горшунова.

За время забастовки никто не должен пострадать.

О ГАРАНТИИ ВЫБОРНЫХ:

1) Что-бы делегатам от всех забастовавших приисков было предоставлено право, на премя переговоров пользоваться безплатным проездом по железной дороге от ст. Феодосиевской до ст. Бодайбо, а ровно и на лошадях.

2) Чтобы Управление Л. З. Т-ва снеслось бы с местной полицией о гарантии свободы делегатам.

3) Что-бы на время забастовки выборным был предоставлен народный дом.

4) Чтобы административной властью не назначались на работы отдельные лица, предварительно не испросив разрешения у делегатов:

Мы хотим, чтобы забастовка носила миролюбивый характер, а по этому заявляем; если будут применены карательные меры к нашим уполномоченным, тогда мы снимаем всех рабочих с работ.

Получено
20/III—1912 г.
№ 1528.

Приложение № 7[1]).

Господину Окружному Инженеру
Олекминского Округа.

З А Я В Л Е Н И Е.

Рабочих II дистанции Ленского Золотопромышленного Товарищества. Договор о найме и Горный Устав нарушен. Мы ожидая следственной комиссии—в целях обнаружения злоупотреблений со стороны Ленского Золотопромышленного Товарищества нейдем на работу, хотим полного расчета по день нашей наемки и вывоза до жилого места. Расчета, как такового нам не производит Л. З., то мы прося Вашего вмешательства требуем: От Ленского Товарищества выполнения 10 пункта правил о выдаче продовольствия, просим письменного ответа без которого мы не можем возвратиться к пославшим нас.

Рабочие II дистанции Л. З. Т.
20 Марта 1912 года.

РАБОЧИМ II ДИСТАНЦИИ.

На заявление рабочих от 20 Марта 1912 г. относительно выдачи пищевого довольствия тем из бывших рабочих Ленского Т-ва, которые не имеют по книжкам никаких додач раз'ясняю:

1) Никакой следственной комиссии на прииска не послано, подобное дело решится или соглашением рабо-

---

[1]) Д. О. И., т. I, л. 37. Заявление и ответ напечатаны в П. О. Л. С., прил. №№ 43 и 44, стр. 70—71.

чих с Управлением, или же судом по отдельным искам каждого недовольного рабочего.

2) Пункт 10 правил внутреннего распорядка относится только к работающим, которые еще имеют заработок, но не к лицам прекратившим уже работы.

3) На запрос мой Управлению о возможности выдачи пищевого довольствия должникам или неимеющим додач, Ленское Т-во ответило, что оно может отпускать им довольствие только в том случае, если казна примет за свой счет стоимость отпущенных упомянутым лицам припасов.

Так как я, как Окружный Инженер, не имею права от имени казны входить с кем либо в денежные обязательства, то мною по этому вопросу сегодня-же будет послан срочный запрос г. Губернатору.

5) Мне сообщали, что забастовщики обещали прокармливать неимущих за свой счет или же неимущим выйти на работы для отработки своего пищевого довольствия и добавили, что для Ленского Т-ва необходимо немедленно приступить к исправлению сплоток и к проведению ледяных канав, иначе весенней водой все работы может затопить и дело прекратится вследствии стихийного бедствия и все работы будут прекращены (см. ст. 41 правил найма страница 15 расчетной книжки.)

20 марта, 1912 г. 8 час. вечера.

Окружный Инженер АЛЕКСАНДРОВ.

Приложение № 8[1]).

Получено
21/III-1912 г.
№ 1533

Господину Окружному Инженеру
Олекминского Горного Округа.

Рабочих II дистанции Л. З. Т-ва.

1) Рабочими от Андреевского, Утесистого и Васильевского приисков было заявлено о выполнении горного устава или же взаимного соглашения Ленск. Золотопром. Товариществом о сокращении рабочего дня, увеличения заработной платы и проч., при чем выяснилось, что на-

---

1) Д. О. И., т. I, л. 38. Появляется в печати впервые.

рушившая сторона, то должна была или же произвести полный разсчет по день наемки или удовлетворения пред'явленных требований Ленскому Золотопромышленному Товариществу.

2) Л. З. Т-во отклонило переговоры с рабочими, что и подтверждал подписью Окружного Инженера; якобы „окончательно выяснилось, что увеличение заработной платы и сокращение рабочего времени не выполнимы“.

3) От 10 Марта 1912 г. чрез Горного Исправника Витимского Округа об'явлено, „что Горным Департаментом поручено Окружному Инженеру произвести расследование“.

4) Заявлением рабочих II дистанции от 20/III 1912 г. было заявлено Окружному Инженеру, что мы ожидая следственной комиссии, в целях обнаружения злоупотреблений со стороны Ленского Зол. Т-ва, нейдем на работы и т. д“.

5) Следствие не производится, и мы требуем чрез Окружного Инженера опять выполнения 10 пункта правил о выдаче продовольствия.

Мы рабочие II дистанции знаем, что согласно 106 ст. Гор. Устав Ленское Товарищество нарушило договор и что мы по день наемки считаем себя не „бывшими рабочими Ленск. Золот. Тов-ва“; а просто рабочими и требуем от Л. З. Т-ва выполнения 10 пункта правил как потерпевшая сторона—желающая законных выполнений. 21/III—1912 г. Рабочие II дист. Л. З. Т-ва.

Приложение № 9[1]).

АКТ.

Я Окружный Инженер Статский Советник Александров 21 марта 1912 года составил акт этот в следующем: 1) по моим личным наблюдениям при посещении казарм рабочих невыдача пищевого довольствия Управлением Ленского Т-ва рабочим-должникам весьма раздражает всех рабочих и ввиду наступления праздника Пасхи может вызвать озлобление и перейдти в открытые насилия. 2) Подавление открытых насилий кровопролитием

[1]) Д. О. И., т. I, л. 39. Появляется в печати впервые.

нахожу безусловно нежелательным и благоприятный исход этого подавления ввиду разбросанности приисков Ленского Т-ва на протяжении 250 верст неосуществимым. А потому на основании вышеизложенного в дополнение моего предложения от 21 марта за № 12 постановил: предложить Управлению промыслами Ленского Т-ва впредь до особых распоряжений выдавать пищевое довольствие рабочим-должникам в размере, указанном в п. 10 правил внутреннего распорядка, в течении семи дней. Сверху вписано „благоприятный“ тому верить. Окружный Инженер Олекминского горного округа П. Александров. Изложенное в акте мнение вполне разделяю. Горный Исправник А. Галкин.

Приложение № 10[1]).

Телеграммы Промыслового Управления Лензото—Петербургскому правлению.

ПЕТЕРБУРГ,
ЭЛЬЗОТО, БЕЛОЗЕРОВУ.

Забастовка, после того как рабочие узнали содержание телеграммы Правления видимо принимает угрожающий характер. Видна хорошая организация. Слух угрозе привести в негодность действие запасных водоотливных средств, амбар и мастерские. Местная администрация держится в стороне. Окружный инженер был только на Андреевском. Прибывший из Бодайбо исправник разрешает рабочим общее собрание, только сегодня приехал на Надеждинский, помощи от него ожидать нельзя. Большая необходимость ознакомить Петербург, Иркутск администрацию с положением дел. Уступки рабочим не допустимы. Безусловно необходима усиленная команда срочная командировка из Киренска. На почте очень ловко узнать о чем было телеграфировано Теппан, Смит, Цинберг, Самохвалов, Кабылянский, Савельев.

---

[1]) Настоящие телеграммы были впервые напечатаны в однодневном журнале Бодайбинского Укома РКП, выпущенном к десятилетию 4 апреля 1912 г., под названием «Ленские Дни», в количестве 500 экземпляров. Телеграммы были там напечатаны чрезвычайно небрежно, даже без указания точных дат. Первую телеграмму можно отвести к 5 марта 1912 г., ввиду указания на непосещение еще Александровым Надеждинского прииска.

ПЕТЕРБУРГ,

ЭЛЬЗОТО, БЕЛОЗЕРОВУ,

4 апреля рабочие стали собираться группами о чем то совещаться. Постановлено требовать раз'яснений не то Окружного Инженера не то Начальника полиции. Приказания расходиться не исполнялись. Появились подстрекатели. Утром 4 на 5-е апреля рабочие у канцелярии Окружного Инженера и с ним об'яснения в резкой форме. Требуя освобождения арестованных распоряжением следователя. Грозя итти в Бодайбо разбивать тюрьму. 4 апреля толпа рабочих собралась около конторы Феодосиевской и конторы 2 дистанции требуя немедленного рассчета причем рабочие вели себя столь беспокойно что контору пришлось закрыть. Прибывшего Феодосиевского начальника полиции встретили очень враждебно, так что он был вынужден возвратиться в воинскую команду. И тогда рабочие уходят в свои номера. Около 6-ти часов вечера большая толпа рабочих Андреевского, Васильевского, Прокопьевского, Александро Невского пр. пр. двинулась по направлению к Феодосиевскому. Воинская команда была вызвана из Нардома, к толпе начальником полиции был послан стражник с предупреждением не ходить мимо Нардома, а итти мимо механической. Толпа окружила стражника и продолжала двигаться вперед. Видя это, начальник полиции пошел также к толпе, предлагая ей, что бы она не ходила Со стороны железной дороги к толпе пошел Окружный Инженер с целью уговорить рабочих итти другой дорогой. Часть толпы окружила Окружного Инженера и стражника, воинская команда была вынуждена сделать залп. Толпа вся легла, но через несколько секунд бросилась к воинской команде и лишь после третьего залпа стала разбегаться. Окружный Инженер оказался невредимым. По слухам рабочие предполагали отнять оружие у солдат и разбить Бодайбинскую тюрьму и все прииска. Теперь на приисках спокойно. Теппан. 83. 4/IV. 10 часов вечера".

Приложение № 11[1]

Сопоставление главы под названием „Период прекращения работ и обстоятельства его сопровождавшие“ доклада Окружного Инженера К. Тульчинского сенатору Манухину от 20 июня 1912 г. и „Воспоминаний Окружного Инженера“ К. Тульчинского, напечатанных в „Сибирском Горнорабочем“, изд Сиббюро Ц.К.В.С.Г, Сибугля и Лензолото, за №№ 4—6.

---

[1]) Печатаемая нами впервые часть доклада К. Н. Тульчинского, помещена в т. III Д. О. И., под особой нумерацией, стр. 35—60, «Воспоминания Окружного Инженера» в «Сибирском Горнорабочем», 1922 г. №№ 4—6, стр. 21—26.

В подлиннике копия доклада оставленная у себя в делах К. Тульчинским, испещрена множеством карандашных исправлений. Если читать текст доклада с этими исправлениями, то он в точности соответствует тексту статьи для «Сибирского Горнорабочего». Итак ясно, что статья это явилась результатом переделки доклада.

Мы не отличали разницу между докладом и статьей в плоскости стилистической и бытовой, естественно, проистекавшей из того, что первый был работой царского чиновника. вторая-же написана в советское время для прессы, но мы курсивом обозначали разницу *по существу*.

В целях удобства сопоставления, мы печатаем доклад только на четных, статью только на нечетных страницах книги, и размещаем части их соответственно их содержанию.

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

ПЕРИОД ПРЕКРАЩЕНИЯ РАБОТ

и обстоятельства, его сопровождавшие.

Окружный Инженер возвратился в Бодайбо из поездки в С.-Петербург 22 марта с. г., а потому нижеследующее описание с начала прекращения работ изложено им по имеющимся у него данным из дел канцелярии округа.

Замещавший Окружного Инженера на время его отсутствия Ст. Сов. Александров находился по делам службы в своем Округе, когда рабочие Андреевского прииска Ленского Товарищества в числе 715 человек не вышли с утра 29 февраля с. г. на работы, положив тем начало последующему прекращению работ на соседних приисках,—Утесистого, рабочие которого числом 229 ч. не вышли на работу после обеда того же числа; 160 рабочих Васильевского прииска не вышли на работу 1-го марта с. г.

Первоначальное расследование причин прекращения работ рабочими начал производить, за отсутствием Окружного Инженера Александрова, Горный Исправник Галкин.

Рабочие Андреевского прииска в первый момент невыхода своего на работы мотивировали его получением плохого качества мяса.

2-го марта прекратили работы рабочие Нижняго Приискового Управления.

В ночь на 3-е марта прибыл из Олекминского Округа в Витимский на Успенский пр. Окружный Инженер Ст. Сов. Александров, к каковому времени прекратили работы все рабочие Ленского Товарищества по обоим Округам Витимскому и Олекминскому.

В это время И. об. Главноуправляющаго промыслами выпускается об'явление следующего содержания:

„29-го февраля 1912 года рабочие Андреевского прииска не вышли на работы с утренней раскомандировки. Для об'яснения с прибывшим Горным Исправником рабочие избрали депутацию, которая заявила что команда,

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1912 г.

4 АПРЕЛЯ 1912 ГОДА.

(Воспоминания Окружного Инженера).

В качестве Окружного Инженера Витимского Горного Округа, мне пришлось возвратиться в Бодайбо из поездки *по делам службы* в Петроград 22 марта 1912 г., а потому описание начала забастовки на приисках Ленского Товарищества изложено мною по имеющимся у меня данным из дел Канцелярии Округа.

Замещавший меня Окружный Инженер соседнего Олекминского Горного округа—Александров находился в своем Округе, когда рабочие Андреевского прииска Ленского Товарищества в числе 715 человек не вышли с утра 29 февраля 1912 г. на работы, положив тем начало последующему прекращению работ на соседних приисках—Утесистого, рабочие которого числом 229 чел. не вышли на работу после обеда того-же числа; 160 рабочих Васильевского прииска не вышли на работу 1-го марта 1912 года,

Первоначальное расследование причин прекращена работ рабочими начал производить, за отстутствием Окружного Инженера Александрова—Горный Исправник Галкин.

Рабочие Андреевского прииска в первый момент невыхода своего на работы мотивировали его получением плохого качества мяса.

2-го марта прекратили работы рабочие Нижнего приискового Управления.

В ночь на 3-е марта прибыл из Олекминского Округа в Витимский на Успенский пр. Окружной Инженер Александров, к каковому времени прекратили работы все рабочие Ленского Товарищества по обоим Округам Витимскому и Олекминскому.

В это время И. об. Главноуправляющего промыслами Горным Инженером Теппаном выпускается об‘явление следующего содержания:

„29 февраля 1912 года рабочие Андреевского прииска не вышли на работы с утренней раскомандировки. Для об‘яснения с прибывшим Горным Исправником рабочие избрали депутацию, которая заявила, что команда

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

рабочих не одобрила составленное ранее на имя г. Исправника заявление, и что будет составлено другое. Из переговоров с отдельными рабочими выяснилось, что главным мотивом неудовольствия является сделанное кем то заявление команде, что при получении им из артельной кухни скотского мяса, в нем оказалась прибавка конскаго, из чего команда рабочих делает вывод, что и все, вообще, мясо в Ленском Т-ве не скотское, а конское. В об'яснение этого Промысловое Управление доводит до сведения рабочих, что Промысловым Управлением заключены договора с подрядчиками на поставку для нужд Ленского Т ва исключительно скотского мяса первого сорта. Приемка мяса производится комиссией из материального и депутатов, мясо принимается возможно тщательно, все сомнительное по своему качеству бракуется и приемке в амбары Ленского Т-ва не допускается."

„Главное Промысловое Управление обращается к благоразумию рабочих и предлагает им немедленно приступить к рабстам. Все свои неудовольствия рабочие всегда могут сообщить приисковому Управлению, которое на все здравые и исполнимые заявления само идет на встречу рабочим. В настоящем случае рабочим следует, не прерывая хода обычных работ спокойно, обсудить созданное ими положение, все свои неудовольствия изложить письменно и подать или промысловому Управлению или чинам правительственного надзора Окружному Инженеру или Горному Исправнику. Это единственный законный путь. Самовольный же не выход рабочих на работы в течении трех дней может иметь последствием массовый рассчет рабочих, согласно „Правил о Найме Рабочих."

6 марта поступило на имя Окружного Инженера Витимского Горного Округа заявление за № 57 Главного Управления промыслами Ленского Товарищества, за подписью И. д. Главноуправляющего Горного Инженера Теппана и И. д. Главного Промыслового Бухгалтера Качера, которое, как особо важное по внутреннему своему значению признания Ленским Товариществом неисполнения им в отношении рабочих того, что требуется законом, привожу здесь целиком:

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирский Горнорабочий“ в 1922 г.

рабочих не одобрила составленное ранее на имя Исправника заявление, и что будет составлено другое. Из переговоров с отдельными рабочими выяснилось, что главным мотивом неудовольствием является сделанное кем-то заявление команде, что при получении им из артельной кухни скотского мяса, в нем оказалось прибавка конского, из чего команда рабочих делает вывод, что и все вообще мясо в Ленском Т-ве не скотское, а конское. В об'яснение этого Промысловое Управление доводит до сведения рабочих, что Промысловым Управлением заключены договора с подрядчиками на доставку для нужд Ленского Т-ва исключительно скотского мяса первого сорта. Приемка мяса производится комиссиею из материального и депутатов, мясо принимается возможно тщательно, все сомнительное по своему качеству бракуется и приемке в амбары Ленского Т-ва не допускается.“

„Главное Промысловое Управление обращается к благоразумию рабочих и предлагает им немедленно приступить к работам. Все свои неудовольствия рабочие всегда могут сообщить приисковому Управлению, которое на все здравые и исполнимые заявления само идет на встречу рабочим. В настоящем случае рабочим следует не прерывая хода обычных работ, спокойно обсудить созданное им положение, все свои неудовольствия изложить письменно и подать или промысловому Управлению или чинам правительственного надзора Окружному Инженеру или Горному Исправнику. Это единственный законный путь. Самовольный же невыход рабочих на работы в течении трех дней может иметь последствием массовой расчет рабочих, согласно „Правил о Найме Рабочих“.

6 марта 1922 года поступило на имя Окружного Инженера Витимского Горного Округа заявление Главного Управления промыслами Ленского Товарищества, которое, как особо важное по внутреннему своему значению признания Ленским Товариществом неисполнения им в отношении рабочих того, что требуется законом, приводится здесь целиком.

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

„При сем имею честь сообщить Вашему Высокородию список тех пунктов требований рабочих, которые С.-Петербургское Правление нашло возможным удовлетворить:

1) Продовольствие на кухне будет выдаваться на равных условиях со служащими и при выдаче разрешается присутствовать выборному от рабочих. Для мастеровых выписка будет производиться в особые дни.

2) Хлеб будет из просеянной муки. Картофель и капуста будут заготовляться в достаточном количестве:

3) Казармы будут устраиваться согласно обязательных постановлений Горнозаводского Присутствия. Средина казарм и корридоры будут освещаться за счет дела.

4) Горнорабочим установить очередную сменяемость работ. На работы рабочие будут назначаться согласно профессии отмеченной ими в контракте.

5) Увольняемые рабочие будут удовлетворяться расчетом по закону.

6) Каждый день будут вывешиваться табель с отметкой проработанного каждым дня и с подсчетом за целый месяц. Горнорабочим будут выдаваться ярлыки ежедневной выработки.

7) Вахтовые будут подчинены исключительно механической администрации.

8) Медицинская помощь будет оказываться без промедления.

9) Женщин не будут наряжать на работы принудительно, последнее будет делаться только в случаях недостатка желающих.

10) Служащим будет вменено в обязанность обращаться с рабочими вежливо. Жалобы их внимательно выслушивать и законные претензии удовлетворять“.

6-го же марта вручается Окружному Инженеру Ст. Сов. Александрову на Надеждинском прииске постановление от 3 марта рабочих Утесистого, Андреевского, Васильевского, Пророко-Ильинского, Александровского, Надеждинского и Феодосиевского приисков, разбиравшееся на заседании 6-го марта в Народном Доме на Надеждинском прииске.

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем" в 1922 г.

„При сем имею честь сообщить Вашему Высокородию список тех пунктов требований рабочих, которые С.-Петербургское Правление нашло возможным удовлетворить:

1) Продовольствие на кухне будет выдаваться на равных условиях со служащими и при выдаче разрешается присутствовать выборному от рабочих. Для мастеровых выписка будет производиться в особые дни.

2) Хлеб будет из просеянной муки. Картофель и капуста будет заготовляться в достаточном количестве.

3) Казармы будут устраиваться согласно обязательных постановлений Горнозаводского Присутствия. Средина казарм и корридоры будут освещатся за счет дела

4) Горнорабочим установить очередную сменяемость работ. На работы рабочие будут назначаться согласно профессии, отмеченной ими в контракте.

5) Увольняемые рабочие будут удовлетворяться расчетом по закону.

6) Каждый день будет вывешиваться табель с отметкой проработанного каждым дня с подсчетом за целый месяц. Горнорабочим будут выдаваться ярлыки ежедневной выработки.

7) Вахтовые будут подчинены исключительно механической администрации.

8) Медицинская помощь будет оказываться без промедления.

9) Женщин не будут наряжать на работы принудительно, последнее будет делаться только в случаях недостатка женщин желающих.

10) Служащим будет вменено в обязанность обращаться с рабочими вежливо. Жалобы их внимательно выслушивать и законные претензии удовлетворять."

6-го же марта 1912 г. вручается Окружному Иженеру Александрову на Надеждинском прииске постановление от 3 марта рабочих Утесистого, Андреевского, Васильевского, Пророко-Ильинского, Александровского, Надеждинского и Феодосиевского приисков, разбиравшееся на заседании выборных от рабочих 6-го марта в Народном Доме на Надеждинском прииске.

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

4-го марта получена была от С.-Петербургского Правления на имя г. Теппана следующая срочная телеграмма:

„Ответ 376 сговорившись Белозеровым решили согласиться осветить середину казарм и проходы за счет дела точка Ни кого из забастовавших не расчитывать не только до лета но и до срока контракта если станут на работу вторник и будут дальше вести себя спокойно и исполнять все пункты договора точка Остальные требования отклоняем точка Если команда не примет этих условий не станет на работу вторник то произведите полный расчет прекратите водоотливы“.

На основании письма Главного Управления промыслами Ленского Товарищества от 6 марта за № 57 Окружным Инженером Ст. Сов. Александровым было выпущено 7 марта особое об‘явление рабочим о согласии, со стороны С.-Петербургского Правления Ленского Товарищества принять часть требования рабочих по десяти пунктам об‘явления.

На запрос Г. Иркутского Губернатора от 5 марта о положении дел забастовки о принятых мерах охраны и о предложениях Окружного Инженера и Горного Исправника к ликвидированию возможных безпорядков, оба они ответили 8 марта следующей телеграммой:

„Забастовка продолжается. Предложенные Лензотом условия рабочие находят недостаточными. Насилий пока нет но положение каждым днем принимает угрожающий характер. Средств достаточных ликвидирования могущих возникнуть безпорядков на местах не имеется. Бодайбинская команда подкрепление тридцати приняла запасных пятьдесят солдат. Горнополицейской стражи сто человек разбросанных разных местах и находящихся при исполнении текущих обязанностей. Прииски Олекминского Окртга совершенно беззащитны. Стражи приисках Лензота 24 человека. Установить правильную охрану наличными сидами совершенно невозможно. По слухам рабочие намерены не работать не принимать разсчета и насильственно оставаться до весны. Находим необходимым немедленную присылку на прииска Киренс-

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем" в 1922 г.

Перед этим 4-го марта получена была от Петроградского Правления на имя Теппана следующая срочная телеграмма:

„Ответ 376 сговорившись с Белозеровым решили согласиться осветить середину казарм и проходы за счет дела точка Никого из забастовавших не рассчитывать не только до лета, но и до срока контракта, если станут на работу во вторник и будут дальше вести себя спокойно и исполнять все пункты договора точка Остальные требования отклоняем точка Если команда не примет этих условий и не станет на работу во вторник, то произведите полный рассчет, прекратите водоотливы".

На основании письма Главного Управления промыслами Ленского Товарищества от 6 марта за № 57 Окружным Инженером Александровым было выпущено 7 марта особое об'явление рабочим о согласии со стороны Петроградского Правления Ленского Товарищества принять часть требования рабочих по десяти пунктам об'явления.

На запрос Иркутского Губернатора от 5 марта о положении забастовки о принятых мерах охраны и о предположениях Окружного Инженера и Горного Исправника к ликвидированию возможных безпорядков, оба они ответили 8 марта следующей телеграммой:

„Забастовка продолжается. Предложенные Лензотом условия рабочие находят недостаточными. Насилий пока нет, но положение каждым днем принимает угрожающий характер. Средств достаточных ликвидирования, могущих возникнуть безпорядков, на местах не имеется. Бодайбинская команда, подкрепление тридцати, приняла запасных пятьдесят солдат. Горнополицейской стражи сто человек, разбросанных разных местах и находящихся при исполнении текущих обязанностей. Прииски Олекминского Округа совершенно беззащитны. Стражи на приисках Лензото 34 человека. Установить правильную охрану наличными силами совершенно невозможно. По слухам рабочие намерены не работать, не принимать расчета и насильственно оставаться до весны. Находим необходимым немедленную присылку на прииски из Ки-

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

ска роты а крайнем случае не менее ста. Прошу указаний как действовать. Расходы по перевозке и содержанию солдат Лензото принимает свой счет. Лензото просит выдворить приисков отказавшихся рабочих чего при наличных силах выполнить невозможно. Копию просим передать Горному Управлению. Указание только что полученной Вашей телеграмме возможность высылка Киренска только пятидесяти человек совершенно недостаточно для охраны имущества личностей приисков прочего двух округах разстоянии свыше двухсот верст. Начальник Бодайбинской Команды находит имеющихся его распоряжении солдат с прибавлением только пятидесяти недостаточным подавления безпорядков во всех пунктах. По окончании переговоров рабочим был об'явлен последний срок для выхода на работы восьмого марта никто не вышел".

8-го марта получается Окружным Инженером Ст. Сов. Александровым срочная телеграмма от С.-Петербургского Правления следующего характерного содержания:

„Просим разрешить Теппану собрать рабочих на каждом прииске и оказать ему содействие личным присутствием к об'явлению следующего ответа правления на полученную им от рабочих телеграмму точка Соберите каждом прииске всех рабочих прочтите им следующий ответ Правление всегда принимало и дальше будет принимать меры обеспечению доброкачественности выдаваемых припасов улучшению быта рабочих никоим образом не допустит каких либо злоупотреблений но изменить условие найма не может просит не слушатся главарей сбивающих вас с пути и спокойно приняться за работу обезпечивающую Вам Вашим семьям вполне достаточный заработок в то время как по всей Сибири и значительной части России народ голодает точка Если же будете упорствовать и слушаться неблагонамеренных людей Правление в силу необходимости будет вынуждено остановить дело за убыточностью его".

С другой стороны рабочие просят высшую власть о вмешательстве, телеграфирухт об этом Горному Департаменту, заявляя ряд требований:

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1622 г.

ренска роты, а крайнем случае не менее ста. Прошу указаний, как действовать Расходы по перевозке и содержанию солдат Лензото принимает на свой счет. Лензото просит выдворить с приисков, отказавшихся рабочих, чего при наличных силах выполнить невозможно. Копию просим передать Горному Управлению. Указание только что полученной Вашей телеграмме возможность высылки Киренска только пятидесяти человек совершенно недостаточно для охраны имущества личностей, приисков, прочего двух горных округах, разстоянии свыше двух сот верст. Начальник Бодайбинской команды находит имеющихся его распоряжении солдат, с прибавлением только пятидесяти, недостаточным подавления безпорядков во всех пунктах. По окончании переговоров рабочим был об'явлен последний срок для выхода на работы восьмого марта, никто не вышел“.

8-го марта получается Окружным Инженером Александровым срочная телеграмма от Петроградского Правления следующего характерного содержания:

„Просим разрешить Теппану собрать рабочих на каждом прииске и оказать ему содействие личным присутствием к об'явлению следующего ответа Правления на полученную им от рабочих телеграмму точка Соберите каждом прииске всех рабочих, прочтите им следущий ответ Правление всегда принимало и дальше будет принимать меры к обезпечению доброкачественности выдаваемых припасов, улучшению быта рабочих, никоим образом не допустит каких либо злоупотреблений, но изменить условия найма не может, просит не слушаться главарей, сбивающих вас с пути и спокойно приняться за работу, обезпечивающую Вам, Вашим семьям вполне достаточный заработок в то время, как по всей Сибири и значительной части России народ голодает точка Если же будете упорствовать и слушаться неблагонамеренных людей, Правление в силу необходимости будет вынуждено остановить дело за убыточностью его“.

С другой стороны рабочие просили высшую власть о вмешательстве, телеграфировали об этом Горному Департаменту, заявляя ряд „требований.

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

Первое доброкачественное продовольствие, второе гигиенические жилища, третье исполнение только тех обязанностей на которые нанялся рабочий, четвертое расчитывать не зимой а летом, пятое безплатный проезд до Жигалова, шестое восьми часовой рабочий день в мокрых забоях и проч, седьмое праздничный отдых, восьмое праздники полуторное вознаграждение, девятое прибавка жалованья 30 процентов, десятое ежемесячная уплата деньгами а не талонами, одинадцатое отмена штрафов, двенадцатое медицинская помощь, тринадцатое введение старост, четырнадцатое непринуждение женского труда, пятнадцатое вежливое обращение, шестнадцатое уволнение служащих вызвавших забастовку, семнадцатое злоупотребления в шахтах которые управление желает скрыть прекратив водоотлив.

10 марта Окружный Инженер Ст. Сов. Александров и Горный Исправник Галкин телеграфируют Г. Иркутскому Губернатору:

„Телеграмму девятого марта докладываем забастовка продолжается, резкого проявления безпорядков нет. Меры убеждения не действуют ибо стачка хорошо организована дисциплина твердая Тоже положение дел выжидательное, рабочие строго наблюдают за собой, дабы не был нарушен порядок точка Меры охраны принимаются водка вывезена Бодайбо динамит свезен одно место охраняется кроме приискового караула стражниками. У магазинов складов контор выставлены полицейские караулы. Причины забастовки желание повысить рабочую плату ослабить суровость режима добиться более внимательного отношения Управления нуждам рабочих точка Отпуск пищевых продуктов пока продолжается но управление высказывает намерение прекратить таковой рабочим должникам и остальным отпускать на наличные деньги точка Рабочие имеют за Управлением около 370000 р. заработанных текущую операцию. Должников около двух сот пятидесяти. Имеющих за конторой не более десяти рублей до четырех сот. По заявлению Управления деньги для расчета рабочих имеются на лицо. Прекращение

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем" в 1922 г.

„Первое, доброкачественное продовольствие; второе, гигиенические жилища; третье, исполнение только тех обязанностей, на которые нанялся рабочий; четвертое, расчитывать не зимой, а летом; пятое, бесплатный проезд до Жигалова; шестое, восьми часовой рабочий день в мокрых забоях и проч; седьмое, праздничный отдых; восьмое, в праздники полуторное вознаграждение; девятое, прибавка жалованья в 30 процентов; десятое, ежемесячная уплата деньгами, а не талонами; одинадцатое, отмена штрафов; двенадцатое, надлежащая медицинская помощь; тринадцатое, введение старост; четырнадцатое, непринуждение женского труда; пятнадцатое, вежливое обращение; шестнадцатое, увольнение служащих вызвавших забастовку; семнадцатое, злоупотребление в шахтах, которые управление желает скрыть, прекратив водоотлив.

10 Марта Окружный Инженер Александров и Горный Исправник Галкин телеграфировали Иркутскому Губернатору:

„На телеграмму девятого марта докладываем забастовка продолжается, резкого проявления безпорядков нет. Меры убеждения не действуют, ибо стачка хорошо организована дисциплина твердая. Тоже положение дел выжидательное, рабочие строго наблюдают за собой дабы не был нарушен порядок. Меры охраны принимаются, водка вывезена в Бодайбо, динамит свезен в одно место, охраняется кроме приискового караула, стражниками. У магазинов, складов, контор выставлены полицейские караулы. Причина забастовки, желание повысить рабочую плату, ослабить суровость режима, добиться более внимательного отношения Управления и к нуждам рабочих. Отпуск пищевых продуктов пока продолжается, но управление высказывает намерение прекратить таковой рабочим, должникам, а остальным отпускать на наличные деньги. Рабочие имеют за управлением около 370000 р., заработанных в текущую операцию. Должников около двух сот пятидесяти, имеющих за конторой не более десяти рублей до четырех сот. По заявлению Управления деньги для расчета рабочих имеются на ли-

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

рабочим отпуска продуктов находим пока рискованным копию телеграммы просим передать Горное Управление".

Сделанные Ленским Товариществом уступки по об'явлению Окружного Инженера Ст. Сов. Александрова от 7 марта рабочих не удовлетворили, так как было отвергнуто С.-Петербургским правлением главное их требование о повышении заработной платы, вследствие чего переговоры Промыслового Управления с рабочими временно прекратились, рабочие смирно засели в казармах, Промысловое же Управление приступило к выселению их из занимаемых казарм путем пред'явления к Мировым Судьям исков о выселении и дальнейшего затем их отправления в Киренск.

12-го марта поступает на имя Окружного Инженера общее заявление рабочих с приисков Андреевского, Васильевского, Утесистого и Иннокентьевского, прилагаемое к копии.

15-го марта Окружный Инженер ст. сов. Александров и Горный Исправник Галкин между прочим доносят о мирном течении забастовки, полагая справедливым хотя бы небольшое увеличение заработной платы при условии выхода рабочих на работу.

По донесениям Заведывающих Приисковыми Управлениями Ленского Товарищества в это время бастовало рабочих:

1.	По Феодосиевскому	Управлению	. 1925	чел.
2.	„ Нижнему	„	. 1100	„
3.	„ Прокопьевскому	„	. 570	„
4.	„ Андреевскому	„	. 950	„
5.	„ Иннокентьевскому	„	. 148	„
	Всего около		. 4700	чел.

Вввиду нежелания Промыслового Управления Ленского Товарищества отпускать пищевые продукты должникам рабочим, Окружным Инженером ст. сов. Александровым, во избежание нежелательных осложнений, в виду наступления дней Св. Пасхи, было предложено Главному Промысловому Управлению производить отпуск

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

цо. Прекращение рабочим отпуска продуктов находим пока рискованным, копию телеграммы просим передать в Горное Управление.“

Сделанные Ленским Товариществом уступки, по об‘явлению Окружного Инженера Алексанрова от 7 марта, рабочих не удовлетворили, так как было отвергнуто Петроградским Правлением, главное их требование о повышении заработной платы, вследствие чего переговоры Промыслового Управления с рабочими временно прекратились, рабочие смирно засели в казармах. Промысловое же Управление приступило к выселению их из занимаемых казарм путем пред‘явления к Мировым Судьям исков о выселении и дальнейщего, затем их отправления в Киренск.

12-го марта поступило на имя Окружного Инженера общее заявление рабочих с приисков Андреевского, Васильевского, Утесистого и Иннокентьевского.

15-го марта Окружный Инженер Александров и Горный Исправник Галкин, между прочим, доносили о мирном течении забастовки, полагая справедливым, хотя бы небольшое увеличение заработной платы—условия выхода рабочих на работу.

По донесениям Заведывающих Приисковыми Управлениями Ленского Товарищества в это время бастовало рабочих;

1.	По Феодосьевскому	Управлению . .	1925	чел.
2.	„ Нижнему . . .	„	1100	„
3.	„ Прокопьевскому	„	570	„
4.	„ Андреевскому	„	950	„
5.	„ Иннокентьевскому	„	148	„
		Всего около . . .	4700	„

Ввиду пожелания Промыслового Управления Ленского Товарищества отпускать пищевые продукты должникам рабочим, Окружным Инженером Александровым, во избежание нежелательных осложнений, ввиду наступления дней св. Пасхи было предложено Главному Промысловому Управлению производить отпуск пищевых про-

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

пищевых продуктов в течении недели, с предупреждением, в случае уклонения от предложения Окружного Инженера, отнесения всей ответственности за могущие произойти безпорядки, в случае невыдачи к Св. Пасхе необходимых продуктов продовольствия, на Ленское Товарищество.

Затем принудительная выдача пищевого довольствия бастующим рабочим, в устранение могущих быть осложнений, благодаря отрезанности золотопромышленного района вследствие наступившей весенней распутицы, была подтверждена г. Иркутским Губернатором и продолжена впредь до выяснения дальнейших обстоятельств.

Окружный Инженер, немедленно выехав из С-Петербурга, как только стало ему известно прекращение работ рабочими на приисках Ленского Товарищества, прибыл во вверенный ему Округ 22 марта.

При проезде через Иркутск Окружный Инженер получил 11—12 марта от г. Иркутского Губернатора и г. Начальника Иркутского Горного Управления вполне определенные указания, по которым, по прибытии в Округ, Окружный Инженер обязывался приложить все усилия к тому, чтобы привести к миролюбивому, путем взаимных уступок соглашению Главное Управление промыслами Ленского Товарищества и приисковых рабочих, продолжавших бастовать с первых чисел марта сего года.

По прибытию Окружного Инженера 22 марта (Великий Четверг) на Успенский прииск, места его постоянного пребывания, после 8½ суток безостановочной, крайне утомительной по зимнему пути езды от Иркутска до Бодайбо, Окружный Инженер на 23 марта образовал, под своим председательством, особое Совещание для обсуждения создавшегося положения, вызванного забастовкой рабочих на приисках Ленского Товарищества, для выработки необходимых мер к скорейшему созданию нормального течения промысловой жизни.

В Совещании приняли участие: Окружный Инженер Олекминского Горного Округа Александров, Горный

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

дуктов в течении недели с предупреждением, в случае уклонения от предложения Окружного Инженера, отнесения всей ответственности за могущие произойти беспорядки, в случае невыдачи к празднику необходимых продуктов продовольствия, на Ленское Товарищество.

Затем принудительная выдача пищевого довольствия бастующим рабочим, в устранение могущих быть осложнений, благодаря отрезанности золотопромышленного района вследствие наступившей весенней распутицы, была подтверждена Иркутским Губернатором и продолжена впредь до выяснения дальнейших обстоятельств.

Немедленно выехав из Петрограда, как только стало мне известно прекращение работ рабочими на приисках Ленского Товарищества, я прибыл в Округ 22 Марта.

При проезде через Иркутск я получил 11-12 марта от Иркутского Губернатора и Начальника Иркутского Горного Управления вполне определенные указания, по которым, по прибытии в Округ, я обязывался приложить все усилия к тому, чтобы привести к миролюбивому, путем взаимных уступок, соглашению Главное Управление промыслами Ленского Товарищества и приисковых рабочих, продолжавших бастовать с первых чисел марта 1912 года.

По прибытии моем, 22 марта (Великий Четверг) на Успенский прииск, место моего постоянного пребывания, после $8^1/_2$ суток безостановочной, крайне утомительной по зимнему пути езды от Иркутска до Бодайбо, я на 23 марта образовал, под своим председательством особое совещание для обсуждения создавшегося положения и для выработки необходимых мер к скорейшему созданию нормального течения промысловой жизни.

В этом совещании приняли участие администра-тивные лица округа и Ленского Товарищества, в лице

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

Исправник Галкин, Помощник Начальника Иркутского Губернского Жандармского Управления Ротмистр Трещенков, Начальник Бодайбинской местной Команды Капитан Лепин, Мировой Судья Рейн, И об. Главноуправляющего промыслами Горный Инженер Теппан и Начальник 2-й дистанции Савинов.

На этом Совещании Ленское Товарищество, в лице г.г. Теппана и Савинова из'явило согласие принять всех рабочих обратно на работу, если бы Окружному Инженеру удалось убедить рабочих встать на работу, при условии приступа рабочих к работам не позднее, согласно заявлению г. Теппана, 1-го апреля и, кроме того совершенно никаких уступок рабочим.

В это же время Окружным Инженером была получена прилагаемая в копии телеграмма Г. Иркутского Губернатора от 21 марта, частью зашифрованная, дававшая хоть какую-либо определенную почву для дальнейших переговоров с рабочими.

На следующий день 24 марта назначена была беседа с выборными от рабочих, которых к Окружному Инженеру в помещение его Канцелярии явилось по особому к ним об'явлению около 60 чел., при чем среди выборных были женщины, подавшие особо во время беседы Окружному Инженеру свою жалобу.

Беседа Окружного Инженера с выборными от рабочих продолжалась в течении свыше семи часов. При условии встать на работы не позже 1 го апреля Окружным Инженером даны были выборным от рабочих заверения в выполнении следующих четырнадцати условий:

Первое, прием Ленским Товариществом всех рабочих по новым договорам; второе, удовлетворение претензий рабочих, на каковое получено согласие Ленского Товарищества, о чем об'явлено 7 марта Окружным Инженером Александровым; третье, оставление Ленским Товариществом права рабочим пред'являть к нему иски за нарушение прежнего договора; четвертое, срочное исхлопотание Окружным Инженером восьмичасовой работы в мокрых забоях, на вахтах и проч. в порядке п. 4 Инст-

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

И. об. Главноуправляющего промыслами Горного Инженера Теппана и Начальника 2-й дистанции Савинова, из'явило согласие принять всех рабочих обратно на работу, если бы мне удалось убедить рабочих стать на работу, при условии приступа рабочих к работам не позднее, согласно заявлению Теппана 1-го Апреля и, кроме этого—совершенно никаких уступок рабочим.

В то же время мною была получена телеграмма Иркутского Губернатора от 21 марта, в которой он сообщал, что он настаивает на увеличение заработной платы для рабочих, эта телеграмма давала мне определенную почву для дальнейших переговоров с рабочими.

На следующий день 24 марта назначена была беседа с выборными от рабочих, которых в помещении Канцелярии Окружного Инженера явилось по особому к ним об'явлению около 60 чел., при чем среди выборных были женщины подавшие особо во время беседы мне, как Окружному Инженеру, свою жалобу.

Первое, прием Ленским Товариществом всех рабочих по новым договорам; второе, удовлетворение претензий рабочих, на каковое получено согласие Ленского Товарищества о чем об'явлено 7 марта Окружным Инженером Александровым; третье, оставление Ленским Товариществом права рабочим пред'являть к нему иски за нарушение прежнего договора; четвертое, срочное исхлопотание Окружным Инженером восьми часовой работы в мокрых забоях, на вахтах и проч. в порядке п. 4 Инст-

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

рукция 8 декабря 1897 г. по применению на горных заводах и промыслах Закона 2 июня 1897 г. о продолжительности и распределении рабочего времени; пятое, снабжение за счет Ленского Товарищества в мокрых забоях рабочих непромокаемым платьем и обувью; шестое, запрещение Окружным Инженером Приисковым Управлениям выдач в счет заработка причитающихся заработанных денег при посредстве талонов на получение товаров из приисковых магазинов; седьмое, уплата по добровольному соглашению за сверхурочные необязательные в дни отдыхов работы; восьмое, зачет времени ходьбы от удаленных казарм к месту работ за время работы; девятое, тщательное наблюдение со стороны Окружного Инженера за верным подсчетом заработка в расчетных книжках и расследование неправильных подсчетов; десятое, выдача разсчетных книжек по окончании срока найма на руки рабочих; одинадцатое, размещение холостых отдельно от семейных; двенадцатое, предоставление права рабочим привлекать служащих к суду за оскорбления без опасения быть за это уволенным; тринадцатое, исправная уплата увечным рабочим за больные дни; четырнадцатое, неуклонное наблюдение со стороны Окружного Инженера за точным исполнением Приисковыми Управлениями Ленского Товарищества подлежащих узаконений и изданных в развитие их Обязательных Постановлений.

Выборные от рабочих разошлись от Окружного Инженера видимо удовлетворенные и обещались уговорить остальных рабочих встать на работы на изложенных условиях.

Целый день 26 марта велись переговоры Окружным Инженером непосредственно с рабочими Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков. Рабочие названных приисков просили письменного изложения всех пунктов соглашения и, кроме того, заключения Окружного Инженера о нарушении договора по вине Ленского Товарищества.

26 марта в особом образованном Окружным Инженером Совещании он просил совета у Мирового Судьи

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

рукция 8 декабря 1897 г. по применению на горных заводах и промыслах Закона 3 июня 1897 г. о продолжительности и распределении рабочего времени; пятое, снабжение за счет Ленского Товарищества в мокрых забоях рабочих непромокаемым платьем и обувью; шестое, запрещение Окружным Инженером Приисковым Управлениям выдач в счет заработка причитающихся заработанных денег при посредстве талонов на получение товаров из приисковых магазинов; седьмое, уплата по добровольному соглашению за сверхурочные необязательные в дни отдыхов работы; восьмое, зачет времени ходьбы от отдаленных казарм к месту работ за время работы; девятое, тщательное наблюдение со стороны Окружного Инженера за верным подсчетом заработка в расчетных книжках и расследование неправильных подсчетов; десятое, выдача расчетных книжек по окончании срока найма на руки рабочих; одинадцатое, размещение холостых отдельно от семейных; двенадцатое, предоставление права рабочим привлекать служащих к суду за оскорбление без опасения быть за это уволенным; тринадцатое исправная уплата увечным рабочим за больные дни; четырнадцатое, неуклонное наблюдение со стороны Окружного Инженера за точным исполнением Приисковыми Управлениями Ленского Товарищества подлежащих узаконений изданных р развитие их Обязательных Постановлений“.

Выборные от рабочих разошлись и обещались переговорить с остальными рабочими о возобновлении работ на изложенных условиях.

Целый день 26 марта велись мною переговоры непосредственно с рабочими Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков. Рабочие названных приисков просили письменного изложения всех пунктов соглашения и кроме того, заключения Окружного Инженера о нарушении договора по вине Ленского Товарищества.

26 марта в особом образованном мною Совещании я просил Совета у Мирового Судьи Хитуна и Товарища

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

Хитуна и Товарища Прокурора Преображенского о возможности выигрыша иска рабочими по ст. ст. 44 и 45 Правил о найме на золотые промыслы и о праве Окружного Инженера выдачи просимого рабочими заключения. Окружному Инженеру указанными лицами было раз'яснено, что окончательное решение по вопросу о нарушении договора может вынести только Суд, но что Окружный Инженер может дать свое заключение, как свидетель эксперт.

Имея на руках телеграмму о состоявшемся 17—19 марта Постановлении Присутствия по горнозаводским делам при Иркутском Горном Управлении, Окружный Инженер и предполагал выдавать, в случае пред'явления рабочими исков, соответствующее заключение, о чем и об'явил Андреевским рабочим, но рабочие стали отказываться от пред'явления исков, выставляя невозможность судиться с хозяином, раз они будут находиться на работе.

От выдачи указанных заключений пришлось впоследствии отказаться, так как вскоре (30 марта) получена была телеграмма от Директора Горного Департамента действ. ст. сов. Иванова (Приложение № 36), в которой между прочим отмечалось, что данные г. Министром Торговли и Промышленности прошлым летом через Управлявшего Горным Департаментом ст. сов. Разумова (письмо 11 июля 1909 г. за № 9) указания совершенно не усвоены Окружным Инженером, т. е. другими словами, Окружный Инженер продолжает отстаивать, будто-бы только интересы рабочих, а интересы предприятия игнорирует. Означенная телеграмма в весьма значительной степени стеснила дальнейшие беседы Окружного Инженера с рабочими, в которых он убеждал их встать на работу, отняв от этих бесед значительную долю искренности, а следовательно, убедительности.

В этом отношении большим стеснением для Окружного Инженера явилось также присутствие на приисках жандармского офицера, с первых же дней своего прибытия (22 марта) в Округ решившего, что забастовка имеет характер политический. *Ротмистр Терещенков завел*

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

Прокурора Прокурора Преображенского о возможности выигрыша иска рабочими по ст. ст. 44 и 45 Правил о найме на золотые промыслы и о праве Окружного Инженера выдачи просимого рабочими заключения. Указанными лицами было раз‘яснено, что окончательное решение по вопросу о нарушении договора может вынести только Суд, но что Окружный Инженер может дать свое заключение как свидетель эксперт.

Имея на руках телеграмму о состоявшемся 17-19 марта по этому же поводу Постановлении Присутствия по горно-заводским делам при Иркутском Горном Управлении я предполагал выдавать, в случае пред‘явления рабочими исков, соответствующее заключение, о чем и об‘явил Андреевским рабочим, но рабочие стали отказываться от пред‘явления исков, выставляя невозможность судиться с предпринимателем, раз они будут находиться у него на работе.

От выдачи указанных заключений пришлось впоследствии отказаться, так как вскоре (30 марта) получена была телеграмма от Директора Горного Департамента Иванова, в которой между прочим отмечалось, что данные Министром Торговли и Промышленности Тимашевым прошлым летом через Управляющего Департаментом Разумова (письмо 11 июля 1909 г. за № 9) указания совершенно не усвоены Окружным Инженером, т. е. другими словами, Окружный Инженер продолжает отстаивать только интересы рабочих, а интересы предприятия игнорирует. Означенная телеграмма в весьма значительной степени стеснила дальнейшие беседы мои с рабочими, в которых я убеждал их встать на работу, отняв от этих бесед значительную долю искренности, а следовательно, убедительности.

В этом отношении большим стеснением для меня явилось также присутствием на приисках жандармского офицера, с первых же дней своего прибытия (22 марта) в Округ решившего, что забастовка имеет характер политический. *Ротмистр Трещенков завел среди рабочих*

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

среди рабочих своих агентов, которые, присутствуя незаметно для Окружного Инженера в толпе рабочих, сознательно или безсознательно перевирали слова Окружного Инженера и в искаженном виде доносили о них Ротмистру Трещенкову.

Трудность приведения обеих сторон Промыслового Управления Ленского Товарищества, с одной стороны и рабочих, с другой, к миролюбивому соглашению заключалось, кроме того, еще в том, что Ленское Товарищество решительно отказывалось от повышения заработной платы, между тем это являлось с самого начала прекращения работ рабочими самым острым для них вопросом.

Приходилось весьма долго убеждать рабочих приисков сначала Андреевского, Васильевского и Утесистого, затем Феодосиевского, в том, что при неуклонном наблюдении со стороны Окружного Инженера за непременным исполнением Ленским Товариществом подлежащих узаконений и Обязательных Постановлений создадутся более благоприятные, более выгодные условия работы даже без прямого увеличения заработной платы.

Выборные от рабочих, как более развитые, в большинстве грамотные, так и поняли меня и выразили 24 марта, по окончании беседы моей с ними, согласие убеждать остальных рабочих, встать на работы, но, очевидно вся остальная масса рабочих, почему то, проникла с мечтой получить с Ленского Товарищества за нарушение им договора вознаграждение по срок найма, т. е. до 10-го сентября *и сбить их с той позиции не удалось, так как ни выборным, ни Окружному Инженеру не удалось убедить рабочих встать на работу на условиях, об‘явленных Окружным Инженером 29 марта в особом об‘явлении.*

27 марта состоялось назначение по разрешению Г. Министра Внутренних Дел Макарова, Ротмистра Трещенкова, Начальником полиции Витимского и Олекминского Горных Округов, с подчинением ему обоих Горных Исправников. Тогда же им было об‘явлено жителям и рабочим приискового района о том, никаких насилий и

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

своих агентов, которые присутствуя незаметно для меня в толпе рабочих провоцировали их.

Трудность приведения обеих сторон, Промыслового Управления Ленского Товарищества, с одной стороны и рабочих с другой, к миролюбивому соглашению заключалось, кроме того еще в том, что Ленское Товарищество решительно отказывалось от повышения заработной платы, между тем это являлось с самого начала прекращения работ рабочими самым острым для них вопросом.

Приходилось весьма долго убеждать рабочих приисков сначала Андреевского, Васильевского и Утесистого, затем Феодосиевского, в том, что при неуклонном наблюдении со стороны Окружного Инженера за непременным исполнением Ленским Товариществом подлежащих узаконений и обязательных постановлений создадутся более благоприятные, более выгодные условия работы даже без прямого увеличения заработной платы. Выборные от рабочих, как более развитые, в большинстве грамотные, так и поняли меня и выразили 24 марта, по окончании беседы моей с ними, согласие убеждать остальных рабочих, встать на работы, но очевидно вся остальная масса рабочих, почему-то, проникалась мечтой получить с Ленского Товарищества за нарушение им договора вознаграждение по срок найма, т. е. до 10-го сентября.

27 марта состоялось назначение по разрешению Министра Внутренних Дел Макарова, Ротмистра Трещенкова Начальником полиции Витимского и Олекминского Горных Округов. Тогда же им было об‘явлено жителям и рабочим приискового района о том, что никаких беспорядков им допущено не будет и что при малейшей

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

безпорядков им допущено не будет и что при малейшей попытке к нарушению он восстановит порядок имеющейся в его распоряжении воинской силой, хотя поводов к такому об'явлению тогда не было, рабочие смирно сидели по своим казармам.

Очень важно здесь отметить, что в этом об'явлении Ротмистра Трещенкова не указывалось на запрещение рабочим собираться в толпы и передвигаться в этом виде с одного прииска на другой.

30 марта нигде, ни на одном прииске рабочие не вышли на работы по предложению Окружного Инженера и, таким образом, напряженные его усилия в течении последних четырех дней убедить рабочих начать работы на предложенных Окружным Инженером условиях, без уступки со стороны Ленского Товарищества в отношении увеличения заработной платы, не увенчались успехом.

Следя за переговорами рабочих с Ленским Товариществом по вопросу о приступе их к работам, начиная с самого своего приезда 11 марта в Иркутск и затем участвуя лично в деле примирения обеих сторон, приходил все более и более к заключению, что Ленское Товарищество как будто особенно и не стремится к тому, чтобы работы на его приисках начались возможно скорее, каковое обстоятельство Окружный Инженер об'яснял себе нижеследующим образом.

Когда Окружный Инженер еще находился в С.-Петербурге (январь и мевраль с./г.) и принимал непосредственное участие в Комиссии по вопросу о передаче приисков, бывших когда то во владении Бодайбинской Золотопромышленной К-°, принадлежащих ныне Государственному Банку и находящихся в аренде, ежегодно возобновляемой у Ленского Товарищества, о передаче их тому же Ленскому Товариществу, но впредь до выработки, Отдел Местных Учреждений Государственного Банка, прилагая докладную записку С.-Петербургского Правления Ленского Товарищества от 21 января с./г. за

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

попытке к нарушению он восстановит порядок имеющей в его распоряжении воинской силой, хотя поводов к такому об'явлению тогда не было, рабочие смирно сидели по своим казармам.

Очень важно здесь отметить, что в этом об'явлении не указывалось на запрещение рабочим собираться в толпы и передвигаться в этом виде с одного прииска на другой.

30 марта нигде, ни на одном прииске рабочие не вышли на работы, по предложению Окружного Инженера и, таким образом, напряженные мои усилия в течении последних четырех дней убедить рабочих начать работы на предложенных условиях, без уступки со стороны Ленского товарищества в отношении увеличения заработной платы, не увенчались успехом, так как на настояния в это же время Иркутского Губернатора перед Правлением Ленского Товарищества об увеличении платы рабочим, оно ему резко отказало.

Следя за переговорами рабочих с Ленским Товариществом по вопросу о приступе их к работам, начиная с самого своего приезда 11 марта в Иркутск и затем участвуя лично в деле примирения обеих сторон, я приходил все более и более к заключению, что Ленское Товарищество как-будто особенно и не стремилось к тому, чтобы работы на его приисках начались возможно скорее, каковое обстоятельство я об'яснил себе следующим образом.

Когда я еще находился в Петрограде (Январь и Февраль 1912 г.) и принимал непосредственное участие в Комиссии по вопросу о передаче приисков, бывших когда-то во владении Бодайбинской Золотопромышленной К-о, принадлежавших тогда Государственному Банку и находившихся в аренде, ежегодно возобновляемой, у Ленского Товарищества,—о передачи их в аренду тому же Ленскому Товариществу, но впредь до выработки, Отдел Местных Учреждений Государственного Банка, прилагая докладную записку Петроградского Правления Ленского Товарищества по вопросу о предоставлении

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

№ 17469—11 по вопросу о предоставлении названному Товарищестсу временного кредита на оборотные средства по добыче золота в размере 2.000.000 рублей, 25 января с./г. за № 26512—68 просил Окружного Инженера дать свое заключение по содержанию означенного ходатайства.

В этом ходатайстве Ленское Товарищество, между прочим, указывало, что у него совершенно нет денег на ведение дела и что Lena Goidfields Ltd, организованное с целью финансировать Ленское Товарищество, также исчерпало свои средства.

К крайнему сожалению у Окружного Инженера не сохранилось копии с означенного ходатайства Ленского Товарищества, так как, требовался спешный ответ на другой день, но Окружный Инженер полагает, что означенное ходатайство должно находиться в целости при делах Отдела местных учреждений Государственного Банка в С.-Петербурге.

Окружный Инженер дал 27 января с. г. за № 7 благоприятный для Ленского Товарищества отзыв, но как узнал он впоследствии, именно 28 февраля с. г., в помещении Государственного Банка от товарища Директора Местных Учреждений, ссуда в 2½ милл. руб. Советом Банка разрешалась уклончиво, Господин же Министр Финансов Коковцев отказал Ленскому Товариществу в испрашиваемой ссуде в самой категорической форме и, вот, Окружный Инженер стал постепенно приходить к убеждению, что Ленское Товарищество, с одной стороны, как бы обрадовалось прекращению рабочими работ на его промыслах, так как на ведение дела у него действительно не было тогда средств, как оно само заявляло 21 января с. г. Государственному Банку и что отчасти подтверждается усиленной выдачей рабочим в феврале с г. в счет заработка вместо денег талонов на приисковые магазины, а с другой стороны, в упорном нежелании Ленского Товарищества идти на какие-нибудь хотя бы самые небольшие уступки в вопросе о повышении заработной платы рабочим, для Окружного Инженера складывалась уверенность, что Ленское товарище-

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

названному Товариществу временного кредита на оборотные средства по добыче золота в размере 3.500.000 рублей 25 января 1912 г. просил меня дать свое заключение, по содержанию означенного ходатайства.

В этом ходатайстве Ленское Товарищество, между прочим, указывало что у него совершенно нет денег на ведение дела и что, „Lena Goldfields Ltd,“ организованное с целью финансирования Ленского товарищества, также исчерпало свои средства.

К сожалению у меня не сохранилось копии с означенного ходатайства Ленского Товарищества, так как, требовался спешный ответ на другой день.

Благоприятный для Ленского Товарищества отзыв дал я 27 января 1912 года, но как узнал впоследствии, ссуда в 3½ милл. руб. Советом Банка разрешалась уклончиво, министр же финансов Коковцев отказал Ленскому Товариществу в испрашиваемой ссуде в самой категорической форме и, вот, я стал постепенно приходить к убеждению, что Ленское Товарищество с одной стороны, как бы обрадовалось прекращению рабочими работ на его промыслах, так как на ведение дела у него не было тогда оборотных средств, как оно само заявило 21-го января 1912 г. Государственному Банку и что отчасти подтверждается усиленной выдачей рабочими в феврале 1912 г. в счет заработка вместо денег талонов на приисковые магазины, а с другой стороны, в упорном нежелании Ленского Товарищества идти на какие-нибудь хотя бы самые небольшие уступки в вопросе о повышении заработной платы рабочим. Для меня складывалась тогда уверенность, что Ленское Товарищество сознательно не идет ни на какие уступки рабочим только потому, чтобы тем самым создать затруднения не только для местной губернской администрации, но и для выс-

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

ство сознательно не идет ни на какие уступки рабочим только потому, чтобы тем самым создать затруднения не только для местной губернской администрации, но и для высшей правительственной власти, отказавшей перед этим Ленскому Товариществу в финансовой поддержке, как бы мстя ей за не выдачу в феврале с. г. перед самой забастовкой просимой Ленским Товариществом ссуды в $3^1/_2$ милл. рублей.

В последнем обстоятельстве и сказалась та опасность монополизации Ленским Товариществом в единственных своих руках почти всех сторон золотопромышленной и торговопромышленной жизни, в Витимско Олекминском районе, в частности, и в Приленском крае, вообще, на каковую опасность Окружный Инженер своевременно указывал на стр. 61 своего годового отчета за 1910 год, и обращал на нее особое внимание Правительства.

С 30 марта в среде рабочих в отношении к выборным получился, видимо, раскол. Часть рабочих перестала доверять своим выборным, начала обвинять их в измене им, другая же часть стояла за выборных.

С 30-го марта переговоры с рабочими Окружный Инженер прекратил и, может быть, напрасно, так как ко 2-му апреля настроение рабочих заметно изменилось к худшему, стало чрезвычайно нервозным, что отчасти можно себе об'яснить тем, что на Окружного Инженера, как об'ясняли близкие ему люди, возлагались рабочими большия надежды, в роде того наприм., что стоит ему только приехать на прииски и он заставит Ленцев увеличить плату.

Окружный Инженер стоял на строго законной почве и не мог, поэтому, без добровольной уступки со стороны Ленского Товарищества, разрешить в удовлетворительном направлении этот острый с самого начала вопрос.

Нервозность рабочих к этому времени (2 апреля) настолько повысилась, что выдача из продовольственной лавки Нижнего Управления не вполне доброкачественного мяса привела всех рабочих Алексанпровского прииска

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

шей правительственной власти, отказавшей перед этим Ленскому Товариществу в финансовой поддержке, как бы мстя ей за невыдачу в феврале 1912 г., перед самой забастовкой просимой Ленским Товарищеетвом, ссуды в $3^1/_2$ милл. рублей.

В последнем обстоятельстве и сказалась та опасность монополизации Ленским Товариществом в единственных своих руках почти всех сторон золотопромышленной и торговопромышленной жизни в Витимско-Олекминском районе, в частности, и в Приленском крае, вообще, на каковую опасность я своевременно указал в своем годовом отчете за 1910 г. и обращал на нее особое внимание правительства,

С 30 марта в среде рабочих в отношении к выборным получился, видимо, раскол. Часть рабочих перестала доверять своим выборным, начала обвинять их в измене им.

С 30 марта переговоры с рабочими прекратились и, может быть, напрасно, так как ко 2-му апреля настроение рабочих заметно изменилось к худшему, стало чрезвычайно нервозным, что отчасти можно об'яснить себе тем, что на меня, как об'ясняли мне близкие мне люди, возлагались рабочими большие надежды, в роде того например, что стоит мне только приехать на прииски и я заставлю Ленцев увеличить плату.

Нервозность рабочих к этому времени (2 апреля) настолько повысилась, что выдача из продовольственной лавки Нижнего Управления не вполне доброкачественного мяса привела всех рабочих Александровского при-

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

в большое волнение. В обычное время такой факт не послужил-бы поводом к каким-либо выступлениям, ограничилось бы все заявлением отдельных рабочих, мясо это было бы отсортировано и плохое из'ято из употребления и этим инцидент был-бы исчерпан.

Между тем выдача этого мяса, не смотря на составленный по требованию рабочих Урядником Каблуковым протокол, сильно взволновала рабочих, они требовали немедленного прибытия Окружного Инженера на прииски.

На другой день 3-го апреля, ранее прибытия Окружного Инженера к рабочим, Александровские рабочие собрались по поводу той-же выдачи мяса у Полицейского дома Нижнего Управления, против самых казарм. К ним прибыл утром Ротмистр Трещенков, принятый толпой весьма враждебно. Окружный Инженер обязуется здесь доложить, что вообще появление Ротмистра Трещенкова среди рабочих действовало не умиротворяюще, а на оборот, так как он сразу же с первых дней принял в отношении их, при переговорах, слишком повышенный-враждебный тон, вполне неуместный после месячного мирного течения забастовки и такое обращение с рабочими их очень нервировало.

Когда я прибыл к часу дня 3-го апреля на Надеждинский прииск, то Ротмистр Трещенков, сообщая о сильном возбуждении рабочих, не признавал возможным отпускать меня одного к ним, поехал вместе со мной, распорядившись, что-бы нас сопровождала воинская команда, которая и прибыла вместе с нами в поезде на Александровскую станцию, а затем расположилась на главном приисковом тракте против Александровских казарм.

Теперь Окружный Инженер сознает, что это было величайшей с его стороны ошибкой допустить вызов Ротмистром Трещенковым команды для нашего сопровождения; Окружному Инженеру надлежало отправиться к Александровским рабочим одному, даже без Ротмистра, но к несчастью неуспех в переговорах с рабочими Андреевскими, Васильевскими, Утесистыми и Феодисиев-

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

иска в большое волнение. В обычное время такой факт не послужил бы поводом к каким-либо выступлениям, ограничилось-бы все заявлением отдельных рабочих, мясо это было-бы отсортировано и плохое из‘ято из употребления и этим инцидент был бы исчерпан.

Между тем выдачи этого мяса, несмотря на составленный по требованию рабочих полициею протокол, сильно взволновала рабочих, они требовали немедленного прибытия моего на прииски.

На другой день 3-го апреля, ранее моего прибытия к рабочим, Александровские рабочие собрались по поводу той же выдачи мяса у полицейского дома Нижнего Управления, против самых казарм. К ним прибыл утром ротмистр Трещенков принятый рабочими весьма враждебно. Необходимо отметить, что вообще появление ротмистра Трещенкова среди рабочих действовало не умиротворяюще, а наоборот, так как он сразу же с первых дней принял в отношении их, при переговорах, грубый тон, вполне неуместный после месячного мирного течения забастовки, и такое его обращение с рабочими их очень раздражало.

Когда прибыл к часу дня 3-го апреля на Надеждинский пр., то ротм. Трещенков, сообщая мне о сильном возбуждении рабочих, не признал возможным отпускать меня к ним, поехал вместе со мною, *что называется, навязался*, распорядившись, что его сопровождала воинская команда, которая и прибыла вместе с нами в поезде на Александровскую станцию, а затем расположилась на главном приисковом тракте против Александровских казарм.

Теперь сознаю, что это было величайщей с моей стороны ошибкой допустить вызов ротмистром Трещенковым команды для нашего сопровожеения; мне надлежало отправиться к Александровским рабочим одному, даже без ротмистра, но к несчастию неуспех в переговорах с рабочими Андреевскими, Васильевскими, Утесистыми и Феодосиевскими, невыход рабочих по моему

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

скими, невыход рабочих по его предложению на работы в назначенный Окружным Инженером срок умалил значение его, *как доброго хозяина Округа*, этот неуспех отнял у него уверенность к себе и власть распоряжаться незаметно перешла к Ротмистру Трещенкову, направлявшему свои действия, после назначения его Начальником полиции, безапеляционно, на правах довольно беззастенчиво присвоенного им положения, как-бы временного военного генерал-губернатора.

Конечно хождение Окружного Инженера в сопровождении Ротмистра Трещенкова, Урядника и целого наряда стражников не могло внести большего успокоения среди рабочих. На предложение Ротмистра рабочим войти в казармы, большинство не слушалось и оставалось вне их, собравшись около них в отдельные большие группы, что в свою очередь возмущало Ротмистра Трещенкова.

Выслушивая претензии рабочих и главную отпуск недоброкачественного мяса, Окружный Инженер тогда указывал, что сознательного кормления со стороны приисковой администрации не может быть, что это недосмотр людей, приставленных к делу выдачи продуктов; что скот покупался большими партиями, пришел сюда на ногах, благодаря местным неблагоприятным условиям исхудал ранее побойки и что другого мяса, кроме заготовленного в общем вполне удовлетворительного качества, нельзя уже достать. Окружный Инженер, кроме того, сообщил, что он образует комиссию для осмотра поступающего в пищу рабочим мяса, претензии на неправильный подсчет в рассчетных книжках и другия претензии рабочих будут расследованы, но на все это нужно время, нужно подождать, не волноваться и вот все эти успокоения в этот день мало действовали, рабочие говорили все время в возбужденном состоянии и даже позволяли себе в отношении Окружного Инженера грубости, не смотря на то доверие, которым он пользовался у них раньше. Все это Окружной Инженер об'ясняет тем, что он должен был явиться к Александровским рабочим без полиции, один, тем более, что это было первое его при-

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

предложению на работы в назначенный мною срок умалил значение мое, как окружного инженера. Этот неуспех отнял у меня уверенность к себе и власть распоряжаться незаметно перешла к ротмистру Трещенкову, направлявшему свои действия, после назначения его начальником полиции безапеляционно, на правах довольно беззастенчиво присвоенного им положения, как бы, временного военного генерал-губернатора.

Конечно, хождение мое в сопровождении ротмистра Трещенкова, урядника и целого наряда стражников не могло внести большого успокоения среди рабочих. На предложение ротмистра рабочим войти в казармы, большинство не слушалось и оставалось вне их, собравшись около них в отдельные большие группы, что в свою очередь сердило ротмистра Трещенкова и осложняло положение.

Выслушивая претензии рабочих и главную отпуск недоброкачественного мяса, я тогда же указывал рабочим, что сознательного кормления их таким мясом со стороны приисковой администрации не могло быть, что это недосмотр людей, приставленных, к делу выдачи продуктов, что скот покупался большими партиями, пришел сюда на ногах, благодаря местным неблагоприятным условиям исхудал ранее побойки и что побойки другого мяса, кроме заготовленного, в общем вполне удовлетворительного качества, нельзя уже достать. Кроме того, я сообщил, что образую комиссию для осмотра поступающего в пищу рабочим мяса, рассмотрю претензии на неправильный подсчет в расчетных книжках и другие претензии рабочих будут также расследованы, но на все это нужно время, нужно подождать, не волноваться и вот все эти успокоения в этот день мало действовали, рабочие говорили все время в возбужденном состоянии и даже позволяли себе в отношении меня грубости, несмотря на то доверие, которым я пользовался у них раньше. Все это я об'ясняю себе тем, что я должен был явиться к Александровским рабочим, без полиции один, тем более, что это было первое

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

бытие к ним после возвращения его из поездки в С.-Петербург.

После сего Окружный Инженер с Ротмистром Трещенковым возвратился на Надеждинский прииск, где получил известную телеграмму Салодилова от 2-го апреля об уступках Ленского Товарищества, не вносивших ничего особенно нового в создавшееся положение.

Когда окружный Инженер находился в посетительской на Надеждинском прииске туда прибыли Мировой Судья Хитун и Товарищ Прокурора Преображенский, которые совместно с Ротмистром Трещенковым, занялись обсуждением в отдельной его комнате, при закрытых дверях, приготовления к аресту выборных от рабочих. Помешать этому аресту Окружной инженер не мог,—он к решению этого серьезного вопроса указанными тремя лицами не приглашался, а вмешиваться в действия с особыми полномочиями от Департамента полиции жандармского офицера, прокурорского надзора и судебного следователя Окружный инженер не признал возможным.

Произойдет ли арест в ночь с 3 го на 4 ое Окружный Инженер в точности не узнал и уехал перед вечером к себе на Успенский прииск.

Утром 4 апреля в 6 час. Окружный Инженер был разбужен тревожным в парадное крыльцо звонком. Оказалось, что прибыл Урядник Маньков, сообщивший Окружному Инженеру, что к нему идет огромная толпа рабочих с Андреевского, Утесистого и Васильевского приисков, свыше 1000 чел., очень взволнованная, так как ночью были произведены аресты выборных. Действительно, к 6½ часам утра около в'ездной арки Успенского прииска показались рабочие и, не дойдя до приисковой конторы, задержались на примыкающей к недостроенному дому площади Успенского прииска, образовав густую толпу, на этом месте толпа оставалась 15—20 минут, а затем подошли к квартире Окружного Инженера к 7-ми час. утра. Когда Окружной Инженер вышел на крыльцо, то встретил сильно возбужденную толпу рабочих указанных выше трех приисков, претендовавшую на арест их выборных, при чем некоторые из толпы говорили и

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

мое прибытие к ним после возвращения из поездки в Петроград.

После сего я возвратился на Надеждинскрй прииск, где получил телеграмму Уполномоченного Правления Ленского Товарищества Салодилова из Иркутска от 2-го апреля об уступках Ленского Товарищества, не вносивших ничего особенно нового в создавшееся положение.

Когда я находился в посетительской на Надеждинском прииске, туда прибыли мировой судья Хитун и товарищ прокурора Преображенский, которые совместно с ротмистром Трещенковым, занялись обсуждением в отдельной его комнате, при закрытых дверях, приготовления к аресту выборных от рабочих. Помешать этому аресту я не мог, к разрешению этого весьма серьезного вопроса указанными тремя лицами я не приглашался, а вмешиваться тогда в действия с особыми полномочиями от департамента полиции жандармского офицера, прокурорского надзора и судебного следователя не признавал возможным. Произойдет ли арест в ночь с 3-го на 4-е в точности не узнал и уехал перед вечером к себе на Успенский прииск.

Утром 4-го апреля в 6 часов я был разбужен тревожным, в парадное крыльцо, звонком. Оказалось, что прибыл урядник Маньков, сообщивщий мне, что ко мне идет огромная толпа рабочих с Андреевского, Утесистого и Васильевского приисков, свыше 1000 человек, очень взволнованная, так так ночью были произведены аресты выборных. Действительн, к 6½ час. утра около в'ездной арки Успенского прииска показались рабочие и, не дойдя до приисковой конторы, задержались на примыкающей к недостроенному дому площади Успенского прииска; на этом месте рабочие оставались 15—20 мин., а затем подошли к моей квартире к 7 час. утра. Когда я вышел на крыльцо, то встретил сильно возбужденных рабочих, указанных выше трех приисков, претендовавших на арест их выборных, указавших, что выборные были избраны по распоряжению самого Промыслового Управления, что говорить иначе никто с рабочими, с целою

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

указывали на несправедливость арестов, что выборные были выбраны по распоряжению самого Промыслового Управления, что иначе никто с рабочими, с целою толпою не хотел и говорить, что и Окружный Инженер распорядился прислать к нему 24 марта выборных и что если выборных они посылали, то считали, что выборные при таких условиях являются лицами неприкосновенными. Требовали от Окружного Инженера самым категорическим образом освобождения арестованных немедленно, в противном случае угрожали собрать всех рабочих с приисков Ленского Товарищества и двинуться на Бодайбо для их осробождения и назначили срок освобождения арестованных три часа дня того же 4-го апреля с. г. *Конечно, Окружным Инженером тогда раз'яснялось*, что освободить от ареста он не имеет права, что об обстоятельствах ареста он должен справиться у судебных властей, что рабочим нужно успокоиться, что самый арест уже не такая страшная вещь, чтобы следовало так волноваться, как они волнуются. Рабочие жаловались, что аресты произведены ночью, что это их семьи испугало, что могли быть в темноте разные недоразумения, которые в свою очередь могли повести к весьма печальным последствиям. Окружный Инженер об'явил рабочим, что он будет телеграфировать Г. Иркутскому Гурнатору, просил их успокоиться возвратиться в казармы и ни под каким видом не предпринимать хождения в Бодайбо во избежание могущих быть *осложнений*, так как войска не допустят прохода рабочих на Бодайбо. Рабочие выговаривали Окружному Инженеру. что он способствовал аресту своими указаниями их выборных, так как эти выборные были у него. Конечно, против такого предположения Окружный Инженер самым категорическим образом протестовал, еще раз убеждая рабочих успокоиться и не предпринимать ничего, пока не получат от него известий. В пелях успокоения Окружный Инженер вернулся снова к вопросу о возобновлении работ и признал необходимым сообщить рабочим, что из Иркутска накануне от Уполномоченного Правлением Ленского Товарищества г. Салодилова в копии получена Окруж-

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

толпою не хотел, что и окружный инженер распорядился прислать к нему 24-го марта выборных и что если выборных они послали, то считали, что выборные при таких условиях являются лицами неприкосновенными. Рабочие требовали от меня самым категорическим образом освобождения арестованных, немедленно, в противном случае угрожали собрать всех рабочих с приисков Ленского Товарищества и двинуться на Бодайбо, для их освобождения и назначили срок освобождения арестованных 3 часа дня того же 4-го апреля 1912 г. *Пришлось раз'яснить,* что освободить от ареста я не могу, что об обстоятельствах ареста я должен справиться у судебных властей, что рабочим нужно успокоиться, что самый арест уже не такая страшная вещь, чтобы следовало так волноваться, как они волнуются. Рабочие жаловались, что аресты произведены ночью, что это их семьи испугало, что могли быть в темноте разные недоразумения, которые в свою очередь могли повести к печальным последствиям. Я об'явил рабочим, что буду немедленно телеграфировать иркутскому губернатору, просил их успокоиться, возвратиться в казармы и ни под каким видом не предпринимать хождения в Бодайбо, в избежание могущих быть *несчастий,* так как войска не допустят прохода рабочих на Бодайбо. Рабочие при этом выговаривали мне, что я будто бы способствовал аресту своими указаниями их выборных, так как эти выборные были у меня. Конечно, против такого предположения, я самым категорическим образом протестовал, еще раз убеждая рабочих успокоиться и не предпринимать ничего, пока не получат от меня известия. В целях успокоения вернулся снова к вопросу о возобновлении работ, убеждая рабочих встать на работу, но рабочие сравнительно успокоенные, всетаки требовали прежде всего немедленного освобождения арестованных, и, наконец, через час после прибытия на Успенский, разошлись по моему предложению, отправившись спокойно на свои прииски.

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

ным Инженером телеграмма о новых уступках со стороны Ленского Товарищества, убеждал рабочих принять эти новые условия и встать на работу, но толпа сравнительно успокоенная всетаки требовала прежде всего немедленного освобождения арестованных и, наконец, через час после прибытия на Успенский разошлись, по предложению Окружного Инженера, отправившись на свои прииска.

По поводу происшедшего была послана Окружным Инженером Г. Иркутскому Губернатору в копии Г. Начальнику Горного Управления срочная телеграмма, отправленная в Бодайбо по телефону в 10 час. 30 мин. утра того же 4-го апреля с. г. В этой телеграмме Окружный Инженер между прочим *сообщал, что он находит положение угрожающим, причем не имея шифра ограничился именно только таким общим выражением, считая положение угрожающим, если арестованные не будут освобождены, в виду отрезанности района и малочисленности находящейся на приисках воинской команды, которая представляла, конечно достаточную силу для подавления безпорядков, но недостаточно внешне внушительную силу, чтобы устранить всякую мысль, поползновение ея о возможности противодействия властям.*

После отсылки означенной телеграммы Окружный Инженер немедленно выехал на лошадях на Надеждинский прииск для выяснения создавшегося положения. На пути около 12 час. дня он встретил возбужденную толпу рабочих Александровского прииска, в количестве свыше 1000 человек, толпа эта шла с Александровского прииска на Липаевский в Дистанционную Контору, к Начальнику дистанции Г. М. Савинову для получения немедленного расчета. Толпа эта остановила Окружного Инженера и, держась в отношении его вызывающе, требовала немедленного освобождения арестованных. Окружный Инженер убеждал рабочих, чтобы по прибытии на Липаевский прииск вели себя чинно, не дозволяли себе ни над кем насилий и кроме того не ходили-бы вообще такими толпами.

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем" в 1922 г.

По поводу происшедшего была мною послана Иркутскому губернатору в копии Начальнику Горного Правления срочная телеграмма, отправленная в Бодайбо по телефону в 10 часов утра того же 4 го апреля 1912 г. *В этой телеграмме между прочим я просил об освобождении выборных и сообщая, что положение нахожу угрожающим, если арестованные не будут освобождены.*

После отсылки означенной телеграммы я немедленно выехал на лошадях на Надеждинский прииск для выяснения создавшегося положения. По пути около 12 часов дня я встретил возбужденных рабочих Александровского прииска, в количестве 1000 челов., толпа эта шла с Александровского прииска на Липаевский в дистанционную контору, к Начальнику дистанции для получения немедленного расчета. Рабочие эти остановили меня и держась в отношении меня вызывающе, требовали немедленного освобождения арестованных. Я об'яснил рабочим, что еду по этому вопросу к Товарищу Прокурора, и убеждал рабочих, что бы по прибытии на Липаевский прииск не прибегали бы к насилиям и, кроме того, не ходили бы, вообще, такими толпами.

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

По приезде на Надеждинский, Окружный Инженер вел беседу с Г. Товарищем Прокурора Преображенским и Мировым Судьею Хитуном о положении и поставил вопрос о возможности освобождения арестованных в целях успокоения рабочих, на что получил указание, что освобождение могло-бы последовать в крайнем случае, под ответственность Окружного Инженера за дальнейшее и при том по распоряжению Прокурора Судебной Палаты и что на это надо иметь время. Тут же на Надеждинском Окружный Инженер узнал о собравшейся толпе рабочих свыше 2000 человек на Феодосиевском прииске и что рабочие этого прииска требовали его туда приезда. Когда Окружной Инженер направился на Феодосиевский прииск, то увидел большую толпу рабочих, собравшихся у Приисковой Конторы на левом склоне, считая вниз по течению, долины р. Бодайбо. На правом склоне напротив стояла рота солдат. После прибытия на Феодосиевский, Окружный Инженер встретил там около воинской команды, Товарища Прокурора, Мирового Судью и Начальника полиции. *Окружный Инженер условился с этими лицами, что когда он под'едет к рабочим, то рота по его сигналу отойдет с своего места и удалится к Народному Дому*, месту своей стоянки, Когда Окружный Инженер под'ехал к Конторе, где рабочие стояли всею общею толпою, то дав сигнал рукой и дождавшись, когда рота ушла с позиции, он подошел к рабочим, которые пропустили его к крыльцу. На приветствие „здравствуйте“ и снятием Окружным Инженером фуражки, толпа ответила молчанием. а затем начали говорить некоторые рабочие, обвиняя Окружного Инженера в том, что он выдал следователю выборных и указывал кого нужно арестовать, на что Окружной Инженер самым категорическим образом возражал, что ничего подобного не было им сделано, а *арест произведен на основании существующих законов лиц, принадлежащих к стачечному Комитету, о котором было известно судебным властям.*

Рабочие заявили Окружному Инженеру, что этому они не верят, так как за час перед этим Заведывающий

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

По приезде на Надеждинский, я узнал о собравшихся рабочих свыше 2000 чел. на Феодосиевском прииске, что рабочие этого прииска требовали моего туда приезда.

Когда я направился на Феодисиевский прииск, то увидел большую толпу рабочих, собравшихся у приисковой Конторы на левом склоне, считая вниз по течению долины реки Бодайбо. На правом же склоне, напротив, стояла рота солдат. После прибытия на Феодосиевский, я встретил там около Воинской команды Начальника Воинской команды, товарища Прокурора, Мирового Судью и Начальника Полиции. *Я поставил в условие этим лицам, что я поеду к рабочим если только рота уйдет со своей позиции и удалится в Народный Дом, место своей стоянки. Условие это было принято* и я под'ехал к Конторе, где рабочие стояли всею общею массою. Дав условный знак рукой и дождавшись когда рота ушла, я подошел к рабочим, которые пропустили меня к крыльцу. На мое приветствие „здравствуйте“ и обнажение при этом головы от фуражки, рабочие ответили молчанием, а затем начали говорить некоторые из рабочих, обвиняя меня в том, что я выдал следователю выборных и указывал кого нужно арестовать, на что, конечно, я самым категорическим образом возражал, что ничего подобного мною не было сделано, *а что арест произведен судебными властями самостоятельно, вместе с полицией.*

Рабочие заявили мне, что этому об'яснению они не верят, так как за час перед этим Заведывающий Феодо-

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

Феодосиевским Управлением Самохвалов, в присутствии всех, сообщил им, что он сам слышал, как Окружный Инженер Тульчинский указывал в посетительской на Надеждинском прииске Прокурору фамилии тех лиц, кого нужно арестовывать. Окружному Инженеру оставалось только обратить внимание рабочих на недостойное поведение Самохвалова, всегда относившегося к Окружному Инженеру враждебно за тот—целый ряд, составленных на него протоколов и наложенных по ним на Самохвалова денежных взысканий за неисполнение им законов, ограждающих труд, здоровье и жизнь вверенных его попечению рабочих.

Рабочие требовали от Окружного Инженера немедленного освобождения арестованных своих выборных, назначив срок на 9 час. утра следующего дня 5 апреля и, в общем, вся толпа рабочих была сильно возбуждена, некоторые выкрики рабочих по отношению к промысловой администрации были весьма озлоблены, при этом требовали немедленного расчета, прекращения дальнейших арестов и закрытия шахты № 46, пущенной Промысловым Управлением накануне по распоряжению г. Теппана без уведомления Окружного Инженера и для того, по мнению Окружного Инженера, чтобы сманить на богатую шахту часть бастовавших рабочих.

Окружный Инженер тогда сообщил, что он настоит на закрытии шахты № 46, что расчет будет сделан, а относительно прекращения арестов мог только сказать, что это не в его власти.

Когда Окружный Инженер возвратился на Надеждинский прииск, то там стало известно, что рабочие Андреевского, Васильевского, Прокопьевского и Пророко-Ильинского приисков идут на соединение с Александровскими. После того пришло известие от урядника Каблукова о том, что толпа рабочих указанных приисков, в количестве свыше 3000 человек, направилась на Надеждинский прииск, на котором в Народном Доме расположилась воинская часть. В Народном Доме к тому времени собрались и там находились, кроме Окружного Инженера, Начальник полиции ротмистр Трещенков,

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем" в 1922 г.

сиевским Управлением Самохвалов в присутствии всех, сообщил им, что он сам слышал, как Окружный Инженер Тульчинский указывал будто бы в посетительской на Надеждинском прииске Прокурору, фамилии тех лиц, которых нужно арестовать. Мне оставалось только обратить внимание рабочих на злостную клевету Самохвалова, всегда относившегося ко мне враждебно за тот целый ряд составленных на него протоколов и наложенных по ним денежных взысканий за неисполнение им законов, ограждавших труд, здоровье и жизнь рабочих Феодосиевского Управления.

Рабочие требовали от меня немедленного освобождения арестованных своих выборных, назначив срок на 9 час. утра следующего дня 5-го апреля и, в общем, все рабочие были сильно возбуждены, некоторые выкрики рабочих по отношению к Промысловой администрации были весьма озлоблены, при этом требовали немедленного расчета, прекращения дальнейших арестов и закрытия шахты № 46, пущенной Промысловым Управлением накануне по распоряжению Теппана без уведомления меня и для того, вероятно, чтобы сманить набогатую шахту часть бастовавших рабочих.

Я сообщил, что настою на закрытии шахты № 46, что расчет будет сделан, а относительно прекращения арестов мог только сказать, что это не в моей власти.

Когда я возвратился на Надеждинский прииск, я вел беседу с товарищем Прокурора Преображенским и Мировым Судьей Хитуном о положении и поставил вопрос о возможности освобождения арестованных в целях успокоения рабочих, на что получил указания Преображенского, что освобождение могло бы последовать в крайнем случае, под мою личную ответственность за дальнейшее и при том по распоряжению Прокурора Судебной Палаты и что на это надо иметь время. Тут же на Надеждинском стало известно, что рабочие Андреевского, Васильевского, Прокопьевского и Пророка-Ильин-

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

Начальник местной команды (роты) Штабс-капитан Лепин и его Помощник Штабс-капитан Санжеренко, Товарищ Прокурора Преображенский и Мировой Судья Хитун. Начальником полиции было признано необходимым не пропускать шедшей толпы рабочих (свыше 3000) по тому приисковому тракту, по которому она двигалась, чтобы устранить соединение ее с Феодосиевскими рабочими, так как такое соединение образовало бы, по мнению Ротмистра, массу людей свыше 5000 человек, что представлялось ему чрезвычайно опасным для воинской команды в 110 человек, хотя в намерениях шедшей толпы никто перед этим не удостоверился. Когда рабочие прошли Казачью Александровского, где встретил их, Урядник Каблуков с несколькими стражниками, и стали приближаться к Надеждинской станции Бодайбинской жел. дор., к тому времени, около 5 час. дня рота солдат расположилась поперек главного приискового тракта в две шеренги, в направлении от площадки перед Народным Домом до полотна Бодайбинской железной дороги. На правом фланге ее расположились г. г. офицеры, Товарищ Прокурора, Мировой Судья *и так же Окружный Инженер* [illegible].

В самый последний момент, когда толпа приблизилась уже к Надеждинской станции, Ротмистр Трещенков, вероятно предвидя неизбежное кровопролитие, если рабочие не остановятся и не свернут с дороги, а направятся на солдат, решил свернуть толпу с той дороги, по которой она шла, направив ее нижнею дорогою позади Народного Дома, с каковою целью спешно им был послан на ст. Надеждинскую пеший стражник Китов

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

ского приисков идут на соединение с Александровскими. После того пришло известие от Урядника Каблукова о том, что толпа рабочих, указанных приисков в количестве свыше 3000 чел. направилась на Надеждинский прииск, на котором в Народном доме расположилась воинская часть. В Народном Доме к тому времени начали собираться: Начальник полиции Ротмистр Трещенков, Начальник Местной роты капитан Лепин и его помощник капитан Санжаренко, Товарищ Прокурора Преображенский и Мировой Судья Хитун. Поехал туда и я, Начальник Полиции признавал необходимым не пропускать шедшей толпы рабочих (свыше 3000) по тому приисковому тракту, по которому она двигалась, что бы устранить соединение ее с Феодосиевскими рабочими, т. к. такое соединение образовало-бы, по мнению Трещенкова массу людей свеше 5000 чел., что представлялось ему чрезвычайно опасным для воинской команды в 110 человек, хотя в намереньях шедшей толпы никто перед этим точно не удостоверился. Когда рабочие прошли Александровский Полицейский дом, где встретил их Урядник Каблуков с несколькими стражниками, и стали приближаться к Надеждинской станции Бодайбинской жел дороги к тому времени, около 5 час. дня рота солдат спешно вышла из Народного дома и расположилась поперек главного приискового тракта в две шеренги, в направлении от площадки перед Народным Домом до полотна Бодайбинской жел. дор. На правом фланге ее расположились офицеры, Товарищ Прокурора, Мировой Судья, *пришел туда и я, крайне взволнованный, предвидя кровопролитие и не имея никакой возможности его предовратить.*

В самый последний момент, когда рабочие приблизились уже к Надеждинской станции, Ротмистр Трещенков, вероятно и сам убедившись в неизбежном кровопролитии, если рабочие не остановятся и не свернут с дороги, а направятся на солдат, решил свернуть толпу с той дороги, по которой она шла, направив ее нижней дорогой позади Народного дома, с каковой целью спешно им был послан на ст. Надеждинскую пеший страж-

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

об‘явить рабочим, чтобы они свернули с главного тракта и прошли бы правее нижнею дорогою, позади Народного Дома. Услышав это распоряжение Ротмистра и сознавая, что едва ли рабочие послушают простого стражника, Окружный Инженер стремительно кинулся по полотну Бодайбинской жел. дор., добежал до дороги, пересекающей полотно жел. дор. и идущей на Главный Надеждинский стан, в надежде своими убеждениями остановить людей и затем свернуть их на нижнюю дорогу. К тому времени передняя часть толпы подошла к той же поперечной дороге по главному приисковому тракту, идя всею шириною полотна тракта.

Еще будучи на полотне дороги, идущей к стану около переезда, Окружный Инженер отчетливо слышал троекратные сигналы рожка, предупреждавшие об открытии огня, но сознание грозящей для него опасности как то затемнилось, а все мысли со всем напряжением сосредоточились на том, чтобы во что-бы то ни стало удержать рабочих от движения вперед на солдат, для чего стремительно подбежал к толпе, умоляя ее свернуть и идти нижнею дорогою, так как не пропустят и откроют огонь. Ближайшие к Окружному Инженеру поддались на его жалобы и готовы были, ему казалось. свернуть, но остальная масса двигалась вперед, при чем Окружный Инженер обязывается сказать, что этого движения вперед он сам не видел, так как был окружен густою толпою рабочих.

Около Окружного Инженера находился вблизи стражник Китов, напротив стоял спиною к солдатам какой—то рабочий, который успокаивал Окружного Инженера, говоря: „успокойтесь, не волнуйтесь, хорошо, хорошо, мы свернем с тракта“. Только что он успел сказать эти слова, как открылся неожиданно огонь. Рабочие стремительно залегли, с ними лег и Окружный Инженер. До начала огня кто-то из рабочих подал Окружному Инженеру письменное заявление по поводу произведенных арестов, в копии прилагаемое при настоящем докладе.

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

ник Китов об'явить рабочим, что-бы они свернули с главного тракта и прошли бы правее нижнею дорогою, позади Народного дома. Услышав это распоряжение ротмистра и сознавая, что едва-ли рабочие послушают простого стражника я стремительно кинулся по плану Бодайбинской ж. д., добежал до дороги пересекающей полотно жел. дороги и идущей на главный Надеждинский стан и далее по этой дороге на встречу рабочим, в надежде своими убеждениями остановить людей и затем свернуть их на нижнюю дорогу. К тому времени передняя часть рабочих подошла к той же поперечной дороге по Главному приисковому тракту, идя всею шириною полотна тракта.

Еще будучи на полотне дороги, идущей к стану около переезда, я отчетливо услыхал троекратные сигналы рожка, предупреждавшие об открытии огня, но сознание грозящей для меня опасности, как то затемнилось, все мысли со всем напряжением сосредоточились только на том, чтобы во что бы то ни стало удержать рабочих от движения вперед на солдат, для чего быстро подбежал к рабочим, умоляя их со слезами на глазах свернуть и идти нижнею дорогою, так как солдаты не пропустят и откроют огонь. Ближайшие ко мне готовы были, мне казалось, свернуть, но остальная масса, говорили впоследствии, двигалась будто бы вперед, при чем этого движения вперед я сам не видел, так как был окружен густою толпою.

Около меня находился вблизи стражник Китов, напротив меня стоял спиною к солдатам помощник начальника Александровской станции, фамилию его теперь не помню—успокаивая меня и говорил „успокойтесь и не волнуйтесь, хорошо, хорошо, мы свернем с тракта“. Только, что он успел сказать эти слова, как открылсля неожиданно огонь. Рабочие стремительно залегли, с ними лег и я. До начала огня кто-то из рабочих подал мне письменное заявление по поводу произведенных арестов.

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

От момента подачи сигналов рожком до первых выстрелов прошло пять или шесть минут, после открытия огня Окружный Инженер пролежал до первого прекращения стрельбы В перерыв привстал на колени, кричал о прекращении стрельбы, когда началась вновь стрельба, снова прилег и оставался в таком положении до прекращения огня, снова встал, махая фуражкой просил не стрелять, в это время кто то из рабочих подошел сзади и, выведя вперед, по направлению к солдатам, сказал, „идите, скажите, чтобы не стреляли".

Окружный Инженер видел кругом себя лежавших убитых и раненых рабочих и только одного что-то говорившего и стоявшего на коленях с окровавленным лицом на полпути между тем местом, где Окружный Инженер лежал, и деревянным через реку Аканак мостом.

Окружный Инженер, выйдя через мост по тракту, хотел своротить с него, но завяз в снегу и вынужден был вернуться снова на тракт и пойти на встречу солдат, подойдя к ним, обошел их сзади и, затем, совершенно разбитый душевно, чрезвычайно потрясенный всем происшедшим отправился по пути в камеру Мирового Судьи, где встретился с письмоводителем Судьи Кошкаревым, подавшим Окружному Инженеру стакан воды, и с Горным Инженером А. Б. Бромирским, в присутствии которых Окружный Инженер все время повторял: „что они наделали, подождали бы две—одну минуту, ведь рабочие готовы были свернуть".

Конечно в руках окружавших Окружного Инженера рабочих, он не видел ни палок, ни кирпичей, ни камней.

Вечером все власти собрались в Народном Доме и там всеми было решено выработать основное содержание телеграмм одинаковым, чтобы не было противоречий. Вот почему Окружный Инженер в свои телеграммы, посланные в 11 час. ночи 4-го апреля Горному Департаменту, г. Иркутскому Губернатору и г. Начальнику Горного Управления, включил со слов Ротмистра Трещенкова, не имея еще тогда данных не доверять ему, слова, не-

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г

От момента подачи сигналов рожком до первых выстрелов прошло 5 или 6 минут, после открытия огня я пролежал до первого прекращения стрельбы. В перерыв пристав на колени, кричал о прекращении стрельбы, когда началась вновь стрельба, снова прилег и оставался в таком положении до прекращения огня, снова встал, махая фуражкой, кричал не стрелять, в это время рабочий Шелудков подошел сзади, освободил полы моей шубы от державшихся за них руками раненых рабочих и, выведя вперед, по направлению к солдатам, сказал: „идите, скажите, чтобы больше не стреляли“.

Кругом лежали убитые и раненые рабочие и только один стоял на коленях с окровавленным лицом и говорил что-то, когда я проходил мимо него.

Выйдя через мост по тракту, я хотел своротить с него, но завяз в снегу и вынужден был вернуться снова на тракт и почти навстречу солдатам, подойдя к ним, обошел их сзади и, затем, совершенно разбитый душевно, чрезвычайно потрясенный всем происшедшим зашел по пути в камеру мирового судьи, где встретился с письмоводителем судьи Кошкаревым, подавшим мне стакан воды, а также с горным инженером А. Б. Бромирским, в присутствии которых я все время повторял: „что они наделали, подождали—бы хоть только две—одну минуту, ведь рабочие готовы были свернуть“.

Убитых на повал оказалось 107 человек, раненых свыше 250, из которых смертельно 56 человек.

Вечером все власти собрались в Народном доме и там было решено выработать основное содержание телеграммы однаковым, чтобы не было противоречий. Вот почему в своей телеграмме, посланной в 14 часов ночи 4 го апреля, Горному Департаменту, Иркутскому губернатору и начальнику Горного Управления, я включил со слов остальных властей роковые слова, несоответствовавшие, как оказалось впоследствии, действительности:

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

соответствовавшие, как оказалось впоследствии, действительности: „толпа вооруженная кольями, кирпичами, камнями угрожающе надвигалась на войска".

Не следует упускать из виду, что Окружный Инженер с 6-ти час. утра 4-го апреля был целый день на ногах, вел беседы, уговаривал и до некоторой степени успокоил три возбужденных толпы рабочих: на Успенском свыше 1000 чел., по дороге на Надеждинский свыше 1200 чел., Александровцев, затем на Феодосиевском команду в 2000 чел., наконец, пережил лежание под пулями солдат, все это не могло не отразиться на душевных силах человека, с 11—12 марта поставленного в условия чрезвычайной траты энергии среди почти безсонных, по недостатку времени, ночей.

Этим только и может об'яснить себе Окружный Инженер, что с вечера 4-го апреля он поддался общей панике и не отдал в первые моменты после катастрофы вполне ясного представления о происходившем, но в ближайшие же дни, как только успокоились нервы, Окружный Инженер счел долгом исправить допущенную им ошибку и послал соответствующие телеграммы Губернатору и в копии Начальнику Горного Управления 7-го апреля за № 262 и 9-го апреля за № 375 Горному Департаменту и затем самое подробное донесение 12-го апреля за № 397 на сделанный запрос Г. Иркутскому Губернатору.

С 7—8-го апреля завязалась глухая, тягостная борьбу Окружного Инженера с теми, кто хотели оправдать свои действия и обвинить в тягчайшем преступлении выведенных из душевного равновесия рабочих.

Спасенный Провидением от неминуемой гибели, Окружный Инженер все остальное свое время, все свои силы отдал тягостному среди обстановки насыщенной людской злобою и враждою долгу отстаивать истину, поддерживать попранную правду и справедливость.

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

„толпа вооруженная кольями, кирпичами, камнями угрожающее надвигались на войска“. В руках окружавших меня рабочих не было ни палок, ни кирпичей, ни камней, по словам Трещенкова среди остальной массы рабочих так много было вооруженных кольями, что набран был будто-бы целый воз этих кольев.

Не следует упускать из виду, что я с шести часов утра 4-го апреля был целый день на ногах, уговаривал и до некоторой степени успокоил три возбужденных толпы рабочих: на Успенском свыше 1000 человек, по дороге на Надеждинский свыше 1200 чел. Александровцев, затем на Феодосьевском команду в 2000 человек, наконец, пережил лежание под пулями солдат, все это не могло не отразиться на душевных силах человека, с 11—12 марта поставленного в условия чрезвычайной траты энергии среди почти бессонных, по недостатку времени, ночей.

Этим только и могу об'яснить себе, что я с вечера 4 го апреля поддался общей панике и не отдал в первые моменты после катастрофы вполне ясного представления о происшедшем, но в ближайшие дни, как только успокоились нервы, счел долгом исправить допущенную мною ошибку и послал соответствующие телеграммы губернатору и в копии начальнику Горного Управления 7-го и 9 го апреля Горному Департаменту в Петроград и затем самое подробное донесение 12-го апреля на сделанный запрос Иркутскому губернатору.

Благодаря этому, с 7—8 апреля завязалась глухая, тягостная борьба у меня с теми представителями власти, которые хотели оправдать свои действия и обвинить в тягчайшем преступлении выведенных из душевного равновесия рабочих.

Спасенный чудом от неминуемой гибели, я все остальное свое время, все свои силы отдал долгу отстаивать истину, попранную правду и справедливость.

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

Чтобы оттенить то волнение русского простого человека, которое заложено в глубине его чистой, православной души, Окружный Инженер не может не приложить к настоящему докладу поданного ему прошения от Феодосиевских рабочих 7-го апреля, т. е. всего на третий день после происшедшей катастрофы.

Велик тот народ, величественна его будущность если после подобных катастроф, как событие 4 апреля, он может еще нести за собою всепрощение и чисто христианское смирение и преклонение перед волей Божьей...

„Мы будем держать полный порядок как было до сего времени“...

Наблюдая и следя затем, как направляется следствие о событии 4 апреля теми людьми, которые заинтересованы, если не в сокрытии истины, то по крайней мере в ея затемнении, Окружный Инженер, рискуя весьма многим, отправляет, после долгого размышления, 13 апреля шифрованную телеграмму за № 398 в четыре адреса.

14-го апреля последовало назначение Мирового Судьи Рейна судебным следователем по делу о событии 4-го апреля...

С 15 апреля Окружный инженер приступает к подробному расследованию обстоятельств, имевших ближайшие поводы к прекращению в начале марта с. г. работ. Этим расследованием, путем составления протоколов и опросом большей части рабочих Ленского Товарищества 22-го, 24, 25, 30 апреля, 4, 17, 17, и 19 мая устанавли-

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем" в 1922 г.

Наблюдая и следя за тем, как направляется следствие о событии 4-го апреля теми людьми, которые заинтересованы были, если не в сокрытии истины, то по крайней мере в ее затемнении, я, рискуя тогда весьма многим, отправил 13 апреля шифрованную телеграмму в четыре адреса следующего содержания:

„Иркутск, Генерал-Губернатору. Прокурору Судебной Палаты. Губернатору. Горному Начальнику.

В интересах правосудия целях самого полного беспристрастного выяснения условий катастрофы 4 апреля ходатайствую из'ятии следствия от Мирового Судьи Хитуна, который совместно с товарищем Прокурора Преображенским присутствовал при войсках во время стрельбы по толпе рабочих, являясь ближайшим участником тягостного события. Необходимо немедленно командирование для производства означенного следствия другого следователя, ввиду распутицы, хотя бы из Киренска или Витима, и в крайнем случае поручить таковое Бобайбинскому Мировому Судье Рейну, неучаствовавшему в событии 4 апреля".

14-го апреля последовало назначение Мирового Судьи Рейна судебным следователем по делу о событии 4-го апреля.

По крайнему моему разумению для предотвращения происшедшего *народного несчастия* все правительственные чины, остававшиеся на правом фланге роты, вы-

Из доклада К. Н. Тульчинского сенатору Манухину в 1912 г.

ваются Окружным Инженером нарушения Правил 8 декабря 1897 г. о продолжительности и распределении рабочего времени, несоблюдение дней отдыхов, частичная принудительная расплата вместо денег товарами из приисковых магазинов и неправильные подсчеты в расчетных книжках рабочих.

И. д. Главноуправляющего промыслами Теппан письмом 14 мая с. г, за № 1817 сам удостоверяет крайне неудовлетворительное положение дела по содержанию санитарной части на всех промыслах Ленского Товарищества. Придавая этому обстоятельству весьма важное значение для обрисовки общего положения на промыслах Товарищества, охранении жизни и здоровья рабочих, Окружный Инженер считает необходимым приложить при докладе всю переписку по этому поводу.

С 7-го мая по 11-ое включительно по поручению Г. Директора Горного Департалента Окружный Инженер *вел беседы с рабочими, убеждая их встать на работы, возобновить нормальную жизнь на приисках* и тем облегчить производство разследования всех обстоятельств, предшествовавших забастовке, а также и самого события 4 апреля, особым по высочайшему повелению командированным на Ленские прииски лицом.

Переговоры велись Окружным Инженером сначала с выборными от рабочих на Успенском прииске, а затем с самими рабочими по приискам, при чем рабочие вынесли двенадцать пунктов условий, на которых они могли бы приступить к работам.

Ответ Горного Департамента, а затем раз'яснения его рабочим затянули выход их на работы до приезда на прииски Г. Иркутского Генерал-Губернатора, убеждения которого рабочих приступить к работам не увенчались успехом в силу особых неблагоприятных обстоятельств, о которых Окружный Инженер донес телеграммой Горному Департаменту 1 июня с. г. за № 911.

Рабочие Ленского Товарищества приступили, наконец, к работам, по истечении трех месяцев, только после обращения к ним 4 июня с. г. Вашего Высокопревосходительства.

Из воспоминаний К. Н. Тульчинского в „Сибирском Горнорабочем“ в 1922 г.

строенной против безоруженных рабочих, должны были, если-бы были преисполнены сознанием лежавшего на них долга, сделать тоже самое, что сделал я, т. е. пойти навстречу рабочим, оставив солдат.

По меньшей мере, рабочих следовало задержать ранее прибытия к Надеждинской станции и предупредить их о грозящей им смертельной опасности, но те, на которых лежала эта обязанность не выполнили своего долга до конца[1]).

К. Тульчинский.

---

[1]) В изложении для прессы отсутствует заключительная страница, рисующая положение после 4 апреля. Курсивом в докладе мы на этой странице обозначали лишь самое характерное. Ф. Г. и Я. Ш.

Воспоминания о забастовке 1912 года Э. Думпе.[1])

Как началась забастовка на Андреевском прииске, это уже достаточно описано и этого я не буду касаться. Начну с Надеждинских механических мастерских. С 1910 года, сентября месяца, я работал на приисках Лензото в качестве слесаря. В 1912 году на третий день после того, как забастовка возникла на Андреевском прииске, забастовали и мы. До того до нас доходили темные слухи, что на Андреевском забастовали, но почему, что за причина, что рабочие требуют—это мы не знали. 2 марта поздно вечером, некоторые из нас узнали, что Александровский прииск готовится также к забастовке. Так как недовольство накопилось у всех рабочих одинаково, в том числе и у мастеровых, несмотря на то, что мастеровые пользовались некоторыми привилегиями, то вопрос и для нас был ясен, что нужно и нам забастовать. Утром 3-го марта мы узнали, что Александровский прииск действительно бастует. Мы проработали до обеда и ушли обедать. Во время обеденного перерыва мы уже узнали и о причинах возникновении забастовки. После обеденного перерыва вышли опять на работу, но пришедши в мастерскую к работе не приступали. Положение было колеблющееся, никто не хотел выступать первым. Но скоро это решилось как то само собой. В мастерскую вошел заведующий мастерскими Демут Адальберт Карлович и предложил рабочим или приступать к работе или покинуть мастерскую.

Это дало толчек к тому, что рабочие покинули мастерские, вышедши на улицу, решили устроить общее собрание. Так как на Надеждинском прииске не находилось другое помещение, где могли бы все собираться, то

---

[1]) Материал этот, озаглавленный нами «Воспоминаниями о забастовке 1912 г.» является письмом Э. Думпе бодайбинскому уполгубистпарта т. Григорьеву присланный в ответ на телеграфный запрос. Э. Думпе—б. политический ссыльный, социал-демократ.

решили устроить общее собрание в новой, ещё не отделанной бане. Там и состоялось первое собрание, которое можно пожалуй назвать Учредительным собранием Ленской забастовки, ибо тут выработались сразу все те вопросы, которые обхватили всю рабочую жизнь. Так как у нас не было еще ничего точно известно о причинах, что вызвали забастовку на Андреевском прииске, то нам пришлось сразу действовать самостоятельно. Раздавались голоса, что нам мастеровым надо выступать отдельно от рабочих, ибо нас скорее правление удовлетворит. Но эти голоса замолкли, когда я указал, что наше дело есть также и общее дело и мы должны быть солидарны с горняками. И так мы приступили к работе. Вырабатывая требования, мы старались ставить их так широко, чтобы они обхватили всю рабочую жизнь. Также тут выработали порядок, как должна вестись забастовка. Требований, насколько помню было выставлено всего 16. Выбраны были как представители от рабочих или делегаты для ведения переговоров с Управлениями—6 чел. По сколько помню прошли Вязовой, Баташев, Журавлев и еще трое, которых я уже не припомню. Выставили и мою кандидатуру, но я баллотироваться отказался, указывал, что я как политический ссыльный, не имеющий гражданских прав, могу явиться только помехой, ибо наши противники поймут сразу, обнаружив „политических", что забастовка „политическая", а это не вошло в наши расчеты. Но тут же я заявил, что мы всегда будем среди выборных, будем вместе с ними работать, но только не оффициально. Это было принято и так я постепенно своей работой очутился в главе всего движения. Тут же мною было внесено предложение о закрытии всех винных лавок и о воспрещении рабочим во время забастовки употреблять водку. Это приняли у нас единогласно и без оговорки распространилось на все прииска. Также постановили войти в тесную связь с остальными приисками. Вечером того же дня на ночную смену не вышли рабочие Феодосиевского прииска, 4-го марта утром мы уже имели связь со всеми остальными приисками ближней тайги. На об'явленное общее собрание в Надеждинском Нардоме явились рабочие Феодосиевского, Надеждинского и Александровского приисков, а так же многие из Андреевского и других

нижних приисков, так как всем рабочим в Народном Доме не хватило места, то собрание устроили на площади у Народного Дома. На этом собрании участвовали более пяти тысяч человек. День был солнечный, ясный и тут рабочие первый раз обсудили свои нужды, высказали свои обиды и первый раз услышали свободное слово. Характер всех речей был чисто экономический, из за тактических причин, с самого начала, было решено избегать всякую политическую тему. Мы это делали сознательно и хорошо заранее знали, что, если политику вытолкни в двери, она залезет в окно, все равно без политики, при данных условиях не обойдемся. Нет мы не были так наивны. Но надо было дело забастовки поставить так, чтобы в политику втянули рабочую массу не политические ссыльные со своей „злонамеренной агитацией", а чтобы это сделало само правительство. Это, как впоследствии оказалось, нам удалось и дело Ленских рабочих стало делом рабочих всей России.

На этом общем собрании было вынесено постановление, что во время забастовки ни один из рабочих не имеет право и не должен пить водку. Ввиду того что помимо винных лавок еще торговали в рабочих бараках „матери"[1]), и в данное время имелся у них некоторый запас, то этот запас подлежал также из'ятию. Но чтобы „матери" не понесли одни убытки, то постановили, что „сынки", которые раньше являлись покупателями у „матерей" должны и теперь в складчину по казенной цене вино выкупить и вылить. Это исполнялось в точности, буквально. Я был очевидцем такой сцены. На Ново-Александровском прииске у барака стоит группа рабочих, вооруженных „четвертями", по очереди подходят к снеговой куче и выливают содержимое т. е. водку прямо в снег. Это делалось охотно со смехом, шутками и прибаутками. Воодушевление, самоотвержение среди рабочих было такое, что не могу найти достаточно ярких слов, чтобы это выразить, я никогда не подозревал, что это темная, друг против друга озверелая масса, на это может быть способна. Я участвовал

[1]) Ввиду невозможности вести холостое хозяйство рабочему, и отсутствия с другой стороны организации коммунального питания, несколько рабочих—«сынков» нанимали на общий —«мамку», обычно жену кого нибудь из рабочих, исполнявшую для них обязанность домашней хозяйки. Ф. Г. и Я. Ш.

во многих забастовках, но никогда и нигде я не видел среди рабочих такое единодушие, как здесь. Видно было, что режим Лензото достаточно поработал для того, чтобы сплотить эту массу в одно целое, лучше всякой „злонамеренной политической агитации". На этом собрании постановили, чтобы все выборные собрались после собрания в Народном доме для выработки общих требований. Ввиду этого после собрания все выборные собрались в Народном доме на сцене. Присутствовали только, сколько место позволяло в зале, рабочие. Прошли требования составленные нами мастеровыми, почти целиком, внося только некоторые поправки. До этого момента не было у нас то, что принято назвать „комитетом", его не было и до конца забастовки. Все что делалось, творилось как—то чисто анархически, само собой. Ни на общем собрании, ни на собрани выборных не было оффициального председателя. По практическим соображениям было поручено выборным от Надеждинского прииска, поддерживать связь с остальными приисками. Со временем, таким образом, возникло так называемое „центральное бюро", которое несло все функции комитета, с той только разницей, что комитеты обыкновенно выбирались, а наше „центральное бюро" возникло чисто стихийно. Нужно было, чтобы кто нибудь координировал все происходящее, это и делали те, которые в данное время занимали по своему местонахождению, как будто центр. Этим центром по своему выгодному местонахождению и был Надеждинский прииск, как близкий к Главному Управлению, имея телефоны и т. д.

Скажу о себе, что я не был никогда выборным представителем, но это делалось опять тоже само собой. Сами события заставляли меня делать то, что делал и я против своей воли, не стремясь к тому, очутился председателем „центрального бюро". Стихийно возникла забастовка, стихийно возник и ее руководащий аппарат. Многие со мной не согласатся, но это в действительности так и было. По сколько помню 5-го марта были представлены требования исполняющему должность Главноуправляющего Теппану. Теппан нас, человек семь, дальше передней не пустил и, принимая из наших рук требования, имел совершенно растерянный вид. Мне приходилось много раз иметь дело с разными Управляющи-

ми директорами и т. д. в аналогичных случаях, но такую растерянность, непонимание того, что кругом творится, я еще не видел. На меня сразу он произвел впечатление, что этот человек по недоразумению занимает такой ответственный пост.

Он был настолько рассеян, что, не познакомившись с нашими требованиями, тут же в передней, нам сказал, что он ничего другого не может сделать, как советовать приступить немедленно к работе. На это мы категорически заявили, что пока наши требования не будут удовлетворены, мы к работе не приступим, и ввиду того, что он не может ничего по поводу наших требований сказать, мы просили его, требования сообщить по телеграфу в Петербург в Главное Управление.

Говорил с ним Баташев, которого Теппан прозвал „рваная шапка". Идя в Управление мы не нарядились, а шли в рабочих костюмах, причем у Баташева была на голове старая, рваная „татарка". На этом кончились у нас переговоры с Управлением и мы вернулись обратно в Народный дом, где нас ожидали в это время собравшиеся рабочие со всех ближних приисков, которым мы и передали результат наших переговоров. Что мы с Теппаном не сговоримся, это для нас стало ясно, но осталось еще надежда на ответ из Петербурга.

Выслушав наш доклад рабочое разошлись с тем, чтобы по получении телеграммы из Петербурга собраться вновь. В тот же день вечером мы получили ответ из Петербурга, переданный нам Теппаном через рассыльного В нем говорилось то же самое, что утром нам сказал Теппан. Ответ обсудить, собрались в Народном доме одни выборные. В ответе говорилось, что требования не могут и не будут удовлетворены и советуется рабочим не слушаться злонамеренных людей, а приступить к работам, кажется, что в этой же телеграмме было сказано, что если рабочие не приступят к работе, то Ленזото будет считать их расчитанными, согласно пункту договора, по которому, если рабочий три дня подряд не вышел на работу, Правление имеет право его расчитать. Я подверг полученную телеграмму критике. Во первых, в такой короткий срок, по моему мнению, телеграмма не могла быть передана и получена для обсуждения в Петербурге и опять получена обратно.

Требования нами были поданы в 11 часов утра, а ответ уже обратно получили в 4 часа. Я подозревал Теппана в том, что он наши требования, просто не передал, а ответ сфабриковал сам. Мною высказываемое было подслушано и передано в Управление, заведующим Народным домом (фамилии не помню). Оно и служило обвинительным материалом, который нам пред'являли после ареста. Насколько мой взляд на этот вопрос был правильным, я еще до сих пор себе не выяснил. По моему это надо было бы проверить.

До сих пор забастовка распространялась только на ближние прииска. Нами еще не было ничего предпринято, чтобы забастовка распространилась на все прииска Лензото. Но такой ответ Управления, заставил нас действовать энергично, а потому на нашем заседании выборные решили общую забастовку всех приисков Лензото. Ввиду этого мы послали специального, с той целью, надежного человека, который должен был во что бы ни стало остановить Тихоно-Задонский, Ивановский и другие, так называемые дальние прииска. Это было исполнено и, кажется, 7-го марта стали все прииска.

В это же время мы были сильно заняты вопросом о нашем внутреннем порядке. Ведь у нас не было организации, забастовка возникла стихийно, и также стихийно —хаотически могла кончиться. Надо было найти такую форму организации, которая соответствовала бы нашим целям. И тут получился интересный случай, в котором неожиданно проявилась инициатива массы. Рабочие Феодосиевского прииска для поддержания порядка в рабочих номерах, выбрали старост, которым должны были подчиняться все обитатели данного барака. Это и было то, что мы искали и нам не оставалось ничего более, как расширить эти права и обязанности старост и распространить этот порядок на все остальные прииска. И в результате у нас получилась идеальнейшая организация, сильная и гибкая. Был выработан особенный указ или постановление о правах и обязанностях выборного старосты. Поскольку помню в нем были следующие пункты (не ручаюсь за редакцию, но приблизительно следующего содержания):

1) В каждом рабочем номере—бараке должен быть избран староста общим по желанию открытым или тайным голосованием.

2) Выбираются для старосты двое помощников, которые подчинены старосте, но в его отсутствии пользуются всеми правами и обязанностями такового).

3) С момента выбора старосты, староста является неограниченным хозяином данного барака, его может сменять только совет старост, который состоит из всех старост данного прииска, по заявлению всего барака (Это для нас было гарантией, что староста исполняет все наши указания самостоятельно и безпрекословно.

4) За все безпорядки в бараке как то: драки, пьянства, самовольная отлучка после 4 часов вечера и т. д. отвечает староста. А за безпорядки по всем приискам отвечает совет старост данного прииска.

5) Все обитатели барака должны исполнять требования старосты безоговорочно, как-то; ночью дежурить по очереди, как в бараке так и если нужно по указаниям старосты в границах прииска (были посты у динамитного склада, магазинов, винных лавок и т. д.)

6) Совет старост подчинен выборному и должен привести в исполнение все постановления „центрального бюро" переданные через выборного.

Вот приблизительно основы нашей организации, которые возникли во время забастовки. Это можно привести, как пример способности русского рабочего скоро и стройно организоваться. Прибавлю еще, что не приходилось принимать никаких суровых. принудительных мер, для того чтобы привести в исполнение то или другое постановление. Помню единственный случай когда применялась кара—кто-то из рабочих на Феодосиевском прииске, не помню в чем, провинился против старосты и вот всем бараком за это было постановлено виновнику всыпать 25 горячих и исполнили даже с одобрением его жены,—против мира не бунтуй. Ни разу не приходилось, что либо слышать против установленного порядка. Даже женщины, которые находились в постоянной войне между собой из за плиты, выбрали старостиху, которая наблюдала и распределяла очереди, что касалось общежития,

С первых дней забастовки мы добивались приезда Окружного Инженера Александрова, который заменял Тульчинского в его отсутствие. Тульчинский в это время был в отпуске и жил в Петербурге.

Александров явился, кажется, 6 марта, но не оправдал наши ожидания, Он оказался совершенно бледной личностью. На нашу надежду, что он станет на сторону законности, он нам отвечал словами Теппана—становитесь на работу и тогда только я смогу разсматривать поскольку ваши требования законны. На вопрос рабочих, считает ли он, что по таким-то пунктам договора рабочих с Лензото—нарушением этого договора со стороны Лензото, он не дал точный ответ, а указал, что если рабочие не выйдут на работу в Управление в указанное время то, все будут подлежать расчету—согласно договора.

Не помню которого числа началось вручение рабочим расчета через полицию, ибо рабочие не шли сами за расчетом, и выселение рабочих из бараков Лензото по приговорам мирового судьи Хитуна.

Лензото, или правильнее говоря его верные слуги, тоже не думали дремать с разными подвохами, даже на свой риск проектировали сорвать забастовку. Так, насколько мне передали выборные от Феодосиевского прииска, управляющий Феодосиевским прииском Самохвалов Всеволод Иванович обратился на пятый и шестой день с предупреждением к рабочим, что ввиду его годовщины 20 или 25-ти летней службы он желает рабочих угостить за свой счет и отпустить на каждого рабочего по полбутылке водки с закуской. Рабочие от этого отказались, отвечая—теперь забастовка и водку пить нельзя, а кончится забастовка—тогда с угощением милости просим, выпьем за ваше здоровье. Так рушился довольно хитрый план с поднесением рабочим водки. Были уже раньше на приисках возмущения рабочих, но они обыкновенно кончались тем, что во время начальство выставляли водки, рабочие перепивались, кое кого били, а на другой день после этого выходили на работу. Когда это не удалось, тогда стали рабочих пугать, что выселят их из бараков на основании договора по пункту, в котором говорится, что если рабочие не вышли 3 дня подряд на работу, они подлежат расчету и обязаны

покинуть занимаемое ими помещение. На основании этого пункта мировой судья Хигун приговорил рабочих Догалдынских бараков к выселению. Для приведения в исполнение приговора была поднята на ноги вся местная полиция, а также для подкрепления была вызвана военная команда Бодайбинского гернизона. Оцепив барак, они выгнали рабочих из барака, хотели их куда-то вести.

Когда нам на Надеждинском сообщили по телефону, что делается полицией, мы спешили передать это на другие прииска и сами поспешили на место происшествия. Со всех бараков, по всем дорогам и тропам двигался народ по направлению к Догалдыну.

Полиция смутилась и особенно не усердствовала, скоро как солдаты, так и полиция были окружены вплотную тесным кольцом рабочих, которое все увеличивалось. Солдаты перемешались с толпой и скоро в их цепи не оказалось ни одного рабочего. Видно было, что на это власти не расчитывали и были захвачены врасплох. Когда скомандовали солдатам сплотиться и вывели их на дорогу, рабочие разделились на две половины. Выпустив из своей среды солдат, все двинулись за ними.

В конце получилась такая картина—солдаты шли скорым маршем впереди, за ними по пятам огромная масса, около трех слишком тысяч. Все это двигалось по направлению к Надеждинскому прииску. Когда подходили к Народному дому, нам на встречу двигалась такая же масса с Александровского и других приисков. Солдаты опять очутились между двумя толпами, которые все увеличивались и окружали солдат.

Момент был критический, это учел исправник Галкин, который руководил выселением. Он приложил много усилия, бегал с одной стороны толпы, умоляя рабочих не напирать на солдат, что может случиться несчастье. Он обещал, что никакого выселения рабочих больше не будет. В это время выступил с речью Хитун, указывая, что рабочие сопротивляются властям, действуют незаконно. Рабочие все время вели себя удивительно спокойно, но услышавши речь Хитуна, постепенно начали волноваться и скоро с страшным ревом оборвали его речь, и стоило некоторого усилия, чтобы оградить безопасность Хитуна. Тут опять власти убедились в реши-

тельности рабочих бастовать до конца. Нам пришлось приложить не мало усилий, чтобы убедить рабочих разойтись. Это был хороший урок для местной администрации. Она могла убедиться, что рабочие на силу, могут быть вызваны действовать также силой. Кто в таком случае оказался бы победителем, большой вопрос, —по всей вероятности рабочие, потому что такие попытки уж больше до прибытия Трещенкова не повторялись.

У нас порвалась всякая связь с Управлениями. Так прошло несколько дней, которые мы употребили для того, чтобы установить тесную связь между приисками. Все выдвинутые вопросы обсуждались совместно с выборными из других приисков, сколько в данный момент находилось на Надеждинском прииске. Чувствовалась нужда для поднятия настроения в массах, печатного слова. Ввиду этого было выпущено первое гектографированное воззвание,—„Рабочим от рабочих". Около 11 или 12-го марта вдруг распространился слух, что по распоряжению Управления останавливаются все водоотливные приспособления. Это взволновало рабочих, ибо это угрожало затопить все шахты и это вызвало бы на продолжительное время безработицу для большинства рабочих. Тут надо сказать, что с первого дня было вынесено постановление, что все рабочие, которые по роду своей работы не могут быть сняты с работы остаются на своих местах. Такими были конюхи, водовозы, банщики и т. д., а также вахтовые в электрических станциях, кочегары и при водоотливных приспособлениях. На этот шаг Управлению надо было воздействовать совсем другими мерами.

Я уже указал, что на Надеждинском прииске образовалось, так называемое „центральное бюро". Тут кстати должен сказать еще то, о чем не говорится в мною прочитанных трудах по данному вопросу. Помимо оффициального „центрального бюро" существовал, если так можно выразиться „тайный совет". О его существовании знали ограниченное число участников и о его существовании не знали даже выборные. На этом совете обсуждались каждый вопрос всесторонне и уже, когда оказывался достаточно ясным, и если он вызывал какие-либо мероприятия с нашей стороны и это было уже на-

ми найдено, тогда оффициально выступало „центральное бюро“ и всегда его предложения собранием или советом выборных принимались. Также об организации гектографирования воззваний и их составлении знали только несколько человек из совета.

Перехожу к вышеуказанному событию. Перед нами стал вопрос, как реагировать на то, чтобы не затопили шахты, и попутно шире поставить дело нашей забастовки. Тогда была нами составлена много нашумевшая телеграмма. Рабочие обратились к властям уже вне ленского бассейна. Цель этой телеграммы была та, чтобы забастовку Ленских рабочих „повесить к болшему колоколу“. Ввиду этого, насколько помню, по следующим адресам, была послана телеграмма, текст которой мне трудно востановить по памяти. „Государственной думе“, „Министру внутренних дел“ „Главному Управлению Лензото“, „Главному Горному Управлению“, „Биржевому комитету“ и еще одну, а кому не помню. Помню, что в Петербург отослал 6 и в Иркутск 2 телеграммы, Иркутскому Горному Управлению и Генерал Губернатору приблизительно нижеследующего содержания.

Рабочие Лензото забастовали нарушением договора со стороны Лензото. Требования рабочих: хлеб без примеси, доброкачественное мясо, вежливое обращение, не дозволяйте Лензото затоплять шахты, картошка, капуста, 30% добавки жалованья, не расчитать всех виновников возникновения забастовки, 8 часовой рабочий день и т. д. Всего, кажется, 16 пунктов и приблизительно в таком же хаотическом порядке. Получалось впечатление, что она составлена без всякого руководителя, а составлена толпой, в которой первый попавший грамотный написал все, что ему диктовали. Мы не были так наивны, чтобы ожидать от посланной телеграммы, него либо положительного. Но наша цель была во-первых, хоть таким образом, дать знать более широким массам, что мы бастуем, и чтобы принудить Лензото вступить с нами в переговоры. Посылая телеграммы только какой-либо газете, государственной думе или биржевому комитету мы сомневались, что ее могут утаить, но посылая одновременно в разные адреса, кое-где она должна будет выплыть и тогда попадет в газете. Как серьезно мы смотрели на эту телеграмму доказывает факт ее отсылки и пе-

редачи в Бодайбо. Ввиду того, что мы не имели никакого денежного фонда, нам нужно было для отсылки телеграммы собрать деньги.

Поэтому сделали сбор среди рабочих, которые дали 180 рублей пятаками, гривенниками и другой мелкой монетой—три хороших кулька. Так как деньги собирались открыто по всем приискам близкого района и не таилась цель для чего они собираются, то представляла некоторую опастность ее, т. е. телеграммы отсылка.

Ввиду этого телеграмму отвести взялся я сам, ибо не доверял достаточной опытности в конспирации комулибо. Время когда повезу, а также, кто должны меня сопровождать, не знал никто. Меня сопровождали муж и жена Будевицы. Сели мы в ночной поезд, в разных вагонах и приехали утром благополучно в Бодайбо, где остановились в разных квартирах. Ко мне собрались многие из Бодайбинской ссылки и когда я их познакомил с содержанием телеграммы, наши ссыльные интеллигенты сразу стали меня убеждать, что телеграмма составлена „безалаберно“ и что ее нужно переписать. По ихнему 8-ми часовой рабочий день и 30% прибавки жалованья должно стоять на первом месте, а потом уже все остальное. Я, понятно, на поправки не согласился и телеграмма осталась такая-же, как была составлена мною. План передачи был следующий. Я, Будевиц и его жена имели по одному экземпляру текста телеграммы. Ровно в 9 часов утра, когда много народу, я шел на телеграф где меня должны были дожидать Будевицы, пришедшие также врозь. При передаче телеграммы, если полиция меня будет арестовывать я подниму, как можно больше шуму и постараюсь, как можно больше увлечь собой полицию. После должен подойти Будевиц и если его арестуют, то увлечь всю остальную полицию. А тогда с той же целью должна выступить жена Будевица, Лидия Михайловна, и передав телеграмму исчезнуть. Но все эти предосторожности оказались лишними. Никто из Управления от рабочих такого шага не ожидал, и заохали только тогда, когда в тот же день на бирже многие из мелких акционеров Лензото вылетели в трубу. Обратно я приехал также благополучно.

Через неделю мне опять пришлось ехать до Успенского прииска. Цель моей поездки было разузнать о

дальнейших планах Управления и выехал ли Тульчинский. У меня там был надежный человек, который вращался в „высшем кругу“. На обратном пути мне пришлось быть свидетелем разговора в вагоне. Говорили между собой двое из пострадавших на ленских акциях. Чтобы излить свою желчь они не стеснялись в выражениях по адресу рабочих, называя их и кобылкой и ослами и дураками, что они по своей глупости обращались к биржевому комитету. Для них было бы понятно, если рабочие обратились бы к царю, но почему к биржевому капиталу они обратились, этого они никак не могли понять.

В этот период забастовки началось на приисках женское движение, выразившееся в том, что открылся весь тот гнет, который давил жен и дочерей рабочих. Чтобы добыть нужные материалы и ввести некоторую планомерность в этом движении, мы ввели порядок, так называемый, „подачи жалобы“. Так как нам мужчинам, немножко неловко выслушать эти исповеди пострадавших жертв, то для этой цели об'явили выборы женщин-делегаток. На их обязанности было собрать весь материал по данному вопросу и послать в центральное бюро. Все жалобы принимались в письменной форме, с подписями пострадавших. Сперва мы получили единичные, которые прочитали и приняли к сведению, но скоро эти жалобы стали поступать целыми ворохами и нам пришлось их только группировать, а самый просмотр и разборы отложить до более свободного времени. Поскольку я слышал, что эти жалобы попали т. е. были переданы приезжим адвокатам, защитникам ленских рабочих.

В первые дни забастовки мы завели такой внутренний порядок, что каждая бумажка, которая поступала или которую выпустили мы и документы, которые касались забастовки, мы переписывали в трех экземплярах и сейчас же прятали в трех разных местах. Так мы хотели создать архив нашей забастовки. Было намерение вести журналы и дневники, но за неимением свободного времени все откладывали надеясь на память. Нас 5 человек, на это не хватало, а помимо нас некому было поручить, никого из близких к делу не было. Все наше время поглощалось текущими делами и я

первые две недели спал нераздеваясь, ибо пришлось работать днем и ночью. Одна часть архива была вывезена еще зимней дорогой, после растрела. Вывозили его двое из рабочих, которых мы догнали, когда нас, арестованных перевели по весенней распутице из Бодайбо до Киренска. К сожалению, никак не могу припомнить этих товарищей по фамилии. Они должны были вывезти архив из приисков в Петербург и передать в адрес присяжного поверенного Соколова. А куда делись две остальные части нашего архива я не знаю. Во всяком случае в руки правительства они не попали, а то они фигурировали бы в качестве обвинительного материала.

С приездом Трещенкова и тов. прокурора Преображенского, атмосфера сразу сгущалась. Они привели с собой солдат. У нас стало ясно, каким путем с нами Лензото хочет говорить. Мы поняли, что нам хотят ускорить кровопускание, вопрос только когда и где. Администрация стала сразу вести себя вызывающе и угрожающе, прибегая даже к простой провокации. Сперва это выразилось не умело, не уверенно, а потом все смелее и достигло апофеоза 4-го апреля.

Нужно отметить еще тот факт, что за все время забастовки администрация никак не могла завербовать из рабочих предателя и провокатора. Когда пред'явили мне (во время моего ареста) обвинение, то оказалось, что власти находились совсем в потемках о всем нашем внутреннем порядке. Когда пред'явили мое обвинение, то выяснилось, что оно составлено на основании показаний заведующего Надеждинского Народного дома (фамилию не помню). Он нас подслушал, когда мы в первые дни забастовки заседали в Народном доме, и приблизительно верно передал мои слова, из речи, которую я говорил по поводу ответа из Петербурга на наши требования. Другой предатель, из нашей же среды, пилозуб Бармин или Брамин (точно не припомню) устроился во время забастовки в нашем № 9 бараке, где жил с женой. Но он по своей неразвитости ничего существенного не показывал. Этим материалом и пришлось ограничиться Хитуну при составлении обвинительного материала.

Нельзя сказать, что до забастовки среди рабочих не было наушников, которые все передавали начальству, что только слышали, они и носили специальный арестантский термин (извиняюсь), „мудососы". Но благодаря тому, что рабочие жили в общежитии, порядок заведенный в время забастовки, что после 9 часов нельзя было отлучаться из барака, лишил возможности тайком передать, что либо „начальству" Да и все раньше грешившие, боялись за старые грехи, и не смели навлечь вновь на себя подозрение.

На время с 12 или 13 марта по 25 марта у нас настало полное затишье. Общие собрания не устраивались, потому что благодаря институту старост, рабочие были и так в курсе событий. Этот аппарат действовал, как правильно заведенные часы. Если нужно было о чем либо информировать массу, то нужно было только о случившемся известить первого попавшегося старосту и в самое короткое время знал о том весь прииск. За это время были выпущены, кажется, 7 гектографированных воззваний. „Рабочим от рабочих", где рассматривались более выдающиеся события и внушалось рабочим держать ухо остро, соблюдать дисциплину, не поддаваться провокации и, что для нас рабочих готовится что-то не ладное. Воззвание носили все время название „Рабочим от рабочих" за подписью „рабочие". Характер этих воззваний был строго законный и экономический. Что-либо политического педантично избегали, так что придраться не мог ни один искуснейший прокурор.

Для того чтобы был бы ясен тот характер забастовки, которую она носила, я должен опять возвратиться к уже мною сказанному. Забастовкой руководили всецело политические ссыльные, но с первого же дня забастовки мы приняли все меры, чтобы забастовка не носила политический характер Местные условия, среда из которой составлялась рабочая масса (90% крестьян) подсказали нам ту тактику, которой мы держались. Если нужно, можно назвать ее характер чисто синдикалистическим. Все наши стремления были направлены к тому, чтобы доказать то, что при тех политических условиях которые существовали в России, всякая экономическая борьба рабочих есть в то же время и политическая, независимо от воли отдельных лиц. Может быть там, где

существует организация какой либо партии, можно придать забастовке ту или иную окраску, посредством заблаговременной подготовки. Но здесь, где забастовка возникла стихийно, нельзя было ее вместить в какую-либо колодку. При том идейная физиономия ссылки представляла все оттенки политической окраски—начиная от кадетов, случайно попавших в ссылку, до анархистов—индивидуалистов. Скажу еще проще, что среди нас, руководителей забастовки, каждый имел свою политическую физиономию. Скажу несколько слов о нашей политической интеллигенции. В первые дни забастовки многие из них приезжали с целью махнуть речи. Но каждый в своей речи желал развить свою политическую платформу. Среди них были социал-демократы большевики и меньшевики, социал-революционеры и анархисты всех оттенков, синдикалисты и т. д. Каждый из них приехал с той целью, чтобы слава руководства принадлежали именно той партии, представителем которой каждый из них себя считал.

Это было именно то, что нам не нужно было. Что получилось бы, если мы дозволили бы во время острого момента борьбы, внести партийную борьбу. С одной стороны,—темная рабочая масса все равно ничего не поняла бы, а с другой стороны это дало бы законный повод стрелять в рабочих, как угрожающих существующему государственному строю. Ввиду этого у нас практиковался обычай опросить оратора о чем он будет говорить. И если нам казалось, что эта тема для нас не подходящая, то такого мы не пускали на „бочку“ (наша трибуна). Даже, если такому оратору удалось под тем или другим предлогом попасть на бочку и он в своей речи начал затрагивать политику, то его сейчас предупреждали, что этого нельзя. Если он все таки продолжал, то после троекратного подергивания за ногу, просто спихивали с бочки, без всяких церемоний. Сознаю, что что было возмутительно, я страдал в душе за свои, такие поступки, но иначе нельзя было поступить. Так диктовали нам делать те исключительные условия среди которых мы находились. Да и не ощущалась нужда в гастрольных ораторах потому, что мы имели своих, из нашей же рабочей среды.

„Гриша“ (Кирпичин, он же Черепицын) мог говорить целыми часами, не затрагивая опасные темы, „рваная шапка“ (Баташев) и другие также. Они умели говорить о всем, что стояло близко к сердцу рабочих. Многие, слушая их плакали, как дети.

В частных беседах с рабочими, а особенно с выборными, мы популяризировали идею профессионального союза рабочих. Ввиду того, что во время забастовки возникшая наша сплоченность, могла опять распуститься с окончанием забастовки, мы желали эту же сплоченность перенести в союз. Но так как при существующем строе такая организация легально не была бы допущена, то она должна была быть нелегальной. В последние дни, перед растрелом, мы выработали подробный устав такого союза и назвали его „Кайло и Лопата“, В вечер, перед моим арестом, мы выпустили уже последнее воззвание, в которое открыто, мы призывали рабочих организовать союз. Кажется и надпись была уж от „Кайлы и Лопаты“. В основе этой организации должен был остаться наш институт старост.

Все это мы делали с той цели, что если даже забастовка кончилась бы для нас рабочих благоприятно, то все таки нас, руководителей, под тем или иным предлогами удалят с приисков. И в таком случае, чтобы наш труд, внесенный во время забастовки, в рабочей массе после окончания ее не пропал бы.

В первые дни забастовки явились у нас в Народном доме представители от конторских служащих, и предложили нам, что они также желают примкнуть к забастовке. Они просили их требования присоединить к нашим, а также просили, чтобы мы их выгнали из конторы, ибо не все их на это согласны. Но озлобленность рабочих против служащих была так велика и недоверие так глубоко, что даже бастовать вместе со служащими не желали. Мы предложили им об‘явить забастовку самостоятельно, по нашему образцу, но принятъ их выборных в наш совет отказались. В начале я был сторонник предложения служащих. Но более подробно, взвесив их предложение, пришел к выводу, что если оно даже искренно, то пользы могло быть от него меньше, чем вред, если предложение служащих не искренно. И так ничего из забастовки служащих не вышло. Об‘ясняю

тем, что из их среды вербовался отряд для провокации рабочих, что показал следующий случай. Не помню которого числа, ночью на Феодосиевском прииске рабочие были разбужены криками о помощи и выстрелами. Рабочие, выбежавшие на улицу, увидели каких-то оборванных людей, окруженных стражниками, которые их вели мимо рабочих бараков. Поравнявшись с рабочими, некоторые из оборванцев бросились бежать в сторону рабочих с криками—спасайте нас, мы такие-же рабочие, как и Вы. Но, благодаря дисциплине, никто из рабочих не двинулся с места без разрешения на это со стороны старосты. В это время уже старосты выяснили, что эти „оборванцы" будто пойманы в шахте. Не доведя до казачьей, они были отпущены на все четыре стороны. Утром мы узнали, что оборванцы были переодетые служащие, с целью провокации. Расчет был таков, что рабочие бросятся их отбивать от стражников. Это дало бы повод заявить властям, что рабочие во время забастовки хищничают и пойманных хищников—воров освобождают.

Это было уже нами предвидено и потому получился и с этой стороны фиаско. Утром, когда явились в центральное бюро выборные с докладом и разсказали о случившемся, „бюро" послало Исправнику предупреждение, что если полиция в будущем еще поймает воров, то чтобы их везли прямой дорогой в казачью, а не окольными путями мимо бараков рабочих. Это противоречит порядку нашей забастовки, нарушает тишину и порядок сама полиция. Пусть власти знают, что рабочие с ворами ничего общего не имели и не будут иметь. В таком ироническом тоне мы обратились к Исправнику и не помню получили мы или нет на это ответ. подобные случаи больше не повторялись.

Я уже сказал, что около 12 марта прекратилась всякая связь рабочих с Управлениями. Обе стороны настаивали на своем.

Это для нас не был выход и потому мы были озабочены найти путь, чтобы выйти с честью из создавшегося положения. Самим итти в Управление, это означало бы итти на уступки. Нам нужен был посредник. Таким посредником, по занимаемой должности, мог быть окружной инженер Александров. Но свою позицию он

показал в первые дни забастовки в худом свете для нас рабочих, единственная надежда оставалась только на Тульчинского, о выезде которого мы уже знали. Я ездил два раза на Успенский с целью разведки, собрать все нас интересующие сведения, что делают и думают в „высшем свете". Я уже сказал, что там у нас был нужный человек, который вращался в среде „высшего света", идейно был наш. Мы хорошо были информированы о всем, что о нас думают и что против нас предпринимается. От него я узнал, что Тульчинский выехал с особенными полномочиями.

Тульчинский был наша единственная надежда выйти благополучно из создавшегося положения мирным путем. Надо сказать, что ни один из начальства не пользовался такой популярностью среди рабочих как Тульчинский. И вот он приехал, кажется, 24 марта. В тот же день мы получили оффициальное приглашение явиться завтра 25 марта со всех приисков (на случай приезда мы вызвали и из дальних приисков выборных) поехали выборные к Тульчинскому. Сперва собрались на Андреевском, где устроили совещание и потом всей толпой пошли на Успенский. Нас было, посколько помню, 52 человека. При входе в дом сам Тульчинский нас встречал. Тут же он заявил, что весь его дом в нашем распоряжении и что в доме кроме его и его слуги Ивана, никого нет. Он просил нас в этом убедиться, мы ему поверили и так, на слово, ибо было слышно по тону, что он говорит искренно.

Еще не было 4 часа и мы разбрелись по его квартире. Рабочие очень интересовались его коллекцией ископаемых, собранных в Бодайбинском районе. На разные вопросы рабочих, он дал поясняющие ответы. Помню еще такую подробность. Тульчинский между прочим сказал,—мне как порядочному хозяину надо было бы Вас напоить чаем, и я это хотел делать, но мой Иван мне отсоветовал и говорил, что если мы выборных угостим, то по рабочим пойдет слух, что мы их купили стаканом чая. Пожалуй, что он прав и так чаем я Вас не буду угощать—прошу извинить. Среди нас выборных были две женщины (фамилия одной Ажгибесова). С часами в руках, Тульчинский дождался ровно 4 часа в тогда об'явил собрание или совещание открытым. С нашей стороны

выступил с подробным докладом о всем случившемся Баташев. После чего мы делали кое-какие дополнения и потом выступил Тульчинский. Тут будет не лишнее сказать несколько слов о Тульчинском, как ораторе. Я в своем веку много слышал первоклассных ораторов, но такого впечатления не производил на меня еще никто. Может быть тут играло роль и то положение, в каком мы в данное время находились. Это влияние его речи я наблюдал и на всех остальных. С его словами, с его доводами, можно было и не согласиться, но музыка его речи увлекала, гипнотизировала нас всех. Да и само содержание его речи было нам, что называется по сердцу. Его речь продолжалась более двух часов. Начал он с того, что кратко обрисовал свою борьбу с беззакониями Лензото. Дело дошло до того, что он уже себя считал побежденным Белозеровым и Компанией. Его от'езд в Петербург был вызван интригами Лензото, на что он должен был дать лично отпор. Он уже давно предупреждал высшие власти, что возможна забастовка и, вообще, незаконные действия Лензото могут кончиться большим несчастьем. Теперь, заручившись особенным полномочием и поддержкой высших властей, он в силах опять бороться с Лензото и исполнять все законные требования рабочих. Он признал, что договор нарушило Лензото, это безспорно. Из 16 требований 14 требований законом предусмотрены и должны Лензото быть приняты безоговорочно. Только требование 30% прибавки и 8 часовой рабочий день, вне его компетенции. Но и 8 часовой рабочий день законом предвиден в мокрых шахтах и там частично он обещал ввести.

Хотя это не было то, чего мы ожидали и на что надеялись, но это было кое что. Но тут у нас возникла загвоздка—он ставил условия, что он это сделает и что за это он ручается, но сделает только тогда, если мы ему пойдем на встречу, т. е. выйдем на третий день пасхи на работу. Он, кажется, был искренен и его речь внушала доверие. Я задал ему вопрос: „какую мы имеем гарантию, что нас вышедших на работу, Лензото не обманет“. На это Тульчинский с дрожью в голосе нам заявил, что он искренне верит рабочему делу и всегда боролся против обид рабочих, о том знают все рабочие, всех приисков, а теперь, когда на него смотрит вся

Россия и он благодаря полномочиям от министерства может заставить Лензото слушаться того, что говорилось в законах—он рабочих не обманет. Мы своим выходом на работу можем ему в этом помочь, (так приблизительно, поскольку я помню, он говорил или вернее смысл его слов были таков).

Сделали перерыв. Тульчинский, чтобы нас не стеснять, на это время удалился. Мы обсудили все нами слышанное. Нас смущало только то, что мы должны доверить Тульчинскому окончить забастовку, став на работу на третий день пасхи, но и наше положение было из рук вон плохо. С одной стороны Трещенков, Преображенский и солдаты и прочее, они наверно скоро выйдут в открытую и начнут действовать. С другой стороны выход на работу только благодаря обещаниям Тульчинского.

Большинство склонялось за выход на работу, принимая во внимание, что если не будут выполнены наши требования, то можем через месяц или больше, забастовать снова. Выходя на работу мы могли убить двух зайцев. Во первых так, как рабочие стали на работу, то Трещенков и другие должны будут удалиться, ибо ничего не останется усмирять. Во вторых, мы могли проверить, насколько искренни намерения правительства в лице Тульчинского, улучшить быт рабочих. А главное, что мы теперь были организованы и могли действовать одновременно. Одновременно стать на работу и одновременно забастовать. Мы можем сказать, что выходим на работу по собственному желанию, неразбитые. Так и тому подобное было у нас суждение. Приступили к голосованию. Голосовали тайно. Оказалось 13 человек против выхода на работу. Они открыто заявили, что они не подчинятся большинству. Ими руководил некий Быков, кажется, с Иннокентьевского прииска. Они ставили вопрос ребром, или исполнят требования сейчас-же, или продолжать бастовать. С этим наше заседание было кончено в 11 часов ночи. Нам подали кони, вызванные Тульчинским. С результатом нашего совещания нужно было мириться ввиду того, что не было другого более благоприятного исхода впереди, из двух зол, нужно было выбрать меньшее, или действие Трещенкова, или кончить

забастовку. Поэтому и было решено во время 1 и 2 дня пасхи подготовить рабочих к окончанию забастовки и выйти на третий день с утра со свистком на работу.

Среди нас в „центральном бюро“ не было разногласия в оценке момента. Благоразумие подсказывало, что во избежание жертв, нужно выйти на работу и этим разрядить сгустившуюся атмосферу. Этим мы бы выбили у Трещенкова и компании из рук оружие. Это сознавали и все более развитые выборные.

Мастеровые Надеждинского прииска, и поскольку знаю и Андреевского, сразу решили выйти на работу, Произвели голование по приискам отдельно. Голосовали тайно. Референдум получился не совсем благоприятный. Хотя и большинство высказалось за окончание забастовки, но все таки вызвало некоторое опасение. Можно сказать, что больше до сих пор обратили внимание, чтобы поддерживать самую забастовку, а между прочим не подготовляли массу к тому, чтобы она по нашему зову стала на работу. Это было большое упущение с нашей стороны и оно теперь дало себя чувствовать. Эта масса была совсем нетронутая в начале забастовки, нами введенная дисциплина оказалась односторонней. Мы не были в состоянии в такое короткое время пробудить, рядом с классовым сознанием и сознательную дисциплину. Благодаря этому и получилось то, на что ни мы, ни масса не были подготовлены.

Трудное дело предстояло нам с горняками. Ввиду того, что на заседании у Тульчинского голосовали против выхода на работу 13 человек, многие из голосовавших за выход, теперь увидевшие, что есть всетаки и голосующие против, колебались. Потому они и действовали слабо без внутреннего убеждения. Приехал даже сам Тульчинский, и я не могу себе до сих пор об‘яснить почему его речь на массы действовала так слабо, не убедительно. Одним словом, перед нами не был городской фабричный рабочий, достаточно закаленный в борьбе с капиталистом, а серый не сознательный крестьянин, вырванный только из своей деревенской обстановки, и в большинстве присвоивший только отрицательные стороны нашей „культуры“. Рабочий должен быть немножко

дипломатом. И вот в результате на третий день пасхи был подан свисток, но на его зов явились мало. Вышли все мастеровые Надеждинского и Андреевского приисков, и часть Александровского и Феодосиевского приисков.

К вечеру, когда мы собрали достаточно материалу о вышедших на работу, то выяснилось, что на работу вышло меньшинство. Ввиду этого, ради сохранения дисциплины, которую мы все время прививали, нам пришлось об‘явить, что забастовка продолжается.

Мы опять очутились в том тупике, из которого искали исхода, который, как мы думали, уже нашли. Мы близко стоявшие к делу, уже тогда видели тот выход, который нам готовил Трещенков и компания. Событии 4-го апреля для нас не были неожиданностью. Время от 25-го марта по 4-е апреля для меня лично прошло так быстро, события совершились так скоро, что я не могу остановиться на них подробнее.

Это целая цепь разных и мелких и крупных событий, которая нас тащила все ближе и неотразимее к тому, что случилось 4-го апреля. В поисках выхода отпарировать нам грозящий удар, были направлены все наши мысли. Тут я говорю о нас политических ссыльных, и тех немногих лиц, которые приняли участие в нашем тайном совете. У нас был поднят вопрос о возможности вооруженного восстания, здесь на приисках. Было очень много шансов на то, что оно вполне осуществимо. В наших руках, или вернее под нашим караулом, находился Феодосиевский динамитный склад. Среди рабочих были много опытных пальщиков, прекрасно умеющих обращаться с их динамитом. Кроме того две трети всех рабочих отбыли военную службу. Солдат во всем приисковом районе вместе с Бодайбо, было менее двух сот, при том разброшены. Мы не сомневались в благоприятном исходе для нас. Солдат и, вообще, местную власть мы могли прогнать, уничтожить, с‘естных продуктов, тоже бы хватило на полгода.

Но весь вопрос, что будет потом. Ведь мы не могли ожидать от куда либо поддержки. Революционные организации о себе молчали. В таком случае осталось только одно—уничтожить, сравнять с землей все Лензотов-

ское и разбежаться. Это было бы тоже самое, что здесь на приисках случалось уже раньше, только получалось более грандиозное по своим размерам. И раньше были здесь „бунты“, где кое-кого убивали, кое-что разрушили, сожгли, а потом их усмиряли, кое-кого судили, а остальные опять стали работать, иногда при условиях еще худших. Это для нас не могло быть исходом из того тупика, из которого искали выхода. Это было бы после стихийно возникшей забастовки и стихийный ее конец. С этим мы не могли мириться, ведь стихийных жертв было уже так много в русском рабочем движении и все это безцельно. Потому пусть будет—что будет.

В это время цепь событий нас окружила уже так тесно, что чуть не случилось то, что случилось 4-го апреля—3-го апреля. 3 апреля случилось следующее. На Александровском прииске у магазина в подвале рабочие обнаружили недоброкачественное испорченное мясо. Были вызваны власти т. е. полиция, явился и Тульчинский и в присутствии выборных Александровского прииска стали составлять протокол. А так как магазин находился не далеко от рабочих бараков, то вполне естественно, что вокруг происшествия столпилось много народу. Тут откуда то явился Трещенков и с криками „разходись сволочи“, бросился на рабочих. Он был один, и рабочие его не испугались, и на оборот несколько голосов крикнули—„сам сволочь“, и после того вся толпа закричала „тю“ т. е. затютюкала.

В своей безсильной злобе он бросился к телефону и вызвал с Надеждинского народного дома солдат. Там по приезде Трещенкова, были устроены казармы, чтобы были подруку, когда придет возможность „руки погреть“. Также на линии железной дороги стоял всегда готовый поезд для переброски солдат туда, где это окажется нужным. Трещенков наверно уже предкушал возможность этого случая. Но на этот раз это ему не удалось.

Выборные, Александровского прииска, смекнули в чем дело и, ввиду того что рабочие были возмущены наглостью Трещенкова, не слушались, бросились также к телефону, вызвали нас. Я с Баташевым бросились самой близкой и прямой дорогой на Александровский, где успели еще во время, Так как Баташев был самый по-

пулярный человек для толпы, то его сразу послушались. Он крикнул, чтобы немедленно рабочие очистили площади и уходили в бараки, а об'ясняться он будет позже. Когда последние рабочие покинули площадь, со стороны железной дороги выходили солдаты. Для них это было уже поздно, ибо на площади никого уже не было. Остались у погреба только полиция и выборные. Вот это одно звено из тех мелких событий последнего время, которые с приездом Трещенкова появились. Такие случаи стали принимать определенную форму и мы были настороже, чтобы их избежать, мы предупреждали рабочих, чтобы они не поддавались на правокации и, чтобы слушались выборных во всем, без выборных ни шагу.

Выборным было внушено, чтобы в случаях непредвиденных ничего не делали без ведома „центрального бюро". Неудачи Трещенкова вызвать скопление рабочих и потом их усмирение заставило его действовать по другому. И вот в тот же вечер решили ночью арестовать выборных.

В этот вечер мы собрались, несколько человек, и обсуждали дневные события. Какой нибудь исход или какое либо мероприятие, мы не могли найти. Все, что мы могли делать, чтобы избежать несчастье, которое уже чувствовалось в воздухе, нами было уже сделано. Стихийно мы шли на встречу будущности, которую отразить не были в силах. И вот в этот момент наши мысли были заняты тем, что бы тот труд, который был вложен для создания организации, не пропал с нами вместе. Ввиду этого мы выпустили последнее возвание „рабочим от рабочих". Его составили и обсудили совместно и я удалился его гектографировать. По содержанию оно отличалось тем, что в нем рабочие призывались организовать „Союз горнорабочих кайло и лопата". Около 1/2 12 возвание было готово и я его раздал ожидающим для распространения по приискам, всего было отгектографировано 80 экземпляров. После того я убрал все, что могло быть компрометтирующим из моей комнаты. До сих пор я не очень конспирировал, даже гектограф в разобранном виде держал в своей комнате, и его видели некоторые неимеющие понятие, что это та-

кое. Но в этот раз я очистил квартиру по всем правилам, как будьто предвидя, что ночью могут нагрянуть непрошенные гости. После того я с покойной совестью лег около 1 часу спать.

Я успел крепко заснуть и проснулся только от толчков за плечо. Открыв глаза я увидел, что меня тряс за плечо урядник Феодосиевского прииска Тихонов. Он спрашивал мою фамилию и шарил у меня под подушкой. Кроме него, еще тут же стоял Трещенков, Преображенский, Хитун, офицера, а за ним солдаты и стражники. Трещенков подскочил и у меня спросил.—„Бумаги дайте бумаги, где бумаги? Я спросил „какие бумаги". Они ответили „бумаги центрального комитета". На это я ответил, что не знаю никакого центрального комитета и не имею его бумаг. Весь этот диалог Трещенко говорил шопотом, а я отвечал по возможности громче. На меня все шикали, чтобы я говорил тише. На это я спросил грубо: „Вы, что красть пришли, что боитесь". Моя цель была разбудить барак, чтобы знали кто меня увел. У них видно было намерение увести тайком, потому я и скандалил. Но мое намерение предупредили. В это время раздался душу раздирающий крик „спасайте, спасайте режут". Все бросились на крик и меня на несколько минут оставили одного. Оказалось, что кричал, „пилозуб" Бармин или Брамин он слутил Трещенкову, как предатель. А так как его мучила его нечистая совесть, он услышав, что в коридоре шепчутся много народу, подумал, что пришли его карать. Оказывается, что он пытался бежать в окно, но там стояли двое солдат, которые его не пустили. Крик поднял весь барак на ноги. Стали делать обыск, но ничего ни у меня, ни у других не нашли. Потом об'явили, что нас поведут только до Надеждинской станции. Но я наученный опытом, этому не поверил и взял с собой одеяло, подушку, кружку, полотенце и чайник и также кое что из с'естного. Преображенский сделал мне ироническое замечание: „Видно, что это Вам не первый раз", на что я ответил, что я уже счет потерял, который раз меня посещают жандармы. С нашего барака арестовали: меня (латыш), Будевица (латыш), Розенберг (латыш), Журавлева (русский), Марцинковского (поляк). Кроме того взяли местного Вязового, всего шесть человек. Мы пять были, так или

иначе причастны к делу но Марцинковского взяли совсем зря. Благодаря только доносу Бармина, который из за личной мести его оговорил. Весь наш барак был оцеплен солдатами и когда мы выходили—то до железной дороги они нас проводили. Здесь нас поместили в вагоны и солдат человек сорок с нами. Поезд состоял из друх вагонов и двух паровозов, причем один паровоз на некотором растоянии шел впереди, постоянно свистя. Ровно в 8 часов нас привезли в Бодайбо, по дороге на Васильевской к нам еще посадили 4 человека Солонина, Соловьева и еще двух, фамилии, которых не припомню. Нас не везли до вокзала и поезд остановили раньше и провели прямо в тюрьму.

Приложение № 13[1]).

Беседа с тов. Бавыкиным 3 декабря 1923 года по вопросам касающимся 4 апреля 1912 года.

1. Говорить о причинах трудно, т. к. недовольство рабочих накипало годами, да и как бы ему не накипать, когда перед рабочими проходили такие например факты: устраивал Белозеров какой нибудь кутеж со своими служащими, для услуг выбирались работницы покрасивее (кутеж обыкновенно происходил в саду на прииске Надеждинском) после того как вся эта орава перепьется, произносилась команда Белозеровым: „господа,—вы волки, они—овцы (указывал на женщин),—ура!..“

Поводом же для непосредственного выступления насколько мне помнится, было плохое мясо выданное утром 28 февраля 1912 года.

2. Забастовка чисто экономической не была, т. к. из предыдущего видно, что правовое положение рабочих было скверное. Да и в первое время забастовки требований не пред‘являлось, они появились позднее, сам-же факт, что из за такого мелкого случая, как выдача рабочему плохого мяса, остановили работы около 8-ми тысяч человек, показывает, что причины забастовки лежали глубже.

3. Разлад между выборными начался потому, что часть их была склонна приступить к работам. Этот разлад начался после совещания у Тульчинского 24 марта. Тульчинский свою аргументацию вел приблизительно так: „я бы рад для вас господа сделать все, что можно, но видите, вот телеграмма, что она говорит? она говорит о необходимости поддерживать производство, а не нажимать на него“. В общем он поколебал единство мнения среди выборных. Отношение рабочих к разладу между выборных было единодушное, во первых забастовку продолжать, во вторых с частью выборных стоявших за начало работ, перестали считаться, как с подкупленными администрацией.

---

[1]) Беседа записана бодайбинским уполгубистпартом т. Григорьевым. Бавыкин в 1912 году —выборный, сейчас—член Р. К. П., председатель месткома Артемовского прииска.

4. До 12 года репутация Тульчинского у рабочих стояла высоко как высоко, стояла и о докторе Нечаеве, между прочим, на Тульчинского была вся надежда. Я знаю, что по его требованию даже увольняли служащих не угодных рабочим. Тогда у большинства, как и у меня было мнение: „хороши правители, да лихи исполнители“.

5. Отношение Тульчинского к забастовке было отрицательное. Он нам говорил: „если вы любите и уважаете меня, то должны встать на работу, иначе меня отсюда уберут“. Глубокое разочарование Тульчинским именно и началось с того момента, когда узнали, что он не только не будет поддерживать законных требований рабочих, но даже и сам стоит на той точке зрения, что забастовка вредна, доказывал весь вред, он исчислял нам убытки и приводил все данные за то, что забастовка приносит огромный вред стране. Когда же мы говорили, что надо передать это производство в руки государства, Тульчинский говорил: „нельзя“.

Роль Тульчинского по мнению всех была определенно двойственная, но фактов доказывающих это ни у кого не было.

6. Баташев считался у нас как председатель совета выборных и при расколе выборных стоял за продолжение забастовки. Окончательные требования вырабатывались также Баташевым. Думпе был одним из ближайших сотрудников Баташева, как равно Зеленко, Гриша (фамилию не помню) Попов и др.

7. Приступили к работам только потому, что хотели показать как трудно работать, для сенаторской ревизии, за необходимость приступить к работе высказался и Баташев.

8. Комиссия адвокатов провела несколько судебных заседаний, при чем все решения (числом около 5-ти) были в пользу рабочих, но принимая во внимание, что это затяжное дело все было перенесено в Петроград. Война прикрыла все.

9. Кто писал благодарность адвокатам я не помню. Было-ли собрание для вынесения благодарности я также не помню, но рабочих отношение к ним было хорошее.

10. Кто здесь есть еще из активных участников забастовки? Не знаю.

Дополнительно:

Тульчинский никогда нам не говорил, что забастовка может окончиться арестами или расстрелами.

Фактически Баташев выборным не был. Он выделился своими выступлениями на собраниях рабочих, а потом, естественно, стал руководить ходом забастовки.

Записано с моих слов правильно *Бавыкин.*

О кутежах Белозерова я знаю точно, хотя сам свидетелем не был.

Бавыкин.

Приложение № 14[1]).

Телеграмма Тульчинского из Подымахина Трещенкову в Киренск. От 17 марта 1912 г.

Киренск.
Ротмистру Трещенкову.

Прошу обождать Киренске моего приезда.

Тульчинский.

Приложение № 15[2])

Телеграмма Тульчинского из Подымахина Иркутгубернатору От 17 марта 1912 г.

2 адреса Иркутск
Иркутскому Губернатору.
Копию Начальнику Горного Управления.

2365. Если расследованием будет установлено, что забастовка была вызвана хотя отчасти противозаконными действиями лиц промысловой администрации Лензота, что для меня несомненно то казне нет оснований возмещать убытки Лензоту прокормление рабочих поэтому представляется крайне необходимым немедленное командирование для всестороннего раследования товари-

---

[1]) Д. О. И., I, л. 137. Появляется в печати впервые. Подымахино—пристань на Лене, по направлению к Киренску. От Подымахина до Бодайбо Тульчинский доехал в 5 дней.

[1]) Д. О. И., т. I, л. л. 138-140. Появляется в печати впервые.

ща прокурора точка Испрашиваемое Лензотом содействие немедленному выдворению промыслов рабочих также решимость Лензото совершенно приостановить работы могут вызвать открытый бунт рабочих. который при местных неблагоприятных условиях благодаря отдаленности отрезанности края время распутицы малочисленности воинской команды поведет самым тягостным последствиям для обоих сторон и Лензота и рабочих единственный выход из создавшегося положения миролюбивое соглашение которому должны придти обе стороны. Вышеизложенное прошу довести до сведения Господ Министров Внутренних Дел Торговли Промышленности Иркутского Генерала Губернатора.

Окружной Инженер Тульчинский.

Приложение № 16[1]).

Телеграмма Бантыша бодайбинскому исправнику от 21 марта 1912 г.

Копия.

ТЕЛЕГРАММА

Бодайбо Исправнику Галкину

Из Иркутска № 57805.

Подана 21-го марта 5 ч пополуночи. Принята 21 3 12.

Сообщаю совершенно секретно только для сведения Окружных Инженеров Александрова и Тульчинского что в экстренном заседании 17 18 и 19 Марта 1912 Иркутское Горнозаводское Присутствие обсудив на основании телеграфных донесений Окружного Инженера Олекминского округа обстоятельства вызывавшие рабочие волнения и стачку рабочих на промыслах Акционерного Общества Ленского Золотопромышленного Товарищества приняв во внимание сообщения Господина Иркутского Губернатора полученные им от Горного Исправника Витимского Горнополицейского Округа и с другой стороны

---

[1]) Д. О. И., т. I, л. л. 196-197. Появляется в печати впервые. Сами решения иркутского горнозаводского присутствия напечатаны у Баташева и Тюшевского. Набранное курсивом — было зашифровано. В копии имеющейся в делах О. И. вся телеграмма напечатана на машинке, расшифрованные места от руки, почерком исправника Галкина, Препроводительная надпись сделана той же рукой.

останавливаясь на перечне уступок имеющих быть сделанными промысловым управлением Ленского Товарищества рабочим если таковые станут на работу постановило *первое* признать что *договор между Ленским Т вом и приисковыми рабочими разных профессий нарушен по вине первой из уговаривающихся сторон и самое нарушение договора и обязательных постановлений выразилось в следующем:* а) отпуске рабочим недоброкачественных пищевых продуктов и на разных условиях со служащими б) промедлений в подаче медицинской помощи в) грубом обращении служащих с рабочими г) зачислении в разряд горнорабочих тех рабочих которые по профессии д) нарушении правил ведения горных работ в видах их безопасности в смысле неснабжения рабочих непромокаемой одеждой при работе в мокрых забоях и чрезмерно продолжительной работе в оных *второе* во избежании недоразумений между рабочими и управлением Ленского Товарищества последнее обязано по пункту а отдела первого 1) отпускать из артельных кухон для рабочих хлеб только из просевной муки одного качества для рабочего и служащих по цене утвержденной Окружным Инженером 2) отпускать мясо доброкачественное например не обветренное не перележалое в подвалах и на равных условиях со служащими 3) отпускать квас приготовленный из свежего квасника густой и не прокисшей. 4) иметь в амбарах достаточное по числу рабочих запасы картофеля капусты и соленой рыбы во избежании цынги примечание наблюдение за точным выполнением пунктов 1, 2, 3, 4, отдела второго настоящего постановления вменяется в обязанность приисковому медицинскому персоналу под обязательным контролем горного надзора и полиции по пункту б отдела первого 1) медицинская помощь должна быть подаваема немедленно и постановка медицинской части должна строго согласоваться с существующими на этот предмет обязательными постановлениями 2) бани для рабочих должны протапливаться с таким расчетом чтобы все рабочие имели возможность ими пользоваться не менее одного раза в неделю и сообразно с этим устанавливался и размер бань по пункту в отдела первого 1) служащие и нарядчики обязаны обращаться с рабочими вежливо привлечение рабочими служащих к суду за оскорбления и побой не

должны вызывать увольнение и притеснение рабочих со стороны приисковых управлений по пункту г отдела первого 1) рабочие нанятые по профессии без добровольного соглашении не должны быть назначаемы на горные и верховые работы по пункту д отдела первого 1) при работах в мокрых забоях рабочие обязательно должны быть снабжены за счет Ленского Товарищества прочной непромокаемой одеждой кожанными или брезентовыми куртками такими же шароварами крепкими сапогами и шляпами исправное состояние указанной одежды лежит на ответственности приисковых управлений а контроль принадлежит горному надзору *параграф третий* разноречия относительно степени опасности для здоровья и продолжительности работ в мокрых забоях разрешаются окружным инженером на точном основании пункта четвертого инструкции по применению закона 2 июня 1897 года утв. г. Министром земледелия и Государственных Имуществ 8 декабря 1897 г. *параграф четвертый* пищевое довольствие рабочих натурою при увольнении их зимою должно производиться согласно норм указанных в обязательных постановлениях Томского Горного Управления для Енисейского Горного Округа или по усмотрению Окружного Инженера заменяется денежным вознаграждением в размере 60 коп. в день с разсчетом разстояние до Киренска и времени считая на пароход не свыше тридцати верст в сутки *параграф пятый* в подтверждение уже существующих обязательных постановлений горнозаводского присутствия находит необходимым чтобы рабочие Ленского Товарищества были немедленно размещены в существующих казармах отдельно семейные от холостых при достаточном количестве воздуха на человека Ленское Товарищество должно построить новые казармы в дополнение к существующим на тех приисках где таковые не удовлетворяют требованиям обязательных постановлений *параграф шестой* горнозаводское Присутствие вменяет в непременную обязанность окружным инженерам точное и неуклонное соблюдение статьи 99 устава о промышленности *параграф седьмой* Женщины если то не обусловлено договором не должны наряжаться на работу принудительно а в случае отказа от работы подвергаться преследованию со стороны приисковых управлений *пара-*

граф восьмой при окончательном расчете расчетная книжка должна быть возвращена рабочему кроме вышеизложенного Горнозаводское Присутствие полагало бы *первое* вследствие особо важное значение для Края столь сильной промышленной организации какой является Ленское Товарищество в интересах Государственных существенно необходимо достижение миролюбивого соглашения между рабочими и управлением *путем взаимных уступок а главным образом увеличением заработной платы рабочим со стороны Ленского Товарищества второе* в отсутствии такового соглашения в силу статьи 570 первой части десятого тома свода законов российской империи Ленское Товарищество обязано произвести расчет рабочих и вывезти их до Киренска снабдив путевым продовольствием натурою или деньгами согласно отдела четвертого настоящего постановления со дня расчета по день прибытия их в Киренск номер 2.

Губернатор *Бантыш.*

С подлинннным верно:

Горный Исправник *Галкин.*

Настоящую копию для сведения честь имею препроводить Его Высокородию Окружному Инженеру Витимского Горного Округа Господину Тульчинскому. Марта 23 дня 1912 года № 53.

Горный Исправник
Витимского Горного Округа *А. Галкин.*

Приложение № 17[1]).

Журнал Совещания 23 марта 1912 г. на Успенском прииске Ленского Т-ва.

На совещание, созванное Окружным Инженером Витимского Горного Округа Коллежским Советником Тульчинским, для совместного обсуждения положения, вызванного забастовкой рабочих на приисках Ленского Т-ва, и для выработки необходимых мер к скорейшему созданию нормального течения промысловой жизни, прибыли: Окружный Инженер Олекминского горного Округа П. Н. Александров, Горный Исправник Вотимского горного

[1]) Д. О. И., т. I, л. 198. Появляется в печати впервые.

Округа А. Н. Галкин, Помощник Начальника Иркутского Губернского Жандармского Управления Н. В. Трещенков, Начальник Бодайбинской местной команды П. А. Лепин, Мировой Судья Олекминского Золотопромышленного района 1-го участка М. Ф. Рейн, И. д. Главноуправляющий промыслами Ленского Т-ва Горный Инженер А. Г. Теппан и Начальник II дистанции промыслов Ленского Т-ва Г. М. Савинов.

Председателем совещания, Окружным Инженером Витимского Горного Округа К. Н. Тульчинским, поставлен был ряд вопросов, подлежащих выяснению путем обмена мнениями между членами совещания для мирного исхода из создавшегося положения, имея ввиду особые указания Его Превосходительства Г. Иркутского Губернатора.

По вопросу о готовности со стороны Ленского Т-ва вести работы, если Окружному Инженеру К. Н. Тульчинскому удастся убедить рабочих Ленского Т-ва встать на работы на 4-й день Св. Пасхи, представитель Ленского Т-ва И. д. Главноуправляющего промыслами А. Г. Теппан заявил, что Ленское Т-во согласно начать производство работ на приисках при условии самого позднего начатия работ, именно 1-го апреля с.-г., при чем могли-бы быть вновь приняты все рабочие, за исключением затопленных приисков Васильевского и Александровского, команда которых первая около 160 человек, вторая около 120 человек не может быть поставлена на работы, и на Ивановском прииске I дистанции рабочие могут быть поставлены, если только климатические условия дадут возможность начать работы по своевременному приведению в порядок ледяных канав.

В случае неудачного мирного окончательного убеждения рабочих стать на работы со стороны Окружного Инженера К. Н. Тульчинского, собирается новое совещание на 2-й день Св. Пасхи, на Надеждинском прииске.

Окружный Инженер *К. Тульчинский.*

Приложение № 18[1]).

Харчи 30-ти рабочих до сир пор не выдают.

Условия, об'явленные рабочим Окружным Инженером К. Н. Тульчинским, на каковых рабочие могли бы приступить к работе.

Беседа с выборными 24 марта 1912 г. с 4 час. дня до 10½ час. веч.

1) Прием всех рабочих на работы по новым договорам.

2) Исполнение претензий, на которые получено согласие 7-го марта 1912 г. в особом об'явлении.

3) Оставление права за рабочими пред'явить иск за нарушение прежнего договора.

4) Исходатайствовать Окружным инженером 8 час. работы в мокрых забоях и на водоливе (вахтах) в порядке п. 4-го инструкции 8-го декабря 1897 г.

5) Снабжение за счет предприятия в мокрых забоях кожанными и брезентовым платьем и обувью.

6) Строгое наблюдение со стороны Окружного Инженера, за тем, чтобы частичных расчетов талонами вместо денег ни в коем случае не будет допущено, а в случае обнаружений виновные будут привлекаться к законной ответственности.

7) Оплата по соглашению за сверхурочные (воскресные) работы.

8) Время ходьбы на работы от казармы удаленных от места работы засчитывается за время работы.

9) Неуклонное наблюдение Окружного Инженера за правильным подсчетом в расчетных книжках, расследование неправильных подсчетов и возвратить недоданные заработанные деньги.

10) Расчетные книжки после расчета поступают на руки рабочих.

11) Размещение холостых отдельно от семейных.

12) Предоставление права рабочим привлекать служащих к суду за оскорбление и побой, что не должно

---

1) Д. О. И., т. I, л. 225. Появляется в печати впервые. Очевидно конспект лежавший перед Тульчинским, во время совещания с выборным 24 марта или б.-м. потом ссставленный для памяти. Много зачеркнутого, исправленного и неразборчивого. Верхние слова о харчах для 30 рабочих написаны карандашем, остальное—чернилами.

вызывать увольнения и притеснения рабочих со стороны приисковой администрации.

13) Неуклонное наблюдение Окружным Инженером за точным выполнением Ленским Товариществом подлежащих законов и издание в развитие их обязательных постановлений.

Содержание беседы: независимость Окружного Инженера, его стремление к законности, порядку и справедливости, нарекания и жалобы на него по начальству со стороны Ленского Товарищества. Программа осуществления Горного надзора мною в дальнейшем. Удовлетворение претензий. Положение и значение Ленского Товарищества для края, необходимость пойти к примирению, исполнение многих законных требований и претензий обеспечено.

К. Т.

На память.

1) Сообщить Горному Исправнику о выдаче продовольствия 30-ти рабочим на Софийском пр., 11-ти на Александровском и 2 на Надеждинском.

2) Филар. Евгеньев. Бармин возмутительное отношение, грозит забастовавшим, издевается. (Вызвать и дать нравоучение.)

Приложение № 19[1])

Журнал Совещания, 26-го марта 1912 г. на Надеждинском прииске.

Прибыли: Окружный Инженер Витимского Горного Округа К. Н. Тульчинский, Товарищ Прокурора Иркутского Окружного Суда Н. И. Преображенский, Мировой Судья 2-го участка Олекминского Золотопромышленного района Е. М. Хитун, Горный Исправник Витимского Горного Округа А. Н. Галкин и Помощник Начальника Иркутского Губернского Жандармского Управления Ротмистр Н. В. Трещенков.

Председателем совещания доложены 14 пунктов соглашения, на которых повидимому может таковое со-

---

[1]) Д. О. И., т. I, л. 207. Появляется в печати впервые.

стояться, для начатия работ в ближайшие дни на приисках Андреевском и других.

На поставленные вопросы Окружным инженером К. Н. Тульчинским, первое, о возможности выигрыша рабочими Ленского Т-ва иска в случае его пред'явления, о нарушении договора по вине Ленского Т-ва и, второе, о праве Окружного Инженера К. Н. Тульчинского дать заключение на исковых прошениях о том, что договор между Ленским Т-вом и рабочими нарушен по вине Ленского Т-ва. Совещание признало, что следовало бы об'явить и предупредить рабочих, что заранее нельзя предрешать исход искового дела и решение будет зависить исключительно от суда, но заключение Окружного Инженера, основанное им на постановлении Иркутского Горнозаводского Присутствия от 17, 18 и 19 марта с.-г., могло бы быть дано на новых прошениях.

Председатель Совещания К. *Н. Тульчинский.*

Приложение № 20[1]*).*

Добрѣйшій и честнѣйшій Константинъ Николаевичъ!

Печась и жалѣя народъ, такъ же какъ и Вы и довѣряя Вамъ, мы нѣкоторые изъ здравомыслящихъ выборныхъ просимъ Васъ испробовать еще одно послѣднее средство, это взять на себя трудъ, съѣздить на Ѳеодосіевскій пр. и испробовать уговорить рабочихъ и призвать къ благоразумію. Можетъ быть Вамъ своимъ вліяніемъ удастся тамъ убѣдить ибо поимѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, тамъ происходитъ борьба половины на половину, а такъ какъ Ѳеод. пр. какъ самый большій произведетъ своимъ выходомъ на работу подобающее впечатленіе и на другіе станы. Александровскій пр. рабочі настроенія такового, какъ и Андреевскіе. Если же и Ѳеодосіевскіе не послушаютъ Вашего совѣта, то и не нужно Вамъ будетъ за нихъ болѣть душой, пусть въ будущемъ будутъ умнѣе и другихъ научатъ „чѣмъ хуже

[1]) Д. О. И., т. I, л. 208. Появляется в печати впервые. Печатаем с сохранением орфографии.

тѣмъ лучше" и понесутъ должное возмездіе для уразумленія не слушать крикуновъ, а здравомыслящихъ и логически доказывающихъ вмѣстѣ съ Вами ихъ пользу выхода, и этимъ желающихъ имъ добра выборныхъ и нѣкоторыхъ рабочихъ.

Вѣрящіе Вамъ выборные.

Приложение № 21[1]).

Телеграмма Тульчинского иркутгубернатору от 27 марта.

И Р К У Т С К

Иркутскому Губернатору.
Копия Начальнику Горного Управления.

Замедлил ответом номер 7 не имел возможности сообщить что либо определенное главному вопросу миролюбивого соглашения точка 22 марта прибытие Успенский ознакомление положением через Александрова рассылка повесток Совещание членов администрации представителей Лензото 23 марта Совещание котором Теппан из'явил согласие прием всех рабочих случае станут работы непозже первого апреля кроме этого решительно никаких уступок Рассылка об'явлений вызове выборных рабочих мою канцелярию 24 марта беседа выборными количестве 60 человек течении семи часов точка При условии встать работы не позже первого апреля моей стороны даны заверения выполнении следующих условий: первое, прием Лензотом всех рабочих новым договорам; второе, исполнение претензий которые получено согласие Лензота 7 марта особом об'явлении подписью Александрова; третье, оставление Лензотом права рабочим пред'являть иски нарушение прежнего договора; четвертое, исхлопотание Окружным Инженером восьми часовой работы мокрых забоях вахтах порядке пункта четвертого инструкций 8 декабря 1897; пятое, снабжение Лензотом мокрых забоях надлежащим платьем, обувью; шестое, запрещение Окружным Инженером расчетов талонами; седьмое, уплата добровольному согла-

[1]) Д. О. И., т. I, л. 209. Появляется в печати впервые.

шению сверхурочные необязательные работы; восьмое, время ходьбы удаленных казарм засчитывается время работы; девятое, тщательное наблюдение Окружным Инженером верным подсчетом заработка расследование неправильных подсчетов; десятое, расчетные книжки окончании расчета руки рабочих; одинадцатое, размещение холостых от семейных; двенадцатое, предоставление права рабочим привлекать служащих суду оскорбления; тринадцатое, исправная уплата больные дни увечным; четырнадцатое, неуклонное наблюдение Окружным Инженером точным выполнением Лензотом подлежащих законов изданных развитие их обязательных постановлений точка Выборные разошлись видимо удовлетворенные но просили первый день Пасхи обсуждение казармах сделанных мною заверений 26 марта днем убеждение мною рабочих Андреевского Васильевского Утесистого приисков начать работы указанных условиях раз'яснение этих условий Рабочие видимо шли соглашение но попросили первое письменного изложения всех пунктов соглашения второе моего заключения нарушений договора вине Лензота Вечером совещание Надеждинском моим председательством участии Исправника Галкина Товарища Прокурора Преображенского Мирового Судьи Хитуна Ротмистра Трещенкова вопросам первое возможности выигрыша иска рабочими второе права моего дать просимое заключение Постановлено определеных заверений рабочим давать нельзя решение зависит от суда но указанное заключение исковых прошениях имею право дать последнее об'явил сегодня рабочим Андреевского прииска Рабочие отказываются пред'явления исков настаивают повышении заработной платы которое не согласно Лензото Выселение рабочих приговорам Мировых Судей временно приостановлено Отпуск продуктов Лензотом продолжается Настроение рабочих пока мирное при твердом стремлении увеличению платы Завтра продолжу попытки убедить встать работу рабочих Феодосиевского прииска 27 марта Успенский 4 часа дня.

Тульчинский.

Приложение № 22[1]).

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

Настоящим довожу до сведения бывших рабочих Ленского Золотопромышленного Товарищества нижеследующее.

Предлагаю приступить к работам не позднее крайнего назначаемого мною срока, именно утра 30-го сего Марта, при условии:

1) Приема Ленским Товариществом на работы всех бывших рабочих по новым договорам до конца текущей операции, т. е. по 10-ое сентября 1912 года.

2) Исполнения претензий рабочих, на удовлетворение которых из'явлено Ленским Товариществом согласие в особом об'явлении от 7-го Марта с. г. за подписью Окружного Инженера Ст. Сов. Александрова.

Примечание: Недовольные расторжением прежнего договора могут обратиться в Суд.

Кроме этого об'являю:

1) Частичная уплата заработанных денег талонами ни в коем случае Окружным Инженером не будет допущена, а в случае обнаружения таковой виновные будут привлекаться к законной ответственности.

2) Окружный Инженер срочно исходатайствует перед подлежащею властью трехсменную работу в мокрых забоях, на вахтах и проч. в порядке пункта четвертого Инструкции по применению Закона 2 июня 1897 года о продолжительности и распределению рабочего времени на горных заводах и промыслах.

3) Время ходьбы на работы от казарм, удаленных от места работ, будет считаться рабочим временем, применительно к Примеч. 2-го пункта Правил 8 декабря 1897 г. о продолжительности и распределении рабочего времени.

4) Окружный Иижен ер срочно исходатайствует перед подлежащею властью, чтобы при работах в мокрых забоях рабочие обязательно снабжались за счет Ленско-

[1]) Д. О. И., т. I, л. л. 223 и 224. Появляется в печати впервые.

го Товарищества прочной непромокаемой одеждой кожанными или брезентовыми куртками, такими же шараварами, крепкими сапогами и шляпами.

5) Окружный Инженер неуклонно будет следит за тем, чтобы сверхурочные необязательные работы, назначаемые Приисковыми управлениями в дни отдыхов, утвержденных Окружным Инженером, производились действительно при условии полного добровольного соглашения между рабочими и Приисковыми Управлениями (Цирк. Министра Земл. и Госуд. Имущ. 10 сентября 1899 г. № 1615).

6) В виду поступивших в последние дни заявлений о неправильностях подсчета в расчетных книжках Окружный Инженер произведет подробнейшее раследование.

7) Существуют: а) Обязательное Постановление 12 июня 1908 г. Присутствия по горнозаводским делам при Иркутском Горном Управлении о мерах к охранению жизни и здоровья рабочих на золотых промыслах, б) Обязательное Постановление 18 марта 1910 г. того же Присутствия о врачебной помощи рабочим и в) Закон 2 июня 1903 года о вознаграждении потерпевших вследствии несчастных случаев рабочих и служащих.

Окружный Инженер вменит себе в непременную обязанность неуклонно наблюдать за точным выполнением Ленским Товариществом указанных Закона и Обязательных Постановлений.

При этом считаю необходимым предупредить рабочих, что в случае невыхода 30 го марта с. г. рабочих на работу, с того же числа будут производиться срочные, нетерпящие никакого отлагательства работы по исправлению сплоток, по приведению в должный порядок водяных канав особыми, вновь нанятыми рабочими под охраной вооруженной воинской силы и потому во избежание несчастий никто посторонний не должен приближаться к месту производства таковых работ.

Окружный Инженер
Витимского Горного Округа *К. Тульчинский.*

Марта 29 го дня
1912 г.

Пр. Успенский.

Приложение № 23[1]).

Телеграмма Тульчинского от 29 марта иркутгубернатору.

2 адреса. ИРКУТСК

Иркутскому Губернатору.

Копия Начальнику Горного Управления

Номер 15. Новых каких либо требований рабочими не пред'является Трудность приведения обеих сторон миролюбивому соглашению заключается том что Лензото решительно отказалось повышения заработной платы между тем это самый острый вопрос для рабочих Приходится весьма долго убеждать рабочих отдельных приисков что при неуклонном наблюдении стороны Окружного Инженера непременным выполнением Лензотом подлежащих узаконений обязательных постановлений создаутся более благоприятные для них условия работы точка Сегодня особом об'явлении назначаю рабочим крайний срок приступа работам новым договорам утро 30 марта предупреждаю случае невыхода указанный срок начнут того же числа производить срочные нетерпящие никакого отлагательства работы исправлению сплоток приведению должный порядок водяных канав особыми вновь нанятыми рабочими под охраной вооруженной воинской силы потому во избежание несчастий никто посторонний не должен приближаться месту производства таковых работ.

Успенский 29 марта 12 часов дня.

Тульчинский.

---

[1]) Д. О. И., т. I, л. 220. Появляется в печати впервые.

Приложение № 24[1]).

Телеграмма Тульчинского Горному Департаменту от 30 марта.

ПЕТЕРБУРГ

Горному Департаменту.

При выезде Иркутска получил предложение Губернатора стремиться привести обе стороны миролюбивому соглашению путем взаимных уступок Первые два дня пятница суббота Страстной ушли ознакомление положением Первый день Пасхи рабочие уклонились переговоров Убеждения мои встать работу начались понедельник продолжались четыре дня не имел возможности сообщить Департаменту что либо определенное относительно миролюбивого соглашения Лонзото трактует рабочих как бывших несостоящих ныне никаких договорных отношениях Мне удалось получить согласие Лензота приеме вновь всех рабочих случае станут работы не позже первого апреля кроме того решительно никаких уступок Прилагал все усилия примирить стороны Рабочие твердо стоят увеличении заработной платы Требований уплаты дни забастовки мне не поступало сам этого вопроса не поднимал Удостоверений нарушении договора не выдавал выдавать не предполагаю Вчера особом об'явлении назначен был мною крайный срок утро сегодняшнего дня приступа работам новым договорам условии выполнения Лензотом претензий рабочих которые оно согласилось удовлетворить особом об'явлении седьмого марта подписью Окружного Александрова Рабочие моем об'явлении предупреждались случае их невыхода Промысловое Управление немедленно начнет срочные нетерпящие никакого отлагательства работы исправлению сплоток приведению должный порядок водяных канав новыми рабочими под охраной вооруженной воинской силы Рабочие нигде на работы сегодня не вышли точка Вопрос немедленном выселении всех рабочих как просило Лонзо-

[1]) Д. О. И., т. I, л. 328. Появляется в печати впервые.

то Губернатора отстрочен им ввиду распутицы до открытия новигации Рабочим должникам принудительным порядком распоряжением Гобернатора выдается Лензотом пищевое довольствие Забастовка протекает мирно Прошу доложить Господину Министру последние четыре дня все мои напряженные усилия были направлены убедить рабочих стать работу Стою строго законной почве руководствуясь последним постановлением Горнозаводского присутствия 17—19 марта сего года переданным мне Губернатором телеграфом частью зашифровано.

Донесения буду посылать ежедневно.

30 марта 10 часов вечера.

Тульчинский.

Приложение № 25[1]).

Телеграмма Тульчинского Начальнику иркутского горного управления от 1 апреля.

ИРКУТСК

Начальнику Горного Управления

1885 Рабочие просили моих удостоверений договор нарушен вина Лензото Удостоверений таких не выдавал выдавать не предполагаю наоборот своих последних увещаниях самой категорической форме раз'яснял рабочим что вопрос чьей вины нарушен договор может решить только Суд Прошу не верить доходящим слухам даже здесь многое всячески перевирается Приходится быть крайне осторожным выполнений весьма трудной задачи примирить обе враждующие стороны.

Тульчинский.

---

[1]) Д. О. И., т. I. л. 239. Появляется в печати впервые.

Приложение № 26[1]).

Телеграмма Тульчинского иркутгубернатору от 2 апреля.

2 адреса. ИРКУТСК

Иркутскому Губернатору.

Копия Начальнику Горного Управления.

Сегодня работало механических 43 водяных канавах 110 Обходил совместно с Трещенковым казармы Андреевского Прокопьевского Замечается постепенный внутренний разлад среди бастующих Арестование некоторых оказывающих вредное влияние представляется желательным Подробный отчет начатом мною расследовании представлю начале мая 2 апреля 10 вечера.

Тульчинский.

Приложение № 27[2]).

Телеграмма Тульчинского Горному Департаменту от 2 апреля.

ПЕТЕРБУРГ

Горному Департаменту

Сегодня работало механических 43 водяных канавах 110 разных 10 Обходил совместно начальником полиции казармы Андреевского Прокопьевского приисков Рабочие ведут себя смирно Заметен внутренний разлад среди бастующих Подробный отчет начатом мною расследовании предполагаю представить начале мая
2 апреля 10 вечера.

Тульчинский.

---

[1]) Д. О. И., т. I. л. 251. Появляется в печати впервые.

[2]) Д. О. И., т. I, л. 250. Появляется в печати впервые.

Приложение № 28[1]*).*

Телеграмма Тульчинского Иркутскому губернатору. от 3 апреля.

2 адреса И Р К У Т С К.

Иркутскому Губернатору
Копия Начальнику Горного Управления.

Сегодня днем толпа рабочих Александровского прииска количестве около 1000 человек окружила казачью требуя моего прибытия для заявления мне претензии отпуске вчера плохого качества мяса невыдаче пищевого довольствия на жен детей Ранее моего приезда прибыл казачью ротмистр Трещенков при котором толпа вела себя вызывающе вследствие чего им вызвана была времени моего приезда рота солдат точка Выслушав претензии рабочих отдельными группами об'явил им что мясо будет освидетельствовано особой Комиссией пищевое довольствие будет выдаваться согласно существующим правилам Рабочие успокоились но категорически отказывались приступить работам без увеличения заработной платы точка Ответ телеграмму Саладилова докладываю причитающиеся рабочим деньги должны быть внесены депозитов Окружного Инженера Прекращение отпуска припасов вызовет безпорядки выселение настоящее время невозможно точка Полагал бы необходимым устранение возможных будущем осложнений немедленную посылку сюда сотни казаков. 3 апреля 10 вечера.

Тульчинский.

---

[1]) Д. О. И., т. I. л. 257. Появляется в печати впервые.

Приложение № 29[1]).

Телеграмма Тульчинского Горному Департаменту от 3 апреля.

ПЕТЕРБУРГ

Горному Департаменту

Сегодня днем толпа рабочих Александровского прииска количестве около 1000 человек окружила казачью требуя моего прибытия для заявлений претензий отпуске вчера плохого качества мяса невыдаче пищевого довольствия на жен детей Ранее моего прибытия прибыл казачью Начальник полиции Ротмистр Трещенков при котором толпа вела себя вызывающе вследствии чего им вызвана была ко времени моего приезда рота солдат точка Выслушав претензии рабочих отдельными группами я об'явил им что мясо будет освидетельствовано особой Комиссией пищевое довольствие будет выдаваться согласно существующим правилам Рабочие видимо успокоились но категорически отказывались приступить работам без увеличения заработной платы

3 апреля 10 вечера

Тульчинский.

Приложение № 30[2]).

Письмо Теппана Тульчинскому от 3 апреля.

Г. Окружному Инженеру Витимского горного округа.

Получив при надписи за № 324 Ваше об'явление от 29 марта с/г., обращенное к бывшим рабочим Ленского золотопромышленного Товарищества, устроившим стачку, считаю необходимым заявить Вам, что те 7 пунктов об'явления (после слов „кроме того об'являю" и до предупреждения о мерах в случае невыхода 30 марта с/г. на работы), в которых перечисляются мероприятия к улуч-

[1]) Д. О. И., т. I, л. 260. Появляется в печати впервые.
[2]) Д. О. И., т. I, л. 286. Появляется в печати впервые.

шению положения рабочих, предположенные Вами к принятию, могут дать повод к заключению, что все, указанное в этих пунктах, Ленским Товариществом до сих пор не исполнялось, между тем такое предположение совершенно не соответствует действительности. Поэтому привожу свои возражения по пунктам.

1) Частичная уплата рабочим заработанных денег талонами на промыслах Ленского Т-ва не практикуется, а в счет заработка рабочим, по их-же требованиям, отпускаются припасы и проч., на получение которых только и выдаются талоны, вся-же остальная часть заработка выдается не иначе, как наличными деньгами, частью в течение года, главным-же образом по окончании операции, как обусловлено договором (п. II). При отпусках всего необходимого рабочим натурой, Ленским Т-вом не преследуются коммерческие цели, а вызывается это необходимостью и местными условиями, что предусмотрено и Горным Уставом.

2) Трехсменная работа существовала и существует на промыслах Ленского Т-ва с давних пор (п. 8 договора).

3) Время ходьбы на работы от казарм также с давних пор (с 1904 г.) на промыслах Ленского Т-ва считается рабочим временем, именно: согласно договора (п. 8) и закона 2 июня 1897 г. (ст. 4) продолжительность рабочего дня составляет от 11 до 11½ часов, между тем, на промыслах Ленского Т-ва установлен лишь 10-ти часовой рабочий день, следовательно на ходьбу и другие, не входящие в состав работы действия рабочих, предоставляется вполне достаточное время, для засчитывания которого в числе 10 часов нет никаких законных оснований.

4) При работах в мокрых забоях рабочие всегда снабжаются за счет Ленского Т-ва соответствующей непромокаемой одеждой.

5) Необязательные сверхурочные работы в дни отдыхов производились на промыслах Ленского Т-ва всегда не иначе, как с совершенно-добровольного согласия самих рабочих и даже по их желанию, так как за такую работу они получали увеличенную плату.

7) Как обязательные постановления, так и закон 2 июня 1903 г. исполнялись Ленским Товариществом в

точности, по буквальному их смыслу, под контролем горного надзора.

В случае представления Вами об'явления от 29 марта с/г. высшему начальству прошу приложить к нему также и настоящее мое заявление для ограждения Ленского Т-ва от незаслуженных обвинений.

И. д. Главноуправляющего промыслами

Горный Инженер *А. Теппан.*

Приложение № 31[1]).

Телеграмма Тульчинского иркутгубернатору от 10 ч. 30 м. утра 4 апреля.

Срочная 2 адреса

Иркутск

Губернатору

Копия Горному Начальнику.

Вследствие произведенных сегодня ночью постановлению следователя арестов 7 часов утра возбужденная толпа рабочих Андреевского, Васильевского, Утесистого числом свыше 1000 человек явилось ко мне категорическим требованием немедленном освобождении арестованных угрожая противном случае собрать всех рабочих приисков Лензота двинуться Бодайбо их освобождения назначив срок исполнения требования тр ичаса сего дня. Положение нахожу угрожающим.

Тульчинский.

---

[1]) Д. О. И., т. I. л. 361. Появляется в печати впервые.

Приложение № 32[1]).

Копия.

Его Высокородию

Господину Окружному Инженеру Витимского Горного Округа.

Бывших рабочих Л. З. Т.

Подано лично в толпе в 5 час. дня во время стрельбы 4 апреля до выстрелов.

К. Тульчинский

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В виду того, что за последнее время полиция и администрация врывается с воинской силой в наши казармы и нарушает мирное течение нашей жизни, перепугивая наши семьи и своими действиями вызывает нас к обострению, которое может привести к печальным и нежелательным последствиям, мы бывшие рабочие Л З.Т. решили через Вас Господина Окружоого Инженера об‘явить блюстителям порядка, что работу мы прекратили по вине Л. З. Т. Управления, которое нарушило наш договор и об‘явило нас расчитанными прервав с нами всякие сношения. Нарушения эти признали и Вы. Вновь поступать на старых условиях не желаем, а свое право будем искать по суду. За все 35 неработанных дней среди нас непоявлялось ни малейшего безпорядка и насилия, ни каких главарей и подстрекателей у нас нет, если же наши охранители ищут среди нас таковых, то это не главари, а те, которых по требованию г. Исправника мы послали для об‘яснения с администрацией, который заявил, что со всеми нами, как с баранами говорить не желает. Вы также потребовали на об‘яснение послать некоторых лиц, но не всех. Если правосудия почему либо найдут нужным арестовать нескольких лиц, как говорит начальство, для об‘яснений, то мы просим делать эти об‘яснения не ночью набегом, а к Вашим и

---

[1]) Д. О. И., т. I. л. 262. Появляется в печати впервые.

ихним услугам днем и не с отдельными лицами, а со всеми нами, так как мы действуем каждый по своему убеждению и своей личной совести, примером служат те лица, которые хотели работать те и работают, мы не препятствуем им, а всего ясней то, что мы каждый в отдельности от себя дал письменное заявление Товарищу Прокурора. За тишиной и порядком наблюдаем строго сами за собой. Заявляем Вам если еще нашими охранителями повторится попытка арестовать наших так называемых „Главарей" то это будет провокация со стороны наших охранителей. Вас просим внемлите Нашему Гласу. „Глас Народа—Глас Божий", Мы просим нас не охранять, так как мы сами себя охраняем. Копию с этого заявления мы оповестим миру, если пожелаете наши подписи мы по первому требованию таковые представим. Бывшие рабочие Л. З. Т. в том подписуемся Андреевского прииска, Пророко-Ильинского прииска, Александровский прииск.

Приложение № 33[1]).

Телеграмма Тульчинского иркутгубернатору от 11 ч. вечера 4-го апреля.

2 адреса ИРКУТСК.
Губернатору. Копия Горному Начальнику.

После отсылки утром Успенского прииска срочной телеграммы 351 проехал лошадьми Надеждинский На пути встретил возбужденную толпу рабочих свыше 1000 Александровского шедшую Липаевский Дистанционную Контору требовавших немедленного освобождения арестованных немедленного расчета Убеждал разойтись не делать насилий По приезде Надеждинский узнал собравшейся толпе рабочих свыше 2000 Феодосиевском против которой другой стороны долины Бодайбо стояла с раннего утра рота солдат точка Феодосиевские требовали моего приезду прибытия Феодосиевский рота моей просьбе отошла Надеждинский Народному Дому место своей стоянки оставшись один убеждал рабочих ко-

1) Д. О. И., т. I, л. 263. Появляется в печати впервые.

торые сами требовали немедленного освобождения арестованных затем расчета вели себя угрожающе Возвратился Надеждинский где узнал что все рабочие приисков Андреевского Успенского Васильевского Прокопьевского идут Александрорскому точка Соединившись Александровскими рабочие общею толпою свыше 3000 двинулись на Феодосиевский через Надеждинский около Нар. Дома места расположения роты куда прибыли около 5 час. дня точка Не смотря предупреждения сделанные сигналы толпа воруженная кольями кирпичами камнями угрожающе надвигалась на войска которые дали несколько залпов убито 107 ранено 83 точка Присоединяюсь ходатайству Ротмистра Трещенкова об'явлений приискового района военном положении экстренной высылки войск по Витиму дорога простоит до 20 апреля Леной войска могут проследовать почтовой тропой 4 апреля 11 вечера.

Тульчинский.

Приложение 34[1])

Копия.

Господину Окружному Инженеру
Витимского Горного Округа.

Ввиду последовавшего от Правления Ленского Золотопромышленного Т-ва разрешения о выдаче окончательного расчета рабочим, имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие уведомить меня не будет-ли со стороны Вашей каких либо препятствий по указанному предмету.—Подлинное подписал: И. д. Главноуправляющего промыслами Горный Инженер А. Теппан. 5 апр. 1912 г.

С подлинным верно:

И. д. Главного промыслового бухгалтера Ив. Мелехин.

На подлинном сделана следующая надпись: „С моей стороны препятствий не встречается“ Окружный Инженер Витимского Горного Округа К. Тульчинский 19/4 12 года.

[1]) Д. О. И., т. I. л. 269. Появляется в печати впервые.

Приложение № 35[1])

Телеграмма Тульчинского иркутгубернатору от 6 апреля.

2 адреса. ИРКУТСК

Губернатору
копия Горному Начальнику.

Номер 33. После получения телеграммы Саладилова третьего два часа дня Теппан хотел об'явить последних уступках Лензото четвертого но об'явил их четвертого только ближайшим приисковым конторам по отдаленным же об'явления были вывешены пятого точка Кроме того когда ко мне Успенский пришла ранним утром толпа рабочих 1000 человек нашел необходимым целях успокоения сообщить им получении телеграммы Лензото новых уступках. Убеждал принять их успокоиться встать на работу новым условиям обещая урегулировать вопрос арестовании но толпа угрожая поставила ультиматум немедленное освобождение тот же день три часа дня затем не ожидая ответа свой ультиматум вскоре же отправилась соседние прииски соединение другими рабочими точка Моему мнению арестование только предлог для безпорядков второго третьего апреля рабочие Александровского держали себя вызывающе придравшись тому что продовольственной лавке отпущено было плохое мясо.

Тульчинский.

Приложение № 36[1]).

Его Высокоблагородию Господину Окружному Инженеру Витимского Горного Округа.

Рабочих Феодосиевского
прииска.

ПРОШЕНИЕ

Честь имеем просить Ваше Высокородие простить нам рабочим, за те нанесенные оскорбления, которые мы на-

[1]) Д. О. И., т. I. л. 271. Появляется в печати впервые.
[2]) Д. О. И., т. I, л. 272. Появляется в печати впервые.

несли Вам. Это все были пущены провокации, со стороны Ленской администрации, чтобы натравить нас рабочих, чтобы мы нанесли Вам оскорбления и даже желали она Вашей смерти, теперь мы рабочие в полностью удостоверились Вашей неучастности относительно ареста. Это все была провокаторская выходка тех злых людей, которые желают Вам и нам зла, и которые желают посягнуть на Вашу жизнь, но мы рабочие всегда расположены всей душой к Вам, мы лучше отдадим свою жизнь лишь только остались живы-бы Вы, чтобы дали Вы тот справедливый результат, тех печальных происшествий, корого мы рабочие и нежелали никогда, которых постигло наших товарищей, в среде которых находились и Вы, на волосок от смерти, мы рабочие Феодосиевского прииска когда услышали эту печальную весть, то не могли удержаться от слез, что Вам грозила смерть, и какие печальные последствия отразились бы на нас, если бы Вас постигла смерть.

Теперь мы обращаемся к Вашему Высокоблагородию о защите нас рабочих как невинных ни в каких нарушениях злоупотреблений, теперь нас рабочих что то сильно смущает относительно выезда служащих из района расположения прииска, и как будто-бы хотят истребить нас рабоних и тех невинных наших жен и детей, и неужели мы не встретим нигде защиты о тех несправедливых поступках, которые применялись к нашим товарищам, а также применяются к нам, теперь мы рабочие не в состоянии поднять наших рук на ту работу Ленского Товарищества где земля полита кровью невинных наших товарищей, просим Вашей защиты чтобы не принимались ни какие насильственные меры против нас рабоних и мы будем держать полный порядок как было до сего времени на нашем прииске. Просим Вашего ходатайства о тех сиротах убитых наших товарищей, теперь мы рабочие шлем Вашему Высокоблагородию свой душевный привет и желаем Вам быть здоровым, добрым и справедливым работником на славу Русского Государства.

Просим Вашего начальнического совета и ответа.

Рабочие Феодосиевского прииска. 1912 г. 7 апреля.

Приложение № 37[1]).

Телеграмма Тульчинского иркутгубернатору от 7-го апреля.

2 адреса ИРКУТСК.

Губернатору. Копия Горному Начальнику.

Номер 36 То время когда рабочие нижних приисков числом свыше 3000 приближались Надеждинскому Народному Дому месторасположении роты находились я Трещенков Штабс-Капитаны Лепин Санжеренко Преображенский Хитун Признано было необходимым не пропускать рабочих на Феодосиевский где было свыше 2000 соединение образовало бы массу свыше 5000 что представлялось чрезвычайно опасным для воинской части 110 человек точка Когда рабочие нижних приисков приблизились Надеждинской станции рота расположилась поперек главного приискового тракта две шеренги направлении Народного Дома полотну Бодайбинской жел. дор. Правом фланге полотне находились оба офицера Преображенский Хитун Ротмистр также я точка Самый последний момент когда толпа была Надеждинской станции Трещенков предвидя неизбежное кровопролитие если рабочие не остановятся не свернут тракта а надвинутся на солдат решил попытаться еще раз повернуть толпу направив нижнею дорогою позади Народного Дома допуская таким образом вынужденное хотя крайне опасное соединение шедших рабочих с ожидавшими их находившимися тылу роты Феодосиевскими каковою целью спешно послал Надеждинскую стражника Китова об'явить последнее распоряжение точка Сознавая что едвали рабочие подчинятся стражнику я стремительно бросился по полотну железной дороги добежал дороги идущей Надеждинскому стану по ней на тракт встречу толпе надеясь направить рабочих на нижнюю дорогу точка Этот момент передняя часть толпы была разстоянии 160 шагов воинской части Будучи еще переезде отчетливо слышал троекратные сигналы рожка предупреждавшие открытии огня но сознание грозящей для меня опасности невольно затемнялось напряженною мыслью удержать рабочих от движения вперед на сол-

[1]) Д. О. И., т. I, л. 267. Появляется в печати впервые.

дая спасти их от неминуемой гибели стремительно подбежал толпе умоляя ее свернуть нижнюю дорогу окружающие меня хотели свернуть но дальние стремительно бросились вперед сократив расстояние до 106 шагов, что вынудило открыть огонь точка Инстинктивно бросился сторону но меня насильно задержали затем вместе другими прилег пролежав до прекращения огня впереди меня обеим сторонам оказались убитые раненые Когда огонь прекратился какой то рабочий помог мне выйти вперед. Нахожу необходимым исправить конец моей телеграммы номер 360 Руках окружавших меня рабочих я не заметил кольев кирпичей или камней

Тульчинский.

Приложение № 38[1]).

Совещание

при участии Окружного Инженера Витимского Горного Округа Колл. Сов. Тульчинского, Окружного Инженера Олекминского Горного Округа Ст. Сов. Александрова, Начальника Полиции Витимско-Олекминского района Ротмистра Трещенкова и Представителя Ленского Золотопромышленного Т-ва И. д. Главноуправляющего промыслами Горного Инженера А. Т. Теппана.

11 апреля 1912 года 6 час. вечера.

Совещанию подлежало обсудить полученные от Г. Иркутского Губернатора телеграммы на имя Окружного Инженера Тульчинского от 7 апреля за № 42 и на имя Ротмистра Трещенкова от 9 апреля с.г. за № 53.

Совещание пришло к заключению

1., Выдворять до открытия навигации рабочих приискового района не представляется никакой возможности в виду полного прекращения сообщения от Бодайбо по р. Витиму и далее.

2., Необходимо рабочих Ленского Т-ва оставить на самых приисках до открытия навигации так как помещений для них в Бодайбо нет.

¹) Д. О. И., т. I. л. 298. Появляется в печати впервые.

3., Необходимо продолжать выдавать пищевое довольствие как имеющим заработок за конторой, так и неимеющим с тем, чтобы с последних долг за пищевое довольствие был взыскан впоследствии в судебном или административном порядке, как казенная недоимка, причем Ленское Т-во категорически отказывает расход по пищевому довольствию бывших его рабочих принять на свой счет, а также равно искать эти долги с рабочих судебным порядком.

4., Для успешности эвакуации рабочих приискового района в будущем с открытием навигации необходима к тому времени присылка достаточного количества войск.

5, Выдворение этапным порядком потребует значительного числа конвоя какового в распоряжении горной полиции не имеется.

6., Для недопущения расчитанных рабочих в Бодайбо средств и оснований не имеется, относительно же поддержания в городе Бодайбо порядка приняты Начальником Полиции надлежащие меры.

Окружный Инженер *К. Тульчинский.*

Приложение № 39[1])

Телеграмма Тульчинского иркутгубернатору от 12-го апреля.

ИРКУТСК.
Губернатору Бантыш.

Номер 47. Насколько хватал мой взор я видел безусловно невооруженную толпу Мною не было констатировано оставление толпой кольев кирпичей и прочего так как никто судебных властей не вызывал меня место катастрофы но после посылки телеграммы 360 собственному почину следующий день осмотрел Народном Доме сравнительно ничтожное количество указанных предметов которое было собрано словам Трещенкова месте катастрофы точка Телеграмма 360 составлялась тот же вечер совместно со всеми чинами администрации фраза вооруженной толпе была включена мною основании утверждений Трещенкова точка Стрельба бы-

1) Д. О. И., т. I. л. 301. Напечатано частично и у Плетнева.

ла не залпами а пачками запятая при первых выстрелах голова толпы сразу прилегла на землю прилег и я точка Во время перерыва между первой стрельбой и второю я успел привстать среди лежавших на колени начал махать фуражкой кричать прекращении огня точка Этот момент бегущих вперед не видел криков ура вообще не слыхал точка После открытия вновь огня снова прилег оставаясь таком положении до полного прекращения стрельбы точка Ранее моего прибытия в начале забастовки были случаи снимания с работ но потом такого проявления своеволия не наблюдалось наоборот Управлением стали производиться вновь наятыми рабочими неотложные работы и этим работам никто не мешал точка Требований новых не пред'являлось рабочие все время во всех моих ними переговорах твердо отстаивали увеличение платы или совершенно отказывались встать на работы уверенно расчитывая взыскать судом вознаграждение за нарушение договора Лензотом точка Из административных лиц переговоры велись рабочими только мною иногда Трещенковым причем до 4 апреля рабочие открыто меня не оскорбляли но после арестов которые приписывались рабочими мне я встретил весьма враждебное ко мне отношение и пришел убеждению что создается угрожающее положение случае неисполнения их требования освобождении арестованных точка Неминуемость катастрофы мне не представляется обязательной запятая необходимо было принять возможные меры задержать идущую толпу убедиться ее намерениях ранее прихода ее на Надеждинскую станцию и тогда же предупредить грозящей ей смертельной опасности точка Когда выяснился неуспех порученной мне задачи привести обе стороны миролюбивому соглашению нервозность рабочих сделалась повышенной и каждое новое острое обстоятельство сильно возбуждало рабочих так например выдача второго апреля из артельной кухни Александровского прииска недоброкачественного мяса привела всех рабочих этого прииска в сильное восбуждение произведенный же ночью с 3 на 4 арест их выборных дал повод к еще большему возбуждению но уже всех рабочих Лензота точка Взвесив эти обстоятельства и принимая во внимание продолжительное перед этим мирное течение забастовки прихожу

убежцению что арэст выборных явился главнейшим поводом активному выступлению рабочих причем эта активность выразилась только том что весь день четвертого авреля рабочие собирались толпами требуя расчета и немедленного освобождения арестованных находя арест этот несправедливым выражая весьма резкой форме свое неудовольствие распоряжениями правительственных лиц точка Дополнение телеграммы 369 сообщаю когда я старался задержать толпу то ранее начала стрельбы я успел получить письменное заявление от рабочих поданное мне одним из толпы котором указывалось между прочим что аресты нарушают мирное течение их жизни вызывают обострение могут привести печальным нежелательным последствиям подлинник заявления представлен при допросе качестве свидетеля Судебному Следователю Хитуну.

Тульчинский.

Приложение № 40[1]).

Телеграмма Тульчинского Горному Департаменту от 14 апреля.

ПЕТЕРБУРГ
Горному Департаменту

11 апреля истек последний срок назначенный Лензотом бастующим рабочим для приступа работам условиям предложенным Лензотом чере Салодилова точка Приступила к работам самая ничтожная часть остальные рабочие отказались точка Совещание образованное распоряжением Иркутского Губернатора участии моем Окружного Александрова Представителя Лензота Инженера Теппана начальника Полиции Трещенкова пришло заключению Первое выдворять бывших рабочих Лензота из приискового района ранее открытия навигации не представляется никакой возможности ввиду полного прекращения сообщения Витиму Лене Второе Необходимо бывших рабочих Лензота оставить приисках до открытия навига-

[1]) Д. О. И., т. I. л. 310. Появляется в печати впервые.

ции ввиду отсутствия помещений Бодайбо Третье необходимо продолжать выдавать пищевое довольствие как имеющим заработок за Лензотом так неимеющим тем чтобы долг последних за пищевое довольствие был взыскан вне следствии судебном или административном порядке как казенная недоимка причем Лензото категорически отказалось принять свой счет расход пищевому довольствию Четвертое Для успешности эвакуации бывших рабочих Лензота приискового района будущим открытием навигации необходимо тому времени присылка достаточного количества войск.

Тульчинский.

Приложение № 41[1]).

Телеграмма Тульчинского Горному Департаменту от 15 апреля.

Петербург Горному Департаменту.

Сегодня по пяти приисковым Управлениям Лензота Анреевскому Иннокентьевскому Прокопьевскому Нижнему Феодосиевскому работало 1237 человек из них небастовавших 619 бастовавших 474 совершенно новых 144 точка На приисках полный порядок 15 апреля 10 веч.

Тульчинский.

Приложение № 42[2]).

Письмо Тульчинского Теппану от 18 апреля.

Апреля 18 дня 1912 г.

Господину И. об. Главноуправляющего промыслами Ленского Т ва Горному Инженеру А. Г. Теппан.

В дополнение моей по телефону сегодняшней беседы с Вами, Милостивый Государь, подтверждаю, что необходимо выдавать по распоряжению Г. Иркутского Губер-

[1]) Д. О. И., т. I. л. 349. Появляется в печати впервые.
[2]) Д. О. И., т. I. л. 368. Появляется в печати впервые.

натора, пищевое довольствие только тем бывшим рабочим Ленского Т-ва, которые за Т-вом совершенно не имеют заработка или этот заработок недостаточен для прокормления в течении текущего месяца, те же рабочие, которые при расчете получали достаточно денег (не менее 18 руб. на одинокого и 30 руб. на семейного), должны довольствоватся за свой собственный счет, получая пищевое довольствие за наличные деньги из продовольственных лавок Ленского Т-ва.

Окружной Инж. Витим. Гор. Окр. *К. Тульчинский.*

Приложение № 43[1]).

Телеграмма Тульчинского Горному Департаменту от 18 апреля.

Петербург Горному Департаменту

Из общего числа рабочих Лензото около 5500 сегодня работало 1490 из коих вновь нанятых 411 Приисках полный порядок 18 апреля 10 веч.

Тульчинский.

Приложение № 44[2]).

Письмо Тульчинского Трещенкову от 19 апреля.

Апреля 19 дня 1912 г. Экстренное.
№ 454. Совершенно секретно.

Господину Начальнику Полиции
Ротмистру Трещенкову.

Из прилагаемых при сем в копиях телеграмм от 15 сего апреля за № 2302, Г. Начальника Иркутского Горного Управления и от 17 сего апреля за № 70 Г. Иркутского Губернатора, равно как и из тех, которые получены были Вашим Высокоблагородием раньше от Г. Иркутского Губернатора и которые своевременно были мне

1) Д. О. И., т. I. л. 372. Появляется в печати впервые.
2) Д. О. И., т. I, л. 384. Появляется в печати впервые.

Вами сообщены, представляется несомненным, что для Правительства чрезвычайно важно установить нарушение Ленским Т-вом договоров с рабочими, подлежащих горных узаконений и изданных в развитие их обязательных постановлений, так как только при таком установлении, которое должно быть выполнено мною путем самого подробного расследования, опросом бывших рабочих Ленского Т-ва и составлением в надлежащих случаях актов и протоколов, возможно будет правительству возложить расходы по пищевому довольствию бастовавших и бастующих рабочих на счет Ленского Т-ва.

Ввиду изложенного весьма важно, чтобы законные и справедливые претензии бывших рабочих и жалобы их на нарушение тех или других законов и договорных отношений приносились мне совершенно свободно и безбоязненно, а потому в целях достижения успеха в возложенной на меня Г. Иркутским Губернатором и Г. Начальником Иркутского Горного Управления задачи я нахожу необходимым вывесить по казармам рабочих особое об'явление, проэкт коего при сем прилагаю и прошу сообщить мне, по возможности, незамедлительне, не встречается ли со стороны Вашего Высокоблагородия к опубликованию прилагаемого об'явления препятствий.

Подписал Окр. Инж. Вит. Горн. Окр. *К. Тульчинский.*

Приложение № 45[1]).

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Довожу до сведения всех рабочих Ленского Товарищества как бывших, так и состоящих на работе, что Г. Иркутским Губернатором и Г. Начальником Иркутского Горного Управления мне поручено самое подробное расследование причин прекращения работ рабочими на приисках Ленского Товарищества.

Вследствие этого об'являю рабочим, что для указанного расследования мною назначены приемные дни ежедневно по понедельникам, средам и пятницам, от 2-х до 4-х часов дня, исключая праздников, в каковые дни мною

[1]) Д. О. И., т. I. л. 385. Появляется в печати впервые.

предлагается рабочим являться в мою канцелярию, на Успенский прииск, для разбора как ранее пред'явленных претензий и жалоб, так и вновь приносимых.

Окружный Инженер
Витимского Горного Округа *К. Тульчинский.*

Апреля 19-го дня 1912 г.
Пр. Успенский.

Приложение № 46[1]).

Копия телеграммы Г. Иркутского Губернатора.

БОДАИБО.

Начальнику Полиции Ротмистру Трещенкову, из Иркутска. Подана 18-го апреля 5 ч. 40 м. пополудни.

Номере 57 от 12 апреля я предлагал Вам не допускать число расчитываемых рабочих свыше 200 человек просил обсудить Преображенским Тульчинским эту меру не получая до сих пор от Вас ответа имея сведения что число рассчитанных на 16 апреля достигло 776 человек и получивши телеграмму из Троицкосавска от Торгового Дома Коковин Басов что по полученным сведениям отдельные партии бастующих рабочих направляются тайгу также Мачинскую резиденцию запятая Вы вынуждаете меня пред'явить Вам категорическое требование безпрекословно исполнять мои распоряжения точка Об'явите моего имени Теппану запятая Тульчинскому запятая Александрову немедленно прекратить всякий расчет точка Об'являю Вам что я больше не намерен дожидаться ответа на свои телеграммы в продолжении шести суток запятая за ранее предупреждаю Вас что за все действия разбредшейся по тайге голодной толпы отвечать будете Вы и чины Горного надзора точка Потрудитесь дословно телеграфировать мне претензии рабочих поступившие на имя полиции запятая касающиеся основания забастовки точка Тоже самое просите немедленно сделать Теппана и обоих Окружных Инженеров точка Отношение отпуска пищевых продуктов подтверждаю

[1]) Д. О. И., т. I, л. 391. Появляется в печати впервые.

номер 4 адресованный Галкину каковой потрудитесь принять к неуклонному исполнению по отношению всех рабочих без исключения точка Просите Теппана или телеграфируйте сами от слова до слова со всеми цифрами запятая подразделениями запятая параграфами запятая пунктами и ценами весь контракт текущей операции совместно разценке поденной запятая сдельной и всякой другой платы точка Номер 70 Губернатор Бантыш.

С подлинным верно:

Ротмистр Трещенков

Приложение № 47[1]).

Телеграмма Тульчинского Иркутгубернатору от 22 апреля.

2 ареса Иркутск

Губернатору Копия Горному Начальнику

Сегодня составленным мною протоколом присутствии 30 свидетелей рабочих удостоверена трем протоколам Андреевскому Васильевскому Утесистому массовая принудительная выдача талонов на магазины для получения вместо денег товаров чем установлено нарушение пункта одиннадцатого договора Заведывающий Управлением Инженер Цинберг привлечен мною ответственности Завтра донесу результатах согодняшнего Совещания

22 апреля 11 час. вечера.

Тульчинский.

Приложение № 48[2]).

Совещание.

22 апреля 1912 года на Надеждинском прииске по вопросу об эвакуации рабочих с приисков Ленского Товарищества, согласно полученных от Г. Иркутского Губернатора телеграмм за №№ 68 и 79.

---

1) Д. О. И., т. I, л. л. 425. Появляется в печати впервые.

2) Д. О. И., т. I, л. 484. Появляется в печати впервые.

На совещание прибыли: Окружной Инженер Витимского Горного Округа К. Н. Тульчинский, Окружной Инженер Олекминского Горного Округа П. Н. Александров, Товарищ Прокурора Н. И. Преображенский, Мировой Судья I участка М. Ф. Рейн, Мировой Судья II участа Е М. Хитун, Начальник полиции обоих Округов Н. В. Трещенков, Начальник местной команды П. А. Лепин, Горный Исправник Витимского Горного Округа А. Н. Галкин, За Управляющего Бод. Отд. Государственного Банка Контролер А. П. Ерохин, Начальник Почтово Телеграфной Конторы Д. В. Булатов, Управляющий золотосплавочною Лабораториею Н. Ф. Ботышев, Помощник Акцизного Нанзирателя I. Ф. Хржчанович и представитель Ленского Т-ва И. об. Главноуправляющего промыслами А. Т. Теппан.

По докладу обеих телеграмм Г. Иркутского Губернатора К. Н. Тульчинским и по обмену мнениями Совещание признало:

1) Настроение бастующих в настоящее время таково, что совершенно нельзя ожидать, чтобы рабочие Ленского Т-ва встали на работу и потому все бастующие рабочие в обоих Округах числом 4200 человек, не считая жен и детей, а с ними до 5500 человек, подлежат эвакуации с открытием навигаци. Цифра в 4200 человек точно определена И. об. Главноуправляющего промыслами А. Т. Теппаном и к этому определению присоединились Окружные Инженеры Александров и Тульчинский. Команда рабочих, которая может быть вновь нанята вместо эвакуируемых, по заявлению А. Т. Теппана, равна 2500 чел.

2) Для осуществления безпрепятственной эвакуации и для устранения осложнений необходима присылка достаточного количества войск в Бодайбо и эвакуацию эту необходимо производить частями, отдельными группами, по вместимости баржей и пароходов, при чем А. Т. Теппан заявил, что в случае надобности рабочие могли бы быть вывезены из Бодайбо на пароходах Ленского Т-ва в течении трех—четырех дней.

3) По мере вывода бастующих рабочих можно допустить прибытие в г. Бодайбо новых рабочих, как самостоятельно прибывающих, так и вновь нанятых Ленским Т-вом, при чем в устранение скопления рабочих в

Бодайбо представляется необходимым чтобы из с. Витима отправка новых рабочих допущена была по особым пропускам Начальника Полиции Ротмистра Трещенкова Витимскому Приставу.

4) В устранение того-же скопления рабочих в г. Бодайбо, имеющих получать свои сбережения из Госуд. Сбер. Кассы и сделать переводы по месту выезда, необходимо просить Бодайбинское Отделение Госуд. Банка войти с ходатайством перед Государственным Банком о разрешении выезда на прииски для производства операций Сберегательной Кассы.

5) Опубликование об'явления проектированное Горным Исправником Галкиным, об отпуске пищевого довольствия рабочим представляется нежелательным, так как приведение в действие означенного об'явления может послужить новым нежелательным недоразумением.

6) Принимая во внимание разбросанность приисков, и удаленность от Бодайбо Совещание полагает необходимым присылку баталиона солдат и сотни казаков с расквартированием во II дистанции 3-х рот, местной команды и сотни казаков: на Андреевском пр. 1 рота, на Феодосиевском пр. 1 рота, на Надеждинском 1 сотня казаков и местная команда, в I дистанции—1 рота и в г. Бодайбо 1 рота.

Скопление эвакуируемых рабочих можно ожидать в Киренске, Устькуте и Жигалове.

По заявлению А. Г. Теппана в приисковом районе, начиная от Витима, войска будут обеспечены со стороны Ленского Т-ва провиантом за плату.

7. Совещание находит желательным, чтобы были приняты меры доставить эвакуируемых рабочих до Жигалова, в крайнем случае до Усть-Кута, так как по заявлению А. Г. Теппана Ленское Т-во согласно доставить рабочих только до Киренска.

8. Окружный Инженер Александров, оставаясь при особом мнении, указал на необходи мось присылки особо для III дистанции 50 казаков при офицере, кроме 1-й роты солдат предусмотренной пунктом 6-м настоящего Журнала Совещания.

Председатель Совещания

Окружный Инженер *К. Тульчинский.*

Приложение № 49[1]).

Телеграмма Тульчинского иркутгубернатору от 23-го апреля.

2 адреса ИРКУТСК.

Губернатору. Копия Горному Начальнику.

Прошу мне раз'яснить должно ли принять всевозможные меры тому чтобы открытием навигации принудительно эвакуировать все 4200 бастующих рабочих немедленно ранее прибытия сюда Комиссии Генерал Губернатора или наоборот представляется необходимым чтобы рабочие дождались здесь прибытия означенной комиссии и помогли своими показаниями заявлениями всестороннему расследованию обстоятельств предшествовавших возникновению забастовки условий среди которых она протекала и последовавшего затем применения вооруженных сил точка При этом докладываю рабочие ждут нетерпением прибытия Комиссии точка Первом случае при принудительной эвакуации для устранения всякой мысли неповиновения властям целях избежания применения вооруженной силы действительно необходима присылка сюда внешне внушительной воинской части то есть батальона солдат и сотни казаков как признало совещание втором случае для поддержания только порядка крайнему моему разумению вполне достаточно две роты солдат и сотни казаков.

Тульчинский.

Приложение № 50[2])

Телеграмма правления Лензото промысловому управлению в Бодайбо, копия Тульчинскому, от 23 апреля.

Повторяем нашу настоятельную просьбу безпрекословно подчиняться всем распоряжениям Тульчинского Все ваши действия строго согласовать его указаниям сообщать нам для сведения об отданных им распоряжениях и Вашем исполнении. *Эльзото.*

[1]) Д. О. И., т. I, л. 445. Появляется в печати впервые.
[2]) Д. О. И., т. I, л. 457. Появляется в печати впервые.

Приложение № 51[1]).

Телеграмма иркутгубернатора Тульчинскому от 25-го апреля.

Испрашиваемый комитет Вашим номером 503 разрешаю точка Поводу Вашего номера 491 примите сведению передайте Александрову запятая Трещенкову запятая Теппану никаких мер по эвакуации рабочих открытием навигации без моих особых распоряжений предлагаю ни под каким видом не принимать точка

Губернатор *Бантыш*.

Приложение № 52[2]).

Телеграмма Тульчинского Горному начальнику от 27 апреля.

ИРКУТСК

Горному Начальнику

Прошу телеграфировать день выезда сюда Комиссии Генерал Губернатора подробно состав Комиссии.

Тульчинский.

Приложение № 53[3]).

Телеграмма Тульчинского Горному Департаменту от 5 мая.

Петербург Горному Департаменту

Заведывающий Феодосиевским приисковым Управлением Лензота Иркутский мещанин Самохвалов приглашеный заранее мою канцелярию прибыл вчера нетрезвом виде занятая присутствии вызванных тому же времени тридцати свидетелей бывших рабочих Лензото двух понятых неприлично грубом виде отказался дать свои об'яснения первое поводу выдач Феодосиевским Управлением рабочим талонов на получение товаров вто-

---

[1]) Д. О. И., т. I. л. 506. Появляется в печати впервые.
[2]) Д. О. И., т. I. л. 606. Появляется в печати впервые.
[3]) Д. О. И., т. I. л. 653 Появляется в печати впервые.

рое несоблюдения Управлением дней отдыхов отказался присутствовать составлении протокола точка Принимая внимание что Самохвалов четвертого апреля ранее моего прибытия двухтысячной толпе Феодосиевских рабочих возбуждал ее против Окружного Инженера виня меня перед ней аресте моему приказу выборных нахожу настоящее тревожное время совершенно недопустимым поведение Самохвалова занимающего приисковой администрации третье после Главноуправляющего место точка При таких условиях крайне затрудняется расследование мною причин прекращения рабочими работ парализуются мои старания чтобы бастующие рабочие спокойно дожидались прибытия сюда Комиссии Генерал Губернатора Прошу Департамент сделать соответствующие указания Петербургскому Правлению Лензото.

Тульчинский.

Приложение № 54[1])

Телеграмма Горного Департамента Тульчинскому от 5 мая.

В виду командирования по Высочайшему повелению на Ленские прииски особого лица для производства подробного обследования всей обстановки события 4 апреля и ближайшего изучения условий жизни и труда на приисках было бы весьма желательно чтобы вы раз'яснили рабочим что означенное обследование будет иметь своим следствием удовлетворение законных претензий рабочих и постарались убедить рабочих стать на работу и возобновить нормальную жизнь на приисках такая обстановка несомненно облегчит производство расследования уполномоченным на то лицам с другой стороны продолжение забастовки рабочих которая может в конечном результате привести к принудительной их эвакуации несомненно не соответствует интересах самих рабочих особенно в виду неизвестности какие решения суда последуют по делам о нарушении контракта.

Иванов.

[1]) Д. О. И., т. I. л. 665. Появляется в печати впервые.

Приложение № 55[1]).

Телеграмма Тульчинского Горному Департаменту от 7 мая.

Петербург Директору Горного Департамента

Сегодня от десяти утра до семи вечера убеждал выборных рабочих всех приисков числе около 300 человек встать работы новым договорам основании об'явления Промыслового Управления 11 апреля последних уступках Лензота точка Все выборные единодушно заявили что после события 4 апреля им тягостно встать работы Лензота при чем большинство выборных идя встречу желаниям высшей власти облегчить производство раследования командированного по Высочайшему повелению лица высказалось за готовность встать работы срок мною назначеный после сношенний Департаментом меньшая часть только после прибытия сюда Уполномоченного лица точка Выборные просили разрешения завтра переговорить остальными рабочими по казармам просили моего прибытия среду на прииски для личных убеждений остальных рабочих просили копию последней телеграммы Вашего Превосходительста пятого мая все ставили условие немедленное прекращение арестов производимых полициею.

Прошу телеграфировать разрешение выдачи рабочим копии Вашей телеграммы.

Тульчинский.

Получено
Май 1912 г.
№ 2547.

Приложение № 56[2]).

УСЛОВИЕ

Александровского прииска, при которых можем приступить к работе, по предложению Правительства.

1) Что бы все рабочие были приняты на работы без исключения и не уволены до конца следствия, по новым договорам.

---

[1]) Д. О. И., т. I. л. 675. Появляется в печати впервые.
[2]) Д. О. И., т. I. л. 33. Появляется в печати впервые.

2) Что-бы не было притеснений со стороны администрации Ленского Товарищества.

3) Чтобы выборным было разрешено право для совещания и сбора материалов для присяжных поверенных, не только одного, но и всех приисков.

4) Что бы никто не был арестован по делу забастовки до конца следствия.

5) Срок найма до 1-го Сентября и выезд до Жигалова с продовольствием за счет Ленского Золотопромышленного Т-ва.

6) Произвести предварительное следствие Окружным Инженером во главе с чиновником особых поручений с шахт и пескового отвала с показанием рабочих.

7) Проведение в жизнь всех данных пунктов утвержденных Окружным Инженером от 10-го Марта по 11-е Апреля.

8) Чтобы на всякие поступки незаконные со стороны приисковой администрации можно было составлять протоколы.

9) Что бы продажа крепких напитков до конца расследования не производилась.

10) Прибавка заработной платы.

11) Неперевод рабочих с одного прииска на другой до окончания срока найма.

12) Невычет за продовольствие с 4-го Апреля до выяснения виновной стороны.

13) Сокращение рабочего времени.

14) Просить исходатайствовать перед Сенатором Манухиным освобождения арестованных бывших выборных.

Приложение № 57[1]).

Получено
18 Май 1912 г.
№ 2463.

Получено 11 мая 1911 г. в одной из казарм в 6 час. вечера в Муе Феодосиевского прииска

УСЛОВИЕ

При котором приступаем к работе по предложению высшей правительственнй власти.

1-й) Чтобы все рабочие были приняты на работу без

---

1) Д. О. И., т. I. л. 40. Появляется в печати впервые.

исключения и не уволены без уважительной законной причины до конца ревизии Сенатора Манухина.

2-й) Чтобы не было притеснений (насмешек) со стороны администрации Ленского Товарищества

3 й) Чтобы выборным было разрешено право для совещания и сбора материалов необходимых для предстоящей ревизии не только с одного но и со всех приисков.

4) Чтобы никто не был арестован по делу забастовки до ревизии сенатора.

5) Срок найма до 1-го Сентября и выезд до Жигалова с продовольствием за счет Ленского Товарищества.

6) Произвести предварительное следствие относительно состояния работ и шахтового порядка с осмотром шахт с показанием рабочих при посредстве комиссии из Окружного Инженера Чиновника Особых Поручений при Иркутском Губернаторе Майше.

7) Немедленное проведение в жизнь всех уступок данных в об'явлениях Окружных Инженеров 7 Марта и 29 марта и Ленского Т-ва 11 Апреля.

8) Чтобы на всякие поступки незаконные со стороны приисковой администрации можно было просить составлять протоколы.

9) Продажа крепких напитков до конца ревизии не производилась.

10) Увеличение заработной платы.

11) Невычет за продовольствие с 4-го Апреля до выяснения виновной стороны.

12) Неперевод рабочих с одного прииска на другой до окончания срока найма.

Добавление: 1) Просим исходатайствовать перед Сенатором Манухиным освобождения арестованных бывших выборных.

2) Просьба исхлопотания нового закона об уменьшении часов рабочего дня для работ в виду суровых климатических условий.

Приложение № 58[1]).

Телеграмма Тульчинского Горному Департаменту от 12-го мая.

ПЕТЕРБУРГ

Директору Горного Департамента

Во исполнение предложения Вашего Превосходительства телеграммой пятого мая раз'яснял начиная утра седьмого до вечера одинадцатого сначала 300 выборным от всех рабочих затем самим рабочим Иннокентьевского Феодосиевского Нижнего Приисковых Управлений Лензота значение подробного расследования Сенатора Манухина убеждал рабочих для облегчения производства означенного расследования стать на работу возобновить нормальную жизнь точка 150 Иннокентьевских решили стать на работу если станут Феодосиевские точка 1000 рабочих Нижнего Управления большинстве полагаю станут на работу примеру Феодосиевских точка Вечером одинадцатого об'езжал вновь казармы Феодосиевских которых общее число около 2000 но бастующих настоящее время всего 1300 точка Феодосиевские дали мне окончательный за себя ответ и заверение что и остальные рабочие последуют их примеру точка Феодосиевские запятая идя встречу желанию высшей правительственной власти запятая заявили мне вечером одинадцатого согласие приступить работам следующих условиях первое Прием всех рабочих и неувольнение без законных оснований до конца ревизии Сенатора Манухина Второе Запрещение приисковой администрации Лензота угроз насмешек и других притеснений ставшим на работу Третье Производство перед приступом работам расследования относительно состояния шахтовых работ путем осмотра особой Комиссией из Окружного Инженера присутствии чиновника Особых поручений при Губернаторе Майша и свидетелей рабочих Четвертое Проведение жизнь всех уступок сделанных Лензотом об'явлениях Окружных Инженеров 7 марта 29 марта и

[1]) Д. О. И., т. I. л. 734. Появляется в печати впервые.

Промыслового Управления 12 апреля Пятое Составление протоколов просьбе рабочих всяких незаконных поступках лиц приисковой администрации Шестое Запрещение продажи крепких напитков до окончания Сенаторской ревизии Седьмое Невычет стоимости продовольствия за время забастовки впредь до выяснения ответственной стороны Восьмое Неперевод рабочих одного прииска на другой до окончания срока найма Девятое Срок найма первое Сентября 1912 запятая, вывоз по окончании срока найма до Жигалова продовольствием установленным нормам счет Лензота Десятое Предоставление выборным от рабочих права совещаться и собирать по приискам материалы необходимые для предстоящей Сенаторской ревизии Одинадцатое Прекращение арестов по делу забастовки до ревизии Сенатора Манухина и Двенадцатое Увеличение заработной платы точка Пункту двенадцатому мною раз'яснено рабочим что Ензото не пойдет увеличение на что рабочие заявили что если они идут встречу желаниям высшей правительственной власти облегчить раследование запятая готовы стать работу то может быть также и Лензото сделает этом остром самого начала забастовки вопросе какую либо уступку точка Полагаю что решение этого пункта Лензотом отрицательном смысле не послужит препятствием приступу работам если остальные одинадцать пунктов признаны будут приемлемыми точка Кроме указанных двенадцати пунктов условий приступа работам рабочие просят вопервых ходатайствовать перед Сенатором Манухиным освобождении арестованных их выборных которых многих они выбрали даже против их желания и обещались оказать поддержку вовторых просят возбудить ходатайство об издании специального закона для Витимского Олекминского района об уменьшении ввиду местных суровых климатических условий числа рабочих часов сутки предусмотренных существующими узаконениями.

Тульчинский.

Приложение № 59[1]).

Телеграмма Горного Департамента Тульчинскому от 12 мая

В газеты и члену Думы Скороходову выборным Ленских рабочих Пешковым прислана следующая телеграмма точка 7 мая Окружной Инженер об'явил нам получении им телеграммы Петербурга Директора Горного Департамента Директор предлагает нам приступить немедленно к работам если не приступим работе то первыми отбываемыми пароходами около 12 мая Лензото будет вывозить нас до прибытия ревизионной комиссии Окружной инженер пояснил что если какое либо сопротивление будет нашей стороны эвакуации пароходы то будет употреблена воинская сила оружие просим Вас убедительно употребить все меры оградить нас от этого последняго произвола явно доказывающего если это будет исполнено целью стушевать насколько возможно картину Ленских событий если нас вывезут насильно до прибытия сюда долгожданной нами ревизионной комиссию зачем тогда ее и ее прибытие если приедет кого будет брать данные раскрытые об'яснения Ленских событий если нас не будет если приступим работе то этим замаскируем все поступки Лензото и властей от ревизионной комиссии.

Выборный рабочий Лензото *Пешков.*

Телеграмма эта не понятна телеграфируйте чем она вызвана

Иванов.

Приложение № 60[2]).

Телегрaмма Тульчинского Горному Департаменту от 14 мая.

ПЕТЕРБУРГ

Директору Горного Департамента.

Телеграмма Пешкова сплошная ложь точка По наведенным мною справкам Пешков не значится среди бастующих рабочих расчитался Васильевского прииска

---

[1]) Д. О. И., т. I. л. 741. Появляется в печати впервые.

[2]) Д. О. И., т. I, л. 747. Появляется в печати впервые.

Лензота 22 февраля неделею ранее забастовки выбыл неизвестному адресу точка Предварительно об'яснений подлинный текст телеграммы 5 мая Вашего Превосходительства прочитывался 7 мая выборным последующие дни самим рабочим наконец 10 11 мая передан 17 экземплярах руки рабочих точка Об'яснения мною давались неуклоняясь текста телеграммы двоеточие указывалась необходимость приступа работам интересах самих рабочих целях облегчения раследования сенатора Манухина точка О немедленной принудительной эвакуации не могло быть речи запятая раз'яснялась возможность прибытия сюда сенатора Манухина не ранее первых чисел июня указывалась возможная продолжительность сенаторской ревизии не менее полутора двух месяцев запятая обращалось внимание рабочих что так долго забастовка продолжаться не может что она разорительна для самих рабочих что она может конечном результате повести принудительной эвакуации потому что нельзя будет правительственной власти удовлетворяя законные претензии рабочих нарушать закон относительно другой стороны что если Лензото обратится суд принудительном выселении то такое выселение временно задержанное распутицею может состояться будущем точка Непрестанно во всех беседах выборными также самими рабочими мною указывалось важность нахождения их на приисках на все время сенаторской ревизии что может осуществиться законном основании только с выходом их на работы на приемлемых условиях точка Немедленный приступ работам ни выборным ни самим рабочих мною не предлагался они должны были мне ответить после совещаний между собой только согласием или несогласием для сообщения Вашему Превосходительству и затем ожидать последующего решения высшей правительственной власти точка Не могу об'яснить телеграмму Пешкова непониманием им текста Вашей телеграммы запятая непониманием моих об'яснений точка Полагаю что она вызвана понятными мне целями людей злонамеренных враждебно ко мне относящихся запятая желанием их подорвать оказываемое мне доверие высшей власти запятая тем самым помешать мне выполнить до конца лежащий на мне чрезвычайно тяжелый долг помочь раскрытию истины о событии 4 апреля отстоять правду поддержать на

рушенную законность и справедливость точка Интересах истины прошу разрешения Вашего Превосходительства поместить Новом Времени опровержение опубликовав Вашу телеграмму 5 мая содержание настоящей моей телеграммы.

Тульчинский.

Приложение № 61[1]).

Телеграмма Горного Департамента Тульчинскому от 16 мая.

На вашу 678 опровержение телеграмму Пешкова напечатано через осведомительное бюро всех газетах.

Иванов.

Приложение № 62[2]).

Петербург
Директору Горного Департамента.

Дополнение 835 ответ запрос 29 мая подробно докладываю нижеследующее Приездом Белозерова 19 мая отношение рабочих вопросу возобновления работ резко изменилось худшему точка Не смотря на прибытие Бодайбо 21 мая Генерал Губернатора Белозеров 22 мая не предупредив не посоветовавшись Главным Начальником Края об'явил рабочим при старом контракте новые расценки незасвидетельствованные Окружным Инженером назначил самостоятельно не считаясь создавшимся положением не считаясь взглядами высшей власти ультимативный срок приступа работам 24 мая точка Новые расценки были представлены Белозеровым Генерал Губернатору Надеждинском прииске 23 мая лишь за полчаса до беседы его Феодосиевскими рабочими благодаря чему ни Генерал Губернатор ни Окружный Инженер своевременно неосведомленные не имели возможности защитить перед рабочими эти расценки составленные действительно не-

[1]) Д. О. И., т. I, л. 773. Появляется в печати впервые.
[2]) Д. О. И., т. I, л. 5. Появляется в печати впервые.

справедливо уменьшенными против той суммы которая была разрешена Петербургским Правлением двоеточие некоторые категории рабочих не получили совершенно прибавки запятая для весьма многих категорий увеличение коснулось высших пределов низшие остались без перемены запятая вместо увеличения разценок до трехсот тысяч таковые как это оказалось после проверки были увеличены только до друхсот тысяч.

На Совещании вечером 23 мая председательством Генерал-Губернатора при обсуждении новых расценок Белозеров присутствии Главного Начальника Края всех должностных лиц его сопровождающих довольно откровенно заявил что все бастующие рабочие сущности совершенно нежелательны каковое мнение Белозерова несомненно известно большинству служащих Лензота почти равносильно вполне определенному его приказу этим служащим поэтому после прибытия Генерал-Губернатора усилия лиц его сопровождающих и мои направленные тому чтобы убедить рабочих стать работу 28 мая срок вновь назначенный Генерал Губернатором парализовались возможной тайной агентурой значительного числа служащих Лензота нежелающих работать вместе бастовавшими рабочими точка После об'явления котором я телеграфировал номером 838 получили причитающиеся деньги 31 мая только 10 человек все остальные рабочие отказываются принять деньги решив видимо ожидать приезда Сенатора Манухина который прибывает сюда 4 или 5 июня точка Вчера после возвращения из Олекминского Округа Генерал-Губернатора Феодосиевские Александровские рабочие просили его содействия к образованию совещания выборных от рабочих с Белозеровым для урегулирования вопроса о расценках для рабочих занятых добыче песков запятая для устранения неясностей вновь составленном Белозеровым контракте вызывающих недоразумения точка Такое совещание происходило мое отсутствие вчера продолжится сегодня точка Полагаю переговоры безплодно продолжатся до самого приезда Сенатора Манухина точка 1 июня 10 утра.

Тульчинский.

Бодайбинский район в годы революции.

После забастовки и до революции.

В материалах, касающихся годов после забастовки и до февральской революции совершенно ничего не сохранилось такого, по чему-бы можно было судить о политической жизни района.

Но так мы не претендуем на полное и точное изследование рабочего революционного движения, а пишем только „к истории", то думаем, что и то мизерное количество материала, которое находится в нашем распоряжении, должно быть оглашено, тем более, что год от года материал этот утеривается, лица, могущие дополнить его, раз'езжаются из Бодайбинского района и такой важный вопрос, как „история движения", (именно здесь на приисках), так основательно, уже теперь, покрыт „пылью веков", что открыть что нибудь существенное представляет чрезвычайно большую трудность.

3 апреля 1915 г. иркутский губернатор телеграфирует бодайбинскому исправнику:

„Ввиду донесения Андреева несколько повышенном настроении служащих рабочих, вызванном сокращении штатов расходов Ленским товариществом, предлагаю принять всяческие меры недопущению безпорядков среди рабочих Лензото и предовращению поводов к ним. Настоящее время всякие безпорядки и столкновения с полициею более, чем когда-либо, недопустимы. Действуйте твердо, определенно, тоже время тактом, предусмотрительностью, избегая поводов столкновениям. Случаях признаков брожения поводах их среди рабочих телеграфируйте мне немедленно. Действия горных исправников должны быть согласованы. Относительно завтрашнего дня нужно руководствоваться указаниями, данными в прошлом и тринадцатом годах. Копии немедленно передайте исполнения Исправникам Соболеву, Григорьеву, Андрееву. 2172. Губернатор Юган".

Из этой телеграммы от 3-го апреля мы видим, что слово „служащие“ приведено Андреевым для „красоты ради“, так это понимает очевидно и губернатор Юган, т. к. его телеграмма трактует только о настроении рабочих и о возможных столкновениях с ними.

На телеграмме рукой горного исправника Кржижановского сделана следующая отметка: „Копии посланы в 12,1/4 часов ночи на 4-е апреля под № 2172“.

Во всяком случае точка зрения исправника на вопрос о возможных выступлениях со стороны рабочих чрезвычайно проста: „сила“, штыки и пуля,—вот метод усмирения, так великолепно оправдавший себя в кровавом 12-м году.

Так губернатор Юган запрашивает:

„Командующий войсками предполагает (?) выяснить (...не расшифровывается) Бодайбо местную команду. Предлагаю исправникам Витимского Округа соглашению между собою представить мне отзыв является-ли крайней необходимостью иметь Бодайбо воинскую часть и какой именно цели. Войдите соглашение Григорьевым Андреевым. Результаты телеграфируйте 1880. Губернатор Юган“.

По получении от вышеназванных исправников сообщения „что надобности в воинской части для вверенных нам районов не имеется“,—исправник Кржижановский с этим согласиться не может и шлет такую телеграмму:

„Телеграмму 1880 доношу: исправники Андреев Григорьев высказались надобности воинской части их районов не имеется. Не могу согласиться таким мнением: помимо обслуживания отделения банка караулом местная воинская команда необходима случай волнений забастовок среди рабочих как сила могущая остановить забастовочное движение одним своим присутствием здесь. Во время распутицы длящейся весной свыше месяца осенью около двух месяцев когда совершенно нет доступа приисковой район из-за бездорожицы случае расформирования местной команды экстренное передвижение воинской части приисковый район будет невозможно район останется произвол судьбы.“

Остается еще упомянуть, что жандармского полковника Балабина интересовало, как прошло в районе 1-е мая; Кржижановский ответил: „Первое мая в районе прошло совершенно спокойно“.

Этим исторический материал исчерпывается, оставляя для нас совершенно неизвестным период до Февральской Революции.

Бодайбинский район в период от февральской революции до колчаковщины.

Какие политические группы были к моменту Февральской Революции, неизвестно. Можно и нужно полагать, что все они были настолько раздроблены и лишены свободы действия, что редко (да пожалуй и вовсе), не выходили за пределы существования рядового обывателя. Но после получения известий о совершившемся в далекой России перевороте, они ожили, сплотились сперва как будто в одну компактную массу, а затем под влиянием приходивших известий о Керенщине, Корниловщине и Октябрьском перевороте, расслоились и отложилась, выросла и окрепла Организация Коммунистической Партии.

Проследить это и является нашей, почти неразрешимой из за скудности материала, задачей.

К моменту Февральской Революции, в городе Бодайбо издавался печатный орган „Бодайбинский Листок", единственно могущий хоть кратко, тенденциозно, но более или менее систематически помочь нам в нашей работе.

Первые известия о событиях в России проникли сюда в Бодайбо только 3 марта по старому стилю. В № 49 „Бодайбинского Листка" читаем:

„Восстание в России. Старый состав Комитета министров арестован. Во главе управления Россией находится Исполнительный Комитет Государственной Думы. Образовался Совет Рабочих Депутатов, заседающий в Государственной Думе. К восстанию присоединились все части войск и учреждения".

Того же 4 марта группа бывших политических ссыльных на своем собрании вынесла следующую резолюцию: „Приветствуя нарождение новых усилий жизни, мы, Бодайбинская группа бывших политических ссыльных, ныне волею народа ставшие свободными гражданами, в своем собрании от 4 марта вынесли следующее: Ознакомить местное население путем выступления на общем собрании, имеющем быть 5 марта в Народном Доме, о долге каждого гражданина, предуказанном Советом Рабочих Депутатов, настоять перед

городским Самоуправлением о признании правомочными сочленами последнего, выбранных на этом собрании эмиссаров, с правом решающего голоса и ревизующего начала"[1]).

Вторыми, как это видно из цитируемого нами „Б. Л." № 50, начали реагировать домовладельцы, собравшиеся в помещении Городской Управы 5 марта „для вырешения вопроса об образовании местного Комитета общественных деятелей, для поддержания порядка и благоустройства в городе".

Рабочие и служащие, на своем собрании (Надеждинский прииск) 5 марта 1917 года, постановили послать телеграмму следующего содержания:

„Петроград. Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. (Исполнительному Комитету Государственной Думы).

Выборные от рабочих и служащих приисков Ленского Золотопромышленного Товарищества и представители прочего приискового населения, собравшись 5 марта на Надеждинском прииске, постановили приветствовать Совет Рабочих и Солдатских Депутатов (Исполнительный Комитет Государственной Думы), свергнувший старую власть, приведшую Россию к голоду и гибели. Население приветствует новую власть, которая установит в России народное правление путем созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного и тайного голосования и утвердит свободу народа. Приисковое население заявляет, что оно употребит все усилия для поддержки такой власти путем устройства демократического местного самоуправления населения и организации справедливого порядка в действии приисков, добывающих золото для обновленной России"[2]).

Три группы, три резолюции встречающие революцию.

Более определенно ставит вопрос группа домовладельцев, ей нужен „порядок" и нужен „Комитет", который-бы руководил всей группой. Она организуется.

Резолюция „рабочих, служащих и прочего приискового населения" не только страдает неопределенностью линии, но еще и вызывает вопросы, вопросы тем более уместные, что на приисках имелась политическая ссылка,

---

1) «Бод. Листок» № 51 от 6 марта 1917 г.
2) «Бод. Листок» № 52 от 7 марта 1917 г.

которая могла дать определенное направление или во всяком случае помочь грамотно разобраться в событиях. Отождествление же Государственной Думы и Совета Рабочих Депутатов, при помощи скобок, действительно замечательно.

Ответ на эти вопросы дает резолюция Бодайбинской группы политических ссыльных, приводимая нами выше. Там говорится и „о долге каждого гражданина" и о том, что надо „настоять" перед самоуправлением о признании правомочных выбранных эмиссаров". Сказывается неопределенность и нерешительность людей, перед которыми неожиданно вспыла масса вопросов, требующих немедленного разрешения. Они растерялись. Люди, шедшие в каторгу и ссылку, очутились в положении людей, напиравших на закрытую дверь, неожиданно для них открывшуюся в тот самый момент, когда они этого и не ожидали.

Революция в России застигла здешнюю политическую ссылку врасплох.

Об этом говорит и воззвание Бодайбинской группы, выработанное на собрании, отчет о котором помещен в № 52 „Бодайбинского Листка".

„Товарищи политические ссыльные всех социалистических течений гор. Бодайбо и приисковых районов.

Настоящее событие застало нас, благодаря нашей разрозненности и разбросанности по всей тайге, *врасплох*, а потому настоятельно обращаемся к вам с призывом собраться, не теряя времени (у кого есть возможность) в г. Бодайбо 8 марта сего года для выяснения нашего политического и правового положения по отношению к совершающимся событиям и для выработки программы и плана наших действий. Бодайбинская группа политических ссыльных".

5 марта избран Временный Исполнительный Комитет, состоящий преимущественно из местных домовладельцев-собственников, частью из эс-эров и меньшевиков и одного солдата. Новая „власть" так декларировала свои задачи:

„Первейшими задачами Бодайбинского Временного Исполнительного Комитета являются: 1) организация городской милиции охраны порядка в городе, 2) урегулирование продовольственного вопроса в городе, 3) борь-

ба с выгонкою спиртных напитков, 4) подготовка выборов в постоянное Городское Самоуправление на новых началах и прочее".

„Вместе с тем Временный Исполнительный Комитет города Бодайбо является, впредь до созыва постоянного Городского Самоуправления, главным Исполнительным органом, распоряжения коего безусловно обязательны для всего населения Бодайбо, а также и для всех учреждений в городе. Временный Исполнительный Комитет."[1])

Как видим здесь нет даже и намека на что нибудь такое, что показывало бы на какую же именно *политическую платформу* переходит „новая" власть.

Изгнано даже слово „демократизм",—фиговый листок, обыкновенно прикрывающий прелести буржуазного порядка.

Больше всего характеризирует новую власть, или вернее ее политическую окраску, следующее об'явление, помещенное за подписью председателя Временного Исполнительного Комитета:

„Граждане и Гражданки. По постановлению Совета Рабочих и Солдатских Депутатов от 6 го марта в Петрограде, день десятого марта, первый день весны, определяется днем воспоминания о жертвах Революции и всенародным праздником Великой Русской Революции во все времена. На основании этого постановления, Временный Исполнительный Комитет предлагает: всем казенным, общественным, учебным и торгово промышленным учреждениям занятия, за исключением требуемых по техническим условиям своей непрерывности, в этот день не производить и все свои помещения украсить национальными и революционными флагами.

В ознаменование этого Великого дня, Временный Исполнительный Комитет гор. Бодайбо, предписывает всем заведывающим и начальникам всех мест заключения немедленно освободить из под стражи содержащихся в административном порядке."

„В местном храме в 9 часов утра имеет быть отслужена панихида по павшим борцам за свободу благодар-

---

[1]) «Бод. Листок» № 54 от 9-го Марта.

ственный молебен Господу Богу о наступлении свободной жизни, Свободной России."

„По окончании богослужения у Народного Дома имеет быть митинг. Председатель Временного Исполнительного Комитета Мартынов Секретарь Шкляр.[1])

Комментировать излишне. Ниже этого об'явления, в том же номере „Б. Л.," помещено такое же,—от Бодайбинского Комитета Союза Социалистов, но что этот союз из себя представлял, какова была его деятельность, по имеющимся у нас материалам, определить невозможно.

Как формировалась власть на приисках видно из помещенного, в № 59 „Бодайбинского Листка" материала:

„3-го марта, около 12-ти часов дня, были получены по телефону первые известия о событиях в России. Этим известиям многие сначала не верили. Телефон работал во всю. Служащие Нижнего Управления предложили собраться в Главной Конторе Л. З Т. и обсудить положение и задачи момента. Состоявшееся Собрание выбрало особую комиссию для организации народного митинга. 5-го марта состоялся митинг и за недостатком места в народном доме пришлось проводить два митинга: в народном доме и на открытом воздухе. Там и здесь ряд ораторов с большим под'емом говорили о событиях в России и о задачах момента. Указывалось на необходимость создания прежде всего органа местного самоуправления. Уполномоченные, выбранные по районам для подготовки выборов в Совет Рабочих Депутатов, выработали, между тем, текст телеграммы с приветствием Временному Правительству и С. Р. Д. Ораторы указывали на необходимость отнестись самым серьезным образом к выборам в С. Р. Д. и провести туда лучших людей. Порядок на митинге был полный".

С 6-го началась выборная компания. По местам в дело вносилось много страстности. Выбора были произведены на основании четырехчленной формулы по 1-му депутату на 100 человек гражд. В выборах приняли участие и заширотные жители. 8-го марта уже выяснился состав С. Р. Д., а 9-го марта состоялось первое торжественное заседание его на Надеждинском прииске в народном доме".

---

[1]) «Бод. Листок» № 55 от 10 марта.

„Президиум С. Р. Д., выбранный на этом заседании, составился так: председатель Тимофеев А. Г., товарищ председателя Щербинин, секретарь Попов А. Ф., товарищ секретаря Васенев И. Т. и Кшевицкий Л. М. Первое же заседание носило деловой характер. Главным образом оно было посвещено конституировании С. Р. Д. Образовано было (путем выбора—открытым голосованием) шесть комиссий: личного состава, по организации народной милиции, по сношению с Л. З. Т., ведающая делами возникающими между Л. З. Т. с одной и рабочими и служащими с другой стороны, финансовая комиссия, комиссия по сношению с административными лицами и учреждениями или юридическая комиссия, агитационная и культурно-просветительная комиссия. Седьмая—продовольственная была выбрана на втором заседании С. Р. Д. 11 марта.

Председатели комиссий, председатель С. Р. Д. его товарищ и секретарь составляют Исполнительный Комитет С. Р. Д. Ленских приисков; ему принадлежит исполнительная власть. В ознаменование праздника 10 марта С. Р. Д. было постановлено освободить всех заключенных за маловажные проступки и после панихиды по павшим борцам за свободу на месте расстрела рабочих в 1912 году, открыть народный митинг. Оглашены письма и заявления, поступившие в Исполнительный Комитет С. Р. Д. 1) от Главного Промыслового Управления Л. З. Т. с приветствием С. Р. Д., 2) от полицейской команды Надеждинского района с выражением преданности новому правительству и готовностью служить ему, 3) тоже от исправника и стражи 3-го района В. Г. О., 4) от служащих почтово-телеграфной Конторы на Надеждинском прииске, 5) мирового судьи Хитуна с просьбой командировать двух депутатов для совместного разбирательства дел.

Выяснилась необходимость принятия экстренных мер по продовольственному делу, но в виду утомленности депутатов (было 4 часа ночи) ни к чему определенному не пришли. Управление Л. З. Т. решило только сделать выписку ранее обычного и по норме, действовавшей до последней губернаторской нормы“[1]).

---

1) «Бод. Листок» № 59.

На митинге, о котором упоминается в выше цитированном нами об'явлении, была принята следующая телеграмма: „Петроград. Министру юстиции Керенскому. Просим передать бабушке Брешковской. В день Великого праздника памяти борцов, павших за свободу России, мы, свободные гражданки и граждане, Ваши внуки, в городе Бодайбо помним и бурно приветствуем нашу старую бабушку, нашу дорогую учительницу"[1]).

Вслед за этим доводится до сведения, что все старые полицейские чины, распоряжением Временного Исполнительного Комитета остаются на месте[2]).

И среди политической ссылки нет никого, кто бы более или менее конкретно выдвинул задачи момента и даже организационный комитет бывших политических ссыльных не ставит иной задачи, кроме: „поддержки пропагандой и агитацией Временного Исполнительного Комитета, в его трудной работе для подготовки выборов в Учредительное Собрание и городское Самоуправление"[3]).

Во всяком случае позиция, занимаемая группой бывших политических ссыльных мало привлекает к ним сочувствующих.

В № 58 „Бодайбинского Листка" читаем очередное воззвание от Организационного Комитета бывших политических ссыльных, которое гласит следующе:

„Товарищи. Переворот нас застал разрозненными, таковыми мы вышли из подполья, обратились к народу, вступили в местные органы и примкнули к диктуемой моментом общественной работе. Так продолжаться не должно.

Необходима организация своих сил. Выработка твердых общих основных положений относительно ближайших требований момента и ближайших наших задач. Необходима мобилизация сил для претворения в дело наших мыслей и стремлений, об'единение и согласование наших будущих выступлений прежде всего. Это может дать только единение. Ввиду этого предлагаем не медлить вступлением в создающуюся организацию. Время не ждет".

---

1) «Бод. Листок» № 56.
2) «Бод. Листок» № 56.
3) «Бод. Листок» № 56.

Правда, теперь легко судить и знать что бы нужно было делать вместо выпуска туманных воззваний, но и тогда, если бы было кому в здешнем районе повести большевистскую политику, она должна была бы найти, как и нашла. (о чем ниже) благодарную почву, подготовленную кровавым „Ленским Январем" 1912 года.

Однако, не все худо. В ниже цитируемом нами полностью очередном воззвании этой группы мы видим, что уже робко звучат слова о „рабочей демократии" и об „едином фронте демократии".

„Товарищи. Чрезвычайной важности события, переживаемые Россией, наша оторванность от центра страны и исключительные бытовые черты местной рабочей демократии, настоятельно требуют от нас координации сил для единства действия. В эту великую минуту раскрепощения демократии разброд преступен.

„В целях создания единой платформы действий мы приглашаем вас собраться в воскресенье 19 марта в 3 часа дня в помещении собрания служащих на Надеждинском прииске.

„Товарищи, выполните свой гражданский долг.

„С товарищеским приветом по поручению группы бывших политических ссыльных: Ф. Иванов, В. Ковжарадзе, В. Овчаров"[1]).

Наконец, сама физиономия политической ссылки или во всяком случае ее большинства, становится совершенно ясной, когда читаем отчет о собрании бывших политических ссыльных, помещенном в 65 номере „Бодайбинского Листка". Приводим его целиком:

„В воскресенье 19 марта, на Надеждинском прииске, в помещении Собрания служащих состоялось собрание бывших политических ссыльных.

Собрание, вследствии нежелания посторонней публики удалиться, было открытым.

Председателем собрания бюла единогласно выбрана Е. А. Малоземова (жена главноуправляющего промыслами). Присутствовало 146 человек. Обсуждался жгучий вопрос о необходимости планомерной организации, которая бы координировала действия разрозненных работников освободительного движения.

---

[1]) «Бод. Листок» № 61 от 18 марта 1917 г.

Собрание признало, как более соответствующей, организацию всех демократических слоев общества.

Было предложено организовать демократический союз для проведения в жизнь лозунгов, возвещенных Временным Правительством. За организацию союза голосовало 133 человека, воздержалось 13. Была принята резолюция: „Демократический союз об'единяет всех граждан гор. Бодайбо, приисков и заширотных районов, которые признают программу минимум социалистических организаций разнообразных оттенков, для проведения в жизнь единого лозунга настоящего момента.

Лозунг этот—Учредительное Собрание, созванное на основе четырехчленной избирательной формулы, для установления в России единственно здорового образа правления—Демократической Республики". Затем Собрание выслушало проэкт устава организации. Проэкт устава разбирали по пунктам, большинство которых было принято собранием. Несколько спорных пунктов было решено поручить Совету изменить их редакцию и представить к следующему собранию.

После обсуждения проекта устава, собрание выбрало свой руководящий орган—Совет, состоящий из 9-ти человек. Среди избранных оказалась и Малоземова.

В отчете о собрании характерна заключительная фраза:

„Приносим свою горячую благодарность Управлению Бодайбинской железной дороги за представление безплатного проезда на Надеждинский прииск.

Группа бывших политических ссыльных".

В этом отчете прежде всего надо отметить, что были сделаны попытки „постороннюю публику удалить, сделать собрание закрытым", само собой, что это должно было встретить отпор со стороны „меньших сих" и „собрание, вследствии нежелания посторонней публики удалиться, было открытым".

Характерно, так же, что председателем собрания была избрана жена Малоземова политического ссыльного „волею судьбы" превратившегося в воротилу Лензотовского капитала[1]).

Характерно, так же и то обстоятельство, что непосредственно под приводимым нами отчетом о собрании

[1]) Настоящие материалы печатались в периоде октябрь 23 г.—апрель 24 г. Ф. Г. и Я. Ш.

бывших политических ссыльных, читаем следующее об'явление:

„Группа мастеровых города Бодайбо просит всех плотников, столяров, слесарей, кузнецов, штукатуров, каменьщиков и пр. собраться 25 марта у Народного Дома в 12 часов дня, для обсуждения вопросов о заработной плате, рабочем дне и профессиональном союзе".

Невольно обращаешь внимание на то, что собрание созывается „у" Народного Дома, а „не" в Народном Доме? Очевидно, самый Народный Дом был недоступен для „такого" собрания.

Отзвуком постепенно нароставшего конфликта является письмо Иллариона Одишария:

„Я хочу поделиться с читателями гражданами и гражданками о своих впечатлениях с дальней тайги, откуда я только что приехал в качестве делегата в „Главный Центральный Комитет С. Р. Д.", которого увы, оказывается здесь не существует вопреки обязательности и необходимости его существования, как об'единяющего центра всех демократических организаций пролетариата в Витимском и Олекминском Горных Округах.

Мы расплачиваемся за чужие грехи, за грехи Акц. Общ. Лензото вместе с низвергнутым полицейским строем Николая 2-го. Ни для кого не тайна, что жизнь этого края во всех ее мелочах и проявлениях находилась в цепких руках Ленцев, и они душили все, что называется самостоятельностью и общественностью; вспомним предательский расстрел рабочих в 1912 году.

Рабочих держали в первобытном патриархальном состоянии дикости, запрещая и преследуя полицейскими мерами всякое об'единение и самоопределение их, как класса...

Служащих и администрацию предприятия держали не лучше рабочих, отделяя их от последних китайской стеной; отсюда чванство и высокомерное отношение их к рабочим, хотя большинство из них в умственном и нравственном отношениях не выше рабочих стояли, если не иметь в виду внешнего привилегированного положения их, чему только и воздавались почести.

Не мало живут здесь политических ссыльных, которые, будучи преследуемы былым полицейским режимом, избегали друг друга и пристроившись и приспособившись

к условиям местной жизни, постепенно омещанивались и обезличивались, как идейные борцы за светлое будущее человечества.

Неудивительно, люди, которые несли свою жизнь, знание и энергию на алтарь освобождения угнетенных тружеников, оказались несостоятельными, когда настало время их мечты реализовать в жизнь без особой жертвы и борьбы свои стремления и вожделения.

Товарищи. Я не упрек вам бросаю и не делаю себе исключение, я только констатирую факт, от которого мучительно и больно на душе. Сознание не хочет мириться с этим, что нас каторга и ссылка превратили в *живые трупы*.

Время не ждет, так мы можем очутиться на скамье подсудимых перед лицом истории и наших товарищей далекой России. Нигде больше так не требуется напряжения всей нашей энергии, как здесь, где сами рабочие не смогут ориентироваться во всем происходящем и стать на путь организованной классовой борьбы с капиталом. Для рабочих нить прошлого рабства оборвалась и это чувство готово вылиться в форму эксцессов. Необходима организация рабочих на чисто демократических началах по районам приисков и централизация этих районов для координации действия и об‘единения всех рабочих организаций. Для этого необходимо создать Центральный Комитет С. Р. Д., который с одной стороны—об‘единял бы всех местных С. Р. Д., а с другой стороны тесно был бы связан в своих действиях с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде. Мне скажут: „ведь у нас есть во всех местах эти Советы Рабочих Депутатов". Совершенно верно. Беда лишь в том, что члены этих Советов—люди совершенно (в большинстве) без всяких направлений и убеждений, в то время, когда доступ в Совет Рабочих Депутатов не могут иметь люди, не являющиеся истинными выразителями интересов рабочего класса. Туда могут войти социалисты и только социалисты с вполне определенными программами; в противном случае эта организация не будет иметь никакой почвы и доверия к рабочей среде, или умрет, и умрет внутренним разложением, что и замечается во второй дистанции.. Время не ждет. Ленцы не хотят отказаться от своей старой политики и

поговаривают о прекращении работ во многих „менее доходных“ приисках, а рабочие волнуются и сумбур носится в головах их. Ленцы забывают и не хотят знать, что в Петрограде во Временном Рев. Прав. под натиском народа либералы, скрежеща зубами, уступают и идут за трудовым людом, считаясь с положением вещей. Там движение и стремление тружеников и революционной армии находится в руках испытанных социалистов, а здесь... [illegible].

Принцип организации милиции, насколько я мог присмотреться—удовлетворителен, но общее состояние умственной отсталости и на этом отражается, ибо вчерашнего обывателя темного полицейского строя за короткое время трудно превратить в гражданина, не создав для этого известную атмосферу.

„Интеллигентность“—вещь условная и недостаточно грамотности для этого, ибо очень много рабочих, совершенно неграмотных, а между тем сознательных социалистов.

Относительно 1-й дистанции, центром которой являются Тихоно-Задонский и Ивановский прииски, я должен сказать, что там ликвидация старого режима попала в надежные руки социалистов, во главе которых стоит т. Лотов со своей супругой, (тоже ссыльная). Будучи социал демократами, оба супруги со дня вести переворота разом принялись за дело и при помощи других товарищей поставили на твердую ногу об‘единение рабочих, которые уже приступили к организации профессионального союза при помощи своих вождей. Беда лишь в том, что не благоприятствуют нам средства сообщения и трудно об‘единить все прииска, разбросанные там и сям в этом районе. Вопрос милиции немного осложняется, так как тракт, ведущий с Феодосиевского прииска на Светлый, являлся местом постоянных убийств и грабежа проезжающих и проходящих. Безусловно этому должен быть положен конец, а для этого необходимо увеличение количества милиционеров и организация их по известным пунктам. Организовать все это не так трудно, вопрос лежит в совершенно другой плоскости. Сперва мы набрали милиционеров 50 человек, но когда обнаружилось, что материально не в состоянии обезпечить их—пришлось сократить до 30-ти. Этого коли-

чества не достаточно, чтобы парализовать всякое проявление нападения и убийства. По моему мнению—материальную сторону дела должны взять на себя Ленцы и мелкие золотопромышленники этого района. Постановка и решения этого вопроса составляет одну из задач центрального местного демократического самоуправления при участии делегатов местных самоуправлений, в противном случае „охота на косачей“ (корейцев и китайцев, не исключая и русских, конечно) ляжет позорным пятном на демократию и всех граждан этого края Свободной России“[1]).

Вопрос об организации профсоюза был поставлен и на собрании служащих Л. З. Т. При чем против образования профессионального союза выступает Малоземова, но безуспешно. Руководство этим движением попадает в руки эсэровских кругов. Тут, кроме перечисленных выше лиц, сыграли активную роль также—П. Костко, К. Иваницкий, В. Сно, В. Попов, Першаков.

Впоследствии, часть из них ушла с политической арены, а часть проявила себя активно и в белогвардейском движении, (напр. Березин, Костко).

Приводим целиком описание собрания:

„В воскресенье, 12 марта, в 3 часа дня, в помещении Собрания Служащих состоялось собрание служащих Л. З. Т-ва.

Присутствовало 100 человек.

Предметом обсуждения был доклад Н. Н. Сергеева о своевременности образования профессиональных союзов.

Противником и ярым, таковогo образования явилась г-жа Малоземова (жена управляющего приисками). После долгого обмена мнений восторжествовало течение за необходимость организации общего профессионального союза служащих Л. З. Т ва.

По предложению С. Ф. Бородина Собрание выделило из своей среды комиссию из 15 человек для разработки устава этого союза и порядка организации его

В комиссию вошли избранными из 75 поданных записок по большинству голосов С. Ф. Бородин,

---

1) Это письмо лучше всего определяет сущность тогдашних демократических деятелей Бодайбинского района.

Л. В. Першаков, П. С. Костко, К. А. Иваницкий, В. Сно, В. А. Попов, А. М. Березин и др.[1]).

Конечно, вслед за этим должно было появиться „опровержение“, его мы и читаем в № 61 „Бодайбинского Листка“.

„М. Г. Не откажите дать место на столбцах Вашей газеты следующим строкам:

В № 59 “Бодайбинского Листка“ была помещена заметка с Надеждинского прииска, где говорится, что противником, и ярым, создания профессионального союза конторских служащих явилась г-жа Малоземова.

В интересах истины, мы, как участники собрания конторских служащих, на котором выступила г-жа Малоземова, смеем заявить, что заметка, выражаясь мягко, не соответствует истине.

Г-жа Малоземова, как представительница известного течения общественной мысли не выступала, да и не могла выступить, против организации профессионального союза.

Ею в начале заседания было буквально сказано следующее:

„..Товарищи, профессиональный союз от Вас не уйдет, его Вы можете организовать через месяц... Как культурные и наиболее интеллигентные люди тайги, помогите нам на первых порах упрочить дело свободы“...

Отсюда до „ярого“ отрицания дистанция огромного размера.

Служащие Конторы Лесной Заготовки

И. Куксин. Л. Бабкин“.

Но и заявление лиц, стремившихся „реабилитировать“ политическую деятельность „жены цезаря“ не исчерпало инцидента. Появляется письмо с.-р. Бородина:

„Гр. Редактор.

В помещенной Вами заметке с приисков о заседании собрания служащих Л. Т-ва 12 марта, где было сказано, что противницей профессионального союза и ярой г-жа Малоземова, это положение г. г. Куксин и Бабкин оспаривают и указывают „мягко выражаясь“, что оно не соответствует действительности. Позвольте же изложить дословный протокол данного заседания в части, касающейся речи г. Малоземовой.

---

[1]) «Бод. Листок» № 59 от 6 марта 1917 г.

... Будучи уполномочена Советом Рабочих Депутатов, она явилась, как представительница Комиссии Народного Образования и пропаганды идей политической революции. Она удивляется, как могут развитые и интеллигентные люди, каковыми являются присутствовавшие на собрании служащие Л. Т-ва, задаваться и обсуждать свои личные интересы, *в настоящий политический момент, который так быстро минет.* Необходимо всем интеллигентным людям взять на себя пропаганду среди невежественных масс—рабочих идей революции и об'яснение того, что даровано русскому народу с переменой правительства. Время же экономической революции придет в свое время и организовать сейчас какой то профессиональный союз не время. Она просит помочь ей в деле пропаганды и раз'яснения народу полученных им прав при перемене правительства и предлагает внести ее просьбу в программу дня для обсуждения".

Вот все то, что было сказано Малоземовой и зафиксировано протоколами заседания. Полагаю, что ирония Малоземовой, что не время организовать какой то профессиональный союз и навело на мысль об отрицательном отношении Малоземовой к профессиональному движению не одного автора, а большинство, за исключением ее защитников".

Возвращаясь снова к наиболее сильной по количеству группе, группе политических ссыльных, мы видим, что группа эта образовала „Демократический Союз". Заключаем мы это из того, что как в „группе бывших политических" так и в „Демократическом Союзе" фигурируют одни и те же лица. Для характеристики политической физиономии союза приводим заключительные строки одного его воззвания:

„До тех пор, пока Временное Правительство честно исполняет заветы демократии, самым страшным его и нашим врагом является расстройство народно-хозяйственной жизни под влиянием социальной распри, резкого обострения классового и группового эгоизма, результатом чего может явиться ослабление хозяйственной и военной мощи страны, а затем военное поражение и реакция.

Об'единяйтесь все, кому дорог новый демократический строй. Неустанной пропагандой и агитацией идей и

задач демократии, деятельной помощью местному населению в устройстве новых демократических учреждений, могущих упорядочить жизнь Бодайбинского края и организовать спокойную и производительную работу всех местных граждан на благо России для закрепления завоеваний Великой Революции.—Исполняйте каждый свой долг.

Об'единяйтесь все, искренно признающие демократический строй и желающие деятельно защищать его".

Читая это выутюженное воззвание, от которого так и благоухает интеллигентским болотом, мы констатируем боязнь „рeского обострения классового и группового эгоизма"...

Первой ласточкой, в смысле „группового эгоизма", нужно считать некоего товарища Лотова, о котором, как мы видели выше, упоминал в своем письме тов. Одишария.

Выступление на одном из митингов тов. Лотова настолько взбудоражило „демократическое" болото, что оно откликнулось на это целым возванием:

„Граждане! На митинге 4 апреля на кладбище у братской могилы один из ораторов, Лотов, выступал с предложением произвести немедленно аресты некоторых лиц, при чем ссылался, что предлагает это, как член Совета Рабочих Депутатов и как социал-демократ.

Предложение это он внес вопреки постановлениям Общего Собрания Демократического Союза 3 апреля и Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов, не призывать к активным действиям (эксцессам).

Считаем своим долгом отметить, что по нашему убеждению, социалисты (тем более члены общественных организаций) не могут выставлять на митингах в настоящий ответственный момент призывов, противоречащих постановлению существующих демократических организаций и должны понимать, что на митингах нельзя выносить предложения, призывающие к различным расправам.

По этому мы вынуждены считать, что Лотов нарушил дисциплину нашей организации, как член ее, и вообще не считался с постановлениями общественных организаций.

Совет Демократического Союза постановил исключить Лотова"[1]).

Но, вообще по мере проявления „группового эгоизма", все больше вырисовывается мертворожденность „Демократического Союза".

В № 122 „Бод. Листка" читаем следующее „убедительное" обращение:

„Убедительно прошу всех политических администрированных тов. пожаловать в субботу 10 мая в 7 часов вечера на общее собрание в зал Общественного Собрания.

Порядок дня: выборы новых членов комиссии и утверждение отчета. А. И. Шапиро".

Если же остановиться на об'явлении, помещенном в № 117, то мы видим, что „демократы" перебиваются, что называется, с хлеба на квас.

„Члены Демократического Союза приглашаются на общее собрание в воскресенье 4 июня в 3 часа дня на Феодосиевском прииске в помещении школы.

Порядок дня:

а) Доклад с мест.

б) Продолжение существования Союза. Совет".

Слабую деятельность этой группы можно об'яснить еще и тем обстоятельством, что большинство ее к июню месяцу, покинуло здешний суровый район.

Настроение рабочих, в связи с такой деятельностью политических групп, конечно, пало, да и сам Совет Рабочих Депутатов, по своему составу, не выражал настроения рабочих масс.

На настроения рабочих Исполнительный Комитет, Совет Рабочих Депутатов приискового района реагирует следующим обращением:

„Товарищи рабочие.

До сведения С. Р. Д. постоянно доходили и доходят слухи о том, что рабочие, с наступлением свободных дней, стали хуже относиться к своим обязанностям, недобросовестно относиться к работе-труду. Указывали, что рабочий, раньше работавший из под палки, теперь злоупотребляет свободой, отвертываясь от работы, где это представляется возможным.

---

[1]) «Бодайбинский Листок» № 74 от 8 апреля 1917 г.

С. Р. Д. не хотел верить этим слухам, С. Р. Д. не допускал мысли, чтобы рабочие не сознавали того, что именно с обновлением нашей родины и выступают во всей полноте обязанности гражданина: трудиться изо всех сил добыть как можно больше золота, чтобы поддержать в критический момент Временное Правительство, дать ему возможность поставить фронт во всей мощи, ибо от фронта зависит существование нового строя и нашей только что завоеванной свободы.

Увы. С. Р. Д. обманулся в своих надеждах. Вновь и вновь поступают известия, разбивающие все наши надежды. Среди вас, товарищи рабочие, находятся люди не сознающие ничего. Люди, для которых нет ничего святого. Для них пусть гибнет все—они знать не хотят.

Довольно ждать. Мы обращаемся к вам с призывом, к вам, кому дорога свобода, кому дорога родина, воздействовать на своих товарищей словом, а где и это не поможет, доводить о таких лицах до сведения ваших выборных лиц—Примирительных Камер или непосредственно С. Р. Д., который выработает меры воздействия.

Мы знаем, мы верим, что среди вас находится большинство таких, которые сознают важность переживаемого момента и придут нам на помощь побороть это преступное явление.

Да станет символом нашей веры призыв Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов „Солдаты в окопы! Рабочие к станкам!“

Исполнительный Комитет С.Р.Д. приискового района“.

Для характеристики же непосредственно—рабочего движения в это время мы можем привести лишь цитаты из книги протоколов заседаний, „конференций делегатов и Центрального Правления Профессионального Союза Рабочих Ленского и Витимского Горных Округов“. Книга не пронумерована и поэтому нам пришлось ввести свою нумерацию.

Книга начинается протоколом делегатского собрания от 9 мая 1917 г.

Председательствует Я. С. Щербинин. Само собой, что это собрание не обошлось без того, чтобы не пришли „почетные“ гости: меньшевик Амброзевич и

с.-р. Бородин, которым собрание дает совещательный голос.

14 мая на втором делегатском собрании был поставлен вопрос „об отношении союза к Советам Рабочих Депутатов“. Делегатское Собрание вынесло следующую резолюцию: „Конференция делегатов от отделов профессионального союза рабочих Ленского и Витимского Горных Округов считает Совет Рабочих Депутатов авангардом рабочих, защищающим политические права пролетариата, приветствует его и желает ему плодотворной работы“.

Конференция избрала своих депутатов в Совет т. т. Щербинина и Денисова[1]).

С 25 июля началась предвыборная компания по выборам в городское самоуправление.

Первым в печати выступил „социалистический блок“, в который входили следующие организации:

Комитет группы партии Социал-Революционеров, Комитет группы партии Социал-Демократов, Профессиональный Союз чернорабочих, Профессиональный Союз рабочих Лензолото, Профессиональный Союз служащих Лензолото, Профессиональный Союз торгово-промышленных заведений, Профессиональный Союз учащих, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Список № 3 кандидатов в гласные городской Думы от Торгово-Промышленного Союза, группы домовладельцев, еврейской, магометанской и инородческой общин города Бодайбо. Среди кандидатов, выставленных в списках, сыгравших более или менее видную роль, можно отметить по первому списку: Шабанова А. Л., Образцова Н. Г., Щербинина Я. С., Лазебник А. Б., Клаус В. В., Шапиро А. И., Тетерин М. И., Маслов А. Ф., Каминер и Дудоладов. По второму: Орельский В. И. По третьему: Бутылкин И. А., Торопчинов А. С. и Бобряков.

На выборах в Гласные Городской Думы прошли по списку № 1—13 человек, из них 1 большевик, 3 меньшевика, 3 эс-эра и 6 лиц без определенной партийной окраски, что, вместе с 2 лицами прошедшими по 2-му списку и 5 по 3 му, давало определенное большинство буржуазии.

---

[1]) Книга протоколов, листы 1-й, 2-й и 5-й

Материалов, к сожалению, об этом с'езде в нашем распоряжении не имеется. В номере 184 „Бодайбинского Листка“ помещена заметка за подписью „Ю. К.“ из которой видно, что на с'езде „стоял вопрос об Учредительном Собрании“[1]).

„После доклада Председателя принята С'ездом резолюция—присоединиться к Иркутскому избирательному округу и войти в соглашение с социалистическим блоком, (если таковой будет образован) выдвинув своим кандидатом тов. Тимофеева (с.-р.).

По вопросам об отношении к войне и Временному Правительству С'езд большинством голосов присоединился к резолюциям Центрального Исполнительного Комитета П. С. С и Р. Д. и Всероссийского С'езда Крестьянских Депутатов от 10 июня и 9 июля“.

Как видно по всем нашим материалам главными политическими заправилами в здешнем районе пока были эсэры.

Именно по их инициативе в июле месяце создается вольная боевая дружина, участие в которой принимают и меньшевики.

Из устава этой дружины видно, что лозунгом ее было „свобода и право“.

Посланный на регистрацию Иркутскому Губернскому Комиссару устав был возвращен со следующими замечаниями, при отношении Губернского Комиссара за № 66757 от 28 августа:

„Подвергнув в заседании Губернской по земским делам Комиссии разсмотрению представленный Вами устав вольной боевой дружины Бодайбинской народной милиции, сообщаю Вам, что я не встречаю препятствий к организации указанной дружины, но с тем, чтобы в § 3 устава вольной дружины выражение „в духе поддержания авторитета общественных организаций“ было редактировано в том смысле, что под общественными организациями разумеется также и будущее земское и городское самоуправление, в распоряжение которых в ближайшем будущем отойдет заведывание милицией.

Кроме того полагаю, что слова того же § 3 о поддержании выбранных руководителей, излишни, так

[1]) «Бодайбинский Листок» № 184 от 24 августа 1917 г.

как они покрываются предыдущим выражением „поддержание авторитета общественных организаций“. Наконец, является совершенно излишней в уставе оговорка (§ 9) о скрытом ношении оружия, так как это дело внутреннего распорядка, устанавливаемого начальником дружины. Губернский Комиссар Лавров“.

В дружине состояло 28 человек.

Из разрозненных документов почти не возможно установить, кто-же в конце концов был здесь „орган власти“.

Социалисты-Революционеры имея большинство в Советах пишут в апреле такое отношение Отделению Государственного Банка:

„В Бодайбинское Отделение Государственного Банка. Сообщаю для Вашего сведения, что Бодайбинский *Совет Рабочих и Солдатских Депутатов зарегистрирован в списке Союзов и Обществ*[1]).

Председателем названного Совета Рабачих и Солдатских Депутатов в настоящее время состоит Лазебник Абрам Борисович“[2]).

На 1 ноября 1917 года, (что видно по сведениям Окружного Начальника Витимского и Горного Округов и г. Бодайбо) установилась следующая административно-политическая ситуация, довольно своеобразная даже по тому времени.

Верховным органом в районе считался Об'единенный Комитет Общественных Организаций, существующий на основании положения, выработанного и утвержденного общим собранием—О. К. О. О.

В состав его входило 31 человек, от следующих организаций:

1) От Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, 2) Профессиональных Союзов а) от рабочих и служащих, б) торговцев, в) промышленников, г) *золотопромышленников*[3]) и д) Военной организации.

Исполнительный орган этой организации был „Совет Уполномоченных“ состоящий из следующих лиц:

1) Уполномоченный по милиции—Березин А. М., 2) Податной Инспектор—Николаев Н. С., 3) Председа-

---

1) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.
2) Цитируем по черновику Ф. Г. и Я. Ш.
3) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.

тель Продовольственного Комитета—Образцов Н. Г.
4) Представитель Союза Рабочих—Щербинин Я. С.
5) Уполномоченный по народному образованию (вакансия).

Перефирия этого органа следующая:

Исполнительные Комитеты Совета Рабочих Депутатов.

1) На Маче, 2) На Светлом прииске, 3) На Надеждинском прииске и 4) в городе Бодайбо.

Наружное благочиние, конечно, не исключает собою общего для всей России обстоятельства:

Революция 17 года не могла удовлетворить рабочего класса, нотки народившегося в Питере большевистского движения в апреле звучат и здесь и только с этой точки зрения нужно рассматривать об'явление Окружного Комиссара эс-эра Мартынова от 26 апреля 1917 года:

„За последнее время некоторыми лицами стали распространяться по городу Бодайбо и приисковому району некоторые ложные слухи, имеющие целью поколебать среди граждан доверие, как к Временному Правительству и его общей внутренней и внешней политике, так и к агентам и учреждениям, осуществляющим на местах полномочия Временного Правительства.

Предупреждаю всех граждан, что такие слухи, будучи в самом корне своем совершенно ложными, имеют целью, как посеять смуту и рознь среди местного населения, так и вызвать неуверенность в твердости и правильности выполнения Временным Правительством задач, поставленных ему, как волею всего народа, так и самим собою, являются чисто провокаторскими, дающими лишний козырь нашим врагам, в руки внешних—германцев и внутренних—всех реакционеров, бывших царских приспешников.

Призывая всех граждан к спокойному ожиданию вестей проверенных, рисующих положение дела в истинном свете, я прошу граждан не только самим не верить всяким темным и лживым слухам, но и препятствовать всеми силами распространению таковых зловредных слухов, немедленно сообщая мне и инспекторам милиции о всяких таких „осведомителях“.

Виновные же в измышлении и распространении всяких ложных слухов, равно, как и виновные в возбуждении к противодействию или к сопротивлению властям,

будут привлекаться мною к законной ответственности на основании ст. 932 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и подвергаться в установленном порядке наказанию, определяемом статьей 274 того-же Уложения.

Окружный Комиссар Витимского и Ленского Горных Округов Мартынов. 26 апреля 1917 года"[1]).

Вопрос о власти и „большевиках" впервые (по нашим материалам Ф. Г. и Я. Ш.) встает в конце ноября 17 года во всей своей конкретной величине.

На об'единенном заседании С. Р. С. Депутатов гор. Бодайбо, приискового Совдепа и представителей демократических организаций была заслушана телеграмма из Иркутска.

Подробный протокол этого совещания помещен в газете „Ленская Тайга" выходящей вместо „Бодайбинского Листка" в № 1 от 12 декабря 1917 года, который мы и будем цитировать.

„Председатель Амброзевич (меньшевик) оглашает телеграмму Гартенштейна: „Иркутский Совдеп солдатский рабочий большинстве своем состоящий большевиков эсэров максималистов принял резолюцию передаче всей власти Совдеп точка Образован военно-революционный Комитет об'явивший себя высшей властью городе опирающийся штыки гарнизона точка Городская дума другие организации протестуют положение неопределенное существует параллельно два органа власти или вернее фактически ни какой власти не существует Гартенштейн".

После прений, в которых среди воплей об измене родине—меньшевиков, Амброзевича и Меккеля, тонул революционный призыв большевика Мальцева, а отчасти и итернационалистски настроенных с.-р. Захарова и Одишария большинством 48 голосов против 7, поданных за компромиссные и 13 за большевистские резолюции, прошла резолюция Амброзевича:

„Обсудив переживаемый страной момент и принимая во внимание: 1) что наблюдаемое стремление к захвату и захват власти исключает возможность коалиции и неизбежно ставит вопрос о социалистическом министер-

[1]) Цитируем по черновику. Ф. Г. и Я. Ш.

стве, включая все социалистические партии, 2) что возможность созыва Учредительного Собрания отодвигается и сам созыв становится проблематичным (гадательным), 3) что, возглавляемое группой Ленина и Троцкого движение, грозит принять затяжной характер, а это в свою очередь в конец подорвет расшатанное хозяйство страны и откроет возможность либо полного развала армии, либо стихийной демобилизации, в виде безпорядочного устремления фронта внутрь страны, 4) что ведущиеся Советом Народных Комиссаров переговоры клонятся к сепаратному перемирию и сепаратному миру, грозящему стране изоляцией (выключением) из политической и промышленной жизни и разгромом не только западного фронта, но и противовоенного движения внутри Центральных держав, 5) что Совет Народных Комиссаров, опирающийся на вооруженные части, отражает не мнение страны, а лишь настроение масс, тем самым обрекает себя на гибель, тем более, что движение не пользуется поддержкой крестьянской и большей части рабочей массы, 6) что, наконец, захват власти накануне Учредительного Собрания, как опасный прецендент должен быть осужден сам по себе.

Принимая все это во внимание, учитывая с другой стороны, что вооруженное сопротивление власти Народных Комиссаров явилось бы ударом по стране и фронту, увеличив разруху, Об'единенное заседание постановляет: 1) напрячь все усилия, чтобы Советы Р. С. Д. стали действительно организующим и контролирующим началом в политической и общественной жизни края и стремиться к сохранению мирного течения жизни, 2) подчиняться и руководствоваться инструкциями и указаниями Временного Правительства до получения точных и определенных сведений, 3) предложить государственным учреждениям и лицам не исполнять инструкции Совета Народных Комиссаров, уступая лишь силе, 4) в случае применения силы уйти с занимаемых постов как общественным организациям, так и правительственным учреждениям и лицам, 5) условиться с местной организацией п.-т. служащих о доставлении всех агентских телеграмм политического и общественного характера С. Р. и С. Д., 6) в предупреждение большевистских поползновений установить контакт с союзом служащих государствен-

ного Банка, с целью наблюдения за административной деятельностью Банка, 7) усилить влияние на местный гарнизон и рабочие массы"[1]).

Хотя резолюция и говорила о вреде вооруженного сопротивления большевикам, но выступление, перед принятием резолюции члена военного комитета местной команды Жмудь с заявлением, что „гарнизон не допустит никаких безпорядков", а также травля большевиков, начатая „Ленской Тайгой", достаточно характеризуют положение:

„Ленская Тайга" в передовой, в № 2 пишет:

„Полагая, что члены Учредительного Собрания, избранные всем населением России, поведут страну и революцию к погибели, и лишь группа Ленина и Троцкого спасет то и другое, они решились обойтись без Учредительного Собрания. Аресты и обыски среди членов Учредительного Собрания не являются чем-либо неожиданным, это последовательное развитие общей линии большевиков (Ленинского толка) не считаться ни с кем и ни с чем, не смотреть, куда ведет их политика, действовать по пословице—„после нас хоть потоп"[2]).

После этого идет уж личная травля некоего Ситникова в статье „Поднявший меч,—от меча и погибнет":

„Были у нас в Герасимовы, Шухардины, и т. д. и т. д. Много слышали мы от них обещаний и несуразные крикливые фразы: мы, я, мы, все дадим вам... Да, действительно они дали, но только не нам, а себе...

В настоящее время, на сцену общественной политической жизни, опять выступил внезапный герой завоевательного большевизма К. А. Ситников. Первое при мне большевистское выступление Ситникова было в Народном Доме Надеждинского прииска Л. Т-ва во время чтения реферата гр. Меккелем... Ситников своими путаными и безграмотными фразами начал критиковать действия программы тех партий, которых он по всей вероятности не знает совсем, или же ради несправедливости, искажал их сознательно.

Я укажу вам, уважаемые граждане, ту бездну, в которую упал наш новоиспеченный большевик гр. Ситников. С первого взгляда, Ситников показывал из себя,

---

[1]) «Ленская Тайга» № 1, от 12 декабря 1917 г.

[2]) «Ленская Тайга» № 2, от 13 декабря 1917 г. Передовая статья.

т. е. хотел показать, человека интеллигентного и сознательного, но брошенный им комок грязи в С. Р. Д. приискового района, показали, что из хама не может быть пана. А именно, мог-ли порядочный человек, обращаясь к толпе, сказать такие слова: „Товарищи, вы думаете, что у вас в С. Р. Д. находятся социал демократы и социалисты-революционеры... Нет. У вас там сидят социал-хулиганы. А вы доверяете им...

Граждане, скажите честное слово откровенности. Есть ли грязнее этих слов что нибудь на свете... Не было и не будет... Кто выбирал в совет рабочих депутатов, всех этих хулиганов"... и т. д. чуть ли не в каждом номере „Ленской Тайги".

Несмотря на это, количество сторонников большевизма растет, растет даже за счет других „социалистических" групп.

На собрании группы эс-эров в количестве 12 человек „загорается горячий спор на почве определения правильности линии поведения к текущему моменту, причем тов. Шнейдер, Малиновский и Бородин отстаивают недопустимость занятой большевиками позиции—гибельности и авантюризма,—ведущей к общему краху страны, революции и закабалению только что освобожденного народа.

После дебатов был поставлен на голосование вопрос, кто голосует за формулу: „Вся власть—единственному хозяину земли русской Учредительному Собранию, а до созыва его, создания однородного—социалистического министерства. Война без аннексий и контрибуций, и общего соглашения со всеми союзниками о мире и широкая пропаганда идеи мира на основах демократических начал".

Кто за, тот остается в группе, кто против, тот не входит в последнюю. Не вошли Захаров, Трубин и Поручиков".

Нарастание большевизма в Бодайбинском районе отмечает „Ленская Тайга" в передовой статье от 30 го декабря 1917 года:

„Волна большевизма, наконец, докатилась и до нас. Все чаще и чаще приходится слышать, в особенности в тайге, голоса, недовольные местными учреждениями, обвиняющие их в бездеятельности. Исходя из

этого, люди с разными кличками левых эс-эров, интернационалистов (должно быть совестно называть себя просто большевиками) настаивают на передаче власти Советам".

На выборах в С. Р. Д. были выставлены два списка, первый—меньшевиков и эс-эров, второй—большевиков, левых эс-эров и с.-д. интернационалистов.

По поводу левого списка 24-х в № 6-м „Ленской Тайги" помещена заметка, обливающая грязью этот список.

В ответ на это в редакцию поступает письмо следующего содержания:

„Гражданин Редактор, надеюсь, что у Вас хватит гражданской порядочности напечатать это письмо.

В вашей газете за № 6, напечатана статья под заглавием „Скромники". В этой передовице допущено много умышленной лжи. В ней говорится, что большевики устроили „подлог". Выставляя список кандидатов в приисковой Совет Рабочих Депутатов, „спрятали свое лицо под маской интернационалистов", „прикрыли свою наготу фиговым листом интернационализма", „боясь прямо назваться большевиками и т. п.".

Нет. Это не верно и сознательно не верно. Не простительно партийным людям с убеждениями, хотя и противоположными, печатать заведомую грязь и ложь. Рукопись отдана в редакцию с полным названием заголовка: „Список № 1 блока (соглашения) соц. дем. большевиков, левых соц. революционеров и интернационалистов соц. дем. меньшевиков".

Кто же сделал подлог? Большевики или редакция? Читая эту статью, граждане читатели подумают, что и правда большевики мошенники, занимаются подлогом, как пишет редакция, а редакция сама же умышленно не печатает правильно заголовка списка, а потом поливает грязью и помоями большевиков. Такой способ травли большевиков, предоставляю судить самим читателям и определить, как этот способ называется.

Добавляю, что если редакция и дальше такими делами будет заниматься и такие семена сеять, хороший урожай будет и она внесет успокоение в местный таежный край...

Податель списка № 1 для напечатания в типографию Петр Спесивцев.

Ст. Кяхтинская.

P. S. Если не будет напечатано письмо, оставляю за собой право привлечь редакцию к ответственности за клевету через примирительную камеру и общественные организации. Петр Спесивцев"[1]).

Выборы назначенные на 17 декабря однако не состоялись. Масса рабочих не видела большой разницы между старой и новой властью и дружно бойкотировала выборы.

Как отнеслась к этому группа имеющая доминирующее политическое значение в районе мы видим из статьи „Вокруг нас" помещенной (видимо от редакции, в № 11 „Ленской Тайги", от 23 декабря):

„Не состоявшиеся выборы в Волостное Земство, не состоявшиеся выборы в С. Р. Д. как на приисках, так и в Бодайбо, это явление на которое должен обратить самое серьезное внимание всякий, кому не безразлично, куда направляется развитие Революции. Если за списки кандидатов в члены С. Р. Д. подано по нескольку голосов, (а местами совсем не подано), то тут уж не уместно будет говорить об равнодушии избирателей, о технической и идейной неподготовленности масс к выборам Это бойкот об'явленный рабочей массой всем организациям до С. Р. Д. включительно, бойкот очевидно кем то навеянный, был какой-то „духовный отец" бойкотистского течения.

„Не будем касаться земства, это организация новая и для широких масс могло быть непонятно ни существо ни задачи его. Но С. Р. Д. не новинка. С деятельностью этой организации не знаком лишь ленивый, не посещавший собраний, не читавший печатавшихся отчетов о деятельности Совета и однако урны при выборах в С. Р. Д. оказались также пусты, как и при выборах в земство.

Масса бойкотирует выбора в С. Р. Д, той организации, которой пророчат всю власть в крае, всю власть в стране, повидимому масса не хочет, чтобы власть находилась в С. Р. Д.

---

[1]) «Ленская Тайга» № 8, от 20 декабря 1917 г.

Какой же, чьей власти хочет масса? Комиссаров? *Недаром же митинг в Надеждинском Народном Доме 6 декабря вынес резолюцию не избирать в земство до приезда Комиссаров.* Все же приходится сказать, что принятая резолюция, это не более, как отрыжка полицейского режима, которым так пропитался русский народ, что и жить как будто без исправника (комиссара тоже) нельзя. Резолюция предложенная „большевиствующим" и принятая митингом, куда как не выражает настроения масс. Присматриваясь повнимательнее к настроениям широких масс должно сказать, что наша приисковая масса, вообще власти не хочет, а комиссаров ждет лишь потому, что это новинка, что еще неизвестно, что привезут с собой комиссары, надеемся, что они привезут все земные блага, а там погнали бы, если б он приехал, как сейчас гонит та же масса избранных представителей—членов различных организаций.

Да, широкая масса всегда придерживалась того мнения, что хороши лишь лица и организации говорящие „на", а так как сейчас не то, что нечего давать, а и сулить нечего, когда наоборот все эти организации и комитеты требуют жертв чуть ли не подвига, когда эти организации не давая в настоящем пророчат еще более мрачное будущее, когда наконец эти организации в довершение этого начинают бороться с хищническими наклонностями, так широко, так пышно развившимися, как же идти за такими организациями, зачем власть, раз эта власть требует жертвы, самоотречения и т. д.

Это настроение не есть продукт вчерашнего дня. Оно наростало постепенно и чем ярче была линия руководителей, стоящих во главе движения здесь, тем скорее наростало это настроение

Вскрыть причины, учесть и уяснить себе возможные последствия этого нового настроения и наметить меры к отведению его в должное русло—это настоятельная необходимость".

Эта статья бросает яркий луч света на некоторые, остающиеся, неосвещенными по недостатку материала, общественно-политические явления.

Статья констатирует что „это бойкот об'явленный рабочей массой всем организациям до С. Р. Д. включи-

тельно“, но чем это вызвано, автор боится признаться и думает, что „бойкот, очевидно, кем то навеянный“, что был какой то „духовный отец“ бойкотистского течения.

Замазывание фактов жизни присуще автору, как и всей „демократии“, жившей душа в душу сперва с буржуазией, а потом, как увидим ниже и с генералами—палачами рабочего класса.

Как на земство рабочий класс смотрел, как на либеральничающее ведомство, так тот же взгляд перенес он и на Совет Рабочих Депутатов, где засели те-же фигуры. Автор, цитируемой нами статьи, думает, что рабочий класс можно прельстить мишурой демократических фраз, на деле, защищая интересы буржуазии,— и естественно ошибается и клевещет на „массу“, что для ней „хороши лишь лица и организации, говорящие на“.

Из этой статьи мы можем сделать следующие выводы:

1) У власти сидит буржуазия со своими лакеями,—меньшевиками и эс-эрами;

2) Идея Советов, столь родная рабочему классу, загрязняется внутренним содержанием, которое вкладывают в нее эс-эры и меньшевики;

3) Февральская Революция ничего не дала рабочему классу здесь в районе такого. чтобы он действительно мог чувствовать себя хозяином;

4) Очевиден политический крах эс-эров и меньшевиков.

Немудрено в конце концов, что бодайбинский пролетариат питает недоверие к местному Совету Рабочих Депутатов. тем более, когда читаем, например, такие резолюции, помещенные в „Ленской Тайге“ № 13 от 29 декабря, т. е. почти через месяц после Октябрьского переворота:

Экстренное заседание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, г. Бодайбо. 24 декабря 1917 г.

Р Е З О Л Ю Ц И Я.

Заслушав на экстренном заседании 24 декабря циркулярное распоряжение Совета Народных Комиссаров от 22 декабря о передаче власти Советам, Бодайбинский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил, что он остается на той же позиции, на которую

стал С'езд Советов Бодайбинского района, в развитой в первой половине резолюции, принятой на этом с'езде, тем более, что последние события вполне доказали правильность этой позиции.

Совет призывает все революционно социалистические элементы здешнего края к более дружной и энергичной работе во всех учреждениях, где в настоящее время эти элементы господствуют и не вносить розни, могущей вызвать страшную катастрофу в нашем районе".

Как бы то ни было, естественный исторический ход революции продолжался несмотря ни на что, Октябрь для здешнего района был не за горами.

Это чувствовал и „Временный Исполнительный Комитет".

Так в передовой статье, в № 20 „Ленской Тайги" от 9 января читаем:

„Приисковые горе-большевики задались целью, во что бы то ни стало внести разложение и разруху и в нашу местную жизнь.

Получив, всякими правдами и неправдами, на выборах в приисковый Совет большинство они задумали сразу взять быка за рога.

Весьма характерна и показательна внесенная им „декларация". Удивительно как ловко и точно они переняли все приемы своих отцов: Ленина и Троцкого. Та же игра словами, та же неискренность, тот же призыв к погрому. Такова уж судьба.

У них не хватает смелости откровенно заявить, как это заявили петроградские „молодцы", что если Учредительное Собрание не признает власти комиссаров, то оно будет разогнано. В душе они согласны с этим, но открыто говорить об этом, как то неловко.

И вот, несмотря на прямой вопрос, заданный им Амброзевичем: „за кем они пойдут, если между Учредительным Собранием и комиссарами произойдет конфликт"— они так и увильнули от прямого ответа.

А разве не призыв к погрому последние слова „декларации". Если нам будут мешать, то мы пойдем в массы и скажем им: ваши и наши враги точат против вас оружие и подготовляют расстрел 4 апреля. Это говорится про меньшевиков и с.-рев. Да, чудовищную, ужасную провокацию наши горе-большевики готовят.

Что же теперь? Старый Совет перестал существовать уж почти три недели, новый же—в лице большевиков чего то выжидает. Они выжидают, покуда провокация, пущенная в массу, сделает свое дело.

А покамест все разрушается.

Общественные организации в ожидании захвата власти как то застыли; какой смысл что нибудь делать, если ничего не исполняется и все сделанное будет разрушено.

Все забыли об ужасах, надвигающихся на наш край. Разве наших горе-большевиков трогает, что местная золотопромышленность разрушается, разве их трогает, что уже январь месяц, а ничего еще не известно, будет ли обезпечен местный край продовольствием на будущий год? Разве их трогает, что местные организации остаются из средств, что жизнь профессиональных союзов замирает? Наоборот, это им желательно. Ведь выразился один из наиболее пустословных и туманных большевиков: „скоро все ваши союзы полетят у нас вверх тармашками".

Все это выеденного яйца не стоит по сравнению с их стремлением захватить власть. Ведь тогда рай земной настанет здесь: отовсюду начнут возить продовольствие для населения, материалы для золотопромышленности, производительность труда повысится и т. д.

Им говорили: ведь власть и так в наших руках, ведь никакой контр-революции тут нет (смешно даже говорить об этом). У них на это один ответ: „да как же по всей России так?"

Во-первых совсем не по всей Россий, а во-вторых, даже в тех немногих местах, где это произошло, разве это власть советов? Нет. Это власть штыков, вызывающая разрушение всей жизни, кровопролитие и немыслимый даже при самодержавии произвол. Неужели и наш край хотят ввергнуть в такой ужас?

Вместо того, чтобы работать, они парализовали работу других и сами ничего не делают. Впрочем, оговариваюсь—хорошего не делают, а плохое то готовят.

Им говорили: впредь до того, как Учредительное Собрание издаст свои законы, создадим высшую власть для нашего края из представителей Советов и демокра-

тических организаций, понятно с преобладанием представителей Советов. Так нет же, на это они не согласны.

Итак, господа, вам интересы местного края чужды, а вам, во что бы то ни стало, нужно сделать свое—стать властью.

Неужели рабочие не скажут им свое грозное: „остановитесь, прочь!“

Вот Разгадка нерешительности Бодайбинского Совета.

В рабочем районе, на приисках большинство и силу имели уже большевики. Сделать что нибудь более решительное, чем „протест“, вряд ли сумели бы чистенькие и прилизанные лакеи буржуазии.

На выборах же в Бодайбинский Совет рабочих депутатов, победу одержали блокировавшиеся эс-эры и меньшевики. Прошел огромным большинством их список. Из 1357 голосов они получили 1244, а за список № 2 было подано всего 84 записки. („Ленская Тайга № 7“).

Окрепший в рабочем районе большевизм, наконец решается дать решительный бой меньшевикам и эс-эрам и на об‘единенном заседании Советов бодайбинского и приискового 17 января 1918 года большевики одерживают победу, проведя в „Центральный Исполнительный Комитет“ об‘единяющий оба совета на 4 голоса больше меньшевиков.

Прошла также и резолюция, предложенная левой фракцией.

Дальше читаем в газетном отчете:

„В виду позднего времени и страстности прений, следующий в порядке дня вопрос о конструировании Ц. И. К-та, об‘единенным заседанием Советов, перенесен на другой день.

Заседание на 18 января открыто, после долгих фракционных совещаний, которые привели к соглашению с.р. минималистов и левой фракции Совета. Полное соглашение, относительно конструирования Ц. И. К-та, как высшего органа власти, достигнутое на фракционных заседаниях, путем согласительных комиссий, принято заседанием Советов почти без прений, в виду следующего заявления с.-д. меньшевиков.

По принципиальным соображениям мы с.-д. меньшевики в выборах в Ц. И. К-т не участвуем.

Подписались: Амброзевич Л. Ю., Меккель И. И., Учадзе, Ивин Н. Н., Маслов А. Ф., Атлас И. А.

В Ц. И. К-т избраны, намеченные на фракцонных совещаниях, следующие лица:

От фракции левых социалистов: Щербинин Я. С., Поручиков П. Я., Захаров И. А., Мальцев К. А., Левандовский Ф. М., Устюжанин А. П., Спесивцев П. И., Алымов Т. М., Бурштейн С. Л.

Кандидаты к ним: П. Г. Алексеев, П. П. Рыжев, А. Л. Шабанов, И. П. Юдин, С. Н. Лихоманов, Подобин, П. И. Аладьин.

От фракции с. р. минималистов: С. Ф. Бородин, Б. Г. Шнейдер, В. В. Клаус, И. М. Зверев, М. А. Галкин, М. С. Жмудь, С. Е. Хороших, А. И. Шапиро.

Кандидаты: П. М. Дудаладов, И. С. Митрофанов, С. С. Дьяконов, С. Гриншпан.

Выработка основных положений функций Ц. И. К., как высшего органа власти края, поручено самому Ц. И. К-ту.

Председатель Я. Щербинин. Секретарь Бурштейн.

Отказавшись из „принципиальных“ соображений участвовать в выборах, меньшевики дальше заявляют, что они „не будут“ входить в исполнительные органы, а будут, входя в Советы, заниматься „критикой“.

В дальнейшем большевики выбивают важное оружие из рук меньшевиков—прекращают их безраздельное руководство печатью,—сорганизовав редакционный коллектив из большевика, левого эс-эра и меньшевика, при чем установлены пока следующие основные положения:

1) Передовые статьи, по всем спорным вопросам, принадлежат исключительно левому социалистическому течению, как преобладающему в крае, в лице Ц. И. К-та с.р. и с.-д.

Примечание: Статьи, носящие общий политический характер, исключаются из предыдущего условия.

2) Статьи полемического характера правого социалистического течения помещаются вслед за передовицей с санкции всех членов редакционного коллектива.

3) Каждая передовая и другие статьи должны просматриваться всеми членами редакционного коллектива и только после этого поступают в печать,

4) Восстановление и оформление смысла телеграмм, так же принадлежит ведению всего коллектива.

5) Для обслуживания текущих дел назначается поочередное дежурство каждого из членов коллектива на недельный срок.

Рукописи поступают в набор через члена редакционного коллектива Митрофанова.

Редакционный коллектив: Амброзевич, Митрофанов, Мальцев".

С этого момента газета приобретает более или менее левый, но очень мало выдержанный тон.

В связи с недостатком людей, впоследствии в редакции оставался один левый эс-эр Митрофанов, поведший опять кампанию против советской власти,—это и повело к тому, что в заседании об'единенного с'езда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов приискового и бодайбинского районов принята следующая резолюция, помещенная в № 74 от 2 апреля нового стиля:

„Принимая во внимание, что редакция газеты „Ленская Тайга" в лице оставшегося одного гр. Митрофанова явно уклонилась за последнее время от выражения настроения большинства с'езда советов, а также и рабочего населения,—действия, принятые в этом отношении Центральным Исполнительным Комитетом, как в назначении ответственным редактором т. Устюжанина, так и в урегулировании издания газеты вообще, с'езд советов р. и с.-д. в заседании 29 марта сего года на прииске Надеждинском признает правильными".

Политическое сопротивление к этому времени Центральным Исполнительным Комитетом меньшевиков было сломлено, но оставалась еще мало затронутая область— милиция, организованная в самом начале эс-эро буржуазным Советом. Милиция представляла из себя, по местным условиям довольно значительную вооруженную силу в 120 человек и что самое главное чувствовала себя силой, иначе, чем бы можно было об'яснить выступление, например с таким письмом:

„Милостивый государь, г. Редактор.

В интересах общественных и лично наших просим не отказать поместить проект нашего соглашения для совместной работы с Центральным Исполнительным Комитетом Советов Р. и С. Д., чтобы тем самым устранить

все подпольные кривотолки и разговоры и *если наше предложение не будет принято Исполнительным Комитетом, то не наша в том вина; наше намерение: открыто, всенародно заявить при каких условиях мы находим возможным сотрудничество с Исполнительным Комитетом*, если оно не приемлемо, мы принять дело и нести за него все последствия—не можем.

Проект соглашения сотрудничества милиции с Центральным Исполнительным Комитетом Советов Р. и С. Д.

Во имя спасения завоеваний революции и в целях дальнейшего сохранения порядка и спокойствия края, нарушение которых неизбежно повлечет за собою остановку хозяйственно-экономической, финансовой, культурно-просветительной и административной жизни, что глубоко расходится с нашими интересами, как отдельных граждан, а также наносит непоправимый вред всему укладу общественно-политической жизни золотопромышленного района, что в свою очередь отразится на общем благосостоянии наций, как государства, мы нижеподписавшиеся, обсудив создавшееся в стране положение в связи с переходом власти в руки Советов Р. и С. Д., что здесь олицетворяется Центральным Исполнительным Комитетом Советов, пришли к заключению, что нам необходимо в виду вышеуказанных целей оставаться на местах при исполнении своих служебных обязанностей, вступив в сотрудничество с Центральным Исполнительным Комитетом, что нами будет признано приемлемым при непременном выполнении следующих условий:

1) Полнейшее невмешательство во внутреннюю и служебную сферу деятельности милиции как со стороны Исполнительного Комитета, так и со стороны Советов Р. и С. Д., Союзов, Организаций, Собраний, Митингов и т. п.

2) Представление Окружному Начальнику Милиции непосредственного права персональной смены, замены и нового назначения лиц по штатам милиции.

3) Все сношения по вопросам финансовой, административной и хозяйственной жизни милиции, а также по вопросам о желательности замены одних лиц другими в смысле развития и улучшения милиционного дела, или в смысле расследования злоупотреблений и незакономерных действий чинов милиции ведутся только от лица

Исполнительного Комитета исключительно с Окружным Начальником Милиции, который ведет непосредственно рассмотрение и расследование дела и, смотря по его характеру, решает его сам, или передает судебной инстанции для привлечения виновного к ответственности по суду.

4) *Персональный состав милиции в настоящем его виде не подлежит в данный момент никакому изменению* в связи с переходом власти. Центральному Исполнительному Комитету, *а в дальнейшем инициатива в данном вопросе сохраняется за Окружным Начальником Милиции.*

5) *Стоя по роду своей деятельности вне всякой партийности, Милиция, как орган Государственной власти, считает своим долгом стоять на защите свободы слова, собраний, союзов и печати.*

6) Неприемлемость вышеперечисленных условий оставляет за нами право коллективной отставки и ухода от дел милиции и в тоже время слагает с нас моральную ответственность за последствия. Следуют подписи.

На это Центральный Исполнительный Комитет ответил коротким ударом:

„Постановление Центрального Исполнительного Комитета С. Р. и С. Д. 14 февраля 1918 года.

Центральный Исполнительный Комитет, считая положение, занятое в отношении его администрацией Народной Милиции, опубликованием их коллективного заявления в газете „Ленская Тайга“ от 31 января за № 39 недопустимым, а потому—Начальник Округа милиции Березин. Помощник его Крюков, инспектор милиции 1-го района Чернышев, 2-го района Новиков, 3-го района Малиновский, 1-го Ленского Ляхович. Помощники их: Аксельрод, Артымович, Карцев, Архангельский, увольняются от службы.

Центральный Исполнительный Комитет С. Р. и С. Д.

А вслед за этим на заседании от 30 января сменил всю головку, назначив:

„Комиссаром Округа Милиции Я. С. Щербинина.

Инспектором Милиции 1-го района Зверева, Инспектором Милиции 2-го района Петренко, Инспектором Милиции 3-го района Шнейдер, Инспектором Милиции

1-го Л. О. Одишария. Помощниками Инспектора Милиции 1-го района Христенко, 3-го района Журавлева.

По отношению к продолжающему еще существовать земству, в том же заседании от 30-го января Центральный Исполнительный Комитет вынес следующую резолюцию.

В вопросе о выборах в Уездное Земство, Центральный Исполнительный Комитет почти единогласно принял следующую резолюцию: „Признание принципа „вся власть Советам", не исключает возможности существования организации местного самоуправления как то: земства и городской управы, которые при наличии советской власти, должны ведать только хозяйственными и экономическими сторонами жизни края, являясь органами подсобными к организациям Совета, ребохая в постоянном контакте с Центральным Исполнительным Комитетом и под его контролем. Поэтому считаем необходимым принять живейшее участие в выборах в уездное земство, выставляя своих кандидатов и агитируя за земство в духе этой резолюции.

Тов. Секретаря Бурштейн".

Как везде по России забитая и разгромленная буржуазия, а с ней и меньшевики и эс-эры повели контр-революционную агитацию, так не миновал этого и бодайбинский район.

По этому поводу Центральный Исполнительный Комитет выпустил следующее об'явление:

„В связи с полученной 20 (7) февраля 1918 года частной запиской о наступлении германцев и о том, что Народные Комиссары бежали,—в г. Бодайбо некоторой частью населения усиленно началась распространяться агитация против Центрального Исполнительного Комитета в целом и членов его в частности. Агитация эта явно ведет к тому, чтобы вызвать в малосознательной части населения враждебное отношение, и что в свою очередь послужит побудительной причиной к могущим возникнуть безпорядкам. Центральный Исполнительный Комитет, положив в основу своей, предстоящей работы сохранить в здешнем районе спокойное и нормальное течение жизни, находит такое явление со стороны лиц, желающих вызвать беспорядки в настоящий тяжелый момент, переживаемый нашей родиной, преступным и

обсудив создавшееся положение с местным гарнизоном, постановили: в случае, если со стороны враждебно-настроенной части населения, Центральному Исполнительному Комитету и его членам будет вызвано какое либо активное выступление, то местный гарнизон не допустит этого и все возникающие на этой почве эксцессы будет подавлять имеющимися у него средствами.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета
Поручиков.

Председатель Военного Комитета Сазонов.

Довольно странно определилась при этом позиция, занимаемая „военным комитетом“, что видно из следующего „опровержения“:

„До Военного Комитета Бодайбинского гарнизона доносятся слухи, что якобы в об‘явлении своем совместно с Ц И. К., отпечатанном в газете „Ленская Тайга“ в №№ 49 и 50, он всецело стоит за власть большевиков и не допустит замены их другою властью, почему военный комитет нашел нужным раз‘яснить гражданам, что военный гарнизон не принимает на себя какой либо борьбы за власть, а только строго стоит на страже спокойствия и порядка в крае. Об‘явление же, отпечатанное в вышеозначенных номерах „Ленской Тайги“, вызвано слухами, призывающими к избиению членов Центрального Исполнительного Комитета, что крайне недопустимо, ибо всякое посягательство на жизнь кого либо, не в духе свободного гражданина“.

При таком положении, ясна была насущная необходимость в создании красной гвардии, а потом и красной армии.

Вопрос об ее организации поднимался в декабре 17-го года. На заседании своем от 29 декабря приисковая группа эс-эров по этому вопросу вынесла следующее решение:

„Группа находит недопустимым организацию здесь какой бы то ни было гвардии, ибо посягательства на прерогативы революционных завоеваний здесь ни от кого не предвидится, а охранение безопасности граждан и их имущества достаточно обеспечено институтом милиции, стоящей на страже законности и порядка. Наличие же той или иной гвардии будет лишь нервировать население и создаст почву для осложнений, кото-

рые в конце концов выльются в нежелательные формы. Председатель Малиновский. Секретарь С. Бородин".

Потребовалось почти три месяца политической борьбы, чтобы Центральный Исполнительный Комитет Бодайбинского района мог приступить к этой работе.

В № 133 „Ленской Тайги" от 23 июня 1918 года, впервые для бодайбинского района и бодайбинской печати говорится о Российской Коммунистической Партии (большевиков), в обширной, об'ясняющей, что такое Коммунистическая Партия,—статье.

По нашим материалам мы можем установить лишь 14 имен товарищей, активных работников коммунистического движения в Бодрайоне: Щербинин Я. С., Меккель С., Ситников, Спесивцев Петр, Долгушев, Мальцев К., Бурштейн, Устюжанин, Стоянович, Беззаметнов, Прасолов, Летягин, Веселовский и Лотов.

Между тем наступал голод и белогвардейщина.

Как реагировал на это Центральный Исполнительный Комитет, видно из следующих об'явлений:

„ЭВАКУАЦИЯ.

В силу постановления С'езда Советов об эвакуации из Ленско Вотимского и Олекминского горных округов, лицам не занятым трудом, Центральный Исполнительный Комитет предлагает в 10 дневный срок со дня опубликования настоящего распоряжения, выехать из местного края нижепоименованным лицам: Абрамовичу, Прейсману, Дубникову, Май, Цейтлину, Шрагер, Аммосову, Мыльникову, Кореневу, Шпитальному, Бобрякову, Косыгину, Горченко, Рейнгольд, Толоконскому, Копылевичу, Нуржиц, Давидович, Регинер, Крутер и братья Кауфолы (продолжение будет). Ко всем не исполнившим распоряжение будут приняты самые строгие меры,—включительно до конфискации имущества и принудительной высылки. Председатель К. Мальцев. Секретарь Д. Кулаков".

„ГРАЖДАНЕ.

Чехословаки, явились орудием врагов Рабочего Правительства, открыли военные действия в центре Сибири. Разрушен транспорт. Тайга не получит даже одной трети необходимого продовольствия. Неизбежный голод со всеми его ужасами застигнет нас среди зимы. Во имя спасения нашей жизни и ваших детей—уезжайте из тайги! Поспешите!"

„Торговцы и лица, занимающиеся спекуляцией. Не надейтесь на ваши потайники,—они раскрываются и будут раскрываться. Вас также коснется голод. Недопустимо отнять кусок хлеба у работающего в недрах земли, чтобы вас кормить. Поспешите уехать. Не вызывайте насилия“.

„ДОМОВЛАДЕЛЬЦЫ!

Впереди неминуемый голод.

Из-за вашего имущества государство не обязано вас содержать. Не забудьте, что голод—это чудовищный паразит на сердце золотопромышленности. Вы первые должны временно уехать из тайги, не дожидаясь насилия. Ваше имущество будет под опекой“.

„ГРАЖДАНЕ и ЗАШИРОТНЫЕ!

Знайте—везде и всегда в критическую минуту жизни государства, создаются временные суровые законы. Впереди—голод. Необходимое питание получат лишь истинные трудящиеся на пользу государства. Уезжайте добровольно. Не ждите принуждения“.

„Товарищи безработные, больные и слабые здоровьем. Предупреждаем: зимою в ужасах голода уехать будет поздно. Тайга не родит хлеба. Уезжайте и приютитесь там, где добывается хлеб. Немедленно пользуйтесь пароходами“.

Голод наступал, белогвардейщина была тоже не за горами.

Бодайбинский золотопромышленный район во время колчаковщины.

В ночь с 15 на 16 августа 1918 года прибыл первый отряд Колчаковцев, под командой Ростомашвили.

В наших материалах нет указаний, как вела себя белогвардейщина в первые дни. Первым документом по хронологии является следующее об'явление, подписанное эс-эром Малиновским Г. О., занявшим пост Окружного Начальника Милиции.

„Согласно приказа Начальника гарнизона г. Бодайбо от 22 августа сего года за № 9, настоящим об'являю о немедленной явке в канцелярию Окружного Начальника Милиции:

1) Всем находящимся на свободе членам Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов последнего созыва, проходивших по списку № 1.

2) Всем находящимся на свободе членам С. Р. Д. приискового района и вошедших в состав Совета при последних выборах.

3) Всем служившим в рядах красной армии и красной гвардии, а также членам дружин, сформированных рабочими мастерских Бодайбинской ж. д. и механических мастерских Надеждинского и Александровского

приисков и рабочими Феодосиевского прииска, для получения документов и надлежащих распоряжений. Уклонившиеся от исполнения сего приказа будут заключены под стражу и высланы этапным порядком в распоряжение Иркутских властей.

Окружный Начальник Милиции Витимского и
Ленского горных округов Малиновский".

Некоторый свет на то, что происходило в момент „работы" Ростомошвилевского отряда, проливает телеграмма,—ответ „самого" Ростомошвили, на запрос колчаковского комиссара (уездного) эс-эра Березина:

„Спешу уведомить на Ваш запрос о судьбе документов Милиции и сумм что действительности возможно в ночь переворота были доставлены на „Альфреде" тчк Возможно во время опечатывания оставленных на произвол судьбы помещений были захвачены и документы Милиции но доставляя ко мне в штаб в сутолоке которая там происходила я все не относящиеся красным отсылал обратно дружинникам как незаконно взятое тчк По незнанию местности и учреждений и те вещи и документы могли попасть в другое место вот почему требуется опрос других учреждений точка Возможно что некоторые ценности и деньги попали в частные руки так как не имея людей ставить везде караулы мы были не в силах за малочисленностью отряда и потому мною было приказано опечатывать открытые помещения но впоследствии были самочинные вскрытия помещений я или для нового обыска и осмотра местными лицами или для продолжения занятий как это было сделано Малиновским который вскрыл опечатанное помещение не то продовольствия не то Цека для занятий за что он по незнакомству нашими его лично даже был арестован тчк Многое ценное было найдено в коридорах во дворе и даже в дровах и на улицах но без указания принадлежности данному лицу или учреждению почему попали в суммы безыменных которые зарегистрированные находятся у меня точка Таких ценностей у меня около трех тысяч рублей и около двух фунтов золота собранные дружинниками по пути преследования точка Лично я оставаясь все время на пароходе и руководя приемом пленных и вещей могу с уверенностью сказать что из

отряда вряд ли кто мог взять что либо точка Если и были упущения то только в виду страшной сутолоки спешности и заботы о главных учреждениях как банк почта казначейство которые и отняли почти что все силы отряда для караула тчк Многое приносилось и уносилось по заявлениям частных лиц помню говорили об опечатанных дружинниками в несгораемом шкафу крупной суммы чуть не восемдесят тысяч не там ли Вами разыскиваемое точка Определенно могу сказать одно суммы около девяти тысяч мне передано не было ни одним из дружинников кожанные сумки есть у нас но ни в одной не оказалось ценностей точка Если по проверке окажутся подходящими к документам суммы около трех тысяч и золото около двух фунтов то протелеграфируйте мне вышлю в виду безыменности их и возможности их причастности именно к разыскиваемым Вами суммам точка Револьверов отобранных у нас имеется и числится по книгам у офицеров отряда известите номера и если окажутся вышлем.

Начальник Штаба партизанского отряда эс-эров
Ростомашвили".

Арестованы по имеющимся у нас документам следующие лица: 1) Рогожин Всеволод, 2) Давидюк Мирон, 3) Рабошевский[1]), 4) Маковецкий[2]), 5) Стародубцев (рабочий)[3]), 6) Аладьин Петр Осипович, 7) Терехин Михаил Яковлевич[4]).

Арестов, конечно, было несомненно больше. Мы указываем только то, что сохранилось от документов в делах милиции, тогда как арестами главным образом руководила контр разведка.

Аресты происходили не только в Бодайбо, но и по всему району. В документах сохранился такой счет:

„С Ч Е Т

Инспектору Милиции 1-го района Ленского Горного Округа.

---

1) В отношении Инспектора Милиции значится: «как бывший член Рабочего Комитета. (№ 59 от 27 августа 1918 года).

2) За агитацию против Временного Правительства (№ 2729 4 сентября 1918 года).

3) «Агитация за Советскую Власть» (Распоряжение эс-эра Вайчулиса от 21 августа 1918 года).

4) Оба, как «Делегаты бывших Советских Властей».

От Начальника Конвоя, сопровождающих красных в гор. Бодайбо 4 сентября 1918 года.

На Аунаките[1]) заплачено за ночлег красных	15	руб.
У Третьякова за чай заплачено	18	„
Заплачено за молоко дружины	5	„
Итого	38	„

Начальник Конвоя по сопровождению красных Кладов".

В сентябре колчаковцами организована следственная Комиссия.

„Приказ Иркутск. Губ. Ком. Времен. Сиб. Правительства, сентября 7 дня 1918 года № 104.

Утверждается состав Бодайбинской Следственной Комиссии, с 24 августа сего года: Председатель полковник Потемкин, члены: мировой судья Кухаренко, полковник Блукис и капитан Кузнецов".

Характерны для того времени разного рода попытки более или менее вынужденной „реабилитации" себя в „преступной" близости к красным.

Так прибывшие колчаковские власти обратили внимание, что один из гласных Городской Управы состоял делегатом при Ц. И. К. Совета Рабочих Депутатов.

Отношением за № 4049 от 26 ноября Шабанов пишет от имени Городской Управы:

„На № 3501 от 25 ноября 1918 года Г. Окружному Комиссару Ленско-Витимского горных округов.

Городская Управа имеет честь донести, что Городская Управа состоит из Городского Головы (он же председатель)—Алексея Лукича Шабанова, безпартийного; помощника городского головы Владислава Ивановича Орельского, из торговопромышленного класса и члена Управы Петра Константиновича Шергина, из домовладельцев, а поэтому последние двое по имущественному положению есть цензовики. За все выборное время (1 год и 3 месяца) деятельность всех проходила в полном контакте при всех вопросах, всеми совместно регулировалась жизнь города и отстаивалось его положение и особенно при большевиках и удалось сохранить автономность и неприкосновенность Городской Управы и Думы. Разногласий между городской Думой и Управой так же не было. По единогласному избранию Городской

---

[1]) Приисв. Ф. Г. и Я. Ш.

Думы Шабанов состоял делегатом при Ц. И. К. всего 36 дней: с 1 января по 6 февраля старого стиля, а затем по личной просьбе его, Шабанова, был заменен председателем городской Думы Петром Михайловичем Дудоладовым.

Приложение: Личная пояснительная записка А. Л. Шабанова и подлинная телеграмма.

Городской Голова А. Шабанов".

„Имею честь пояснить, что ни один из членов Городской Управы в пользу ЦИК'а ничего не делал. Все пользовались и пользуются доверием по сие время. Кроме прямых служебных обязанностей по Городской Управе В. И. Орельский состоит председателем Торгово-Промышленного Союза, председателем жилищной примирительной камеры, членом правления Взаимного Кредита, членом Совета Золотопромышленников и в Правлении Закупа для города Бодайбо; Шергин всецело занят делами городского хозяйства и выполнением поручений Управы; Орельский еще состоит в Учетном Комитете в Отделе Государственного Банка. Лично я, Шабанов, кроме городского головы, — председателем Городской Управы, председателем Родительского Комитета женской гимназии, членом Взаимного Кредита, казначеем всех касс Городской Управы, казначеем Добровольно-Пожарного Общества, членом Правления по Закупу и членом Уездного Земского С'езда. До выборов в городские головы я, Шабанов, состоял в должности дежурного по станции Бодайбо (нач. станции) Бодайб. жел. дор. и к партиям политическим не принадлежал; по от'езде г. Рабчевского состоял казначеем местного Попечительства и по приглашению (без права голоса) состоял казначеем Бодайбинского Совета до дня последних перевыборов партией Коммунистов, после чего касса от меня была отобрана. Я, Шабанов, будучи беспартийным, при обсуждении некоторых вопросов, если требовалось предотвратить опасность,—вставал на левое крыло, дабы смягчить удары этого крыла (за бытность в ЦИК'е), т. к. там с моим мнением считались и тем мне удалось устранять нежелательности для края и города. Я при выборах в Городскую Думу дал слово пробыть срок выборов—и вот дослуживаю (срок

всему составу Городской Думы кончается 30 декабря сего года). Вот та истина, которая заставляла меня иногда ставать среди опасности, теперь этой опасности нет и я вне всяких партий. С огромными душевными переживаниями, лавируя между огней, спас положение. Думаю, заслуг моих отрицать не будут.

1918 года ноября 26 дня Городской Голова А. Шабанов.

В. И. Орельский—член строительного Комитета и член Попечительного Совета женской гимназии".

Другой пример—член следственной Комиссии Кухаренко отношением своим от 10 октября 1918 г. № 1367 пишет Березину: „В дополнение к переговорам моим по телефону, сообщаю, что из данных следственного дела о ликвидации большевистской авантюры, нет оснований причислять Савелия Колмогорова к защитникам „Советской" власти. Наоборот, имеются данные, указывающие, что Колмогоров, оказывал посильные услуги некоторым из „фронтовиков" укрывая их от мести и преследования со стороны захватчиков власти.

Мировой Судья Кухаренко.

Таковы „беспартийные"—спасители отечества. Не отстают и партийные. Так сохранились два документа траги-комического характера „Человеческие документы" из которых видно, как безпомощно барахтается человек, гордо именующий себя эс-эром минималистом. Приводим целиком:

„В Особую Следственную Комиссию Сибирского Временного Правительства в г. Бодайбо.

Гражданина Николая Георгиевича Димакова.

З А Я В Л Е Н И Е.

(Из приказа г. Начальника Гарнизона полковника Данишевского от 24 сего августа я, узнав, что лица попавшие, по последним довыборам, в приисковый С. Р. Д., подлежат эвакуации в 7 дневный срок.

Считая в отношении себя вышеозначенный приказ слишком строгим, нахожу нужным об'яснить следующее:

Выборов меня в Совет фактически не было и моя кандидатура была предложена сослуживцем Балзовским, не смотря на мой отказ работать на этом поприще, что могут подтвердить сослуживцы М. И. Соловьев, И. Т. Черных и другие.

Аналогичный случай приведу по поводу выборов от Главной Конторы в Рабочий Комитет. Была предложена моя кандидатура и не смотря на то, что после моего категорического отказа мою фамилию и зачеркнули, я только на другой день узнал, что после моего ухода решено было не принимать отказов.

Пришлось и здесь состоять, на бумаге больше, членом Рабочего Комитета, ибо активной деятельности я проявлял очень мало, особенно же пассивен был в Совете: был раза два на заседании не голосуя ни за какие. Своевременного письменного протеста не мог сделать во избежание ареста.

Считаю не лишним присовокупить, что сослан в Сибирь за принадлежность к партии социалистов-революционеров минималистов, каковым считаю себя до настоящего времени.

На основании вышеизложенного прошу Следственную Комиссию не применять ко мне принудительную эвакуацию и не считать меня приверженцем большевизма.

1918 года августа 25 дня. Н. Димаков".

„Многоуважаемый Александр Михайлович.

Вследствие остроты с квартирным вопросом у меня (продолжаю жить в одной комнате № 6) не хотелось бы продолжать службу у Лензото. Я устал просить квартиру. Просил у большевиков, мне отказывали, продолжаю просить теперь у Лензото, мне обещают, но с другой стороны я наблюдаю, что другим дают, а мне лишь обещают. Не говоря о задетом самолюбии, я положительно не могу жить в одной комнате с ребенком. А посему к Вам покорнейшая просьба: не можете ли Вы устроить меня на службе по вверенному Вам Округу или в Вашей канцелярии. У Лензото получаю 335 рублей в месяц. По казенному делопроизводству я, пожалуй, специалист, ибо служив ранее помощником Старшего Нотариуса, а затем будучи акцизным чиновником, был прикомандирован для занятий в канцелярию 3 округа в Москве (служил одновременно с Кухаренко).

Если можете что либо сделать для меня—будьте добры не откажите Александр Михайлович—буду очень благодарен.

Искренне расположенный Н. Димаков".

За одного, порвавшего как мы видели выше с правыми эс-эрами, работавшего вместе с большевиками ходатайствует и городской голова Шабанов:

„Иркутск Губкомиссару Яковлеву. Поручиков последствии стоял за сдачу власти. Момент переворота оказал содействие городу избегнуть эксцессов. Заслуживает снисхождения. Следственный материал не известен. Из опасности ухудшения здоровья ходатайствую содержать надзором вне тюрьмы.

Горголова Шабанов. 1918 года 14 октября“.

Не знаем был ли он освобожден. По имеющимся у нас сведениям, Поручиков в числе других 29-ти человек во время перевоза их за озеро Байкал, был так же как и вся партия зверски убит балдушкой[1]).

Некоторые из „неблагонадежных“ были принудительно эвакуированы.

В нашем распоряжении имеется целая тетрадь—список с таким оригинальным заголовком:

„Список лиц подлежащих эвакуации из горных округов, как вредный элемент и уничтожающий без всякой производительности продукты первой необходимости“.

В этом списке останавливают внимание следующие фамилии: 1) Давидов, 2) Некрасов, 3) Фереферов, 4) Бубнов, 5) Курлянинов, 6) Комельцов, 7) Кузьмин и 8) Подлесный. Против этих фамилий есть следующая отметка:

„Эти 8[2]) человек были ярые большевики и занимались сыском при советской власти. В настоящее время ведут себя очень подозрительно. Некоторые из них были в большевистских организациях. Эти сведения даны Председателем Городской Думы П. М. Дудоладовым“[3]).

Весь список подписан помощником инспектора г. Бодайбо Н. Карцевым.

Второй список эвакуируемых в 17 г. подписан Председателем Следственной Комиссии полковником Потемкиным.

---

[1]) Балда—молот фунтов 12—15 весом. Ф. Г. и Я. Ш.

[2]) Одна фамилия зачеркнута и против нее имеется рекомендация, что сведения о нем неверны.

[3]) Дудоладов эс-эр.

Затем идет список 129 красноармейцев, принимавших участие в боях против войск временного правительства, список 109 красноармейцев не принимавших участие в боях, список частных граждан в 200 человек и, наконец, отношение окружного начальника милиции от 20-го сентября 1918 года, за № 2993, следующего содержания:

„Г. Правительственному Комиссару Л. В. Г. О.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что нижеперечисленные лица по наблюдению милиции подлежат эвакуации из пределов Ленско-Витимского горных округов, как элемент большевиствующий, имеющий, каждый по своей индивидуальности,—влияние на массы. Эвакуации подлежат:

1) Раков (артельщик, артели грузчиков пароходства Л. З. Т.; 2) Гилев (грузчик); 3) Гу-Стокашин Павел (плотник Бодайбинской резиденции); 4) Потылицын Иннокентий (караульный Бод. резид.); 5) Пу-ляе-в Алексей (караульный магазина № 3 Л. З. Т.); 6) Можев (бывш. фельдшер Красного Креста); 7) Кузьмин (председатель Рабочего Союза); 8) Зверева (служащая типографии „Ленский Край“); Кульпин Василий (сторож Гимназии). Окружный Начальник Милиции (подпись неразборчива)“.

Эс-эры стали у власти. Прежде всего, конечно, взяты были все запасы золота, его по справке значилось 494 пуда 6 фунтов 14 золотников и 42 д. Золото впоследствии было увезено колчаковскими властями.

24 августа полковник Данишевский телеграфирует в Иркутск полковнику Усову: „Восстановлены все управления гражданского ведомства. Необходимо военное положение для пресечения активных выступлений. Придется отряд есаула Красильникова оставить на продолжительное время“.

Начальник Гарнизона Полковник Данишевский[1]).

Что касается судьбы главных руководителей, игравших наибольшую роль в местной большевистской организации: т. т. Щербинина и Мальцева, то они были арестованы и отправлены в Иркутск, что мы видим из следующей телеграммы:

---

[1]) Дело № 9. По гарнизону. Секретно 1918 г. лист 12.

„Бодайбо. Полковнику Данишевскому. Сообщите Жигалово посланы ли Мальцев, Щербинин, Таубе[1]).

Войсковой Старшина Красильников".

Однако ни эвакуация, ни аресты уже не могли остановить окончательно вставщих на путь классовой войны рабочих.

В ночь с 25 на 26 января группа рабочих с Бодайбинской железной дороги, численностью около 70 челов., сделала попытку восстановить Советскую Власть.

Вообще те к тому моменту уже чувствовалось приближение конца колчаковщины во всей Сибири. Слухи среди обывателей на этот счет в Бодайбо были, но отстоя за две тысячи верст от Иркутска трудно было что нибудь узнать наверное.

Так или иначе, группа наиболее передовых, отважных рабочих задумала и выполнила план восстания.

Для этого был выбран день, когда вся офицерская знать веселилась на „балу".

---

[1]) Таубе личность не выясненная. О нем имеются следующие документы: Телеграмма военмину в Омск: „2 сентября задержан Бодайбо генерал Таубе—большевик. До Вашего распоряжения содержится под стражей. При нем найдена расписка читинского нотариуса Роцевича-Станевича в приеме от Таубе на хранение, портфеля с какими то документами. Привожу об'яснение Таубе на имя военмина: „Я бывший Омский Начштаб работавший Советской Властью согласия военмина Маниковского. Марте командирован Иркутск организовать военное дело всесибирском масштабе. Апрель назначен Начславштаб Сибири. Июне убедившись Советская Власть приведет междуусобию подал отставку. Отправился к семье Омск северным путем—Витимом. Прибыв сегодня Бодайбо рассказал Начальнику гарнизона изложенное им арестован. Прошу разрешить проезд в Омск, заездом вам личного доклада положения дел. Генерал Таубе".

Сам Таубе телеграфирует вторично: „Омск. Военмину. Прошу освобождения тюрьмы ведь я не участвовал борьбе Правительством, еще июне отказавшись работать Совластью и добровольно явился На-ку гарнизона. Явлюсь куда прикажут. Генерал-лейтенант Таубе".

Вместе с телеграммой Таубе написал письмо Н-ку гарнизона: „1) Прошу приказать передать мне, отправлены ли 2 телеграммы, переданные мною Вам 2 сентября, 2) прошу распоряжения отправить телеграмму, если нельзя казенный то за мой счет, 3) во избежание недоразумений извещаю, что рассказывая 2 сентября о плавании моем по Витиму с лоцманом Поповым и партией инженера Утенко, я забыл прибавить, что не желая им называть себя я назвался Алексеем Александровичем Турасовым, предупредив Утенко, что настоящее свое имя скажу в Бодайбо.

Генерал-лейтенант в одиночке А. Таубе". Листы дела 14, 71 и 72.

Отсутствие какого-то ни было другого материала заставляет нас пользоваться исключительно материалами помещенными в колчаковской газете „Ленский Край“ делая лишь свои замечания и комментарии со слов свидетелей этого восстания.

В ночь с 25 на 26 января 1919 года группа рабочих руководимая т.т. Шаровым, Березнером и Сорокиным выхватила власть из рук белогвардейщины.

К моменту этого переворота в гор. Бодайбо находился штаб колчаковского гарнизона в количестве до 150 человек при нескольких пулеметах. На приисках за 60 верст от города стояла вторая рота состоящая из такого же количества вооруженных людей.

Число более или менее активно участвовавших в восстании (если считать по количеству привлеченных к суду) едва доходило до 70 человек.

Время было выбрано удачно. Офицера гарнизона веселились на балу в Общественном Собрании.

23 человека во главе с товарищем Березнером ночью ворвалась в помещение роты стоявшей в Бодайбо и захватила оружие. Часть солдат присоединилась к ним и немедленно начала ликвидацию белогвардейских патрулей циркулировавших по городу.

Затем восставшими был обстрелян из пулемета штаб гарнизона и офицерство не успевшее улетучиться в гольцы было арестовано.

Вслед за этим была разоружена милиция, захвачена почта, телеграф, тюрьма, государственный банк.

При этой операции убит при попытке скрыться один офицер и другой тяжело ранен и легко ранен делопроизводитель золотосплавной лаборатории.

На утро город Бодайбо проснулся при власти большевиков.

Но уже с этого момента начинается и трагедия восстания.

Хотя рота стоявшая в Бодайбо и присоединилась к восставшим, но за то масса рабочих железной дороги оставались пассивными. Даже лучшие из этих рабочих отнеслись как то „формально“ к совершившимся событиям.

Так один из товарищей разсказывает: „когда начался переворот, я был дежурным на станции. *Как*

только освободился от своих служебных обязанностей, немедленно побежал к штабу где и получил винтовку“...

26 января в 7 часов вечера состоялось экстренное собрание рабочих Бодайбинской железной дороги. Пришло на собрание 200 человек. На повестке дня стояли 2 вопроса: а) отношение к моменту и б) о выходе на работу 27 января.

По поводу этого собрания в „Ленском Крае“ от 30 января № 126, помещено следующее:

„В результате горячих споров о поддержки или не поддержки выступления, решили все таки действовать осторожно, положив в основу своей тактики выяснение положения данного момента в Иркутске и других городах Сибири. Было вынесено три резолюции, две из которых почти схожие между собою, рекомендовали оказать поддержку выступлению, но одновременно выяснить, что делается в Иркутске и если там, а так же и в других городах, власть находится по прежнему в руках Российского Правительства, то о выступлении в Бодайбо говорилось, как о гибельном и не разумном шаге, необдуманном поступке безответственных лиц“.

Из дальнейшего материала видно, что собрание выбрало четырех уполномоченных для переговоров по прямому проводу с Иркутском и постановило 27-го января выйти, как обычно на работу.

„Благодаря организованности рабочих (говорит газета) и умелому руководительству собранием порядок ни в чем не нарушался“.

Прежде, чем перейти к дальнейшему изложению хода событий нужно остановиться на тех материалах, которые показывают, как отнеслись эсэро-меньшевистские элементы к восстанию.

Та же газета пишет:

„...в квартире комиссара труда Гришко собрались случайно представители демократических организаций, которые решили собрать к 2 часам дня в Городской Управе заседание всех представителей общественных организаций, для выяснения создавшегося положения и установления истинного облика вновь родившейся „власти“, т. к. никто из присутствующих вполне достоверно не знал, на какой платформе стоят выступавшие, како-

вы их задачи и кто является ответственным руководителем. Было решено пригласить на это заседание представителей от нового военного штаба (предполагалось, что таковой организован) Путем личных переговоров через особых уполномоченных удалось столковаться на необходимости совместного обсуждения вопроса, следствием чего решено было в 2 часа дня созвать в Народном Доме уже не заседание, а митинг".

Более активно эти соглашательские группировки проявили себя уже на собрании в Народном Доме, о котором читаем в „Ленском Крае":

„К 2 часам дня в Народный Дом собрались все общественные и демократические группы. Зрительный зал и другие комнаты были переполнены народом. Присутствовало около 600 человек.

Среди публики подавляющее большинство были городские рабочие, затем часть ленинских рабочих и небольшая группа горожан. Председатель митинга не избирался и обязанности председателя, по просьбе некоторых лиц, пришлось взять председателю Городской Думы П. М. Дудоладову, который познакомил собравшихся со случившимся переворотом и просил собрание назвать лиц, которые бы могли более подробно осветить характер выступления, назвать руководителей и вывести население из неведения. Попутно дав характеристику гибельных последствий в случае неуместности и необдуманности выступления, гр. Дудоладов вторично обратился к собранию с просьбой назвать руководителей движения.

Но собрание молчало и никаких руководителей не показывалось. Наконец выступил один солдат, из числа явившихся на собрание делегатов от военной группы (в числе пяти человек), который заявил собранию буквально следующее: „сегодня ночью в казармы явился один из организаторов выступления Березнер с 23 неизвестными лицами (не солдатами) и заявил на всю казарму, что повсеместно, по всей Сибири, произошел переворот и власть перешла в руки Советов и предложил сдать оружие и идти за ним. Одновременно на улице послышалась пулеметная стрельба, часть солдат

заявила, что если действительно власть везде перешла в руки Советов, то они подчиняются и слагают оружие. Винтовки были все сложены в одну общую кучу на пол и затем стали быстро расходиться по рукам вновь прибывающих рабочих. Потом Березнер предложил пойти в казармы и помочь ему занять штаб. По словам этого делегата, солдаты совершенно не были подготовлены к выступлению и были застигнуты врасплох.

После делегата-солдата председатель митинга вновь просил главарей движения выступить перед собранием с освещением своей программы и видя, что никто не выступает, еще раз напомнил собранию о пагубности подобного выступления.

К сожалению в зале собрания появились пьяные элементы, которые хулиганскими и грубыми выходками и криками с мест вынудили Дудоладова отказаться от руководства собранием, а прибывший затем, один из „главковерхов“ Шаров, в резкой форме сразу заявил по адресу Дудоладова—„что это? Кого же выбрали председателем? Его и Шапиро давно уже следует арестовать!“ Затем настроение митинга пошло по совершенно иному руслу. Все зашумели, закричали, собрание приняло характер дикой толпы, чему не мало способствовало то, что среди публики появилось очень много пьяных.

Дудоладов и Шапиро, а также городской голова Шабанов видя, что на собрании уже не будет места разумному слову и что оборот дела принимает явно разбойнический характер, вышли с наибольшей частью сознательных граждан и представителями депинских рабочих из зала заседания и решили действовать путем морального воздействия на солдатскую массу, которая сохраняла, всетаки, и спокойствие, и кое какую дисциплину.

В это время, вместо Дудоладова председателем был избран рабочий депо Либензон, который едва успев сказать несколько резких правдивых слов по адресу хаотического собрания, был тотчас же остановлен криками „долой“ и сдал председательство появившемуся на собрании Сорокину. Сорокин заявил, что с тайгой у них ничего не налажено, но сейчас будет выбран Революционный Штаб, который пошлет туда отряд и заставит приисковые войска и рабочих признать власть. На ско-

рую руку был избран штаб из 13 членов и 13 кандидатов, которые должны к 5 часам вечера собраться в городское самоуправление, для выбора специальных комиссий.

Закончилось собрание сплошным гулом, дикими выкриками, так и не узнав все таки, кто является организатором переворота и кто является ответственным руководителем в настоящее время. У Народного Дома с утра уже развевался красный флаг. Толпа разошлась по улицам. Раздавались отдельные выкрики, призывавшие к грабежу и насилию над гражданами.

Песней не было. Солдаты 2 й роты, начинавшие сознавать свою оплошность в поддержке выступления преступной шайки, под влиянием разговоров с отдельными представителями общественных групп, вышедших ранее из зала на улицу, решили с'организоваться отдельно от частной группы и взять в свои руки охрану города, что ими и было приведено в исполнение".

Мы нарочно приводим эту заметку целиком, потому что для каждого прочитавшего ее станет совершенно очевидно: 1) меньшевики вместе с эс-эрами определенно срывают восстание и подготавливают его подавление; 2) то, что начал делать Либензон на собрании железнодорожников закончил представитель эс-эров, Дудоладов.

Переходя к дальнейшему изложению событий, обращаемся снова к цитируемому нами „Ленскому Краю".

Как мы указывали выше, на Андреевском прииске стояла рота под командой шт.-кап. Кожевникова.

В целях привлечения этой роты на сторону восставших были делегированы: Петрушев, Винников, и Ермошин.

Конечно, по скольку разговоры велись через офицера Кожевникова они и не могли, естественно, привести к каким нибудь реальным результатам.

Усиливало тяжелое положение восставших, если верить цитируемой нами белогвардейской заметки то обстоятельство, что после вышеописанного митинга начало теряться и руководство военной силой.

Подействовал и разговор по прямому проводу непосредственного руководителя восстания тов. Шарова (позднее зверски убитого колчаковцами) с управляющим губернией Яковлевым, находившемся в Иркутске, со-

держание которого разнеслось по городу и приискам, при чем стало известно, что в Иркутске власть находится в руках „Правительства“.

После этого в Бодайбо стало известно, что рота, стоявшая на Андреевском прииске, двигается на подавление восстания.

К этому времени среди солдат Бодайбинской роты появился офицер Захарий Жуков, который, вызвав солдат колебавшихся с самого начала, повел их к тюрьме для освобождения арестованного офицерства, не возбуждая ничьего подозрения. Казалось, что ведут арестованного...

По дороге к этому отряду присоединилось еще человек 35. Этому отряду почти беспрепятственно удалось освободить из тюрьмы всех арестованных белогвардейцев.

Однако, выходя из тюремной ограды, отряд был обстрелян из пулемета, установленного восставшими на полотне железной дороги, проходящей в 200—300 саженях от тюрьмы.

Пулемет скоро перестал действовать, а в это время в городе, в тылу восставших, быстро с'организовалась белогвардейщина и под натиском их восставшие покинули город.

В 5 часов вечера прибыла рота с Андреевского прииска, но все уже было кончено.

В 8 часов под председательством Дудоладова было созвано собрание, в котором было доложено о ликвидации восстания и зачитан следующий приказ Красильникова:

„ПРИКАЗ № 1.
Командующего Ленским фронтом Полковника Красильникова.

Командующий войсками округа назначил меня Командующим Ленским фронтом, а потому приказываю до моего прибытия принять командование фронтом подпоручику Беспалову, гражданским так и военным чинам оставаться на местах, подпоручику Беспалову немедленно назначить военно-полевой суд, который должен приступить к работе, согласно указа Верховного Правителя. Всех захваченных с оружием в руках немедленно расстреливать. По прибытии капитана Блукиса, подпо-

ручику Беспалову передать командование капитану Блукису. Немедленно об'явить населению, чтобы оно сегодня же донесло Верховному Правителю о своей покорности и выдало бы тотчас же всех зачинщиков. Для сведения сообщаю, что выпущенные раньше большевистские деятели г. Бодайбо в числе более тридцати—ночью арестованы и переданы в мое распоряжение, которые немедленно будут уничтожены, если вновь прольется хоть одна капля крови.

Немедленно Городскому Самоуправлению опубликовать настоящий разговор и довести до сведения бунтовщикам, чтобы они не довели до того, чтоб я снова прибыл в Бодайбо.

Ивану Бутылкину принять все меры по направлению органа жизни уезда. Милиции предписываю немедленно войти в распоряжение Начальника Гарнизона, который через каждые два часа доносит мне о ходе событий по нахождению меня Иркутск-Киренск и для сведения в копии Командующему войсками генералу Волкову. Мое солдатское слово таково: если не будет донесено о покорности населения Верховному Правителю, то по прибытии моем захваченные в уезде люди будут повешены. К 8 часам здешнего времени вызвать к прямому проводу инженеров: Савельева, Сакварелидзе и Мычелкина для доклада о положении дел на приисках Главноуправляющему и мне.

Об опубликовании настоящего приказа экстренно донести. Командующий Ленским фронтом
Полковник Красильников".

Гор. Иркутск, 27 января 1919 г.

Белогвардейщина устроила суд.

Судилось 66 человек, список их приводим целиком:

1) Сорокин* Михаил, 2) Березнер* Николай, 3) Русаков Алексей, 4) Залесенский* Цендер, 5) Варфоломеев* Владимир, 6) Чекмарев Василий, 7) Карчагин Трофим, 8) Болдин Алексей, 9) Мигалкин* Тимофей, 10) Зуев* Михаил, 11) Сидоров* Михаил, 12) Поздняков* Михаил, 13) Зверев* Александр, 14) Лексин* Федор, 15) Красиков* Федор, 16) Сахаровский Григорий, 17) Обухов Семен, 18) Потюков* Сергей, 19) Непомнящий Иван, 20) Гиндин Яков, 21) Красноштанов Степан, 22) Красноштанов* Никифор, 23) Линда* Георгий, 24) Линда* Николай,

25) Федоров Яков, 26) Христолюбов Федор, 27) Имангуллов Хибибулла, 28) Матвеев Петр, 29) Коровкин Яков, 30) Большедворский Ефим, 31) Нарым Нура, 32) Белоногов Николай, 33) Банщиков Евграф, 34) Иванов Лука, 35) Рукавишников Илья, 36) Аленкин Трифон, 37) Колубов Матвей, 38) Патрушев Василий, 39) Калинников Григорий, 40) Дербенков Алексей, 41) Белобородов Тимофей, 42) Носков Василий, 43) Кестель Петр, 44) Волков Василий, 45) Чащин Тарас, 46) Пупко Ицек, 47) Дербенев Антон, 48) Яцкин* Константин, 49) Зиневич Сигизмунд, 50) Пияшев Василий, 51) Непомнящий Матвей, 52) Марков Дмитрий, 53) Куликов* Степан, 54) Шпиньков Петр, 55) Потанович Василий, 56) Бормашенко Александр, 57) Шишкин Даниил, 58) Шипулин Николай, 59) Давидюк Максим, 60) Швецов Пахом, 61) Павлов Егор, 62) Залуцкий Наканор, 63) Черных Егор, 64) Швецов Михаил, 65) Черных Иван, 66) Куклин Михаил.

17 товарищей, фамилии которых отмечены * были расстреляны.

Остальные осуждены на более или менее длительные сроки.

С этого периода, т. е. с января 1919 года, совершенно не сохранилось никакого материала, кроме нескольких номеров „Известий Российского Телеграфного Агентства", издававшихся после газеты „Ленский Край".

Эти скудные материалы затрагивают уже самый конец колчаковщины и восстановление Советской Власти, на этот раз уже окончательное.

Осенью конец колчаковщины очевиден. Носятся слухи, что Иркутск в руках красных.

В приказе № 40 Бодайбинского Начальника гарнизона капитана Жиркова читаем:

„В связи с событиями на Илиме и в Усть-Куте по городу Бодайбо и на приисках распространяются самые нелепые слухи о том, что Киренск и Витим уже взяты, что Иркутск находится в руках красных, что пароход „Альфред" вышел из Витима с красными и следует в Бодайбо, что все пароходы реквизированы большевиками и т. п. Слухи эти сочувствующими большевизму лицами усиленно раздуваются и передаются дальше в чудовищной форме. Для меня эта работа понятна:—враги существующего порядка стараются навести на население

панику, выбить его из колеи спокойной жизни, создать замешательство в работе и пользуясь общим смятением, творить свою разрушительную работу.

В действительности на Лене произошло следующее: под давлением правительственных отрядов со стороны Тулунского тракта, красные вышли на Усть-Кут, где находился наш незначительный отряд, вынужденный превосходством сил противника отойти к отдыху. Из Бодайбо отправляется на усиление военный отряд.

Что касается слухов о готовящемся выступлении, то предупреждаю, что при первой попытке я буду осуществлять все меры и средства, предоставленные мне осадным положением.

Начальник Гарнизона г. Бодайбо капитан Жирков",

(„Известия" № 57 от 14 октября 1919 года).

18 декабря колчаковщина перестала существовать и в Бодайбинском районе.

В ночь на 19 декабря с'организовался „Комитет безопасности", выпустивший следующее воззвание:

„С'организовавшийся в ночь на 19 декабря с. г. в г. Бодайбо Временный Комитет Общественной Безопасности, состоявший из представителей общественных краевых организаций, доводит до сведения всех жителей г. Бодайбо, его уезда и Мачинской волости, что в разных местах Сибири, а может быть и всей Сибири, власть правительства адмирала Колчака пала и перешла в руки восставших. Последние несколько раз пытались связаться с общественными организациями края, но безуспешно, в виду противодействия бывшего начальника гарнизона капитана Жиркова.

В настоящее время капитан Жирков, командир казачьего отряда прап. Томских вместе с отрядом и начальник контр-разведки прап. Урович бежали, захватив часть военного снаряжения команды; ценности Государственного Казначейства и Банка остались невывезенными.

В виду указанных выше обстоятельств и неясности сведений о форме новой власти, которые до сего времени поступают из третьих рук, Комитет Общественной Безопасности, собравшись на заседание 19 декабря с. г. в помещении бывшего штаба гарнизона, в первую очередь постановил следующее:

1. а) избранного местной воинской командой за начальника, прапорщика Лыхина приветствовать и в этой обязанности временно утвердить, б) вр. исп. об. начальника местной воинской команды прап. Лыхину поручить принять необходимые меры к охране государственных и общественных учреждений и поддержанию должного порядка в городе и на приисках, в) довести до сведения воинской команды и ранее организованных дружин самоохраны о переходе их в полное подчинение, утвержденного Комитетом Безопасности, временно исполняющего обязанности начальника воинской команды прап. Лыхина.

2. Правительственные и общественные учреждения призываются не прерывать занятий в учреждениях, принять необходимые меры к правильному функционированию последних и о всех обстоятельствах затрудняющих их деятельность, доводить до сведения Комитета Безопасности.

3) Все граждане г. Бодайбо, его уезда и Мачинской волости должны в эту трудную переходную минуту, когда еще не выяснилось, носит-ли настоящее освободительное движение повсеместный характер, а так же и истинное лицо новой власти,—проявить наибольшее спокойствие и самообладание и оказывать всяческое содействие Комитету Безопасности к поддержанию порядка в крае.

Заседания Комитета Общественной Безопасности происходят в помещении бывшего штаба гарнизона в г. Бодайбо. О всех важных решениях Комитета население будет информировано незамедлительно.

К спокойствию. К порядку,—это первые необходимые условия всякой продуктивной общественной работы.

Члены Уездной Земской Управы: Иванов, Мартынов, Федоров, Бекшин, А. Зонов.

Представители Центрального Правления Союза Рабочих Л. и В. горных округов и жел.-дорожного отд.: И. Токарев, Плотников, Алфер, Г. Попеляев, М. Тетерин.

Представители профес. Союза Служащих Л. З. Т-ва: Дудоладов, А. Шапиро, Сивицкий.

Представители профес. Союза Торгово Промышлен. Служащих г. Бодайбо: Л. Гершкович, А. Сивогривов.

Представитель Почт.-Телеграфного Союза Е. Галкин.

Представитель Бодайбинского Кооператива А. Каминер.

Представитель Служащих Государств. Учреждений Управляющий Гос. Банком И. Ярыгин.

Представитель воинской команды Л Шишелов.

Временный Начальник Бодайбинской воинской команды прапорщик Лыхин".

Что из себя представляет большинство этого комитета.

Иванов-Мартынов, Плотников, Алфер, Дудоладов, Шапиро, Галкин, Каминер—эс-эры, Федоров, Векшин, Зонов, Ярыгин, Шишелов—домовладельцы, Попеляев, Сивогривов—беспартийные.

Комментировать это воззвание не приходится, оно говорит само за себя.

Движение снова попало в значительной своей части прямо в руки враждебных рабочему классу или промежуточных слоев.

И не даром после этого в „Известиях" от 26 декабря 1919 года читаем:

„Слушали: Резолюцию Митинга жел. дор. рабочих, состоявшегося под председательством Куклина.

Постановили: Считаться с резолюциями митингов, лишь организованных профессиональными союзами. Резолюции данного митинга не признавать ввиду организации его человеком, не состоявшим членом какого либо профессионального союза".

В понедельник 19 января 1920 года состоялось первое заседание Совета Рабочих Депутатов.

Состав его, поскольку удалось выяснить, состоял из: коммунистов—9 человек, эс-эров—5 человек, меньшевиков—2 человек, невыяснено—15 человек.

И уже только образование ревкома положило конец всей этой политической недоговоренности.

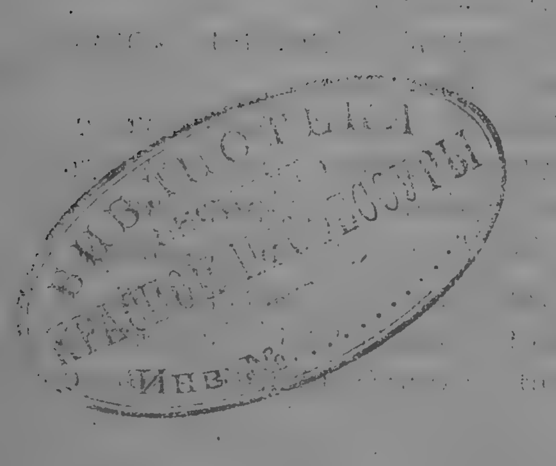
Заканчивая обзор имеющихся в нашем распоряжении материалов, мы еще раз оговариваемся, что отнюдь не претендовали на исследование рабочего движения в период февральской революции 1917 года и колчаковщины, а просто на просто давали свод сырого материала, в местных условиях представляющий известный интерес. В бодайбинском районе—в этой политической капле

воды, при том капли, отделенной от всего остального политического моря, революция отразилась, естественно, с громадным запозданием, значительной замедленностью, но повторяя в миниатюрном масштабе все исторически неизбежные периоды революционного развития.

И несмотря на то, что в громадной своей части, материал, которым мы пользовались, был газетным, т. е. отражавшем, да еще слабо, настроения „идеологических верхушек“ и действия оффициальных властей—полная оторванность соглашательской братии от рабочей массы, полная ребяческая беспомощность этих Керенских и Черновых бодайбинского масштаба, в лучшем для себя случае, опирающихся на белогвардейские штыки—выступают с полной очевидностью.

И еще в большей мере важно и значительно для нас то, что рабочий в 1912 году, с верой в справедливость „высшего правительства“, подставивший грудь под царские пули, на 7 лет позже, без всякой посторонней помощи, по собственной инициативе, активно, с оружием в руках выступает против помещичьей и буржуазной контр-революции, против колчаковщины.

Конец.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

К читателям . . . . I. стр.
Предисловие . . . . II. "

Рабочее движение в приисковом районе в конце XIX и в начале XX века.

Рабочее движение в Ленском и Витимском Горных Округах в 70—90 годах . . . . 1 "
Рабочее движение в 1901 и 1904 годах . . . . 45 "
Общая характеристика рабочего движения предшествующего событиям 12 года . . . . . . 79 "

Ленское «9 января»—4 апреля 1912 года.

Организационный период забастовки . . . . . . 93 "
Период колебаний и уговариваний . . . . . . 137 "
Развязка . . . . 170 "
Приложения №№ 1—62 . . . . 1—156 "

Бодайбинский район в годы революции.

После забастовки и до революции . . . . . . 157 "
Бодайбинский район в период от февральской революции до колчаковщины . . . . 160 "
Бодайбинский золотопромышленный район во время колчаковщины . . . . 201 "

Просьба исправить

нижеследующие замеченные и искажающие смысл опечатки:

страница	строка	напечатано	следует читать
26	снизу 15	...всего я по	...всего не могу я по
34	снизу 20	30	300
38	сверху 19	10%	1%
38	снизу 8	1878	1888
54	сверху 9	моролюбивого	миролюбивого
79	снизу 5	Лензолото	Ленвото
109	пропущено примечание:		[1]) Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.
116	лишнее примечание:		Курсив наш Ф. Г. и Я. Ш.
132	сверху 15	чиенского	ленского

Приложения.

страница	строка	напечатано	следует читать
25	снизу 15	1922	1912
28	снизу 4	сидами	силами
31	сверху 2	1622	1922
41	снизу 13	р	в
42	снизу 1	Терещенков	Трещенков
46	сверху 15	Лонского	Ленского
46	сверху 28	неврваль	февраль

ДБ
400
Г82

Григорьев и др.
Ленское „9 января" - 4 апреля 1912 года
49158

Кн. ист.

...гир-
...400
...82
...ря"-
...да.

Цена 5 руб.